

Родная ДАДОГА

№ 3 (57)' 2021

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — член Союза художников России.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.цц

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Владимир Путин Президент России. «Слава народу-победителю!»	5
---	---

НАСЛЕДИЕ

Юрий Шестаков. Нетленная опора. Поэма. К 800-летию Святого благоверного Великого князя Александра Невского	25
Михаил Зарубин. «Где сокровище ваше...». Рассказ из цикла «Семейные хроники»	153

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «Пусть вымоют одежды свои» (Исх. 19:10). Взаимосвязь религиозного сознания и экологической ответственности человека	32
Александр Казин. Западно-восточные сады и русская идея	52
Александр Кугай. Практическая метафизика	122
Владимир Крупин. «Образ жизни и спасение души». 200 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского	201

Точка зрения

Александр Щипков. Сакральная география	56
--	----

Русский космос

Владимир Катасонов. Православное исцеление ума и русская философия	62
--	----

Поэзия

Николай Рачков. К 80-летию со дня рождения	77
Борис Бурмистров. К 75-летию со дня рождения	82
Анатолий Аврутин	162
Борис Орлов	166
Ирэна Сергеева. К 85-летию со дня рождения	235
Надежда Мирошниченко	238
Роман Круглов	242

Связь времён

Сергей Перевезенцев. «Богом утвержденный Государю...»: Образ русского Государя в сочинениях конца XV — начала XVII веков	85
--	----

ИСКУССТВО

Николай Бурляев. Послужить Господу и Отечеству. <i>Монолог о судьбе и служении</i>	127
Александр Каплин. «За отчий дом, за русский край...». <i>Заметки о появлении сценария к кинофильму «Александр Невский» в контексте событий 1930-х гг.</i>	133

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Кончанское сидение великого полководца.....	148
--	-----

Пути познания

Александр Ужанков. Восприятие творчества и писательского труда в Древней Руси. <i>Сознание и самосознание древнерусского книжника</i>	169
--	-----

Вопросы творчества

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ (Капáлин). О русской литературе	196
---	-----

Критика, литературоведение

Татьяна Колач. Русское слово — крепь России. <i>К 75-летию со дня рождения Бориса Бурмистрова</i>	206
Валентина Ефимовская. Повесть — быть, да в ней намек... <i>О повести Игоря Изборцева (Смолькина) «Чудеса болотные»</i>	220

ПРОЗА

Игорь Изборцев. Вселенская душа. <i>Рассказы. К 60-летию со дня рождения</i> ...	226
Виктор Потанин. Мимо белых-белых берегов. <i>Из новой повести «На семи холмах»</i>	244
Александр Орлов. Кравотынский плес	251

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТабlighиДжамаат»; Украинская повстанческая армия (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:
https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret
<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>
<http://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

История и современность

Владимир ПУТИН
Президент России

**«СЛАВА
НАРОДУ-
ПОБЕДИТЕЛЮ!»**

Редакция журнала «Родная Ладога» благодарит за содействие ПРЕСС-СЛУЖБУ Президента РФ.

Выступление Президента России на военном параде 9 мая 2021 года

Уважаемые граждане России!
Дорогие ветераны!

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Поздравляю вас с Днем Победы! Победы колоссального, исторического значения для судеб всего мира. С праздником, который был, есть и будет для России, для нашего народа священным.

Он наш по праву родства с теми, кто разгромил, сломил, сокрушил нацизм. Наш по праву наследников поколения победителей, поколения, которое мы чтим и которым гордимся.

Дорогие наши ветераны! Мы преклоняемся перед вашим мужеством и силой духа, благодарим за бессмертный пример сплоченности и любви к Родине.

Вы доказали, что только вместе можно достичь, казалось бы, невозможного. Одолели беспощадного врага, защитили свой дом, детей,

Выступление Президента России на военном параде 9 мая 2021 года.

Быть открытыми, несмотря на прошлое. *(Статья Президента России опубликована в немецкой еженедельной газете «Die Zeit» и приурочена к 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны.)*

Об историческом единстве русских и украинцев.

Речь у Могилы Неизвестного Солдата в 80-ю годовщину начала Великой Отечественной войны.

Выступление на Главном военном параде в Санкт-Петербурге 25 июля 2021 года.

Материалы взяты с сайта kremlin.ru

родную страну. Одержали над нацизмом безоговорочную Победу и прославили в веках 9 мая 1945 года.

Мы всегда будем помнить, что этот величественный подвиг совершил именно советский народ. В самое трудное время войны, в решающих сражениях, определивших исход борьбы с фашизмом, наш народ был один, один на многотрудном, героическом и жертвенном пути к Победе. Бился насмерть на всех рубежах, в жесточайших боях на земле, на море и в небе.

Люди всех национальностей, вероисповеданий сражались за каждую пядь родной земли: за подмосковные поля, карельские скалы и перевалы Кавказа, леса Вязьмы и Новгорода, за берега Балтики и Днепра, волжские и донские степи.

Доблесть советских воинов, нестигаемость мирных жителей увековечены в высоком звании городов-героев: Москвы и Ленинграда, Минска и Киева, Сталинграда и Севастополя, Мурманска и Одессы, Керчи и Тулы, Новороссийска и Смоленска.

Нерасторжимость фронта и тыла обеспечивали все необходимое для фронта и для Победы, делали все на заводах Поволжья и Урала, Сибири и Дальнего Востока, в городах Казахстана и республиках Средней Азии. Мы помним и тех, кто давал кров, поддерживал тех, кто оказался в эвакуации, был вынужден покинуть свой родной дом.

Сегодня мы отдаем дань памяти и благодарности всему поколению великих героев и тружеников, вспоминаем фронтовиков, храбрых партизан и подпольщиков.

Непреодолимой болью отзываются в нас муки жителей блокадного Ленинграда и узников концлагерей, неисчислимые трагедии людей на оккупированных территориях.

Мы склоняем головы перед светлой памятью всех, чью жизнь отняла война: перед памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, однополчан, родных, друзей. Скорбим о ветеранах, которые ушли от нас.

Дорогие друзья!

В этом году исполняется 80 лет с начала Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 года — одна из самых трагических дат в нашей истории. Враг напал на нашу страну, пришел на нашу землю, чтобы убивать, сеять смерть и боль, ужас и несметные страдания.

Он хотел не только свергнуть политический строй, советскую систему, а уничтожить нас как государство, как нацию, стереть с лица земли наши народы.

Ответом на вторжение нацистских полчищ стало общее грозное, неодолимое чувство решимости отразить нашествие. Сделать все, чтобы враг был повержен, чтобы преступники, убийцы понесли неотвратимое и справедливое наказание.

Советский народ исполнил эту священную клятву, отстоял Родину и освободил страны Европы от «коричневой чумы». Вынес нацизму исторический приговор и мощью оружия на полях сражений, и силой своей нравственной, человеческой правоты, жертвенным мужеством солдатских матерей, верностью тех, кто каждый день ждал от родных весточки с фронта. Той силой добра и любви к ближнему, которая испокон веков в нашем национальном характере.

Его великим воплощением стал подвиг врачей и медсестер, которые спасали раненых, боролись за каждую жизнь и на передовой, в самом пекле, и в госпиталях на фронте и в тылу.

Но тогда, в 1941-м, впереди было еще четыре года самой кровопролитной войны. Она была по будущему, по молодым, совсем юным поколениям, а значит, и по тем, кому так и не суждено было родиться.

Война принесла столько невыносимых испытаний, горя и слез, что забыть это невозможно. И нет прощения и оправдания тем, кто вновь замыслил агрессивные планы.

Почти век отделяет нас от событий, когда в центре Европы наглед и набирал хищную силу чудовищный нацистский зверь. Все циничнее звучали лозунги расового и национального превосходства, антисемитизма и русофобии. С легкостью перечеркивались соглашения, призванные остановить сползание к мировой войне.

История требует делать выводы и извлекать уроки. Но, к сожалению, многое из идеологии нацистов, тех, кто был одержим бредовой теорией о своей исключительности, вновь пытаются поставить на вооружение. И не только разного рода радикалы и группировки международных террористов. Сегодня мы видим сборища недобитых карателей и их последователей, попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников, на руках которых кровь сотен тысяч мирных людей.

Наш народ слишком хорошо знает, к чему все это ведет. В каждой семье свято хранится память о тех, кто отвоевал Победу. И мы всегда будем гордиться их подвигом.

Россия последовательно отстаивает международное право, при этом будем твердо защищать наши национальные интересы, обеспечивать безопасность нашего народа. Надежные гарантии тому — доблестные Вооруженные Силы России, наследники солдат Победы. И конечно, наша совместная работа ради развития страны, ради благополучия российских семей.

Наши ветераны, их судьбы, их преданность Родине — это пример для нас. Вершина, к которой мы должны стремиться и утверждать значимость, ценность грандиозной Победы в наших помыслах и поступках, в наших делах и будущих свершениях во имя Отечества.

Слава народу-победителю!

С праздником вас! С днем Великой Победы!

Ура!

Быть открытыми, несмотря на прошлое

*Статья Президента России опубликована
в немецкой еженедельной газете «Die Zeit» и приурочена
к 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны*

22 июня 1941 года, ровно 80 лет назад, нацисты, покорив практически всю Европу, напали на СССР. Для советского народа началась Великая Отечественная война — самая кровопролитная в истории нашей страны. Погибли десятки миллионов людей, гигантский урон был нанесен экономическому потенциалу и культурному достоянию.

Мы гордимся мужеством и стойкостью героев Красной Армии и труженников тыла, которые не только отстояли независимость и достоинство Родины, но и спасли от порабощения Европу и мир. И кто бы ни пытался сейчас переписать страницы прошлого — правда в том, что советский солдат пришел на землю Германии не мстить немцам, а с благородной, великой миссией освободителя. Для нас свята память героев, боровшихся с нацизмом. Мы с благодарностью вспоминаем союзников по антигитлеровской коалиции, участников Сопротивления, немецких антифашистов, приближавших общую Победу.

Пережив ужасы мировой войны, народы Европы все же смогли преодолеть отчуждение и восстановить взаимное доверие и уважение, взяли курс на интеграцию, чтобы подвести окончательную черту под европейскими трагедиями первой половины прошлого века. И хочу особо подчеркнуть, что для становления такой Европы колоссальную роль сыграло историческое примирение нашего народа и немцев, живших как на востоке, так и на западе современной объединенной Германии.

Напомню и о том, что именно немецкие предприниматели стали в послевоенные годы пионерами кооперации с нашей страной. В 1970 году между СССР и ФРГ была заключена «сделка века» — о долгосрочных поставках природного газа в Европу, заложившая фундамент конструктивной взаимозависимости, ставшая началом многих последующих грандиозных проектов, в том числе строительства газопровода «Северный поток».

Мы надеялись, что окончание холодной войны будет общей победой для Европы. Казалось, еще немного — и станет реальностью мечта Шарля де Голля о едином континенте, даже не географическом «от Атлантики до Урала», а культурном, цивилизационном — от Лиссабона до Владивостока.

Именно в этой логике — в логике построения Большой Европы, объединенной общими ценностями и интересами, — Россия стремилась развивать свои отношения с европейцами. И нами, и Евросоюзом было сделано многое на этом пути.

Но возобладал другой подход. В его основе лежало расширение Североатлантического альянса, который сам представлял собой реликт холодной войны. Ведь для противостояния времен той эпохи он и был создан.

Именно движение блока на восток, начавшееся, между прочим, с того, что советское руководство фактически уговорило на членство объединенной Германии в НАТО, стало основной причиной стремительного роста взаимного недоверия в Европе. О дававшихся тогда на словах обещаниях, о том, что «это не направлено против вас», что «границы блока к вам приближаться не будут» — поспешили быстро забыть. А прецедент был создан.

И с 1999 года последовало еще пять волн расширения НАТО. В организацию вошло 14 новых стран, включая республики бывшего Советского Союза, что фактически похоронило надежды на континент без разделительных линий. О чем, кстати, предупреждал в середине 80-х годов один из лидеров СДПГ — Эгон Бар, который предлагал кардинально перестроить всю европейскую систему безопасности после объединения Германии, причем как с участием СССР, так и США. Но никто ни в СССР, ни в США, ни в Европе не захотел тогда его слушать.

Более того, многие страны были поставлены перед искусственным выбором — быть либо с коллективным Западом, либо с Россией. Фактически

это был ультиматум. К каким последствиям привела такая агрессивная политика, мы видим на примере украинской трагедии 2014 года. Европа активно поддержала антиконституционный вооруженный переворот на Украине. С этого все и началось. Зачем нужно было это делать? Тогда действующий президент Янукович уже согласился со всеми требованиями оппозиции. Зачем США организовали переворот, а страны Европы — безвольно его поддерживали, спровоцировав раскол в самой Украине и выход Крыма из ее состава?

Сейчас вся система европейской безопасности сильно деградировала. Нарастает напряженность, реальными становятся риски новой гонки вооружений. Мы упускаем огромные возможности, которые нам дает кооперация, тем более она так важна сейчас, когда все мы столкнулись с общими вызовами — пандемией и ее тяжелейшими социально-экономическими последствиями.

Почему так происходит? И главное, какие выводы мы обязаны сделать вместе? О каких уроках истории вспомнить? Думаю, прежде всего о том, что вся послевоенная история Большой Европы подтверждает: процветание и безопасность нашего общего континента возможны лишь совместными усилиями всех стран, включая Россию. Потому что Россия — одно из крупнейших европейских государств. И мы ощущаем свою неразрывную культурную и историческую связь с Европой.

Мы открыты к честному созидательному взаимодействию. Это подтверждает наша идея создания единого пространства сотрудничества и безопасности от Атлантики до Тихого океана, которое включило бы в себя разные интеграционные форматы, в том числе Европейский союз и Евразийский экономический союз.

Вновь повторю: Россия выступает за восстановление всеобъемлющего партнерства с Европой. У нас много тем, представляющих взаимный интерес. Это безопасность и стратегическая стабильность, здравоохранение и образование, цифровизация, энергетика, культура, наука и технологии, решение климатических и экологических проблем.

Мир динамично развивается, сталкивается с новыми вызовами и угрозами. И мы просто не можем позволить себе тащить за собой груз прошлых недоразумений, обид, конфликтов и ошибок. Груз, который будет мешать нам сосредоточиться на решении актуальных проблем.

Убеждены, что нам всем надо признать эти ошибки и исправить их. Наша общая и бесспорная цель — обеспечить континентальную безопасность без разделительных линий, единое пространство равноправного сотрудничества и всеобщего развития во имя процветания Европы и мира в целом.

Об историческом единстве русских и украинцев

Недавно, отвечая в ходе «Прямой линии» на вопрос о российско-украинских отношениях, сказал, что русские и украинцы — один народ, единое целое. Эти слова — не дань какой-то конъюнктуре, текущим политическим обстоятельствам. Говорил об этом не раз, это мое убеждение. Поэтому считаю необходимым подробно изложить свою позицию, поделиться оценками сегодняшней ситуации.

Сразу подчеркну, что стену, возникшую в последние годы между Россией и Украиной, между частями, по сути, одного исторического и духов-

ного пространства, воспринимаю как большую общую беду, как трагедию. Это, прежде всего, последствия наших собственных ошибок, допущенных в разные периоды. Но и результат целенаправленной работы тех сил, которые всегда стремились к подрыву нашего единства. Формула, которая применяется, известна испокон веков: разделяй и властвуй. Ничего нового. Отсюда и попытки сыграть на национальном вопросе, посеять рознь между людьми. А как сверхзадача — разделить, а затем и сравнить между собой части единого народа.

Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории. Конечно, в рамках статьи невозможно охватить все события, произошедшие более чем за тысячу лет. Но остановлюсь на тех ключевых, поворотных моментах, о которых нам — и в России, и на Украине — важно помнить.

И русские, и украинцы, и белорусы — наследники Древней Руси, являвшейся крупнейшим государством Европы. Славянские и другие племена на громадном пространстве — от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова — были объединены одним языком (сейчас мы называем его древнерусским), хозяйственными связями, властью князей династии Рюриковичей. А после крещения Руси — и одной православной верой. Духовный выбор Святого Владимира, который был и Новгородским, и Великим Киевским князем, и сегодня во многом определяет наше родство.

Киевский княжеский стол занимал главенствующее положение в Древнерусском государстве. Так повелось с конца IX века. Слова Вещего Олега о Киеве: «Да будет это мать городам русским» — сохранила для потомков «Повесть временных лет».

Позднее, как и другие европейские государства того времени, Древняя Русь столкнулась с ослаблением центральной власти, раздробленностью. При этом и знать, и простые люди воспринимали Русь как общее пространство, как свою Отчизну.

После разрушительного нашествия Батыя, когда многие города, включая Киев, были разорены, раздробленность усилилась. Северо-Восточная Русь попала в ордынскую зависимость, но сохранила ограниченный суверенитет. Южные и западные русские земли в основном вошли в состав Великого Княжества Литовского, которое, хочу обратить на это внимание, в исторических документах называлось Великим Княжеством Литовским и Русским.

Представители княжеских и боярских родов переходили на службу от одного князя к другому, враждовали между собой, но и дружили, заключали союзы. На Куликовом поле рядом с Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем сражались воевода Боброк с Волыни, сыновья Великого князя Литовского Ольгерда — Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. При этом свои войска на соединение с Мамаем вел Великий князь Литовский Ягайло — сын тверской княжны. Все это — страницы нашей общей истории, отражение ее сложности и многомерности.

Важно отметить, что и в западных, и в восточных русских землях говорили на одном языке. Вера была православной. Вплоть до середины XV века сохранялось единое церковное управление.

На новом витке исторического развития точками притяжения, консолидации территорий Древней Руси могли стать и Литовская Русь, и укреплявшаяся Московская Русь. История распорядилась так, что центром вос-

соединения, продолжившим традицию древнерусской государственности, стала Москва. Московские князья — потомки князя Александра Невского — сбросили внешнее ярмо, начали собирать исторические русские земли.

В Великом Княжестве Литовском шли иные процессы. В XIV веке правящая элита Литвы приняла католичество. В XVI веке была заключена Люблинская уния с Польским Королевством — образовалась «Речь Посполитая Обоих Народов» (по сути — польского и литовского). Польская католическая знать получила значительные земельные владения и привилегии на территории Руси. Согласно Брестской унии 1596 года часть западно-русского православного духовенства подчинилась власти Папы Римского. Проводились ополячивание и латинизация, православие вытеснялось.

Как ответ, в XVI—XVII веках нарастало освободительное движение православного населения Поднепровья. Переломными стали события времен гетмана Богдана Хмельницкого. Его сторонники пытались добиться от Речи Посполитой автономии.

В прошении Войска запорожского королю Речи Посполитой в 1649 году говорилось о соблюдении прав русского православного населения, о том, чтобы «воевода Киевский был народа русского и закона греческого, чтобы не наступал на церкви божии...». Но запорожцев не услышали.

Последовали обращения Б. Хмельницкого в Москву, которые рассматривались Земскими соборами. 1 октября 1653 года этот высший представительный орган Русского государства решил поддержать единоверцев и принять их под покровительство. В январе 1654 года Переяславской Радой это решение было подтверждено. Затем послы Б. Хмельницкого и Москвы объехали десятки городов, включая Киев, жители которых принесли присягу русскому царю. Ничего подобного, кстати, не было при заключении Люблинской унии.

В письме в Москву в 1654 году Б. Хмельницкий благодарил царя Алексея Михайловича за то, что он «все Войско запорожское и весь мир православный российский под крепкую и высокую руку свою царскую принять изволил». То есть в обращениях и к польскому королю, и к русскому царю запорожцы называли, определяли себя русскими православными людьми.

В ходе затяжной войны Русского государства с Речью Посполитой некоторые из гетманов, наследников Б. Хмельницкого, то «отлагались» от Москвы, то искали поддержки у Швеции, Польши, Турции. Но, повторю, для народа война носила, по сути, освободительный характер. Она завершилась Андрусовским перемирием 1667 года. Окончательные итоги закрепил «Вечный мир» 1686 года. В состав Русского государства вошли город Киев и земли левобережья Днепра, включая Полтавщину, Черниговщину, а также Запорожье. Их жители воссоединились с основной частью русского православного народа. За самой этой областью утвердилось название — «Малая Русь» (Малороссия).

Название «Украина» тогда использовалось чаще в значении, в котором древнерусское слово «окраина» встречается в письменных источниках еще с XII века, когда речь шла о различных порубежных территориях. А слово «украинец», если судить также по архивным документам, первоначально означало пограничных служилых людей, обеспечивавших защиту внешних рубежей.

На Правобережье, оставшемся в Речи Посполитой, реставрировались старые порядки, усилился социальный и религиозный гнет. Левобережье, земли, взятые под защиту единого государства, напротив, стали активно развиваться. Сюда массово переселялись жители с другого берега Днепра. Они искали поддержки у людей одного языка и, конечно, одной веры.

Во время Северной войны со Швецией перед жителями Малороссии не стоял выбор — с кем быть. Мятёж Мазепы поддержала лишь небольшая часть казаков. Люди разных сословий считали себя русскими и православными.

Представители казачьей старшины, включенные в дворянское сословие, достигали в России высот политической, дипломатической, военной карьеры. Выпускники Киево-Могилянской академии играли ведущую роль в церковной жизни. Так было и во времена гетманства — по сути, автономного государственного образования со своим особым внутренним устройством, а затем — и в Российской империи. Малороссы во многом и создавали большую общую страну, ее государственность, культуру, науку. Участвовали в освоении и развитии Урала, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока. Кстати, и в советский период уроженцы Украины занимали самые значимые, в том числе высшие посты в руководстве единого государства. Достаточно сказать, что в общей сложности без малого 30 лет КПСС возглавляли Н. Хрущев и Л. Брежнев, чья партийная биография была самым тесным образом связана с Украиной.

Во второй половине XVIII века, после войн с Османской империей в состав России вошли Крым, а также земли Причерноморья, получившие название «Новороссия». Они заселялись выходцами из всех российских губерний. После разделов Речи Посполитой Российская империя возвратила западные древнерусские земли, за исключением Галиции и Закарпатья, которые оказались в Австрийской, а впоследствии — в Австро-Венгерской империи.

Интеграция западно-русских земель в общее государственное пространство являлась не только результатом политических и дипломатических решений. Она проходила на основе общей веры и культурных традиций. И вновь особо отмечу — языковой близости. Так, еще в начале XVII века один из иерархов Униатской церкви Иосиф Рутский сообщал в Рим, что жители Московии называют русских из Речи Посполитой своими братьями, что письменный язык у них совершенно одинаков, а разговорный — хоть и отличается, но незначительно. По его выражению, как у жителей Рима и Бергамо. Это, как мы знаем, центр и север современной Италии.

Конечно, за многие века раздробленности, жизни в разных государствах возникли региональные языковые особенности, говоры. Язык литературный обогащался за счет народного. Огромную роль здесь сыграли Иван Котляревский, Григорий Сковорода, Тарас Шевченко. Их произведения являются нашим общим литературным и культурным достоянием. Стихи Тараса Шевченко созданы на украинском языке, а проза — в основном на русском. Книги Николая Гоголя, патриота России, уроженца Полтавщины, написаны на русском языке, полны малороссийскими народными выражениями и фольклорными мотивами. Как можно поделить это наследие между Россией и Украиной? И зачем это делать?

Юго-западные земли Российской империи, Малороссия и Новороссия, Крым развивались как многообразные по своему этническому и религиозно-

му составу. Здесь жили крымские татары, армяне, греки, евреи, караимы, крымчаки, болгары, поляки, сербы, немцы и другие народы. Все они сохраняли свою веру, традиции, обычаи.

Не собираюсь ничего идеализировать. Известны и Валуевский циркуляр 1863 года, и Эмский акт 1872 года, ограничивавшие издание и ввоз из-за границы религиозной и общественно-политической литературы на украинском языке. Но здесь важен исторический контекст. Эти решения принимались на фоне драматических событий в Польше, стремления лидеров польского национального движения использовать «украинский вопрос» в своих интересах. Добавлю, что художественные произведения, сборники украинских стихов, народных песен продолжали издаваться. Объективные факты говорят о том, что в Российской империи шел активный процесс развития малороссийской культурной идентичности в рамках большой русской нации, соединявшей великороссов, малороссов и белорусов.

Одновременно в среде польской элиты и некоторой части малороссийской интеллигенции возникали и укреплялись представления об отдельном от русского украинском народе. Исторической основы здесь не было и не могло быть, поэтому выводы строились на самых разных вымыслах. Вплоть до того, что украинцы якобы вообще не славяне, или, наоборот, что украинцы — это настоящие славяне, а русские, «москвиты» — нет. Подобные «гипотезы» стали все чаще использовать в политических целях как инструмент соперничества между европейскими государствами.

С конца XIX века австро-венгерские власти подхватили эту тему — в противовес как польскому национальному движению, так и москвофильским настроениям в Галиции. В годы Первой мировой войны Вена способствовала формированию так называемого Легиона украинских сечевых стрельцов. Галичан, заподозренных в симпатиях к православию и к России, подвергали жестоким репрессиям, бросали в концентрационные лагеря Талергоф и Терезин.

Дальнейшее развитие событий связано с крахом европейских империй, с ожесточенной Гражданской войной, развернувшейся на огромном пространстве бывшей Российской империи, с иностранной интервенцией.

После Февральской революции, в марте 1917 года в Киеве была создана Центральная Рада, претендовавшая на роль органа высшей власти. В ноябре 1917 года в своем третьем универсале она заявила о создании Украинской Народной Республики (УНР) в составе России.

В декабре 1917 года представители УНР прибыли в Брест-Литовск, где шли переговоры Советской России с Германией и ее союзниками. На заседании 10 января 1918 года глава украинской делегации зачитал ноту о независимости Украины. Затем Центральная Рада в своем четвертом универсале провозгласила Украину независимой.

Продекларированный суверенитет оказался недолгим. Буквально через несколько недель делегация Рады подписала сепаратный договор со странами германского блока. Находившимся в тяжелом положении Германии и Австро-Венгрии нужны были украинские хлеб и сырье. Чтобы обеспечить масштабные поставки, они добились согласия на отправку в УНР своих войск и технического персонала. Фактически использовали это как предлог для оккупации.

Тем, кто сегодня отдал Украину под полное внешнее управление, нелишне вспомнить, что тогда, в 1918 году, подобное решение оказалось роковым для правящего в Киеве режима. При прямом участии оккупационных войск Центральная Рада была свергнута, а к власти приведен гетман П. Скоропадский, провозгласивший вместо УНР Украинскую державу, которая находилась, по сути, под германским протекторатом.

В ноябре 1918 года — после революционных событий в Германии и Австро-Венгрии — П. Скоропадский, лишившийся поддержки немецких штыков, взял другой курс и заявил, что «Украине первой предстоит выступить в деле образования Всероссийской федерации». Однако вскоре режим вновь сменился. Наступило время так называемой Директории.

Осенью 1918 года украинские националисты провозгласили Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР), а в январе 1919 года объявили о ее объединении с Украинской Народной Республикой. В июле 1919 года украинские части были разгромлены польскими войсками, территория бывшей ЗУНР оказалась под властью Польши.

В апреле 1920 года С. Петлюра (один из «героев», которых навязывают современной Украине) заключил от имени Директории УНР секретные конвенции, по которым — в обмен на военную поддержку — отдал Польше земли Галиции и Западной Волыни. В мае 1920 года петлюровцы вступили в Киев в обозе польских частей. Но ненадолго. Уже в ноябре 1920 года, после перемирия между Польшей и Советской Россией остатки петлюровских войск сдались тем же полякам.

На примере УНР видно, насколько неустойчивыми были разного рода квазигосударственные образования, возникавшие на пространстве бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны и смуты. Националисты стремились к созданию своих отдельных государств, лидеры Белого движения выступали за неделимую Россию. Не представляли себя вне России и многие республики, учрежденные сторонниками большевиков. Вместе с тем, по разным мотивам вожди большевистской партии порой буквально выталкивали их за пределы Советской России.

Так, в начале 1918 года была провозглашена Донецко-Криворожская советская республика, которая обратилась в Москву с вопросом о вхождении в Советскую Россию. Последовал отказ. В. Ленин встречался с руководителями этой республики и убеждал их действовать в составе Советской Украины. 15 марта 1918 года ЦК РКП(б) прямо постановил направить на Украинский съезд Советов делегатов, в том числе из Донецкого бассейна, и создать на съезде «одно правительство для всей Украины». Территории Донецко-Криворожской советской республики в дальнейшем в основном и составили области Юго-Востока Украины.

По Рижскому договору 1921 года между РСФСР, УССР и Польшей западные земли бывшей Российской империи отошли Польше. В межвоенный период польское правительство развернуло активную переселенческую политику, стремясь изменить этнический состав в «восточных кресах» — так в Польше называли территории нынешней Западной Украины, Западной Белоруссии и части Литвы. Проводилась жесткая полонизация, местная культура и традиции подавлялись. В дальнейшем, уже в годы Второй мировой войны, радикальные группировки украинских националистов использовали

это как повод для террора не только против польского, но и еврейского, русского населения.

В 1922 году при создании СССР, одним из учредителей которого выступила УССР, после достаточно острой дискуссии среди лидеров большевиков был реализован ленинский план образования союзного государства как федерации равноправных республик. В текст Декларации об образовании Союза ССР, а затем в Конституцию СССР 1924 года внесли право свободного выхода республик из Союза. Таким образом, в основание нашей государственности была заложена самая опасная «мина замедленного действия». Она и взорвалась, как только исчез страховочный, предохранительный механизм в виде руководящей роли КПСС, которая в итоге сама развалилась изнутри. Начался «парад суверенитетов». 8 декабря 1991 года было подписано так называемое Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств, в котором объявлялось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Кстати, Устав СНГ, принятый еще в 1993 году, Украина не подписала и не ратифицировала.

В 20–30-е годы прошлого века большевики активно продвигали политику «коренизации», которая в Украинской ССР проводилась как украинизация. Символично, что в рамках этой политики с согласия советских властей в СССР вернулся и был избран членом Академии наук М. Грушевский — бывший председатель Центральной Рады, один из идеологов украинского национализма, в свое время пользовавшийся поддержкой Австро-Венгрии.

«Коренизация», безусловно, сыграла большую роль в развитии и укреплении украинской культуры, языка, идентичности. Вместе с тем под видом борьбы с так называемым русским великодержавным шовинизмом украинизация зачастую навязывалась тем, кто себя украинцем не считал. Именно советская национальная политика — вместо большой русской нации, триединого народа, состоявшего из великороссов, малороссов и белорусов — закрепила на государственном уровне положение о трех отдельных славянских народах: русском, украинском и белорусском.

В 1939 году земли, ранее захваченные Польшей, были возвращены в СССР. Их значительная часть присоединена к Советской Украине. В 1940 году в УССР вошла часть Бессарабии, оккупированная Румынией в 1918 году, и Северная Буковина. В 1948 году — черноморский остров Змеиный. В 1954 году в состав УССР была передана Крымская область РСФСР — с грубым нарушением действовавших на тот момент правовых норм.

Отдельно скажу о судьбе Подкарпатской Руси, которая после распада Австро-Венгрии оказалась в Чехословакии. Значительную часть местных жителей составляли русины. Об этом сейчас мало вспоминают, но после освобождения Закарпатья советскими войсками съезд православного населения края высказался за включение Подкарпатской Руси в РСФСР или непосредственно в СССР — на правах отдельной Карпаторусской республики. Но это мнение людей проигнорировали. И летом 1945 года было объявлено — как писала газета «Правда» — об историческом акте воссоединения Закарпатской Украины «со своей издавней родиной — Украиной».

Таким образом, современная Украина — целиком и полностью детище советской эпохи. Мы знаем и помним, что в значительной степени она создавалась за счет исторической России. Достаточно сравнить, какие земли

воссоединились с российским государством в XVII веке и с какими территориями СССР вышла из состава Советского Союза.

Большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезил мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменит национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные «подарки». В конечном счете, чем именно руководствовались лидеры большевиков, кромсая страну, уже не имеет значения. Можно спорить о деталях, о подоплеке и логике тех или иных решений. Очевидно одно: Россия фактически была ограблена.

Работая над этой статьей, основывался не на каких-то секретных архивах, а на открытых документах, которые содержат хорошо известные факты. Руководители современной Украины и их внешние покровители предпочитают об этих фактах не вспоминать. Зато по самым разным поводам, к месту и не к месту, в том числе за рубежом, сегодня принято осуждать «преступления советского режима», причисляя к ним даже те события, к которым ни КПСС, ни СССР, ни тем более современная Россия не имеют никакого отношения. При этом действия большевиков по отторжению от России ее исторических территорий преступным актом не считаются. Понятно почему. Раз это привело к ослаблению России, то наших недоброжелателей это устраивает.

В СССР границы между республиками, конечно же, не воспринимались как государственные, носили условный характер в рамках единой страны, которая, при всех атрибутах федерации, по существу была в высшей степени централизованной — за счет, повторю, руководящей роли КПСС. Но в 1991 году все эти территории, а главное — люди, которые там жили, в одночасье оказались за границей. И были уже действительно оторваны от исторической Родины.

Что тут скажешь? Все меняется. В том числе — страны, общества. И конечно, часть одного народа в ходе своего развития — в силу ряда причин, исторических обстоятельств — может в определенный момент ощутить, осознать себя отдельной нацией. Как к этому относиться? Ответ может быть только один: с уважением!

Хотите создать собственное государство? Пожалуйста! Но на каких условиях? Напомню здесь оценку, которую дал один из самых ярких политических деятелей новой России, первый мэр Санкт-Петербурга А. Собчак. Как высокопрофессиональный юрист он считал, что любое решение должно быть легитимно, и потому в 1992 году высказал следующее мнение: республики-учредители Союза после того, как они сами же аннулировали Договор 1922 года, должны вернуться в те границы, в которых они вступили в состав Союза. Все же остальные территориальные приобретения — это предмет для обсуждения, переговоров, потому что аннулировано основание.

Другими словами — уходите с тем, с чем пришли. С такой логикой трудно спорить. Добавлю только, что произвольную перекройку границ большевики, как уже отмечал, начали еще до создания Союза и все манипуляции с территориями проводили волюнтаристски, игнорируя мнение людей.

Российская Федерация признала новые геополитические реалии. И не просто признала, а многое сделала, чтобы Украина состоялась как независимая страна. В трудные 90-е годы и в новом тысячелетии мы оказыва-

ли Украине весомую поддержку. В Киеве используют свою «политическую арифметику», но в 1991–2013 годах только за счет низких цен на газ Украина сэкономила для своего бюджета более 82 миллиардов долларов, а сегодня буквально «цепляется» за 1,5 миллиарда долларов российских платежей за транзит нашего газа в Европу. Тогда как при сохранении экономических связей между нашими странами положительный эффект для Украины исчислялся бы десятками миллиардов долларов.

Украина и Россия десятилетиями, веками развивались как единая экономическая система. Глубине кооперации, которая у нас была 30 лет назад, сегодня могли бы позавидовать страны Евросоюза. Мы являемся естественными, взаимодополняющими друг друга экономическими партнерами. Такая тесная взаимосвязь способна усиливать конкурентные преимущества, приумножать потенциал обеих стран.

А он у Украины был значительным, включал мощную инфраструктуру, газотранспортную систему, передовые отрасли судостроения, авиастроения, ракетостроения, приборостроения, научные, конструкторские, инженерные школы мирового уровня. Получив такое наследие, лидеры Украины, объявляя о независимости, обещали, что украинская экономика станет одной из ведущих, а уровень жизни людей одним из самых высоких в Европе.

Сегодня промышленные высокотехнологичные гиганты, которыми некогда гордились и Украина, и вся страна, лежат на боку. За последние 10 лет выпуск продукции машиностроения упал на 42 процента. Масштаб деиндустриализации и в целом деградации экономики виден по такому показателю, как выработка электроэнергии, которая за 30 лет на Украине сократилась практически вдвое. И наконец, по данным МВФ, в 2019 году, еще до эпидемии коронавируса, уровень подушевого ВВП Украины составил меньше 4 тысяч долларов. Это ниже Республики Албании, Республики Молдовы и непризнанного Косова. Украина сейчас — беднейшая страна Европы.

Кто в этом виноват? Разве народ Украины? Конечно же, нет. Именно украинские власти растранижили, пустили на ветер достижения многих поколений. Мы же знаем, насколько трудолюбив и талантлив народ Украины. Он умеет настойчиво и упорно добиваться успехов, выдающихся результатов. И эти качества, как и открытость, природный оптимизм, гостеприимство — никуда не делись. Остаются прежними и чувства миллионов людей, которые относятся к России не просто хорошо, а с большой любовью, так же, как и мы к Украине.

До 2014 года сотни соглашений, совместных проектов работали на развитие наших экономик, деловых и культурных связей, на укрепление безопасности, на решение общих социальных, экологических задач. Приносили ощутимую пользу людям — и в России, и на Украине. Именно это мы считали главным. И потому плодотворно взаимодействовали со всеми, подчеркну, со всеми руководителями Украины.

Даже после известных событий в Киеве в 2014 году давал поручения российскому Правительству продумать варианты контактов по линии профильных министерств и ведомств в части сохранения и поддержки наших экономических связей. Однако встречного желания как не было, так до сих пор и нет. Тем не менее, Россия по-прежнему входит в тройку главных торговых партнеров Украины, а сотни тысяч украинцев приезжают к нам

на заработки и встречают здесь радушие и поддержку. Такая вот получается «страна-агрессор».

Когда распался СССР, многие и в России, и на Украине все же искренне верили, исходили из того, что наши тесные культурные, духовные, экономические связи безусловно сохранятся, как и общность народа, в основе своей всегда чувствовавшего себя единым. Однако события — сперва исподволь, а потом все быстрее — стали развиваться в ином направлении.

По сути, украинские элиты решили обосновать независимость своей страны через отрицание ее прошлого, правда, за исключением вопроса границ. Стали мифологизировать и переписывать историю, вымарывать из нее все, что нас объединяет, говорить о периоде пребывания Украины в составе Российской империи и СССР как об оккупации. Общую для нас трагедию коллективизации, голода начала 30-х годов выдавать за геноцид украинского народа.

Открыто и все наглее заявляли о своих амбициях радикалы и неонацисты. Им потакали и официальные власти, и местные олигархии, которые, ограбив народ Украины, украденное держат в западных банках и готовы продать мать родную, чтобы сохранить капиталы. К этому следует добавить хроническую слабость государственных институтов, положение добровольного заложника чужой геополитической воли.

Напомню, что достаточно давно, задолго до 2014 года, США и страны ЕС планомерно и настойчиво подталкивали Украину к тому, чтобы свернуть, ограничить экономическое сотрудничество с Россией. Мы — как крупнейший торгово-экономический партнер Украины — предлагали обсудить возникающие проблемы в формате Украина — Россия — ЕС. Но всякий раз нам заявляли, что Россия тут ни при чем, мол, вопрос касается только ЕС и Украины. Де-факто западные страны отклонили неоднократные российские предложения о диалоге.

Шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой — превратить Украину в барьер между Европой и Россией, в плацдарм против России. Неизбежно пришло время, когда концепция «Украина — не Россия» уже не устраивала. Потребовалась «анти-Россия», с чем мы никогда не смиримся.

Заказчики этого проекта взяли за основу еще старые наброски польско-австрийских идеологов создания «антимосковской Руси». И не надо никого обманывать, что это делается в интересах народа Украины. Никогда Речи Посполитой не нужна была украинская культура и тем более казачья автономия. В Австро-Венгрии исторические русские земли нещадно эксплуатировались и оставались самыми бедными. Нацистам, которым прислуживали коллаборационисты, выходцы из ОУН-УПА (*запрещена в РФ — прим. РЛ*), нужна была не Украина, а жизненное пространство и рабы для арийских господ.

Об интересах украинского народа не думали и в феврале 2014 года. Справедливое недовольство людей, вызванное острейшими социально-экономическими проблемами, ошибками, непоследовательными действиями тогдашних властей, просто цинично использовали. Западные страны напрямую вмешались во внутренние дела Украины, поддержали переворот. Его тараном выступили радикальные националистические группировки. Их лозунги, идеология, откровенная агрессивная русофобия во многом и стали определять государственную политику на Украине.

Под удар попало все то, что объединяло нас и сближает до сих пор. Прежде всего — русский язык. Напомню, что новые «майданные» власти первым делом попытались отменить закон о государственной языковой политике. Потом был закон об «очищении власти», закон об образовании, практически вычеркнувший русский язык из учебного процесса.

И наконец, уже в мае этого года действующий президент внес в Раду законопроект о «коренных народах». Ими признаются лишь те, кто составляет этническое меньшинство и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины. Закон принят. Новые семена раздора посеяны. И это в стране — как уже отмечал — очень сложной по территориальному, национальному, языковому составу, по истории своего формирования.

Может прозвучать аргумент: раз вы говорите о единой большой нации, триедином народе, то какая разница, кем люди себя считают — русскими, украинцами или белорусами. Полностью с этим согласен. Тем более что определение национальной принадлежности, особенно в смешанных семьях — это право каждого человека, свободного в своем выборе.

Но дело в том, что на Украине сегодня ситуация совершенно другая, поскольку речь идет о принудительной смене идентичности. И самое отвратительное, что русских на Украине заставляют не только отречься от своих корней, от поколений предков, но и поверить в то, что Россия — их враг. Не будет преувеличением сказать, что курс на насильственную ассимиляцию, на формирование этнически чистого украинского государства, агрессивно настроенного к России, по своим последствиям сравним с применением против нас оружия массового поражения. В результате такого грубого, искусственного разрыва русских и украинцев — совокупно русский народ может уменьшиться на сотни тысяч, а то и на миллионы.

Ударили и по нашему духовному единству. Как и во времена Великого Княжества Литовского, затеяли новое церковное размежевание. Не скрывая, что преследуют политические цели, светские власти грубо вмешались в церковную жизнь и довели дело до раскола, до захвата храмов, избиения священников и монахов. Даже широкая автономия Украинской Православной Церкви при сохранении духовного единства с Московским Патриархатом их категорически не устраивает. Этот зримый, многовековой символ нашего родства им надо во что бы то ни стало разрушить.

Думаю, закономерно и то, что представители Украины раз за разом голосуют против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающей героизацию нацизма. Под охраной официальных властей проходят марши, факельные шествия в честь недобитых военных преступников из эсэсовских формирований. В ранг национальных героев ставят Мазепу, который предавал всех по кругу, Петлюру, который за польское покровительство расплачивался украинскими землями, Бандеру, сотрудничавшего с нацистами. Делают все, чтобы вычеркнуть из памяти молодых поколений имена настоящих патриотов и победителей, которыми всегда гордились на Украине.

Для украинцев, сражавшихся в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах, Великая Отечественная война была именно Отечественной, потому что они защищали свой дом, свою большую общую Родину. Более двух тысяч стали Героями Советского Союза. Среди них легендарный летчик Иван Никитович Кожедуб, бесстрашный снайпер, защитница Одессы и Севасто-

поля Людмила Михайловна Павличенко, отважный командир партизан Сидор Артемьевич Ковпак. Это несгибаемое поколение сражалось, отдавало свои жизни за наше будущее, за нас. Забыть об их подвиге — значит пре-
дать своих дедов, матерей и отцов.

Проект «анти-Россия» отвергли миллионы жителей Украины. Крымчане и севастопольцы сделали свой исторический выбор. А люди на Юго-Востоке мирно пытались отстоять свою позицию. Но их всех, включая детей, записали в сепаратисты и террористы. Стали грозить этническими чистками и применением военной силы. И жители Донецка, Луганска взяли за оружие, чтобы защитить свой дом, язык, свою жизнь. Разве им оставили иной выбор — после погромов, которые прокатились по городам Украины, после ужаса и трагедии 2 мая 2014 года в Одессе, где украинские неонацисты за-
жигали людей, устроили новую Хатынь? Такую же расправу последо-
ватели бандеровцев готовы были учинить в Крыму, Севастополе, Донецке и Луганске. Они и сейчас не отказываются от подобных планов. Ждут своего часа. Но не дождутся.

Государственный переворот, последовавшие за этим действия киевских властей неизбежно спровоцировали противостояние и гражданскую войну. По оценке Верховного комиссара ООН по правам человека, общее число жертв, связанных с конфликтом в Донбассе, превысило 13 тысяч человек. В их числе старики, дети. Страшные, невосполнимые потери.

Россия сделала все, чтобы остановить братоубийство. Были заключены Минские соглашения, которые нацелены на мирное урегулирование конфликта в Донбассе. Убежден, что они по-прежнему не имеют альтернативы. Во всяком случае, никто не отзывал свои подписи ни под минским «Комплексом мер», ни под соответствующими заявлениями лидеров стран «нормандского формата». Никто не инициировал пересмотр Резолюции Совета Безопасности ООН от 17 февраля 2015 года.

В ходе официальных переговоров, особенно после «одергивания» со стороны западных партнеров, представители Украины периодически заявляют о «полной приверженности» Минским соглашениям, на деле же руководствуются позицией об их «неприемлемости». Не намерены всерьез обсуждать ни особый статус Донбасса, ни гарантии для живущих здесь людей. Предпочитают эксплуатировать образ «жертвы внешней агрессии» и торговать русофобией. Устраивают кровавые провокации в Донбассе. Словом, любыми способами привлекают к себе внимание внешних покровителей и хозяев.

Судя по всему, и все больше убеждаюсь в этом: Киеву Донбасс просто не нужен. Почему? Потому что, во-первых, жители этих регионов никогда не примут те порядки, которые им пытались и пытаются навязать силой, блокадой, угрозами. И во-вторых, итоги и Минска-1, и Минска-2, дающие реальный шанс мирно восстановить территориальную целостность Украины, напрямую договорившись с ДНР и ЛНР при посредничестве России, Германии и Франции, противоречат всей логике проекта «анти-Россия». А он может держаться только на постоянном культивировании образа внутреннего и внешнего врага. И добавлю — под протекторатом, контролем со стороны западных держав.

Что и происходит на практике. Прежде всего — это создание в украинском обществе атмосферы страха, агрессивная риторика, потакание нео-

нацистам, милитаризация страны. Наряду с этим — не просто полная зависимость, а прямое внешнее управление, включая надзор иностранных советников за украинскими органами власти, спецслужбами и вооруженными силами, военное «освоение» территории Украины, развертывание инфраструктуры НАТО. Не случайно, что упомянутый скандальный закон о «коренных народах» принимался под прикрытием масштабных натовских учений на Украине.

Под таким же прикрытием проходит и поглощение остатков украинской экономики, эксплуатация ее природных ресурсов. Не за горами распродажа сельхозземель, а кто их купит — очевидно. Да, время от времени Украине выделяют финансовые средства, кредиты, но под свои условия и интересы, под преференции и льготы для западных компаний. Кстати, кто будет отдавать эти долги? Видимо, предполагается, что это придется делать не только сегодняшнему поколению украинцев, но их детям, внукам, да, наверное, и правнукам.

Западные авторы проекта «анти-Россия» так настраивают украинскую политическую систему, чтобы менялись президенты, депутаты, министры, но была неизменной установка на разделение с Россией, на вражду с ней. Основным предвыборным лозунгом действующего президента было достижение мира. Он на этом пришел к власти. Обещания оказались враньем. Ничего не изменилось. А в чем-то ситуация на Украине и вокруг Донбасса еще и деградировала.

В проекте «анти-Россия» нет места суверенной Украине, как и политическим силам, которые пытаются отстаивать ее реальную независимость. На тех, кто говорит о примирении в украинском обществе, о диалоге, о поиске выхода из возникшего тупика, вешают ярлык «пророссийских» агентов.

Повторю, для многих на Украине проект «анти-Россия» просто неприемлем. И таких людей — миллионы. Но им не дают поднять голову. У них практически отняли легальную возможность защитить свою точку зрения. Их запугивают, загоняют в подполье. За убеждения, за сказанное слово, за открытое выражение своей позиции не только подвергают преследованиям, но и убивают. Убийцы, как правило, остаются безнаказанными.

«Правильным» патриотом Украины сейчас объявляется лишь тот, кто ненавидит Россию. Более того, всю украинскую государственность, как мы понимаем, предлагается в дальнейшем строить исключительно на этой идее. Ненависть и озлобление — и мировая история это не раз доказывала — весьма зыбкое основание для суверенитета, чреватое многими серьезными рисками и тяжелыми последствиями.

Все ухищрения, связанные с проектом «анти-Россия», нам понятны. И мы никогда не допустим, чтобы наши исторические территории и живущих там близких для нас людей использовали против России. А тем, кто предпримет такую попытку, хочу сказать, что таким образом они разрушат свою страну.

Действующие власти на Украине любят ссылаться на западный опыт, рассматривают его как образец для подражания. Так посмотрите, как живут рядом друг с другом Австрия и Германия, США и Канада. Близкие по этническому составу, культуре, фактически с одним языком, они при этом остаются суверенными государствами, со своими интересами, со своей внешней политикой. Но это не мешает их самой тесной интеграции или союзническим отношениям. У них весьма условные, прозрачные границы.

И граждане, пересекая их, чувствуют себя как дома. Создают семьи, учатся, работают, занимаются бизнесом. Кстати, так же, как и миллионы уроженцев Украины, которые живут сейчас в России. Для нас они — свои, родные.

Россия открыта для диалога с Украиной и готова обсуждать самые сложные вопросы. Но нам важно понимать, что партнер отстаивает свои национальные интересы, а не обслуживает чужие, не является орудием в чьих-то руках для борьбы с нами.

Мы с уважением относимся к украинскому языку и традициям. К стремлению украинцев видеть свое государство свободным, безопасным, благополучным.

Убежден, что подлинная суверенность Украины возможна именно в партнерстве с Россией. Наши духовные, человеческие, цивилизационные связи формировались столетиями, восходят к одним истокам, закалялись общими испытаниями, достижениями и победами. Наше родство передается из поколения в поколение. Оно — в сердцах, в памяти людей, живущих в современных России и Украине, в кровных узах, объединяющих миллионы наших семей. Вместе мы всегда были и будем многократно сильнее и успешнее. Ведь мы — один народ.

Сейчас эти слова воспринимаются кое-кем в штыки. Могут быть истолкованы как угодно. Но многие люди меня услышат. И скажу одно: Россия никогда не была и не будет «анти-Украиной». А какой быть Украине — решать ее гражданам.

Речь у Могилы Неизвестного Солдата в 80-ю годовщину начала Великой Отечественной войны

Глава государства В. В. Путин почтил память погибших, возложил цветы к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены и произнес речь.

Уважаемые граждане России!

Сегодня тяжелая, трагическая дата: 80 лет назад началась Великая Отечественная война.

Уже выросли правнуки тех, кто в 1941-м с первых минут вероломного нападения нацистов стеной встал на защиту Родины, но этот день — 22 июня — по-прежнему отзывается негодованием, скорбью в сердцах всех поколений, накрывает болью за искалеченные судьбы миллионов людей, потому что их испытания, те страшные годы буквально впечатаны в нашу память.

Врагу было мало завладеть чужой землей. Он пришел, чтобы истребить наш народ, а тех, кто останется, превратить в рабов, лишив родного языка, традиций предков, нашей культуры.

Такого жестокого геноцида не знала история. И сегодня кровь стынет от того, как, какими методами нацисты и их пособники воплощали свои смертоносные планы, какие зверства чинили они над мирным населением — стариками, женщинами, детьми.

Ответом ненавистному, лютomu злу стало духовное единство, сплоченность, массовый героизм советского народа. Вера людей в торжество справедливости, в нашу Победу обладала непостижимой силой. И ради освобож-

дения Отечества они все вынесли, прошли через горе, страдания, смерть в тылу и на фронте, достигли вершин мужества и самопожертвования в пекле сражений, в тяжелейших вахтах на заводах и фабриках и одержали поистине Великую Победу.

Забыть это все невозможно, и не случайно священным символом нашей памяти стал Вечный огонь. Проходят десятилетия, но и в будни, и в праздники не иссякает поток людей всех поколений, всех возрастов, несущих цветы к воинским мемориалам и, конечно, сюда — в Александровский сад, к Могиле Неизвестного Солдата.

Для многих людей он родной, тот самый, пропавший без вести дед, прадед, боевой товарищ, любимый человек, люди, погибшие на поле боя, умершие от голода, холода и ран.

Здесь, у Вечного огня, мы склоняем головы перед всеми, кто не вернулся с войны, перед ушедшими от нас ветеранами. Сегодня, в День памяти и скорби, к ним обращены все наши мысли и чувства.

Уверен, мы сохраним эту память, эту правду о войне. Мы делаем и все делать будем, чтобы наша страна, наша Родина всегда была великой и могучей державой, и всегда будем благодарны шагнувшему в бессмертие победителям — тем, кто подарил нам, будущим поколениям, жизнь и мир.

Вечная слава павшим за свободу и независимость Родины! Вечная им память!

Выступление на Главном военно-морском параде в Санкт-Петербурге 25 июля 2021 года

Товарищи матросы и старшины, мичманы, офицеры, генералы и адмиралы!

Дорогие ветераны!

Уважаемые граждане России!

Поздравляю вас с Днем Военно-Морского Флота!

Этот праздник грандиозный в своей строгости и красоте парадов, он знаменует единство всех поколений защитников морских рубежей Родины.

Он значим, дорог для всей России, для нашего народа, потому что доблестью военных моряков, их ратной отвагой, дерзостью первопроходцев собиралось и крепло Отечество наше, ковались его слава и величие.

Мы любим и чтим наш Военно-Морской Флот, по праву гордимся его выдающейся, героической историей, именами блестящих флотоводцев и талантливых корабелов, — всеми, кто в разные эпохи храбро сражался и побеждал во имя Отечества, совершал легендарные географические открытия, подарил человечеству ценнейшие знания об уникальном разнообразии, красоте нашего огромного мира.

Поражают, вызывают восхищение и гордость масштаб, многогранность стратегических задач, которые всегда решал наш военный флот. В октябре ему исполнится уже 325 лет.

Россия в кратчайшие сроки заняла свое достойное место в числе ведущих морских держав, прошла колоссальный путь развития от скромного петровского ботика до мощных кораблей океанской зоны и ракетных атомных подводных крейсеров, обрела эффективную морскую авиацию дальнего и ближнего действия, надежные комплексы береговой обороны, новейшие

гиперзвуковые высокоточные системы вооружения, не имеющие до сих пор аналогов в мире, которые мы совершенствуем постоянно и успешно.

Сегодня у Военно-Морского Флота России есть все необходимое для гарантированной защиты родной страны, наших национальных интересов. Мы способны обнаружить любого подводного, надводного, воздушного противника и нанести ему, если потребуется, неотвратимый удар.

Военно-морское присутствие России обеспечено практически во всех районах Мирового океана, и вахту в северных и южных широтах несут верные наследники морской ратной славы Отечества.

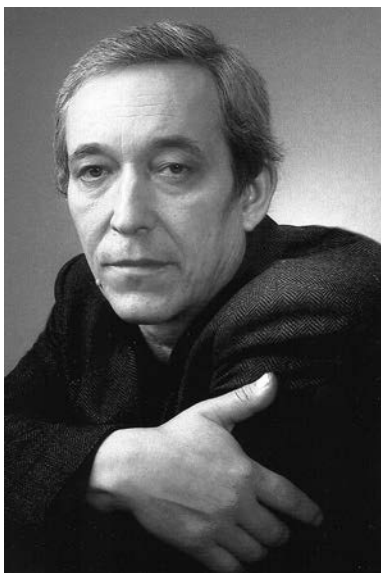
Служба на флоте никогда не была легкой, но всегда одной из самых почетных и востребованных. Всем известны умелые матросы и грамотные командиры, которые служат на наших флотах — Балтийском, Северном, Тихоокеанском, Черноморском, на Каспийской флотилии, в том числе они составляют экипажи боевых кораблей, катеров и судов обеспечения, которые пройдут сегодня в кильватерном гордом, парадном строю.

Уверен, что благодаря профессионализму, стойкости военных моряков и морских летчиков, бойцов морской пехоты и береговых частей, их верности Отечеству и российскому флоту слава Андреевского стяга никогда не померкнет.

Напомню о заветах Петра Первого, которые он подробно отразил в Уставе Морском: ни перед кем не спускать флаг — флаг корабля, не отступать и не сдавать корабль врагу.

С праздником вас! Да здравствует российский Военно-Морской Флот!
Ура!

Юрий ШЕСТАКОВ

НЕТЛЕННАЯ ОПОРА

Поэма

*К 800-летию Святого
благочестивого Великого
князя Александра Невского*

Все ярче слышу темными ночами:
озвучено бесстрастными часами,
уводит время к дали неизвестной,
потрескивая над незримой бездной
ледком тончайшим видимого мира.
И хрупкой мнится теплая квартира.
Грядущее мгновенье не измерить, —
лишь вероятность жизни или смерти
скрывается в потоке временном
за каждым миготом, будто за углом
незримо искривленного пространства.
В материи не вижу постоянства:
ни в микромире и ни
во Вселенной, —
горит ее нутро, как под рентгеном,
когда она, дневную сбросив кожу
и с заведенными часами схожа,
раскручивает в бездны

дальних далей
пружины галактических спиралей,
так зримо отразивших свысока
незримые спирали ДНК.
Ни там, ни здесь —

ни капли вечной тверди.
И в этой безупрочной круговерти
все нестерпимей

жизни скоротечность,
дурная обступает бесконечность,

Юрий Михайлович Шестаков (13.01.1949, с. Богословка, — 19.12.2010, Санкт-Петербург) — поэт, сценарист. С семи лет жил в Ленинграде, где окончил школу и Ленинградский технологический институт. В 1986 г. стал лауреатом премии Ленинградского комсомола. В 1988 г. принят в СП СССР по рекомендации поэтов Арсения Тарковского, Сергея Давыдова, Леонида Агеева. В 1993 г. окончил Высшие литературные курсы в Москве. В 1997 г. был удостоен Всероссийской премии им. А. Фета. С 2001 г. — председатель секции поэзии СПб отд. СП России. Автор лит. сценариев кинопоэтических лент: «В начале было...», «Два дома», «Возрадуйся!», «Вокруг огня», «Главное чудо», нескольких книг стихов и многочисленных публикаций в периодических изданиях и сборниках. Его стихи переводились на болгарский, эстонский, таджикский, киргизский, белорусский языки.

низводит плоть живую до нуля,
вокруг мирами звездными пыля...
Сравнив себя с их массой без предела,
теряю ощущение массы тела.
Мне остается лишь душа одна.
Все злей прямоугольный глаз окна,
все пристальней его сквозные взоры,
но нечем встать душе и сдвинуть шторы,
раздернутые кем-то, как назло.
И ночь ко мне вползает сквозь стекло,
из тучи выпуская лунный коготь:
он жжет меня, теней сгущает копоть,
до ужаса сжимает страха круг
вокруг души, как будто вытесняя
ее из этого земного мира...
И, как сквозь воду, видится квартира,
и я тону куда-то, я лечу,
стремительно проваливаюсь в бездну,
кричу отчаянно и бесполезно:
не за что ухватиться, удержаться,
нет никакой опоры.
Но вот
я медленно пробуждаюсь от собственного крика,
но будто продолжаю падать
из безвоздушного сна
в дневное
заоконное пространство:
где-то там,
в черной
космической глубине
синего неба,
висит слепящее светило,
загадочно опираясь на пустоту...
И вновь становится мне жутко.
Отворачиваюсь от окна.
И вдруг
вослед за тонкими лучами солнца
сквозь слезы опирается мой взгляд
то на иконный лик святого Александра,
то на иконы всех святых Руси-России,
то на пристально-глубокий взор.
Глаза их сокровенны и спокойны:
там, где они — ни суеты, ни страсти...
Окно и душу раскрываю настежь
и вслушиваюсь в голос колокольный.
И верится, наш грешный мир спасется,
и чудится сквозь благовеста звоны:
не Солнцем освещаются иконы —
святые лики освещают Солнце!

БИТВА НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло.

Евангелие от Лк. 8, 33

Взор небес библейски-синий.
Солнце красное взошло
и дремавший тускло иней,
будто порох, подожгло.
Вспыхнул снег! Влажнеют очи.
Прячется за спину тень.
Свет взорвал остатки ночи,
ярко грянул новый день! —
На Чудском ледовом поле —
Александр, полки за ним.
И, как знак Всевышней Воли,
над главою князя — нимб
солнца. Весело искрится
снег, лучам небесным рад.
Но у воев хмуры лица,
но печален Александр:
многим жизням нынче будет
не пройти сквозь плотный мрак
вражеских рядов железных,
содвинутых тесно
на поле замерзшего озера.
И сердца ратников бьются неровно, с перебоями,
то замирая,
то учащая свои биенья.
Перед битвой всегда бесконечно протяжны мгновения...
Воины глядят на жизнь земную,
будто из Вечности,
и глубоким тихим светом
полнятся людские взоры:
для кого-то очень скоро
может стать
мир земной — зияющей дырою
в мир иной...
И потому сегодня под броней
на теле каждого дружинника —
чистые, как этот снег, рубахи смертные.
Псы-рыцари идут навстречу русским!
И так тверда их броневая поступь,
что, не сдержав напора, дрогнул воздух
и ветром откатился, побежал,
и лед от броней тяжких задрожал,
раскачиваясь в грозный ритм шагов
в бой одержимо рвущихся врагов,
уверенных, что путь к победе краток.
Схож со свиньей их боевой порядок.
Хотят они отбросить русских с хода.

И конница в металле, и пехота.
Трубят рога, свистят пращи и стрелы, —
летят они в грядущего пределы
прообразом психических атак...
А русские полки замерли,
будто вмерзли в это чистое пространство,
как в прозрачный лед.
Подвижны только капли пота,
все глубже прожигающие снег...
Князь зорко наблюдает за врагом,
возжаждавшим богатств земли чужой,
одержимым силой злой,
вошедшей в этих рыцарей-людей.
Вот рыцари вошли в «свинью» и в ней
так бешено стремятся множить смерть,
а, значит, и хаос разрушений
живых человеческих тел,
православных храмов —
жилищ Божественного духа...
Христу усердно помолясь,
ярко вдруг припомнил князь
одну евангельскую притчу:
однажды Иисус Христос
изгнал из одержимого легион бесов,
и вошли те бесы в свиней,
и бросились свиньи
в глубокое
Генисаретское озеро,
и, как в бездне, утонули...
Навсегда глубок и вечен
смысл евангельской той притчи.
Неслучайно перед сечей
князь ее припомнил нынче.
Александру стало жарко,
взор влажнеет, в горле сухо.
И, прозрев победу ярко,
телом он воспрял и духом.
Свято веря в свет небесный,
об изгнание бесов помня,
с тьмой сразимся чужебесной...
да подаст Господь нам помощь! —
Прут враги, надменны, дерзки,
на «свинью» похожим строем,
для нее Генисаретским
станет озеро Чудское!
Князь клинок свой поднимает,
и полки зовет в атаку!
Меч — как молния прямая,
как слепящий вызов мраку.
И летят полки, напомя
лик двуглавого орла,

выпускают когти-копья,
блещут сталью два крыла:
с правым левое стремится,
приложив всю мощь свою,
сквозь врагов соединиться —
распоров с боков «свинью»!
Горячо металл сверкает,
одержимый жаждой крови...
Нет! Металл в убийствах не виновен,
к человеку равнодушен.
Не оружие опасно:
меч безволен и руке послушен,
а рука — душе подвластна.
Смерть несут клинки и стрелы, —
не они тому виной:
дух нетленный движет телом,
тело брэнное — броней.
Грохот, лязг вооружений!
Бледен пар кровавых луж.
Зримо явлено сраженье
не материи, а душ.
Немцы с русскими сшибаются,
будто встречные потоки,
яростно бурлящие, теснящие друг друга,
боевые порядки ратников ломаются...
Но из хаотического смещения тел,
мечей, щитов, копий, стрел,
конского ржания, человеческих криков и кликов
вязко и протяжно рождается
ритм тяжелый тяжкой битвы.
Недруг сильный, грозный, грузный,
то пятится, то движется вперед.
Прочны его ряды, и верх берет
то тевтонский дух, то русский.
Нам жизни свыше для любви даны,
не чужих земель захвата ради.
Верит князь: не в силе Бог, а в правде,
земные битвы — тени битв иных...
Одержимы немцы, но для них
неудержимы русские, — врагов
так теснят, что тело их «свиньи»
трещит по швам редющих рядов!
Озеро трещит! Врагам не превозмочь
ни высь духовную загадочной страны,
ни снизу им грозящей глубины...
И бегут, бегут тевтоны прочь!
Вдруг под ними, ужас в них всея,
разверзся лед на тонком поле бранном,
а для полков летучих Александра
крепок он, как русская земля.
Мечутся псы-рыцари и тонут

в озерной бездне,
тянут их на дно
оружие,
доспехи,
приведшая на Русь гордыня,
и вода Чудского озера
навсегда утоляет их жажду.
Устало опускает Александр
свой меч, разгоряченный в битве
и мирно остывающий теперь.
Давно известно: все проходит,
всему — свой строк.
Не найти в реке-времени брода...
Судьба-урок дается неслучайно
и человеку, и народу.
И неслучайно в полыньях
пред князем смерть бурлит свирепо,
клокочет отражение неба, —
о том, что в горних небесах,
для вражьего незрима взора,
тверда земли моей опора:
сейчас и присно, и в веках!

РАССВЕТ

Окончена битва.
Дымится ледовое поле.
Взоры раннего солнца и поздней луны
затуманены.
Убитых молчанье — о смерти,
а стоны — о боли,
о страданиях, о жизни,
оставшейся в тех, кто изранен.
Смертельно устали сегодня
и люди, и кони:
бредут они,
спотыкаясь о груды оружия, щитов,
о холмики тел.
Восход бескровен, бледен, словно мел.
Но, будто алым криком,
цветом крови
земля оглушена:
шершавым языком поземки
зализывает стужа свой избитый лед
и раны павших,
так беспорядочно здесь лежащих,
еще совсем недавно
одушевленных и осознававших
себя — людьми:
бились их сердца в груди,
смерть казалась нереальной,

жизнь — безмерной впереди.
Александр скорбит о погибших,
вопрошает Господа смиренно:
«Зачем так много нестроений,
так много тьмы на этом белом свете
и все вокруг так временно, так тленно?»
И чутким сердцем слышит голос свыше,
что все проходит на земле не зря:
чем ночь темней, тем радостней заря.
Нелегко путь к ней: узок, неровен и тернист,
открыт он всем, земной рассвет — лишь тень,
дойдет к нему тот человек,
кто сердцем светел и душою чист.
Страны моей начало — Русь Святая,
сияет высоко и сокровенно
в пределах тонких Божьего эфира, —
служить ей до скончания веков
нетленную опорою для мира.
Пока еще порывы духа в силе,
пока еще жива Земля планета,
дано, пронзая тьму, сиять РОССИИ,
как Солнцу, —
до последней
капли
света!

ВЫШАА КНИГА

Фёдоров М.

Герои Сирии. Символы российского мужества. — М.: Вече, 2020. — 432 с.: ил. — (Войны XXI века).

В книге Миханла Фёдорова рассказывается о наших военных, которые встали на пути чумы XXI века, грозившей поработить всё человечество, о том, откуда эти офицеры, когда родились, как росли, как учились в школе, почему связали свою судьбу с военной службой, как оказались в Сирии, где выполнили воинский долг.

Автор рассказывает о майоре Романе Филиппове, чей поступок всколыхнул всю страну; о передовом авиационном наводчике старшем лейтенанте Александре Прохоренко, вызвавшем огонь на себя; о начальнике разведки гаубичного дивизиона капитане Марате Ахметшине, который остановил боевиков под Пальмирой; о командире Кореновского вертолётного полка полковнике Ряфате Хабибуллине, который бросился на спасение сирийцев; о подполковнике из Липецкого авиационного центра Олеге Пешкове и его штурмане майоре Константине Мурахтине, сбитых турецким самолетом над горами Туркмени; о боевом летчике майоре Дмитрие Линнике, прошедшем две чеченские войны и воевавшим в Сирии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, кому небезразлична судьба мира и живущих на Земле людей.

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«ПУСТЬ ВЫМОЮТ ОДЕЖДЫ СВОИ»

(Исх. 19:10)

*Взаимосвязь религиозного
сознания и экологической
ответственности человека*

*...виноград их от виноградной лозы
Содомской и с полей Гоморрских;
ягоды их ягоды ядовитые, грозди их
горькие...*

Библия, Книга Второзаконие 32:32

Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне...

Послание к Римлянам
апостола Павла 8: 19–22

Современные экологические катастрофы происходят не из XX столетия с его тяжелой угольной промышленностью и не из перегруженного атомным и другим оружием XXI века. Все началось гораздо раньше, с трагедии космического уровня — с грехопадения прародителей человечества. Именно тогда, когда произошло затмение райского

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

сознания, человек вынужденно стал искать новые способы бытия, цепляться за матушку-землю, видеть мир по-своему, не сообразуясь с Богом. Следствием этой катастрофы стало то, что «человек видит универсум согласно своей собственной испорченности, своему вожделению и своему отвращению, и этим самым он затемняет, отягощает и дробит мир. Так появляются на свет смертельные модальности времени, пространства и материи — времени поношенности и смерти, пространства, которое разъединяет и закрепощает, тяжелой и несвободной материальности, зеркала нашей духовной смерти. Изнасилованная земля становится для человека могилой»¹.

Сегодня чистота души, легкость воздуха, прозрачность воды, гармоничная красота природы — стали, кажется, недостижимыми, идеальными уровнями бытия. Хотя из космоса в своем голубом сиянии Земля видится чистейшим небесным объектом. Но какова она в приближении?..

I. «...Видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают»

(Мф. 13: 13–14)

«Экология» — сегодня настолько расхожий термин, что современный человек может позволить себе собственную его интерпретацию, распространяющуюся на такие далекие друг от друга проблемы, как, например, система взаимоотношений между живыми организмами и средой их обитания или «экологически чистый футбольный клуб».

Заметим, что у всех основных определений экологии есть одно неизменное общее — это их сугубо материальная сущность, природная телесность. Не нами доказано, что главное в человеке — дух и душа, а потом тело. Поэтому и экологические вопросы, связанные с бытием человека, неразрешимы вне экологии духа и души, и только потом материи. Эта иерархия определяет иерархию высших и низших ценностей, без которой наш вопрос рассматривать невозможно.

Сегодня, когда в мире столько бездомных людей, гиганские свалки, погибающие от нечистот реки и леса, загрязненные мусором океаны и в большинстве равнодушное ко всему этому человечество, встает закономерный вопрос — как не оказаться нам всем божьими, изгоями на своей Богом данной прекрасной планете Земля? Как не стать рабом своей плоти и материальных прихотей?

Разумом многие из нас понимают недопустимость рабства в любых его проявлениях: рабства социального, национального, бытового и др., но почему-то не находят сил вырваться из него. А эти силы есть, и недюженные, но они находятся не в материальной, не в телесной составляющей каждого индивидуального бытия. Наличие души — делает человека человеком уникальным, неповторимым. Именно человеком, а не просто классификационным *Homo sapiens*. Это применительно к последнему можно говорить, например, об аутоэкологии или синэкологии. Аутоэкология оперирует такими категориями как динамика численности популяций, их продуктивность — по биомассе, энергии. В ее рамках можно рассматривать адаптации организма к абиотическим факторам и т. п. Синэкология проясняет

¹ *Клеман Оливье*. Вопросы о человеке. // Беседа. Религиозно-философский журнал. Ленинград—Париж. 1990. С. 11.

Мусорный остров в Тихом океане. Скопление мусора антропогенного происхождения в северной части Тихого океана. Он расположен между 135°–155° западной долготы и 35°–42° северной широты. На этом участке находится скопление пластика и других отходов, принесенных водами Северо-тихоокеанской системы течений

взаимоотношения одних организмов с другими. Обе они связаны косвенно с природой, с климатом, но никакими ценностными категориями не обладают, в отличие, например, от науки «охрана природы», развивающейся на основе нравственного механизма. И здесь уже надо говорить о человеке, о жизни его души.

С древности известно представление о душе, как о единстве чувства, ума и воли. Именно такое условное деление, элементы которого у современного человека иссякают или деформируются, наиболее понятно объясняет наши современные беды. Нельзя не беспокоиться сегодня об оскудении человеческих чувств, об отказе от душевного содержания людских взаимоотношений. Особенно эта сторона жизни важна для женщин, матерей, воспитательниц подрастающего поколения. Важна в духовном становлении человека и сфера ума. Ее давно обобщил и исследовал академик В. И. Вернадский, связавший человеческий ум с некоей ментальной правдой, которая живет в человеке и которой может жить сам человек. А еще раньше поэтично об этом сказал великий М. Ю. Лермонтов: «Есть чувство правды в сердце человека».

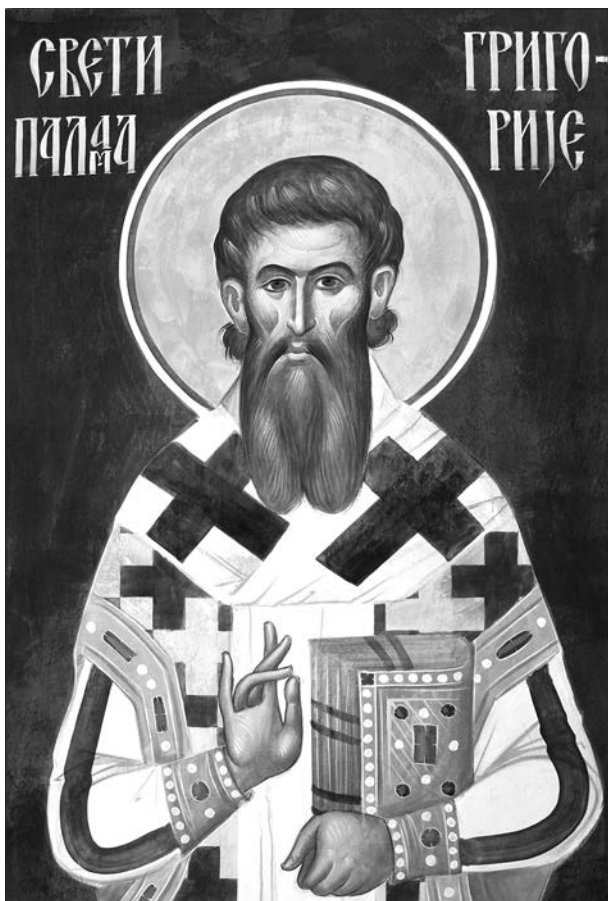
Наиболее сложное, трудно определяемые понятия — это понятие воли — деятельной силы души и свободы воли. Изначально своей, данной ему от Бога свободой, человек распорядился неправильно, понял ее как

отсутствие любых ограничений, что присуще только Абсолюту. Человек, не являющийся причиной самого себя, имеет ограничения своей свободы. Тело человека подчинено, детерминировано законами материальной природы, душа — социально-нравственными законами общественной жизни, и, чтобы существовать в этих законах, требуется воля.

Человека, не обладающего волей, в древности называли «расслабленным» и считали смертельно больным. Воля обеспечивает необходимые связи в душе человека. Если нет воли — нет смысла человеческого существования, невозможно построить духовный дом, о необходимости чего сказано в Священном Писании: «разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3: 16,17). Только в Боге, только в Церкви происходит это устройство, а в идеале — спасение.

Символичен и актуален жизненный образ «расслабленного» в Евангелие: *«тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой»* (Марк 2:11), исследованный Отцами Церкви. Так видит смысл события древний богослов Петр Хрисолог (380–450 гг.): *«Возьми постель твою, — то есть носи то, что носило тебя. Поменяй их местами, чтобы свидетельство немощи стало подтверждением здоровья, чтобы ложе печали стало знаком твоего исцеления; чтобы тяжесть его стала весом твоей восстановленной силы»*¹. Интересен этот сюжет и свт. Григорию Паламе, который его поясняет так: «...среди людей прощение проступков, если кто обидел кого, часто производится словом, но чтобы болезнь, и то таковая болезнь, могла обратиться в бегство силою единого повеления и слова, это возможно — только Богу. Посему Евангелист говорит, повествуя, что все видящие (совершенное Господом исцеление расслабленного) удивлялись и прославляли Бога, т. е. Его, конечно, Творца сего неизреченного чуда, лучше же сказать, — Творящего славные и страшные дела, которым нет числа, — говоря: *“Яко николиже тако видехом”*. Но те люди, действительно, таким образом, словами воздавая славу и возвещая чудо, большее всех прежде бывших чудес, говорили: *“Николиже тако видехом”*. Мы же не можем теперь так говорить: потому что мы видим многие и гораздо большие, чем это, дела, совершенные не только Христом, но и Его Учениками и бывшими после них преемниками, и то совершаемые единым призыванием имени Христова. Посему, братие, теперь уже мы Его будем прославлять делами, возвышенным умом воспринимая это чудо, как пример для добродетели: ибо всякий предающийся услаждениям, расслаблен душою, лежит на одре сладострастия с соответствующей сему расслабленной разнузданности тела. Но когда, убежденный евангельскими увещаниями, покаявшись, он восторжествует над своими грехами и над порожденной ими расслабленностью души, тогда он бывает приносим ко Господу сими четырьмя: презрением к себе, исповедью согрешений, обещанием на будущее воздерживаться от зла и молитвой к Богу. Но они не могут приступить к Богу, если только не раскроют крышу, разметав черепицы, глину и иной материал. Кровлей же в нас является мыслительная часть души, как все в нас покрывающая; заключает же она в себе как бы многочисленный, нагроможденный материал, имеющий отношение к стра-

¹ Толкование От Марка 2:11 — толкование Отцов Церкви: <https://bible.by/fater/41/2/11/> (дата обращения 06.07.2021).

Святитель Григорий Палама

свидетельствует катастрофическое состояние современной цивилизации. А почему оно стало таковым? Потому, о чем говорилось еще в Библии: «...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: “слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите...”» (Мф. 13: 13–14). Но что это значит?

Эти иносказательные слова Иисуса Христа, основанные на пророчестве ветхозаветного пророка Исаии, актуальны сегодня даже более, чем тысячи лет назад, так как относятся к проблеме, связанной с судьбой всего человечества, с *последними временами*, дыхание которых мы ощущаем ныне вследствие нарушения временных циклов, страшных природных катастроф и т. п. Смысл пророчества в том, что люди сами являются причиной своих бед, но не понимают этого, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Эти слова обращены к тем, кто закостенел во зле, кто отвращается от Бога. Но Господь не навязывает Своей благодати тем, кто ее отвергает, Он лишает света закрывших от Него глаза, Он оставляет в невежестве не

стоям и к земному. И вот, когда это состояние станет расцеплено и уничтожено сими выше реченными четырьмя, тогда действительно мы сможем быть спущенными, т. е. истинно смириться и припасть и приступить ко Господу, и просить и получить от Него исцеление»¹.

Во многом этот библейский сюжет и его толкования великими богословами проясняет и наш вопрос, не поддающийся решению без духовных проекций. Невозможно дать рекомендации по исправлению современного экологического положения, как невозможно получить исцеление посредством внешних контуров бытия, не испросив и не получив исцеление человека от Бога. О том, что надо спешить и не перекладывать свои грехи на плечи будущих поколений,

¹ Григорий Палама, святитель. Беседы (Омиллии). С. 19. booksonline.com.ua/view.php?book=123953&page=19 (дата обращения 08.07.2021).

желающих знать благодать, дарованную Христом Своим ученикам. Добровольная слепота, глухота, ожесточенность являются и человеческим грехом, и страшным Божиим наказанием. Человек, отказывающийся от благодати, может совсем лишиться ее.

Господь не желает этого, Он щедрый сеятель слова. Сеяние слова — это сеяние семени, т. е. Слова Божия в души людей. Бог назвал Свой народ зерном гумна Господня. Выходов может быть много только при наличии корней благодати. Когда Евангелие входит в душу, оно производит универсальную перемену в человеке, проникает во все свойства и способности души, изменяет свойства даже членов тела, они становятся *«орудием праведности»* (Рим 6:13). Слово Божье есть Слово о вере и покаянии, о святости и любви, и все это оно производит в душе, умягчая ее. Ведь для хорошего урожая требуется благодатная почва души.

В Библии не раз говорится о почве иносказательно. Сегодня мы понимаем неразрывную связь почвы духовной и почвы земной, обе они оказались в удручающем состоянии. Так поясняет известный религиозный философ Александр Шипков сложно-нераздельное понятие «духа и почвы». «Один из литературных памятников Древней Руси называется “Слово о погибели Русской земли”. Почему понятие “земля” занимает такое важное место в языке в нашу совсем даже не аграрную эпоху? Дело в том, что “земля” — это не только материальный ресурс и территория. Это огромный сосуд, вмещающий в себя бесценный культурный опыт поколений. Для России данный факт особенно важен. Ведь наш коллективизм и общинное сознание как нельзя лучше соответствуют понятию “дух и почва”. Понятию, далекому от таких, как “кровь и почва” или “беспочвенность” крайностей, которые в наше время все чаще сходятся и угрожают гибелью русской земле.

Дух и почва позволяют людям сообща растить свой сад во имя лучших целей. До последнего времени мы редко вспоминали об этом. Но в 2014 году нам повезло. Херсонес, сакральная точка русской культуры, вернулся в Россию вместе с Крымом и его жителями. Это был момент национального пробуждения и какого-то нового, а точнее, хорошо забытого старого трепетного отношения к родной земле.

Национальное чувство обрело новые краски, по всей России люди начали легко узнавать “своих” и больше доверять друг другу. Сработали механизмы регенерации национальной идентичности. Огромную роль в этом процессе сыграла наша сакральная география, которая Херсонесом только открывается.

Нас объединила святыня. Не книжная, а настоящая, оваянная теплым ветром Истории»¹.

У России есть ценностное понимание «родной Земли». Как говорит А. В. Шипков, «Тяга к сакральным местам, или, говоря наукообразно, к метакультурным объектам национальной географии — и есть внутренний взор народа. Сакральная география вместе с великими событиями прошлого образуют культурно-исторический хронотоп (отсылаю к Ухтомскому и Бахтину), то есть внутренне неразрывное “время-пространство”, обеспечивающее народу безошибочную ориентацию и движение в потоке истории»².

¹ Шипков А. В. Вопросы идеологии. Монография. <http://shchipkov.ru/40710> (дата обращения 18.07.21).

² Там же.

Но остальная современная цивилизация, отказавшись от Христовых заповедей, от правдивой истории, усугубила духовное обнищание человечества, породила, как следствие, огромные экологические проблемы. Сегодня облик Земли искажается в планетарном масштабе. Поражены недра, почва, вода, воздух, животный и растительный мир. Окружающая нас природа, практически, полностью вовлечена в жизнеобеспечение человека, который уже не довольствуется многообразием ее даров, но безудержно эксплуатирует целые экосистемы. Деятельность человека, достигшая масштабов, соизмеримых с биосферными процессами, постоянно возрастает благодаря ускорению темпов развития науки и техники. Экологическое равновесие нарушено; человек поставлен перед фактом возникновения необратимых пагубных процессов в природе, включая подрыв ее естественных воспроизводительных сил.

Все это происходит на фоне невиданного и неоправданного роста общественного потребления в высокоразвитых странах под международным слоганом «Бери от жизни все!», где стремление к изобилию и роскоши стало нормой жизни. В результате Земля в XXI веке оказалась на пороге глобальной экологической катастрофы, которая не возникает сама по себе. XXI век, так же как и век XX, как показывает наука, ознаменовался своими революциями, нахлынувшими на наш дом. «Это, во-первых, научно-техническая революция, приведшая к переходу к информационному обществу. Во-вторых, культурная революция, которая привела к тому, что, с одной стороны, образование стало общедоступным, а, с другой, вместо народной и высокой культуры (культуры образованных слоев) господствовать стала массовая культура. Наконец, произошла еще одна революция — сексуальная»¹. Действительно, эти три революции тотальные, неумолимо ворвавшиеся в наш дом, были направлены в первую очередь на людские души, на лишение их крепости и устойчивости. В результате произошло много нравственных крушений. И кажется, ничего нельзя противопоставить этому убийственному процессу, который как будто явился катализатором для выявления ранее возникших нравственных разломов, как, например, сексуальная революция выявила кризис безблагодатного брака, без прикрас исследованного Л. Толстым в «Крейцеровой сонате». Или информационное нашествие. Для нас знание превратилось в сухую информацию, и мы созерцаем природу не как Божие творение, а через экраны мониторов, не чувствуя ее Божественных энергий.

Следствием становится насаждение и укоренение в сознании миллионов образа человека эпохи трансгуманизма. Говорю это со знанием дела, так как много лет руководил Советом по биомедицинской этике Русской Православной Церкви. О серьезности положения и важности нашей работы свидетельствуют такие принятые Советом заявления: «О вспомогательных репродуктивных технологиях», «О “вечной” актуальности эвтаназии», «О редактировании генома человека», «Об этическом кодексе в отношении пожилых» и мн. др.².

Эти проблемы связаны с тем, что в середине XX века возникла новая разновидность гуманистического мировоззрения, которая получила назва-

¹ Баневич Г. Три революции: информационная, культурная и сексуальная революции с христианской точки зрения // Наука и вера. СПб., 2003. С. 13.

² См.: Православие и проблемы биоэтики. Сборник. М., 2021. С. 172.

ние «трансгуманизм». Трансгуманизм утверждает не только возможность, но и целесообразность улучшения природы человека уже в ближайшем будущем с помощью применения последних достижений научно-технического прогресса. По сути, эта идеология провозглашает необходимость сознательной, научно-контролируемой эволюции человека как биологического вида с ближайшими целями: увеличить продолжительность здоровой жизни человека, расширить наши интеллектуальные и физические способности и предоставить нам все возрастающий контроль над нашими собственными психическими состояниями.

Для этого предлагается биоинженерия человека с использованием последних достижений в биомедицинских технологиях, генетике, нейронауке, нанотехнологиях, компьютерных технологиях и создании искусственного генома человека. Трансгуманизм ставит задачу перепроектирования человека и проектирования будущих поколений с выходом из под биологических ограничений собственной природы и обретения над ней практически полного контроля. В итоге человечеству предлагается достижение постчеловеческого «райского» состояния без Бога и тех духовно-нравственных ограничений, которые обусловлены Его образом, лежащим в фундаменте духовно-телесной природы человека. А это означает, что идея о неизменной человеческой природе, из которой мы получаем представления о человеческом достоинстве и о важнейших правах человека, будет более не применима.

Трансгуманизм, несмотря на кажущуюся новизну, не представляет из себя чего-либо принципиально нового и является жалкой пародией на обожение, открытое для человека в Богочеловеке Иисусе Христе. Христианскому «чаянию воскресения мертвых и жизни будущего века» (Символ веры) противопоставляется человекобожие постгуманизма, выраженное в идеях Ф. Ницше о «смерти Бога» и сверхзадаче преодоления человека в сверхчеловека.

Как говорит доктор философских наук Александр Казин, «трансгуманизму вообще не нужны люди — ему нужны коммуно-капиталистические потребители-рабы, о которых грезил еще Бухарин с Троцким, и которые в виде киборгов с искусственным интеллектом выковываются теперь демпартией США, а вслед за ней и всем цивилизованным либеральным миром. Правящая элита постмодерна будет гулять в дзенских садах под шелест струй и заниматься игрой в бисер, а тягловые постлюди, доведенные до нужного количества путем планирования экономики, ограничения рождаемости (гомосексуализм), умных информационных сетей и неизвестных эпидемий, обеспечивать им это райское блаженство. Экологический коммуно-капитализм “близ есть, при дверях”, и неважно, как он будет политически называться — ленд-арт для нового прекрасного мира готов»¹.

Трансгуманизм является логичным итогом развития гуманизма, отвергнувшего свое христианское происхождение, а вслед за ним и абсолютные онтологические основания всей человеческой культуры, что дезориентирует человека в пространстве нравственных ценностей и ведет его к деградации.

¹ Казин А. Л. Западно-восточные сады и русская идея. https://ruskline.ru/news_rl/2021/07/26/zapadnovostochnye_sady_i_russkaya_ideya?fbclid=IwAR3FBft0INSBabLTqh0MuB3pF5_NRw8JXkrHs2GhpNRdXiH80BhmNVwoCgI (дата обращения 04.08.2021).

На первый взгляд все эти революции кажутся страшными, необратимыми. Можно думать, что они посланы нам и как наказание Божие, и как «откровение зла» для вразумления нас, чтобы спаслись и пришли к пониманию истины не только люди верующие, но и, осознав возможную глубину человеческого падения, все остальные люди. И в основе этого осознания — понимание того, что из нынешнего глобального экологического и духовного кризиса для человечества может стать действенным только религиозный выход, только путь веры.

II. «Мысленный свет»

Наука, технологии не могут заглянуть за грань первородного греха, так как сами существуют как его следствие. Как говорит французский богослов, профессор Свято-Сергиевского православного института в Париже Оливье Клеман, «то, что в науке называется “эволюцией”, в духовном плане является ничем иным, как процессом объективизации, экстериоризации космического существования, преданного первым Адамом. Мир перестает быть “мистическим телом” Адама, он распадается, тонет в отчуждении и смерти, но Бог все же держит этот мир, ведет его к Боговоплощению, к новому Адаму»¹. Возникает убежденность, что миру, оказавшемуся в хаотическом многообразии в результате расщепления единого существа, первого Адама, надо возвращаться ко Христу (второму Адаму).

Суть религии (religio) — это связь человека и через него всего тварного мира с Богом-Творцом, это осознание созидательного Божественного

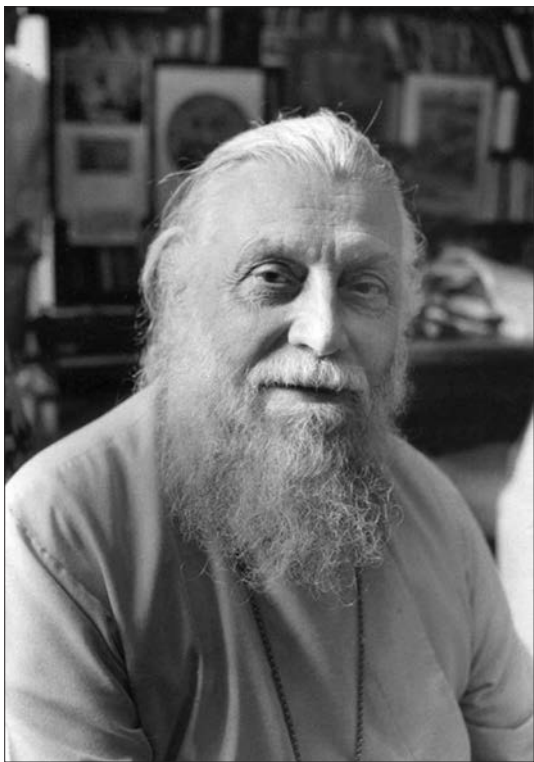

*Оливье Клеман, богослов, профессор
Свято-Сергиевского православного
института в Париже*

*мысленного света, о котором говорит святитель Василий Великий. Религия способна разрешить противоречия в отношениях между человеком и миром через восстановление разорванной связи, через духовную, нравственную, культовую мотивацию поведения человечества, данную в Заповедях и являющуюся стержнем каждого человека, повторяющего Образ Творца. Бог есть любовь, силой энергии любви Он *творил Мир и, сотворив* его, передал человеку возделывать и хранить рай — Природу для всех последующих поколений.*

¹ Клеман Оливье. Вопросы о человеке. // Беседа. Религиозно-философский журнал. Ленинград—Париж. 1990. С. 12.

Беликие каппадокийцы, святители Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский в своих сочинениях уделяли особое внимание проблеме сотворения мира, которая имеет важное значение в рассмотрении наших вопросов. Свт. Василий Великий так говорит о сотворении мира: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира... Еще ранее бытия мира, было некоторое состояние приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — *мысленный свет*, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря *яко Тем создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти* (Кол. 1:16), и ангельские воинства и архангельские чинопачения. А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще местопребывание для всего подлежащего рождению и разрушению; тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее, и нигде не прерывающее своего течения»¹.

Епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий (Родзянко)

Епископ Василий Родзянко², комментируя слова свт. Василия Великого, обращает внимание на то, что «здесь у него Вселенная — в трех своих начальных стадиях, а именно ангельский мир, затем “сей мир”, но еще до греха, в своем райском состоянии; и наконец, после слов “а потом и вообще местопребыванием для всего подлежащего рождению и разрушению” сей же мир, но после грехопадения». Св. Василий Великий подчеркивая, что Бог не виновник зла, что «там вся добра и добра зело» (Быт. 1:31), делает вывод, что зло не сотворено вместе с тварями. Из слов Василия Великого следует, что до грехопадения было некое другое

¹ Цит. по *Захаров Михаил, протоиерей*. Христианство и наука о происхождении и эволюции Вселенной. // Христианство и наука. М., 2003. С. 320–330.

² *Василий Родзянко, епископ*. Теория распада Вселенной и вера Отцов. Каппадокийское богословие — ключ к апологетике нашего времени. Апологетика XXI века. М., Православный паломник. 1996. С. 237.

состояние мира, где не было смерти и зла. Зло вошло в мир через грехопадение человека.

Нам надо понимать, что земля и человек не отдельные понятия. Так о кровной взаимосвязи всякой сущей твари и сынов Божиих, должных вместе преобразиться во спасение, говорится в Новом Завете. *«Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне»* (Рим. 8:19–22). В этом кратком образном отрывке показано многовековое всемирное мучительное бытие как следствие человеческого падения. Основываясь на понимании этих слов Симеоном Новым Богословом, можно сказать, что тварь не захотела служить преступившему заповедь Адаму, видя его отпавшим от Божественной славы, обманувшим Бога, своего Творца. Поэтому, еще прежде сотворения мира, Бог предопределил спасение человека через его возрождение, через домостроительство Христово. Бог подчинил человеку тварь и покорил ее тлению, так как тленным сделался человек, для которого она создана, чтоб она каждогодно доставляла ему тленную пищу. Когда обновится человек и сделается нетленным, бессмертным и духовным, тогда вместе с ним обновится и вся тварь и сделается вечною и нетленною. Или, как говорит свт. Иоанн Златоуст, «суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании»¹.

Все твари с надеждою ожидают тех сынов, которые должны были быть рождены в жизнь воскресения, чтобы ради них ожить и им (тварям). Духовным возрождением мы принимаемся в Царство Божие — не как чужие, но как Божие творения и наследники.

Но и после Адамова грехопадения Бог остался с человеком. Вспомним первые главы Книги Бытия, вспомним приметы Рая: *«Из Едема выходила река для орошения рая. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс»* (Быт. 2:10–12). Река, полезные ископаемые, все это являет Господа. Таково толкование этого библейского образа преп. Максимом Исповедником: «И тот и другой являют Господа: уголь — так как он светоносный и горячий, ибо Господь дарует знание и искореняет порок. Зеленый камень тоже являет Господа, так как усиливает зрительную силу², ибо Господь дарует силу созерцательному [началу] души»³. И ныне мы должны ощущать присутствие Бога в каждом элементе Его творения. И относиться ко всему с благоговением.

Но сегодня мы видим, что этика падшего, совершенствующегося во зле и грехе человека работает не на хранение, а на разрушение природы, самого человека и всей цивилизации. И здесь следует вспомнить слова святителя Григория Богослова, говорящего, как и свт. Василий Великий, тоже о нескольких мирах, но добавляющего: «Бог как скоро устроил мир, с первого же мгновения, по великим и непреложным законам, движет и водит его,

¹ Иоанн Златоуст, свт. Толкование на Рим. 8:17.

² Издревле считается, что зеленый камень — оникс усиливает силу и остроту зрения.

³ Максим Исповедник прп. Вопросы и недоумения. Перевод с древнегреческого. Ред. Баневич Г. И., Черноглазов Д. А., Св. гора Афон — Москва. 2010. С. 116.

как кубарь, ходящий кругами под ударом»¹. Это очень важное добавление, свидетельствующее о великих и непреложных законах бытия, что дает онтологическое обоснование естественным наукам, с помощью которых могут быть исследованы интересующие нас экологические законы, напрямую связанные непреложными духовными закономерностями. «В мире действует промысел Божий, ведущий мир ко спасению. Человек, обладая свободой воли, может действовать в согласии с волей Божией, тем самым способствуя продвижению мира ко спасению, либо в силу своей греховности противиться воле Божией, подобно Адаму в раю, препятствуя этому. Мир как пал по воле человека, так может либо спастись, либо окончательно погибнуть тоже по его воле»².

Западный мир в тяжкие времена призывает на помощь логику, надеется исключительно на человеческий разум; мир православный понимает, что только воцерковленный разум, связанный с тем Светом, «*Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*» (Ин. 1:9), может быть действенным. В противном случае, согласно христианской антропологии, разум находится в состоянии *греховного расслабления*. Так поясняет эту оппозицию известный современный ученый, философ и богослов Владимир Катасонов. «Так называемый “естественный свет разума”, *lumen naturale rationis* не есть для православного богословия что-то постоянное, а зависит от духовной жизни человека. Он — разный у разных людей и в разные эпохи. Это не значит, что законы формальной логики, например, неверны в какую-нибудь историческую эпоху. Но это значит, что *очевидность* этих законов, *доверие к их убедительности* зависит от общемировоззренческого горизонта, в котором они рассматриваются. Для одного времени, для одной духовно-культурной ситуации их очевидность больше, чем для другой, и тогда для первой — они основа всего построения науки (и богословия), в то время как для второй их очевидность становится «странной очевидностью», порождает дискуссии, новые подходы к логике, альтернативные конструкции и т. д. Разум как бы открывает свои новые виртуальные возможности.

Православие исходит из того, что путь спасения человека в Церкви есть и — необходимо! — изменение его ума. Апостол Павел учит: «...Не сообразуйтесь с веком сим, но *преобразуйтесь обновлением ума вашего*, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Духовное исцеление в христианстве есть процесс, в котором происходит и преобразование ума человека, «который *обновляется в познании по образу Создавшего его*» (Кол. 3:10). Протоиерей Василий Зеньковский справедливо писал: «Венцом этих указаний являются слова ап. Павла в I Кор. (2:16) о том, что “мы имеем *ум Христа*”³. Обретение этого *ума Христа* есть одна из задач стоящих перед христианином. И задача эта в своей основе не философско-теоретическая, а религиозно-аскетическая»⁴.

¹ Григорий Богослов, святитель. Собрание творений в 2-х томах. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1994. Т. 2. С. 27.

² Захаров Михаил, протоиерей. Христианство и наука о происхождении и эволюции Вселенной. // Христианство и наука. М. 2003. С. 336.

³ Василий Зеньковский, проф., протоиерей. Основы христианской философии... С. 62.

⁴ Катасонов В. Н. Христианство, наука, культура. М., Изд. ПСТГУ. 2005. С. 88.

Из выше сказанного следует, что только возобновление богообщения, стяжание Духа Святого, сакральное отношение к природе воспитывает любовное, бережное отношение к земле, ко всему окружающему миру, как творению Божьему. Для этого религия призвана учить людей вере, любви, уважению, ответственности, правильному нравственному поведению человека в обществе, т. е. воспитывать и возвращать личность человека, подобную образу Творца.

III. Виноградная лоза Содомская

Можно бесконечно рассуждать на тему божественности и святости мира, говорить о процессе освоения его человеком, однако, всем известно, что человек однажды рождается в мир природы и, недолго побыв на земле, навсегда покидает ее, уходя телом в лоно той же матери — природы. «Земля еси и в землю отыдеси», — поется в Чине панихиды. Что он оставляет после себя? Пустыню или рай для носителей бесконечной жизни человечества? Поистине страшный ответ дан человечеству в надписи на пирамиде Хеопса: «Люди погибнут от неумения управлять силами природы и от незнания истинного мира». Чтобы человечество выжило, духовные, этические и моральные правила поведения человека на земле, издревле прописаны институтами всех религиозных конфессий в церковных заповедях, догматах, вероучениях, сообразно традиционной исторической культуре каждого народа. Мы видим, что по мере вытеснения религиозных мотивов в человеческой активности, по мере отдаления от Бога и нещадной эксплуатации природы происходит духовное истощение, моральная деградация в отношениях человека и общества, общества и природы. Эта зависимость уже хорошо изучена и освещена в естественно-научной, богословской, философской и культурологической литературе.

Человек вводится в мир как в храм, сотворенный не им, но Богом. Будучи материально-духовным, человек в себе и через свой труд на земле соединяет мир и Бога. Возделывая мир, преображая его, человек не должен забывать, что он не хозяин земли, а лишь «арендатор» и должен нести за эксплуатацию природных ресурсов всю меру ответственности. Евангельские притчи ясно говорят нам об этом. Господь требует с человека труда и отчета о плодах этого труда. «Плоды» же деятельности современной цивилизации разрушительны.

В настоящее время проблемы экологии приобретают глобальный мировоззренческий характер. Подорваны древние корни славянской культуры, ее христианские, православные основы, предаются забвению такие религиозные ценности, как ответственность, аскетизм, воздержание. Насаждаются идеалы общества потребления, что на фоне расслоения населения России по уровню жизни может привести к внутригосударственным конфликтам, особенно при поддержке дестабилизирующих западных структур.

Однако зло и хаос побеждаются добром, порядочностью, честностью, патриотизмом, любовью, нравственностью. Возрождение в России института нравственности, профессионального долга является приоритетным направлением, и область экологии не может быть исключением. Недопустимо, чтобы она стала политикой, как, например, деятельность так называемых «зеленых» в Германии. Невозможно, чтобы возникали такие грабительские

требования, как принуждение Русской Православной Церкви Европейским Союзом¹ к отказу от использования на богослужениях восковых свечей в связи, якобы, с выбросом от них большого количества угарного газа. Требование к переходу на электронные свечи в храме будто бы выдвинуто в рамках борьбы с глобальным потеплением и предполагает, в случае отказа, захватнические санкции со стороны Европы. Это, например, ввод ограничений на деятельность храмов РПЦ, находящихся на территории ЕС (а там их около тысячи), а в некоторых случаях даже изъятие и передачу их «более сознательной» Римо-католической церкви. Кажется чудовищным, что Украина, Грузия и Молдавия поддержали этот законопроект.

Вообще сегодня нет магистрального, единого для всего человечества экологического кодекса. Многие страны вырабатывают схемы в соответствии со своими системами ценностей, которые порой кардинально противоположны, увязывают со своими политическими и экономическими интересами. Показательно в этом смысле сращивание биологических наук с политикой. Экология в части будущего биологического разнообразия сегодня выходит за рамки самой себя, расширяется в сторону биополитики и биосоциологии. Социально-политический вектор науки о живом связан с уточнением места человека в планетарном многообразии жизни, он требует рассмотрения вопроса о степени сходства человека с его политическим поведением, психикой и т. п. с другими формами живого на Земле. Наука биополитика задает человеку вопрос «как следует вести себя по отношению к планетарному биоразнообразию — считать себя его частью или чем-либо иным, исключительным (носителем бессмертной души, Логоса и др.); следует ли любить живое, благоговеть перед ним (как полагал А. Швейцер) или властвовать над живыми существами, эксплуатировать их, даже полностью уничтожать?»²

Западные философы выдвигают обвинение христианской религии в том, что из-за якобы ее идеи доминирования человека в мире, из-за христианского антропоцентризма произошел сегодня экологический кризис. Они основывают свои обвинения на том, что еще в средневековье были сформулированы положения исключительного статуса человека с его божественной душой по отношению ко всему остальному живому миру. Вопрос глубоко дискуссионный, изучаемый современными отечественными учеными на основе православного миропонимания в рамках многих наук, в том числе биополитики и биосоциологии. Очевидно, что Православие забота о природе присуща в большей степени, чем западным, католической, тем более протестантской ветвям христианства. Православие не противопоставляет человека и окружающих его живых тварей. Наоборот, укореняет в человеке чувство единения со всей живой природой, «Блажен, иже скоты милует» (Притч. 12:10). Добавлю — блажен, кто насаждает сады на каменных склонах, как монахи о. Валаама. Блажен, кто в суровых северных

¹ Глава Европейского агентства по окружающей среде Жаклин Макглейд потребовала от Русской православной церкви немедленно перейти на электронные свечи. panorama.pub/news/es-potreboval-ot-rpcz-otkazatsya-ot-ispolzovaniya-voskovyx-svechej-dlya-borby-s-globalnym-potepleniem (дата обращения 28.07.2021).

² Олескин А. В. Христианская биополитика // Наука и вера: материалы научных семинаров / Под ред. Н. А. Печерской, А. А. Волоковых. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа». 2003. Вып. 6. С. 75.

краях, на Соловках, с верой и молитвой смог создать уникальную культуру, которую впоследствии назвали «заполярным чудом» в области богословия, иконографии, архитектуры, гидрологии, этнографии, экологии. И сегодня трудами насельников монастыря многое восстанавливается.

Вторят российским православные богословы других стран. Так, например, профессор Афанасий Ангелополус с факультета богословия Салоникского университета, рассматривая вопрос взаимодействия между христианской религией и политикой, считает, что «Христос стал Богочеловеком не только для спасения “духовного человека”, но и для спасения человека как целого, а также всего биоса и всего Творения»¹. И призывает переходить от слов к делу. Так в 1988 г. греческий остров Патмос (где жил апостол Иоанн) со всем его биосом был объявлен «священной зоной».

Профессия эколога — защитника земли — близка к Богу, духовности, святости, нравственности. Именно эколог в содружестве со священством должен культивировать любовь к Земле и Природе. Любви и вере нужно учиться, именно это научение и возложено самим Богом на Его Церковь.

Христианский образ жизни, церковная традиция воспитывают в людях ответственность не только за ближних, но и за природу. Человек, согласно Священному Писанию, призван возделывать и хранить Мироздание (Быт. 2:15). В христианском отношении к природе нет места ни эгоизму, ни потребительству, напротив, человек — служитель Божий и призван, по слову преподобного Максима Исповедника, привести ко Творцу весь сотворенный Им космос. Церковь Христова несла и несет в общество идеалы добра, справедливости, смиренномудрия, аскетизма, святости. Отношение Церкви к природе свято, так как все основные религиозные Таинства и обряды (Крещение, Причастие, Миропомазание и др.) связаны с элементами природных стихий: водой, землей, воздухом, растениями, освященными молитвой. Церковная история знает множество примеров, когда любовь христианских проповедников к природе, их молитва за окружающий мир, их сострадание твари самым благотворным образом сказывались на живых существах, растениях, окружающей природе.

Хорошо, когда одновременно с усилиями Церкви разрабатывается научная система защиты природы, пересматриваются методы хозяйствования, предпринимаются попытки создания ресурсосберегающих технологий и безотходных производств, которые одновременно могли бы «встроиться» в естественный природный круговорот. Получает развитие экологическая этика. Руководствующееся ею общественное сознание высказывается против потребительского образа жизни, требует повысить нравственную и юридическую ответственность за вред, нанесенный природе, предлагает ввести духовно-экологическое обучение и воспитание, призывает объединить усилия по защите окружающей среды на базе широкого международного взаимодействия.

Одним из главных принципов позиции Церкви в вопросах экологии является принцип единства и целостности сотворенного Богом мира, включая человека. Православие не рассматривает окружающую нас природу обособ-

¹ Олескин А. В. Христианская биополитика // Наука и вера: материалы научных семинаров / Под ред. Н. А. Печерской, А. А. Волоковых. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа». 2003. Вып. 6. С. 87.

Гюстав Доре «Содом и Гоморра»

ленно, как замкнутую структуру. Растительный, животный, минеральный и человеческий миры тесно взаимосвязаны. Многочисленными исследованиями Института физики Земли доказана электромагнитная, волновая и другие связи человека с энергетическим полем Земли и Солнца. В основе понимания природы как храма лежит идея теоцентризма. Бог, дающий *«всему жизнь и дыхание и все»* (Деян. 17:25), является Источником бытия. Поэтому сама жизнь в многообразных ее проявлениях носит священный характер, являясь Божиим даром, поправление которого есть вызов, брошенный не только божественному творению, но и Самому Господу.

Об этом вызове есть предупреждение в Книге Книг. *«Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских; ягоды их ягоды ядовитые, грозди их горькие...»* (Второзаконие 32:32). Так метафорично, через образы природы говорится о человеческой воле и необходимой свободе. Современному человеку, малограмотному в духовной науке, важно понимать эту библейскую мудрость. Основываясь на терминах, используемых в толкованиях прп. Максимом Исповедником¹, можно сказать, что *виноградная лоза Содомская* — это неразумие. Издревле «Содом» толкуется как «онемение» или «ослепление», а «Гоморра» — как «горечь». От неразумия возникает горечь греха и безумное опьянение хмелем порока. И тому, кто защитил себя Законом Божиим, следует воздерживаться от такого вина неразумия, а также и от винограда, то есть от гнева, и от сухого винограда злопамятности, то есть застарелого гнева; следует воздерживаться и от горечи неутоленного желания, и от радости отщипления ближнему: месть всегда сладка. Надо воздержаться и от *виноградных выжимок*, то

¹ *Максим Исповедник, прп.* Вопросы и недоумения. Перевод с древнегреческого. Ред. Баневич Г. И., Черноглазов Д. А., Св. гора Афон — Москва, 2010. С. 105.

есть от преднамеренного и умышленного зла. Такое воздержание позволяет прозреть духовно.

Некоторые захотят возразить, мол, все это было в древности, Содом и Гоморра — понятия почти мифические, литературно-художественные метафоры. Что ж, попытаемся переубедить этих «оптимистов», не верящих в актуальность библейского предостережения, связанного с человеческим грехопадением. *Лоза содомская* плодоносит поныне, поныне ее ягоды источают *хмель порока*. Хотя, конечно, трудно представить, как из этих *ягод* вытекают страшные современные экологические катастрофы, многие из которых невидимы до поры, как, например, загрязнение атмосферы или космоса, захоронение радиоактивных отходов, нравственные извращения типа агрессивных сообществ различных «меньшинств» и т. п. Но горы свалок — зримые свидетельства человеческой греховности, точнее, безнравственности и безответственности, духовной ущербности, мы наблюдаем повсюду. «Помойки и свалки наступают на наши города, на деревни и опушки лесов. Зловонные горы мусора вырастают подле заповедников и памятников архитектуры, у домов культуры, в научных центрах. Отходы извлекаются из уютных кухонь, из простых жилищ, из коттеджей, собираются вместе и вновь наступают на кухни, коттеджи, жилища. Отходы завалили Арктику: сверкающие прозрачные льды покрылись ржавым железом, пустыми гниющими бочками и обрывками кабеля. Места, где еще недавно искрились солнечные кристаллы, теперь наполнены омерзительным мусором — трухлой умершей цивилизации»¹, — болея за свою землю, пишет известный публицист Александр Проханов.

Поправлю уважаемого автора: думаю, не *умершей*, а *умирающей* цивилизации. Всегда у человека остается надежда на спасение. Есть она и у нас, понимающих духовные корни катастрофы, а значит, надеющихся на возможность преображения каждой человеческой души. Свалки, отходы загрязняют не только Божественный лик земли, но и развращают человека, подталкивают к вседозволенности, к повторению безнравственных поступков, увиденных у друзей, соседей, укореняют желание быть «как все». Но соглашусь с Александром Прохановым, что решение здесь — только нравственное воспитание, только духовное совершенствование. Да, «очищение человеческих душ от “мерзости запустения”, от помоек и свалок — это вековое дело. Им занимается Церковь. Храм, как бы прекрасно он ни выглядел со своими божественными иконами, золотыми куполами, возвышенным пением, храм есть завод по переработке духовных отходов человечества. Если человек приходит в храм, отягощенный ненавистью, тьмой, развратом, иногда убийством, то он, исповедуясь у священника, отдает ему свои грехи, свои невыносимые скверны. И освобожденный от них, выходит из храма помолодевшим и просветленным. А батюшка, получив на исповеди эти страшные грехи, корчится, мучится, болеет душой и телом, медленно выздоравливает к следующей исповеди, быть может, еще более страшной. В этом — подвиг наших батюшек, занимающихся переработкой духовных отходов человечества»².

¹ Проханов А. А. Россия — гигантская фабрика по переработке вселенских отходов. https://ruskline.ru/news_rl/2019/02/26/rossiya_gigantskaya_fabrika_po_pererabotke_vselenskih_othodov/

² Там же.

«Мерзость запустения» — это не образный оборот речи, но понятие, имеющее библейский смысл, исторические аналогии. Это словосочетание встречается не раз в Библии, в Книге пророка Даниила, в Евангелиях от Матфея, Марка, в Первой книге Маккавейской. *«Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни»* (Мф. 24:15–22).

В иврите слово «мерзость» условно означает идола, так как имена идолов могут быть произносимыми только в искаженном или сокращенном виде. В Книге пророка Даниила это выражение, вероятно, означает «неподвижную мерзость». Так поясняет ее целеустремления прп. Максим Исповедник «От свойственных воле души страстей демоны заимствуют повод создавать в нас страстные помыслы. Потом ими борясь с умом, понуждают его опуститься к согласию на грех и, победив его, вводят в грех мысленный, а по его совершении как пленника ведут его на само греховное дело. Наконец после этого, через помыслы опустошив душу, скрываются вместе с ними. В уме остается лишь идол (мысленный образ) греха, о котором говорит Господь: “когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте”»¹. Святое место — человеческий ум, подобный храму Божию, который демоны стремятся соблазнить, опустошить, поставить во святом месте греховного идола. Святое место это Церковь, это каждая тварь, созданная Богом, со-логосная по своей сути, это наша Земля. Но если все святые места осквернятся, это будет признаком конца мира.

Сегодня мы наблюдаем, как все увеличивающаяся часть человечества попала в сети беззакония: отвергается врожденный природный пол, презируется обязанность деторождения, а по сути, Богородичное начало, происходит надругательство над женщиной-матерью, мужчина инфантилизируется, ребенка превращают в товар. Западные телерепортажи о маршах неприемлемых бесподобных «меньшинств» и других извращенцев заставляют испугаться не на шутку, нормальным людям хочется убежать из такого мира, *«в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои»* (Мф. 24:17–18). Кажется, неотвратны страшные дни. Но там же сказано, *«но ради избранных сократятся те дни»* (Мф. 24: 22).

Значит, в возможном всеобщем запустении всего святого и божественного на земле выживут избранные по благодати Божьей. Это люди Христовой веры. Возможно они станут спасительным примером для остальных, погибающих во грехе. Ибо сказано в Евангелие, *«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: “за Тебя умерщвляют нас всякий*

¹ Максим Исповедник, прп. Главы о любви. Перевод с новогреческого Евангелия Лагопулу. СПб. — Тула, Образ. 2005. С. 37.

Председатель Церковно-общественного совета по биомедицинской этике, канд. мед. наук, митрополит Петрозаводский и Карельский Константин возглавляет заседание. Москва, 4 сентября 2019 года

день, считают нас за овец, обреченных на заклание”. Но все сие преодолеем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:35–39).

Православная Церковь связывает надежду на духовное прозрение человека, на положительное изменение взаимосвязей с природой, со стремлением общества к духовному возрождению. Но нам все время мешают страны Запада. Как говорит Александр Проханов, Америка и Россия вечные непримиримые антогонисты. И если Америка — «град на холме», то Россия — Храм на холме, храм под золотым куполом с крестом, озаряющим духовный путь. И надо постараться этот путеводный храм увидеть в глубине своей души.

Антропогенная основа экологических проблем показывает, что мы изменяем окружающий мир в соответствии со своим внутренним миром, а потому преобразование природы должно начинаться с преображения души. По мысли преподобного Максима Исповедника, человек может превратить в рай всю землю только тогда, когда он будет носить рай в себе самом.

Невозможно заставить человека понести рай в своей душе, тем более в наше апостасийное время, но можно показать ему эту возможность. Так наш православный, верующий Президент Владимир Путин обращает внимание россиян на неотложные, имеющие стратегическое значение вопросы экологии, внося их в Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В основе Указа — меры в обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Экологическая безопасность и рациональное природопользование — является статьей раздела «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты». Президент говорит, что «Российская Федерация рассматривает свою территорию, ее ландшафтное и биологическое разнообразие, уникальный эколого-ресурсный потенциал в качестве нацио-

нального достояния, сохранение и защита которого необходимы для обеспечения жизни будущих поколений, гармоничного развития человека и реализации права граждан на благоприятную окружающую среду. Сохранение отвечающими экологическим стандартам качества атмосферного воздуха и воды, рекультивация нарушенных земель, экологическая реабилитация территорий и водных объектов, увеличение площади лесовосстановления, ликвидация накопленного вреда окружающей среде являются обязательными условиями для улучшения качества жизни в Российской Федерации».

Достижение целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач, среди которых:

- обеспечение рационального и эффективного использования природных ресурсов;
- уменьшение уровня загрязнения атмосферного воздуха в городах и иных населенных пунктах;
- формирование системы государственного регулирования выбросов парниковых газов, обеспечение реализации проектов по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения;
- повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан;
- развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, в том числе в целях снижения экологических рисков на приграничных территориях Российской Федерации.

И многие другие.

Подробный перечень неотложных и перспективных мер связан с пониманием Президентом стратегического значения проблемы. Собственноручно заботясь о сохранении и преумножении популяции амурских тигров, лично исследуя состояние природных систем многих регионов России, Владимир Путин показывает пример человеческого милосердия и любви к своей Родине, любви не вообще, а к каждому ее человеку, зверьку, цветочку, листочку. Показывает свою озабоченность будущим России и всего мира.

IV. «Будет уставом вечным...»

Невозможно спасти жизнь на земле без веры в Бога, также как без чистой воды нельзя было выполнить Моисею указание Господа, повелевшего: *«пойди к народу, [объяви] и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои (Исх. 19:10). ... пусть они омываются водою, чтобы им не умереть; или когда должны приступать к жертвеннику для служения, для жертвоприношения Господу, пусть они омывают руки свои и ноги свои водою, чтобы им не умереть; и будет им это уставом вечным, ему и потомкам его в роды их» (Исх. 30:18–21).* «Пусть вымоют одежды свои» также относится и к нам, должным понять, что символические воды Творения, замутненные и оскверненные грехопадением, могут стать «струями иорданскими», началом воссоединения и спасения. И, чтобы нам не умереть, надо как можно скорее очиститься духовно, что непременно приведет и к физическому очищению нас самих, и к просветлению всего мира, в котором мы живем, и который может вновь обрести райские черты. У нас еще остается надежда на спасение, ибо *«смерти Бог не сотворил»* (Прем. 1:3), и истинная жизнь человека исполняется только в единении с Богом.

Александр КАЗИН

ЗАПАДНО- ВОСТОЧНЫЕ САДЫ И РУССКАЯ ИДЕЯ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Научный руководитель Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

Недавно я случайно оказался на территории экологической организации «Вереск», расположенной на берегу Большого Симагинского озера (в просторечии «Красавица») под Петербургом. При входе там стоял щит с пояснительным текстом, который показался мне любопытным. Привожу его начало: *«Практика, а затем и теория ленд-арта, возникшие в конце шестидесятых годов прошлого века, основываются на законе энтропии — всякий порядок неумолимо будет разрушен, всякий космос поддерживается только неустанными усилиями богов и героев, всякий прах прильнет к праху. Ленд-арт, как и все искусство прошлого века, возник как критика. Критика тиражирования слов, медийных образов, да и самого модернистского искусства, ставшего предметом потребления, а к концу века объектом неистовых спекуляций, символом раздутых цен, маркером социального расслоения. Ленд-арт, подчиняясь заявленной логике энтропии, за полвека эволюционировал, и критика модернизма сошла на нет. Исчезновение критической составляющей, как ни странно, тоже произрастает из этой логики: любой пафос, даже критический, оказывается несостоятельным, ибо все, что угодно, каким бы ни было его прошлое, в результате разрушается и растворяется в пространстве».*

Отдадим должное автору — написано доходчиво, как раз для туристов, настроенных на пляжный отдых. Но вот предмет описания в приведенном отрывке весьма серьезный, так что я даже пожалел, что задержался около щита, кажется, в одиночестве. Речь ведь идет там, не больше и не меньше, как о конце света, предъявленном очень спокойно, именно в стиле природной идиллии.

В двенадцати строках повествования сказано буквально обо всем: об энтропии-хаосе, способном уничтожить нашу вселенную, покинутую богами и героями (особенно характерно тут множественное число богов); дана отрицательная оценка обществу потребления во всех его видах (политическая «левизна» разного рода в моде на Западе); вынесен приговор модерну как таковому (слишком много критики, надоело); да и сама критика модерна (критика критики, как выражались классики) тоже надоела. В общем, энтропия — она же ласковая смерть — пожирает все, в том числе и саму себя. Где вы, герои минувших лет? Вы несли пафос созидания в мир, строили храмы, переходили Граник и бились под Арбеллами, становились председателями земного шара, стремились в космос, воздвигали свои знамена над павшими крепостями, горели неугасимой верой — и нет вас больше. Уютный ленд-арт заменил вас, он отвечает теперь на все вопросы. Под тихий шум листвы и воды...

Но что же именно он отвечает? А вот что: *«На первый взгляд, перспектива выглядит довольно мрачной, но почему бы не попробовать взглянуть на нее с другой стороны. Мир, лишенный пафоса, лишается и центростремительной модели достигаторства и превращается в дзен-лабиринт бесконечных исследований; у самурая нет цели, только путь. В этом лабиринте точками внимания ленд-арта стали контексты среды: исторические, природные, экологические. В рамках такой обновившейся стратегии художник может наконец скинуть с себя обязательство быть социально ангажированным, рупором, и заняться тем, чем художник занимался с самого своего появления — перефокусировать зрение, свое и, в конечном счете, зрителя, раздвигать границы рационального, преломлять хлеба увиденных им смыслов».*

Итак, нет больше пафоса, нет «достигаторства». Очевидно, главное уже достигнуто цивилизацией потребления — во всяком случае, то, чего она по-настоящему хотела. Осталось подвести черту под «стихийной» мировой историей (слишком дорогое и рискованное занятие) и распределить человечество по итоговым классам и разрядам, как на единой фабрике (по выражению Ленина), передав управление ею квалифицированным глобальным менеджерам. По мысли теоретиков такого проекта, история как бы свертывается внутри себя, образуя бесконечный бег по кругу. Задача властвующей элиты в этом случае заключается только в том, чтобы радиус круга и скорость вращения не нарушались, и каждый тип людей, класс, нация, меньшинство (религиозное, интеллектуальное, сексуальное, субкультурное) знало свое место в этом новом прекрасном мире. Если воспользоваться привычными понятиями, это не капитализм и не социализм, а нечто третье, принципиально иное, где достигнутый status quo — завершен, неразрешимое прежде (в эпоху модерна, когда все друг друга критиковали) разрешено, и никому не позволено нарушать равномерное вращение колеса вселенной. Таков постмодерн — победитель и предел предшествующего нерационального и опасного хаоса. Хаос вводится в уютные зеленые берега, для энтропии отводятся специальные зоны ленд-арта, где можно наслаждаться непредсказуемым сплетением тропинок посреди сада цветов и камней, бесконечно перефокусируя при этом свое зрение... Таков путь современного воина, самурая постмодерна — из ниоткуда в никуда.

Не случайно, конечно, автор цитированного манифеста обращается к теням Японии, к философии дзен (вернее сказать по-китайски — чань),

вообще к Востоку. Именно там — особенно в Китае — указанные качества кругового движения пространства/времени изначально обретены (не надо «достигаторства»!). Китайский император должен сидеть и смотреть на Юг — это единственное достойное его занятие. «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», — советует китайская пословица. «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые», — возражает на это русский поэт. Мощное развитие современной КНР принципиально ничего не меняет — метафизически это именно *круговое движение*, осуществляемое продуманными социально-технологическими средствами под властью профессиональных «коммуно-капиталистических» управленцев. Востоку некуда торопиться, ему принадлежит «кольцо колец, кольцо возврата». Вечность/бесконечность для него в каждой былинке, в цветке сакуры, в звуке лягушки, прыгнувшей в тихий пруд. Рай здесь и теперь. Циклическое мышление Востока не предполагает трансцендентной (вертикальной, «достигаторской») цели бытия. Обращенные внутрь глаза и сомкнутые руки Будды обладают нирваной по определению — в отличие от распахнутых навстречу всему человечеству и каждому человеку рук распятого Иисуса, молящего «Боже мой, для чего ты меня оставил?» Буддистский, конфуцианский, синтоистский Восток имеет свое «положительное ничто» — одновременно и цель и путь...

Однако, если к Востоку хочет приравнять себя Запад — его песенка спета. Отсутствие *пафоса*, о котором пишет автор цитированного документа, с религиозной точки зрения есть предательство, *согласие на духовную смерть* — отказ от зова Христа стать тварным богом, потому что истинный Бог стал человеком. Вся история и культура христианского Запада, со всем его великим Средневековьем, Возрождением, Идеализмом и Романтизмом, оказывается, таким образом, осмеянной и отвергнутой, как Дон Кихот при герцогском дворе. Тогда Западу остается сжечь свои храмы (над Парижем горит Нотр-Дам), добавив в этот костер свои главные книги, картины и героические симфонии. Собственно, это уже произошло, и даже нынешние футбольные команды Европы встают перед погромщиками на одно колено. Трансгуманизму вообще не нужны люди — ему нужны коммуно-капиталистические потребители-рабы, о которых грезил еще Бухарин с Троцким, и которые в виде киборгов с искусственным интеллектом выковываются теперь демпартией США, а вслед за ней и всем цивилизованным либеральным миром. Правящая элита постмодерна будет гулять в дзенских садах под шелест струй и заниматься игрой в бисер, а тягловые постлюди, доведенные до нужного количества путем планирования экономики, ограничения рождаемости (гомосексуализм), умных информационных сетей и неизвестных эпидемий, обеспечивать им это райское блаженство. Экологический коммунокапитализм «близ есть, при дверях», и неважно, как он будет политически называться — ленд-арт для нового прекрасного мира готов.

Другое дело — Россия. Несмотря на катаклизмы XX века, в России остался *пафос* — подсознательная догадка глубинного народа о своем *иначе возможном* бытии. Атеисты-коммунисты много чего натворили в России, но именно они, вопреки собственным безбожным доктринам, сохранили у людей способность веры. *Орган веры* сохранили. Приходится признать, что русские революционеры были против Бога, но Бог был с ними, и потому они победили и февралистов-капиталистов, и воевавшую против них «демократическую» Белую армию. Если угодно, Октябрьская революция была

главным социально-художественным произведением Серебряного века. Это зафиксировал, в частности, великий крестьянский поэт Сергей Есенин:

*Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.*

*...
И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.*

(1917)

Опередив в этом предвидении великого поэта русской судьбы Александра Блока с его Исусом в белом венчике из роз (1918).

Так или иначе, с эпохи Просвещения Запад незаметно снял с себя «бремя легкое» Христа, вследствие чего рискует сегодня лишиться и человеческого образа (последний человек — тот, кто убил бога, по Ницше). Россия, наоборот, впад в яростное богоискательство, богостроительство и богоборчество, тайно хранила в себе Птенца. Как свидетельствует тысячелетний путь России, она остается собой при любом строе — при царях, при коммунистах и при демократах. Русская история — это и есть воплощенная русская идея: живи по правде, и будь что будет. Русь-матушка так и живет, причем — сознательно или бессознательно — на уровне элиты, контрэлиты и анти-элиты одновременно (за исключением «малого народа», по терминологии И. Шафаревича). Подобно Востоку, евразийский Русский мир метафизически верен себе, но, в отличие от ослабевшего Запада, он не предал — во всяком случае, это еще не решено — своих невидимых знамен с ликом Спаса. Неслучайно зоркие люди заметили в пасхальный майский день 1945 года над поверженным оккультным рейхстагом православный крест. Последние поправки к Конституции — новое свидетельство сказанному, способные привлечь к России оставшихся верными христиан Запада и Востока.

Перспективы русского пути рисуются сегодня по-разному — социальный консерватизм, православный социализм, самодержавная республика (термин Ю. С. Самарина), империя, даже народная монархия, однако в условиях любой социальной, экономической и культурной структуры праведники на Руси будут делать свое дело, а злодеи — свое. Именно этим наша страна отличается сегодня от Востока, с его амбивалентным абсолютом, и от закатного Запада, где энергии святости и греха концептуально переобращены, инверсированы. Фундаментальная миссия России — это сохранение «красных линий» культуры между Творцом и его противником, то есть недопущение инферногенеза в национальном и, по возможности, в мировом масштабе. Вопрос в том, какова будет реальная ценностно-цивилизационная установка национального правящего (пассионарного) слоя. Кто одесную, а кто ошуюю? Капитал под государством или государство под капиталом? И оба они во имя кого? — Бога или постчеловека? Час прогулок по садовым дорожкам, где прах льнет к другому праху, для нас еще не пробил.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр ШИПКОВ

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Александр Владимирович Шипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. **Живет в г. Тарусе.**

Один из литературных памятников Древней Руси называется «Слов о погибели Русской земли». Почему понятие «земля» занимает такое важное место в языке в нашу совсем даже не аграрную эпоху?

Дело в том, что «земля» — это не только материальный ресурс и территория. Это огромный сосуд, вмещающий в себя бесценный культурный опыт поколений. Для России данный факт особенно важен. Ведь наш коллективизм и общинное сознание как нельзя лучше соответствуют понятию «дух и почва». Понятию, далекому от таких, как «кровь и почва» или «беспочвенность» крайностей, которые в наше время все чаще сходятся и угрожают гибелью русской земле.

Дух и почва позволяют людям сообща растить свой сад во имя лучших целей. До последнего времени мы редко вспоминали об этом. Но в 2014 году нам повезло. Херсонес, сакральная точка русской культуры, вернулся в Россию вместе с Крымом и его жителями. Это был момент национального пробуждения и какого-то нового, а точнее хорошо забытого старого, трепетного отношения к родной земле.

Национальное чувство обрело новые краски, по всей России люди начали легко узнавать «своих» и больше доверять друг другу. Сработали механизмы регенерации национальной идентичности. Огромную роль в этом процессе сыграла наша сакральная география, которая Херсонесом только открывается.

Нас объединила святыня. Не книжная, а настоящая, овеванная теплым ветром Истории. В Кремле были предприняты приличествующие историческому моменту шаги. Глава государства дал распоряжение обеспечить правовые, финансовые и

материальные условия деятельности музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Но, к сожалению, крымский импульс пока во многом остается локальным. Да, это была незабываемая встреча и с собственной историей, и с разлученной частью народа, но ведь Херсонесом наша сакральная география не исчерпывается. Разве мы можем забыть о Михайловском, о Бородинском поле, Мамаевом Кургане, Ганиной яме, Исаакиевском соборе, Чудовом монастыре? И, конечно, о Соловках.

Каркас национальной идентичности представляет собой огромный географический «пояс». Важно, чтобы все его звенья были прочно сцеплены между собой и ни одно не выпадало.

Возьмем Соловки. Двадцать лет назад Соловецкий музей-заповедник был включен в Государственный свод особо ценных объектов российского культурного наследия. Монастырь предстояло восстановить, а всему Соловецкому архипелагу вернуть его изначальный смысл, сохранив уважение ко всем историческим событиям от XV до XX вв., которые были связаны с этой землей. Что было дальше? Костры, палатки, фестивали бардовской песни, рок-форумы, строительство дач, охота-рыбалка, научные конференции со скрытой антироссийской идеологией, проекты Сороса по превращению Соловков в курорт и проекты неведомо кого по устройению здесь «северного Казантипа». Ну и, разумеется, подлое натравливание музейщиков на монахов... Десакрализация Соловков велась профессионально, методично, и Церкви было очень непросто противостоять этому шабашу.

25 июня 2012 г. В. В. Путин подписал поручение Президента Российской Федерации № Пр-1625, в котором было прямо указано на необходимость «разработки и реализации комплекса организационных, финансовых и иных необходимых мер по сохранению и развитию Соловецкого архипелага с четким определением ответственных исполнителей и сроков реализации, сбалансированных по объемам и источникам финансирования с включением в соответствующую государственную программу Российской Федерации».

Совместно с Русской Православной Церковью началась разработка Стратегии развития Соловецкого архипелага как уникального объекта духовного, историко-культурного и природного наследия.

Минуло два года. В 2014 г. Правительство РФ утвердило комплекс *организационных* мер по сохранению и развитию Соловецкого архипелага.

Еще через еще два года, в 2016 г., Правительство РФ приняло распоряжение № 163-р, в котором был утвержден перечень конкретных *мероприятий* по сохранению и развитию Соловецкого архипелага. Речь идет о строительстве причала, реконструкции соловецкого аэродрома, восстановлении дорог, электроснабжения и прочей инфраструктуры жизнеобеспечения поселка и монастыря.

Прошло четыре года. Решение задач разбросано по разным ведомствам, единого координационного центра нет и не предвидится. Работа буксует.

А плюс ко всему — евробюрократические рогадки вездесущей ЮНЕСКО, с которой мы обязаны согласовывать каждый шаг. И эти согласования «случайно» затягиваются на годы. При всей важности правил этой уважаемой организации Россия в решении национальных проблем должна все же идти по пути приоритета национальной юрисдикции.

Аналогично обстоят дела с Валаамом. По свидетельству местных жителей и сторонних наблюдателей, территория вокруг Валаама уже давно превратилась в проходной двор. К окрестным островам то и дело причаливают моторки, с бортов которых слышится нетрезвая смесь русско-финской речи. «Дикие туристы, большое количество судов, которые в любом месте могут пристать, это нарушает духовную и культурную среду. Невозможно представить себе нечто подобное на Афоне», — когда-то сказал об этой ситуации Святейший Патриарх Кирилл.

Чтобы жить полной жизнью, святыня должна находиться в исторически органичной для нее среде и выполнять исторически характерные для нее функции, а не превращаться в большой законсервированный сувенир для туристов. Метакультурное пространство должно «дышать» историей — оставаться тем, чем оно было изначально.

Вот ведь и Исаакиевский собор — не просто башня для обозрения окрестностей. В течение многих лет это был главный собор Российской империи, немыслимо низводить его только до городского туристического объекта.

«Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине», — сказал про этот храм великий Николай Гумилев. Мощно сказал, словно высек на камне нам в назидание. Перечитаешь эти строки и понимаешь, что наступит день, когда и эта святыня вернется на свое смысловое место. В ответ поэту какие-то люди с мелкими мыслями, ерничая и кривляясь, вытаскивают сегодня из запасников маятник Фуко и устанавливают его в центре храма, указывая на свои мировоззренческие корни и на свои будущие планы продолжать десакрализацию Исаакия.

Физическое состояние культурного объекта не влияет на его сакральную значимость: равно важны и блистательный Исаакиевский собор, и Чудов монастырь, которого в данный момент нет, но который обязательно восстановим. Наше гражданское служение и любовь к национальной культуре требуют всемерных усилий по восстановлению этого бесценного фонда.

В. В. Путин, которого порой упрекают в экономоцентризме, сегодня зримо все больше внимания уделяет метакультурному аспекту жизни общества, ценностной системе национальной исторической памяти. Эта тенденция в ближайшее время сохранится и окрепнет. Политическое решение, принятое в рамках проблемы Крыма, разумеется, не ограничивается этими рамками.

Шаги по сохранению памятников — абсолютно закономерны. Но задан ли вопрос: почему вообще проблемы такого рода культурных объектов приобретают государственное значение?

Дело в том, что в условиях кризиса глобального проекта и разделения общего культурно-экономического пространства на территориально-валютные зоны и союзы политика государств в большей степени опирается на базовые элементы национальной идентичности. В том числе и в России. Это объективный процесс, и проблема заключается сегодня в следующем: кто быстрее двинется по этому пути, тот выйдет из кризиса с наименьшими потерями и приобретает максимум преимуществ в рамках нового миропорядка.

По этой причине Путин конвертирует культурные и исторические ценности в конкретную политическую стратегию, в социально-политическое

строительство завтрашнего дня. Этот тренд возник сравнительно недавно, но он укрепляется, и работа государственных институтов исполнительной власти неизбежно будет ему подчинена. Это вопрос времени. Способность (или неспособность) ориентироваться в новых реалиях служит показателем реальной эффективности сегодняшних управленческих структур. Собственно говоря, это вопрос понимания внутренних задач.

Стратегическая цель Президента, который отвечает за единство страны, заключается в том, чтобы укрепить ее духовную географию, поскольку этот сакральный каркас скрепляет нацию. Никакая национальная идея не может существовать в воздухе, не опираясь на те или иные символические и исторические вехи.

Политические усилия, предпринимаемые сверху, должны иметь мощную поддержку снизу. Мы видим, что эти усилия еще не привели к качественному сдвигу в ситуации, но сдвиг должен произойти в ближайшее время. Вопрос, как это всегда бывает в нашей стране, в исполнителях. Чиновники (от муниципальных до правительственных) боятся больших государственных задач. Это особый уровень ответственности. Он требует серьезных компетенций, системной финансовой политики и создания единого ответственного центра управления каждым большим проектом. В данном случае доверие начальства придется заслужить, а не гасить каждый раз просроченный кредит доверия новым кредитом.

У чиновников, доставшихся России от эпохи 1990-х, слишком узкий проблемный горизонт. Они видят жизнь страны как бесконечную серию мелких проектов. Эти проекты обслуживают эксперты, под них даются гранты, а на выходе — шоры на глазах. Мы, конечно, не хотим сказать, что чиновники, любящие за рюмкой именовать себя не иначе как «государевыми людьми», сознательно саботируют выполнение задач по национальному возрождению. Это не так. Однако, остаточное «проектное» мышление им вредит, тормозит процесс. Каждый что-то делает на вверенном ему участке, но в целом не наблюдается должной координации.

Переход к стратегическому мышлению и политике развития неизбежен, он уже начался, и самые внимательные это уже поняли. Время поставило перед Россией выбор: или страна и народ приступают к решению большой исторической задачи, или процессы энтропии берут свое, и Россия сползает к украинскому сценарию. Поэтому тренд ближайшего будущего — реконструкция всего здания национальной традиции. Политику реализуем в практике. Интеллектуальных интуиций уже недостаточно. Сегодня понять — значит исполнить.

В жизни каждого человека есть свои сакральные места. Ты вырос и уехал из родного города, но тебя тянет на родину. Вдруг жгуче захочется все бросить, приехать и пройти пешком по знакомым местам, взглянуть на свой бывший, но родной дом со стороны. Увидеть, как вечером светятся окна в той квартире, где ты жил в детстве. Там теперь другие люди, они ничего о тебе не знают, там другие занавески и цветы на подоконнике. Но память возвращает тебя в твою старую комнату, и ты помнишь каждое пятнышко на обоях, и в душе что-то непременно шевельнется в ответ на неожиданные воспоминания.

Тебе хочется медленно пройти по улице, на которой стоит твоя школа — свежевыкрашенная, но все равно узнаваемая. Или по каналам, где ты гулял и целовался с девушкой. Или ты вспоминаешь городок, в котором проводил счастливейшие дни детства — там старые липы и пыль, река, выбрасывавшая в весенний разлив простреленные русские каски и ржавые немецкие штык-ножи, желтые шлакоблочные домики и летящие вровень с кровлями тоненькие паутинки. А для кого-то самое важное место — кладбище, на котором похоронены мама и папа...

Такие места есть у всех. Что они такое? И почему при приближении к ним норовят нахлынуть воспоминания и знакомые чувства, с которыми мы минутой-другую, бывает, не можем справиться.

Древние считали, что ведает такими местами *genius loci* — гений места, связывающий силы нашей души с этой неприметной точкой. Даже если мы далеко или долго отсутствовали и при возвращении нас не узнают, как это было с Одиссеем, которого облял его собственный пес. Философ назовет эти места экзистенциально значимыми пространственными локусами. Но можно сказать проще: все это сакральная география души. Она есть у каждого, в этом простом факте как-то не принято сомневаться.

Есть сакральная география и у народов. Без нее коллективное народное «я» мыкалось бы в глубинах собственной памяти незрячим котенком. Тяга к сакральным местам, или, говоря наукообразно, к метакультурным объектам национальной географии — и есть внутренний взор народа. Сакральная география вместе с великими событиями прошлого образуют культурно-исторический хронотоп (отсылаю к Ухтомскому и Бахтину), то есть внутренне неразрывное «время-пространство», обеспечивающее народу безошибочную ориентацию и движение в потоке истории.

Метакультурное пространство России — это места, важные с культурно-исторической точки зрения, с которыми связаны те или иные дорогие сердцу русского человека ассоциации, места духовных, исторических и военных подвигов народа. Важнейшие точки сакральной географии проходят как по центру, так и по окраинам страны — во втором случае это защитный барьер, «сторожевые башни» национальных культурных интересов. Они есть в Москве и Петербурге, Оренбурге и Владивостоке, Калининграде и в Севастополе. Не забудем, что Севастополь — важный элемент российской культурной географии, в каком-то смысле южная ипостась Петербурга. Каждому необходимо уметь правильно считывать смыслы с культурной карты.

И снова о Херсонесе. В. В. Путин назвал Херсонес местом, имеющим «огромное цивилизационное и сакральное значение». «Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсунь, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь», — сказал Президент.

Действительно, Херсонес занимает в русской картине мира важнейшее место. Оно было явно недооценено: в советское время по идеологическим причинам, в постсоветское — из-за того, что Крым оказался заложником чужой культуры. Но Херсонес — это ворота России в историческую Византию. Здесь князь Владимир, как говорят историки, прошел «точку бифуркации», историческую развилку. Кстати, весь путь князя Владимира, если брать в расчет его сакральные «пункты», — это Новгород — Киев — Херсонес и обратно. Вот вам и один из маршрутов сакральной географии.

Если эти сакральные места, эти метакультурные точки стираются из коллективной памяти, народ перестает узнавать себя и начинает исчезать. Процесс стирания часто запускается и поддерживается искусственно. Например, если бы нам удалось настоять на том, чтобы памятник князю Владимиру, который ввел Древнюю Русь в христианский мир, был установлен на Воробьевых горах, возникло бы новое сакральное место, важнейший метакультурный объект: это был бы Владимир-просветитель. А на Боровицкой площади, возле огромной сакральной значимости Кремля, памятник князю Владимиру, увы, не сможет выполнить столь необходимую функцию...

Борьба с культурной памятью народа порой выражается в опошлении и девальвации символического ресурса культуры, например, строительстве коттеджей возле Михайловского или на Бородинском поле.

Так стирают культурную память. Так разрушают сакральную географию, а с ней и национальную идентичность.

Но вместе с тем в российском обществе сегодня происходит раскручивание спирали пассионарности, которому дало начало воссоединение двух разделенных частей русского народа в результате возвращения Крыма. Чтобы этот процесс продолжался, правящим группам необходимо осуществлять политику с позиций традиционных ценностей и интересов национальной общности. Тогда есть шанс преодолеть кризис в стране, консолидировать элиту и общество, которые сегодня стоят на разных мировоззренческих основаниях, и достойно ответить на исторические вызовы. Поэтому в интересах национальной традиции необходимо изъятие элементов ложной идентичности из знакового пространства русской культуры и восстановление аутентичных моделей культурной динамики. Для решения этой проблемы нужно обладать умением правильно читать культурно-географический текст русской истории.

Условием российского национального суверенитета, вне всякого сомнения, является общественное строительство с общей аксиологией и общим, хотя и внутренне вариативным дискурсом. В рамках этого дискурса сакральная география выполняет важную задачу — она сшивает российское культурное пространство. Так будет и впредь, если мы сможем ее сохранить.

Русский КОСМОС

Настал срок воцерковить свой разум и воскресить для себя священные и благодатные начала церковной мысли.

О. Георгий Флоровский.
Восточные отцы IV века.
Париж, 1931 г.

Владимир КАТАСОНОВ

ПРАВОСЛАВНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ УМА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Катарсонов — доктор философских наук, доктор богословия, профессор. Член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. Член Экспертного совета ВАК по теологии. Профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. равноап. Кирилла и Мефодия. Член редколлегии нескольких журналов. Автор 200 научных работ, 7 книг. **Живет в Москве.**

Введение

В русской религиозной философии мы находим тему, теснейшим образом связанную с православной традицией: концепция *целостного разума* является одной из главных, стержневых тем русской философии. Возникновение этой концепции относится к 30—40 годам XIX столетия, когда русская мысль переживает период активного *самоопределения*, старается выразить специфику русской культуры в новой исторической ситуации. Это самоопределение было реакцией на новый опыт: *личную* встречу с западноевропейской культурой. Здесь сыграли свою роль и заграничные походы русской армии во время наполеоновской кампании, и увлечения Шеллингом и Гегелем русских «интеллектуалов», и поездки многих молодых представителей русской элиты за границу для учебы в западных университетах. Россия непосредственно знакомится с Западной Европой и в интеллектуальном, и в общекультурном отношении. И сразу же возникает естественный вопрос: «А что же мы?» Ответы были далеко неоднозначны. Известна та глубоко пессимистическая оценка культуры и истории России, которую дал один из «властителей дум» русского общества 30-х годов П. Я. Чаадаев: «Опыт времени для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Наблюдая нас, можно бы сказать, что здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали,

ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»¹. Известна и реакция на эти слова русского общества... В частности, А. С. Пушкин писал к Чаадаеву (за несколько месяцев до своей смерти): «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрасудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»².

К концу 30-х началу 40-х годов в русской мысли оформляются два противоборствующих течения: западников и славянофилов. У западников, собственно, не было какой-то единой специальной «философии западничества». Их объединяло только общее убеждение, что единственный путь развития цивилизации есть путь западноевропейский, и что Россия, хотя и с опозданием, но должна идти именно этим путем. Славянофилы же вырабатывают постепенно *свою философию истории*, в которой Россия имеет свою особую историческую судьбу и призвание. Концепция целостного разума и являлась как раз одной из частей этого корпуса славянофильских взглядов.

Концепция целостного разума у И. В. Киреевского

Непосредственно доктрина целостного разума разрабатывалась И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым. Оба мыслителя развивали свои взгляды в основном полемически, противопоставляя свою точку зрения на человеческий разум западноевропейской традиции. Несмотря на многообразие философских систем нового времени, их общей чертой было понимание разума как отдельной от других и самодостаточной познавательной способности. Эта вера в возможность полноты познания в рамках этой «отвлеченной» логической способности, — рационализм, — воплощенный для нового времени, в особенности, в философии и науке, был, согласно славянофилам, вообще характерной чертой западной цивилизации, включая сюда и богословскую культуру средневековья. Характеризуя традицию западноевропейского рационализма, Киреевский писал: «Отсюда кроме различия понятий на Востоке и Западе происходит еще различие и в самом *способе* мышления богословско-философском. Ибо, стремясь к истине умознания, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные — более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все остальные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности. Одним чувством понимают они нравственное; другим — изящное; полезное — опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком,

¹ Философические письма. Письмо первое. С. 25 // Чаадаев П. Я. Сочинения. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1989.

² Письмо к П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 года. С. 287–288 // Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1831–1837 годов. М., 1978.

и ни одна способность не знает, что делает другая, покуда ее действие совершится. Каждый путь, как предполагают они, ведет к последней цели, прежде чем все пути сойдутся в одно совокупное движение»¹.

Понимание культуры как культивирования отдельных человеческих способностей и есть, собственно, то, что отделяет восточно-христианскую культуру от западной: «Бесчувственный холод рассуждений и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равно законными состояниями человека, и когда в XIV веке узнали ученые Запада о стремлении восточных созерцателей сохранять безмятежность внутренней цельности духа, то издевались над этой мыслью, изобретая для нее всякого рода насмешливые прозвания»². Правда, они употребляют иногда те же выражения, какие и восточные, говоря о «внутреннем сосредоточении духа», о «собрании ума в себе» и тому подобное, но под этими словами обыкновенно разумеют они другое: не сосредоточение, не собрание, не цельность внутренних сил, а только их крайнее напряжение. Вообще можно сказать, что центр духовного бытия ими не ищется»³.

Однако, эта разница в понимании разума на Востоке и на Западе есть для Киреевского уже определенное *следствие*. Как и для всех славянофилов, определяющим основанием всей культуры для него является сфера *религиозного*. Поэтому и философия питается теми интенциями, теми «настроениями разума», которые сообщает ему вера. «Тот же смысл, которым человек понимает божественное, служит ему и к разумению истины вообще»⁴. Значит, особенности рационализма западно-европейской культуры лежат в религиозном самоопределении Запада. Так темы гносеологические естественно переходили в темы истории церкви и философии культуры. Запад есть для Киреевского сфера борьбы двух начал: романского и германского. Несмотря на их относительную противоположность, рационализм остается инвариантным началом этих культур. Рационализм католического мира был обусловлен, по Киреевскому, двумя моментами: 1) односторонне воспринятой интеллектуальной культурой древнего мира, в основном, через римскую античность и, позже, через Аристотеля, и 2) своеволием римских первосвященников, разорвавших общение с Восточной Церковью. И то, и другое сделало «силлогизм», традицию рассудочного оправдания истины, как бы единственной возможностью сохранения церковного и культурного единства. Однако, в Католицизме «полнота ее деятельности разрушалась вмешательством внешнего авторитета»⁵. Протестантизм поднял бунт против этого внешнего авторитета, против Предания вообще. Однако, разумение истины, отданное на произвол отдельной личности, не сумело преодолеть коренного порока рационализма. «Под влиянием исповеданий протестантских эта рассудочность достигла полного развития в своей отделенности и, сознавая

¹ О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. С. 274 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979.

² Речь идет о Паламистских спорах XIV века, в которых сторонников исихазма их противники называли «омфалосихами». См.: *Григорий Палама, св.* Триады в защиту священо-безмолствующих. М., 1995. С. 39–55.

³ О характере просвещения Европы... С. 274.

⁴ О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 316 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика, М., 1979.

⁵ Там же.

себя в этой полноте своего развития как нечто высшее, назвала себя разумом (*die Vernunft*) в противоположность от прежней своей отрывчатой деятельности, для которой оставила название рассудка (*der Verstand*)»¹. Обмелевшая церковность и литургическая культура Протестантизма привели и к обмелению разума. Согласие можно было найти уже только в сфере разума общедоступного, формально-логического. «Поэтому философия, возбужденная Протестантизмом, преимущественно должна была ограничиваться областью разума логического, равно принадлежащего каждому человеку, каковы бы ни были его внутренняя высота и устройство»². Эта своеобразная вульгаризация умственной жизни, обусловленная обмелением духовной, имела свои аналоги и в других сферах культуры.

Иван Васильевич Киреевский

В области искусства те же причины породили мечтательность и «языческое поклонения отвлеченной красоте», в морали — произвольное и самодовольное системостроительство. Разрыв со вселенским христианским Преданием отзывается во всех сферах жизни: «разум обращается в умную хитрость, сердечное чувство — в слепую страсть, красота — в мечту, истина — в мнение, наука — в силлогизм, существенность — в предлог к воображению, добродетель — в самодовольство...»³.

Для темы критики рационализма у Киреевского важна еще одна идея, высказывавшаяся им в более ранних статьях. Это мысль о двух направлениях в культуре, двух типах «образованности», как говорил Киреевский. По существу, это — тема несводимости культуры к цивилизации. «Одна образованность есть внутреннее устройство духа силою извещающей в нем истины; другая — формальное развитие разума и внешних познаний»⁴. Первая зависит от веры и не может быть, так сказать, выучена; вторая — плод медленной и трудной работы. Первая образованность пребывает в «пространстве» универсальных смыслов, она не развивается, она есть некий целостно постигаемый идеал; вторая же существует в медленном вековом собирании знаний, навыков, опытов. Вторая образованность есть знание *технической* стороны культуры. Причем, в эту технику входит у Киреев-

¹ О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 316 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979.

² Цит. соч. С. 300.

³ О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. С. 288 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979.

⁴ Обзорение современного состояния литературы. С. 189 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика...

ского и, так сказать, техника умственной культуры, «сам познающий разум, когда он действует оторвано от других способностей человека и развивается самодвижно, не увлекаясь низкими страстями, не озаряясь высшими помыслами, но передавая беззвучно одно отвлеченное знание, могущее быть одинаково употреблено на пользу и на вред, на служение правде или на подкрепление лжи»¹. Эта нравственная нейтральность отвлеченного разума — его характерная черта. Именно кумулятивное развитие технической, цивилизационной образованности порождает иллюзию человеческого прогресса. А в философии это есть корень рационализма: «Заблуждение это заключается в предположении, будто то живое разумение духа, то внутреннее устройство человека, которое есть источник его путеводных мыслей, сильных дел, безоглядных стремлений, задушевной поэзии, крепкой жизни и *высшего зрения ума*, будто оно может составляться искусственно, так сказать механически, из одного развития логических формул (выделено мной. — В. К.)»². Однако уже само развитие немецкого идеализма, подчеркивал Киреевский, свидетельствует о ложности этого пути. Чисто спекулятивное развитие философии не способно компенсировать исходного обмеления духовной жизни. Здесь требовались другие средства.

Эти другие средства Киреевский видел в православной традиции и, отчасти, в русской культуре. Разница в понимании разума на Западе и на Востоке сказывалась уже в самой методологии мысли в богословии и философии. «Но в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня — стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою. Первое условие такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины; чтобы голос восторженного чувства, не соглашенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла независимо от развития других понятий он не считал верным путеводителем для разумения высшего мироустройства; даже чтобы господствующую любовь своего сердца отдельно от других требований духа он не почитал за непогрешительную руководительницу к постижению высшего блага; но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума»³. Обретение этой цельности разума есть уже задача не только и не столько философская, сколько религиозно-аскетическая.

А. С. Хомяков: Любовь и познание

Критика рационализма в западной философии и богословии была одной из главных тем и другого основателя славянофильского движения А. С. Хо-

¹ Цит. соч. С. 190.

² Цит. соч. С. 191.

³ О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 318 // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979.

мякова. Хомяков также, по-своему, говорил о целостном разуме, необходимом для познания высшей истины. Однако его анализ шел глубже, в смысле осознания самого генезиса рационализма, осознания того духовного начала, из которого вырастает *наклонность к рационализму* в человеческой душе. Рационализм, как признание примата рассудочных доказательств во всей сфере человеческого разумения, есть, по Хомякову, лишь следствие более фундаментального нравственного самоопределения.

Та целостность познавательных способностей, о которой говорил Киреевский, уже дана, как в своем истоке, в факте *религиозной веры* — считал Хомяков. «Вера всегда есть следствие откровения, опознанного как откровение; она есть созерцание факта невидимого, проявленного в факте видимом...»¹. Это опознание откровения требует и, так сказать, актуализирует в человеке искомую интеграцию его способностей: «...Вера не то, что *верование* или убеждение логическое, основанное на выводах, а гораздо более. Она не есть акт одной познавательной способности, отрешенной от других, но акт всех сил разума, охваченного и плененного до последней его глубины живою истиною откровенного факта. Вера не только мыслится или чувствуется, но, так сказать, и мыслится и чувствуется вместе; словом — она не одно познание, но познание и жизнь»². Поэтому при исследовании вопросов веры необходимо помнить, что человек участвует в этом всеми силами своего разума и воли. Последнее в особенности было важно для Хомякова. «...Воля человека имеет великое влияние на его мышление даже тогда, когда оно, по-видимому, старается удержаться в пределах необходимой, неуклончивой логики», — писал Хомяков Ю. Ф. Самарину³. Прот. Георгий Флоровский подчеркивал, что в своей метафизике Хомяков был волюнтаристом. Воля оказывает существенное влияние на умственное «видение». А если так, если познание зависит от воли и от всей полноты умственных сил, то необходим сознательный контроль за самим этим органом познания. Вполне в духе православной аскетики А. С. Хомяков писал: «(В познании. — В. К.) нужно принимать в соображение не только зримый мир как объект, но и силу и чистоту органа зрения»⁴. Каковы же тогда критерии *чистого*, истинного познания, исследования? «Исходное начало такого исследования — в смиренном признании собственной немощи. Иначе и быть не может; ибо тень греха содержит уже в себе возможность заблуждения, а возможность переходит в неизбежность, когда человек безусловно доверяется своим собственным силам или дарам благодати, лично ему ниспосланным»⁵. Поэтому претензию на истинность *индивидуального* познания предметов веры мог бы высказать лишь тот, кто претендовал бы и на совершенство познавательной способности и на совершенство нравственное. Подобные претензии означали бы, по Хомякову, не только сатанинскую гордость, но и «небывалое безумие».

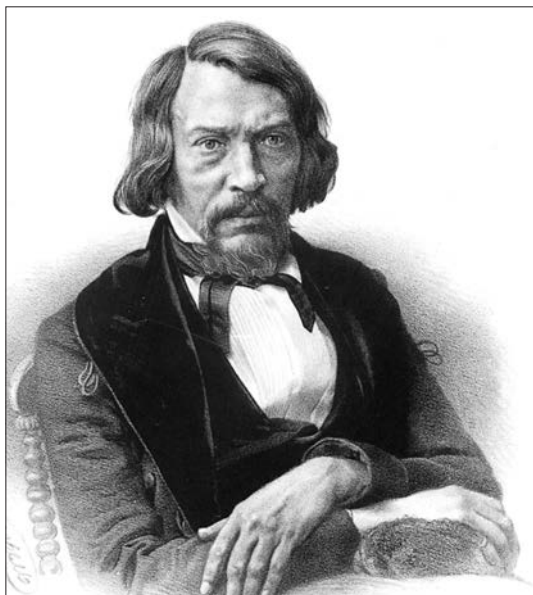
¹ Несколько слов православного христианина о Западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. С. 37 // Хомяков А. С. Сущность западного христианства. Из-во Братства преп. Иова Почаевского Русской Православной Церкви Заграницей, 1974.

² Там же.

³ Письмо А. С. Хомякова — Ю. Ф. Самарину от 10.10.1844 // Полн. собр. соч. А. С. Хомякова. Т. VIII, Письма. М., 1904. С. 234.

⁴ Несколько слов православного христианина... С. 38.

⁵ Там же.

Алексей Степанович Хомяков

Любой отдельный человек, как бы он ни был талантлив и нравственен, все равно, по-своему, ущербен и в умственном, и в нравственном смысле. Полнота способности постижения и святости дана только *всей Церкви*. «...Там лишь истина, где беспорочная святость, т. е. в целостности вселенской Церкви, которая есть проявление Духа Божьего в человечестве»¹. Именно это живое осознание апостольской концепции Церкви как *тела Христова* и движет Вселенскими Соборами, начинающими свои оросы словами: «Изволися Духу Святому и нам...». Но даже и здесь, подчеркивал Хомяков, выражается не столько горделивое признание, сколько смиренная наде-

жда, которая впоследствии должна еще быть подтверждена согласием или несогласием всей Церкви. Ведь были и еретические соборы, и патриархи провозглашали ересь, и папы подчинялись ей... Почему же были отвергнуты решения этих еретических соборов? «Потому единственно, что их решения не были признаны за голос Церкви *всем церковным народом*, тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между ученым и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно по усмотрению Божию, отрок получает дары ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едины в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора»². Высшие богословские истины постигаются *соборно*. Собор же есть не просто голосование механическим большинством, а прежде всего — единение в общей молитве и любви: «...Откуда, спросят нас, возьмется сила для сохранения учения столь чистого и столь возвышенного? Откуда возьмется оружие для защиты? Сила найдется во взаимной Любви, оружие — в общении Молитвы; а любви и молитве помощь Божия не изменит, ибо Сам Бог внушает любовь и молитву»³.

И обратно, разрыв союза любви и молитвы между верующими разрушает возможность соборного познания, возможность истинного церковного Собора. В этом случае на место любви ставится рационализм и гарантии человеческого разума. Это был главный грех, в котором Хомяков осуждал западные христианские исповедания. Рационализм их богословия был лишь

¹ Несколько слов православного христианина... С. 38.

² Цит. соч. С. 45.

³ Цит. соч. С. 34.

прикрытием лежащего в основании *своеволия*. Прежде всего в этом виновата была Римская Церковь, порвавшая связь с Восточной в XI веке. Протестантская революция XV—XVI веков, хотя и отделила от католической церкви огромное число верующих, духовно была, по Хомякову, продолжением все того же импульса *своеволия*. Разные типы рационализма — примат Предания и папская непогрешимость в Католицизме, опора только на Писание и свобода личного исследования в Протестантизме — не отменяли фундаментального нравственного события: разрыва с целостностью Вселенской Церкви. Хомяков формулирует любопытный, но хорошо узнаваемый нравственный закон: «Всякое незаслуженное оскорбление, всякая несправедливость поражает виновного гораздо больше, чем жертву; обиженный терпит, обидчик развращается. Обиженный может простить и часто прощает; обидчик не прощает никогда. Его преступление впускает в его сердце росток ненависти, который постоянно будет стремиться к развитию, если вовремя не очистить все нравственное существо виновного внутренним обновлением»¹. Такую обиду Западная Церковь нанесла Восточной фактом отделения: «Западный раскол есть произвольное, ничем не заслуженное отлучение всего Востока, захват монополии Божественного вдохновения — словом, *нравственное братоубийство*. Таков смысл великой ереси против вселенской Церкви, — ереси, отнимающей у веры ее нравственную основу и по тому самому делающей веру невозможностью»². Это нравственное преступление против ближнего было одновременно и нравственным самоубийством: Западная Церковь, по Хомякову, приняла «смерть в свои недра», — выражением чего и является рационализм как разумное свидетельство определенного омертвления духовной жизни. «Таков Божественный закон: испорченность сердца порождает ослепление ума...»³. Все дальнейшие нововведения — новые догматы, разделение веры и дел в вопросе об оправдании, опущение таинств в Протестантизме и т. д., — все то, что разделяет Восточную и Западную Церкви и что оправдывается для последней рационализмом, было лишь следствием фундаментального повреждения нравственной жизни. Та же причина породила, по Хомякову, рост скептицизма и возникновение секулярной философии.

Говоря о познании, А. С. Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви. Как справедливо подчеркивал прот. Георгий Флоровский, Хомяков не столько конструирует и доказывает, сколько «как очевидец... описывает реальность Церкви, как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней»⁴. В этом смысле позиция Хомякова сближается Флоровским с позицией немецкого католического теолога и историка Йоганна Мелера (J.A. Moehler, 1796—1838), который также в условиях философско-богословских блужданий первой четверти XIX века пытался настойчиво напомнить о фундаментальном для христианства факте Церкви не только в организационном, но

¹ Несколько слов православного христианина о Западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа. С. 69 // Хомяков А. С. Сущность западного христианства...

² Несколько слов православного христианина о Западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси... С. 60.

³ Несколько слов православного христианина о Западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа... С. 93.

⁴ Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия... С. 294.

и в гносеологическом смысле¹. Христианский гнозис немислим вне Церкви, христианство познается только изнутри. Отдельных «отвлеченных» способностей человеческого разума — рассудок, эстетическая способность, морализм — недостаточно для христианской гнозы. Необходима жизнь в Церкви, для познания необходимо христианское единение в любви. На возможные упреки в том, что проповедь любви есть самое общее место в христианской культуре всех народов, Хомяков отвечал очень определенно: «Витии, мудрецы, испытатели закона Господня и проповедники Его учения говорили часто о законе любви, но никто не говорил о силе любви. Народы слышали проповедь о любви как о долге; но они забывали о любви как о Божественном даре, которым обеспечивается за людьми познание безусловной истины»². Этот дар любви воплощен в христианской Церкви, животворимой Духом Святым. *Соборность* у Хомякова — подчеркивал прот. Георгий Флоровский — есть отнюдь не человеческое понятие, а «Божественная характеристика Церкви»³. Одного чисто человеческого согласия и нравственной солидарности людей недостаточно для той любви, которая открывает тайны Божии. Необходимо единение с самим божественным Главой Церкви, т. е. единение в Истине. Именно к такому единению призывает Церковь верных своих чад: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедамы Отца и Сына и Святаго Духа».

Идеал цельного знания у В. С. Соловьева

Идею целостного разума по-своему развивал в последней четверти XIX столетия и В. С. Соловьев. У него она также в главном имеет характер критики, а именно *критики отвлеченных начал* (понимая под этим не только содержание докторской диссертации Соловьева, защищенной им в 1880 году, но и целую программу преобразования философских основ цивилизации). «Под отвлеченными началами я разумею те частные идеи (особые стороны и элементы всеединой идеи), которые будучи отвлекаемы от целого и утверждаемы в своей исключительности, теряют свой истинный характер и, вступая в противоречие и борьбу друг с другом, повергают мир человеческий в то состояние умственного разлада, в котором он доселе находится. Критика этих отвлеченных и в отвлеченности своей ложных начал должна состоять в определении их частного значения и указании того внутреннего противоречия, в которое они необходимо впадают, стремясь занять место целого»⁴.

Идеалом для Соловьева служит *цельное знание*, программу достижения которого он предлагает в своей *философии всеединства*. Можно соглашаться или нет с соловьевской доктриной всеединства, но нельзя отрицать генетической связи его построений с концепцией целостного разума у старших славянофилов. Характеризуя цельное знание, Соловьев писал: «Цельное

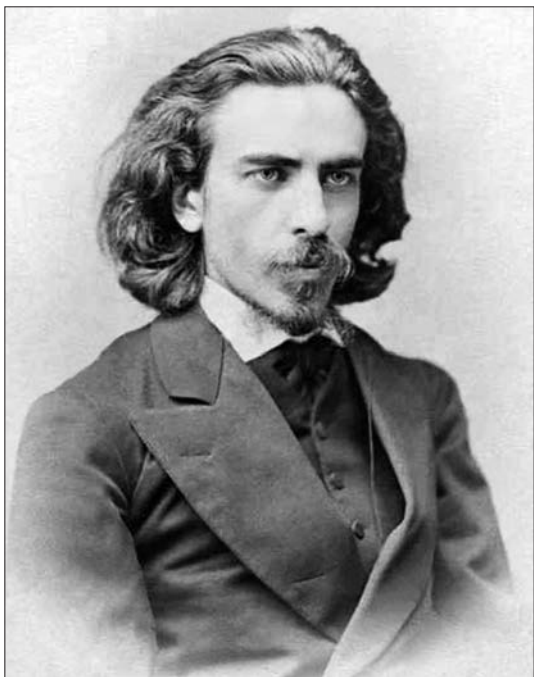
¹ См.: Moehler J. A. Die Einheit der Kirche oder das Princip des Katholizismus (1825).

² Несколько слов православного христианина о Западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа... С. 79.

³ Георгий Флоровский, прот. Цит. соч. С. 277.

⁴ Критика отвлеченных начал. С. 586 // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988.

знание по определению своему не может иметь исключительно теоретического характера; оно должно отвечать всем потребностям человеческого духа, должно удовлетворять в своей сфере всем высшим стремлениям человека. Отделить теоретический или познавательный элемент от элемента нравственного или практического и от элемента художественного или эстетического можно было бы только в тех случаях, если бы дух человеческий разделялся на несколько самостоятельных существ, из которых одно было бы *только* волей, другое — *только* разумом, третье — *только* чувством. Но так как этого нет и быть не может, так как всегда и необходимо предмет нашего познания есть вместе с тем предмет нашей

Владимир Сергеевич Соловьев

воли и чувства, то чисто теоретическое, отвлеченно-научное знание всегда было и будет праздною выдумкой, субъективным призраком»¹.

Только знание целостной истины дает смысл и отдельным наукам, окончательно определяет их цель и границы. «Теоретический вопрос об истине относится, очевидно, не к частным формам и отношениям явлений, а к всеобщему безусловному смыслу или разуму (Λόγος) существующего, и потому частные науки и познания имеют значение истины не сами по себе, а лишь в своем отношении к этому Логосу, то есть как органические части единой, цельной истины; в отдельности же своей они суть или простая забава, удовлетворяющая личным вкусам, или же вспомогательное, средство для удовлетворения материальных потребностей цивилизованного быта как одно из орудий индустрии; так что и тут эти науки связаны с волей к чувствам, но не с духовною нравственною волей, а с материальною похотью и прихотью и не с высшим творческим чувством, а с низшей чувственностью. Наша наука служит или Богу, или мамоне, но кому-нибудь служить для нее неизбежно: безусловно самостоятельной быть она не может»².

Православная аскетика как исцеление ума

Точка зрения авторов концепции целостного разума генетически и логически была укоренена в христианском мировоззрении, в православной основе русской культуры. Христианство рассматривает актуальное состояние

¹ Философские начала цельного знания. С. 229 // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988.

² Цит. соч. С. 230.

человека как падшее, поврежденное грехом, т. е. как некоторую болезнь и отклонение от нормы. Эта поврежденность касается всего человеческого естества, включая и разум. Греховная поврежденность человеческого разума проявляется во многом, но главное — это разделение констатирующей способности от оценивающей («ума» от «сердца»). Единая душевная способность разума распадается на отдельные, трудно согласуемые составляющие: логическую, нравственную, эстетическую. Особенно труден для разума логический анализ в сфере нравственной и эстетической: разум схватывает здесь целое, но ему очень трудно связать это целое с частями. И наоборот, логический разум погружен в дискурсивность: он может удостоверить в верности отдельных умозаключений, но ему трудно, а чаще всего, и невозможно судить разом о больших логических комплексах, сложных системах, больших (а тем более бесконечных) множествах. Разум не понимает, также, развития, движения, стремится преодолеть это сведением их к покою и тождеству¹.

Однако, многие факты жизнедеятельности человеческого разума свидетельствуют о том, что актуальное его состояние не есть нормальное, что он не только стремится, но по природе и способен, так сказать, «превосходить самого себя». Так, например, в понятии *гармонии*, в разнообразных теориях гармонии разум как бы преодолевает свою расколотость на логическую и эстетическую компоненты. Об исходной органической сращенности нравственной и эстетической «частей» разума говорит и употребление русского слова «красиво» равно в моральном и эстетическом контексте («некрасивый поступок»). Неискоренимая тяга разума к бесконечному, никак не совместимая с его дискурсивностью, — в космологии, математике, логике, психологии, эстетике и т. д. — также свидетельствует о том, что актуальное состояние разума есть лишь одно из возможных и отнюдь не самое совершенное...

Все это подтверждает взгляд христианской антропологии на человеческий разум, как находящийся в состоянии греховного расслабления. Протоиерей Василий Зеньковский писал: «Разум должен быть понят динамически — он вовсе не равен всегда сам себе. Конечно, законы логики остаются неизменными и дважды два при всех условиях будет четыре, но познание не состоит в автоматическом действовании логических функций духа, а связано со всей жизнью личности. То, что принято называть рационализмом и в чем действительно сказывается ограниченность нашего ума, часто неспособного подняться до постижения высших истин, которые не поддаются упрощенной рационализации, — есть как раз остановка духа на упрощенных формулах мышления. Рационализм, несущий с собой известные выгоды в смысле стройности в познании, в то же время является ограничением силы постижения»². Эта «остановка духа на упрощенных формулах мышления» была тесно связана, согласно прот. Василию, с неудачной рецепцией аристотелевской философии католическим богословием XIII века, в частности, Фомой Аквинатом. Аристотелевское понимание разума как самоза-

¹ Срв. «кинематографический эффект» разума в философии А. Бергсона или «тождественную тенденцию» у Э. Мейерсона. См. также мою книгу: *Катасонов В. Н. Метафизическая математика XVII века. Гл. II. М., 1994.*

² *Василий Зеньковский, проф., прот. Основы христианской философии. М., 1992. С. 29.*

конной познающей инстанции было целиком принято западной теологией. Античная концепция разума не была *воцерковлена*: западным богословам не удалось вскрыть в разуме философской традиции его «христианских корней», связывающих его с верой, с тем Светом, «Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9). Несмотря на внутреннюю иноприродность христианской антропологии, аристотелевский разум, его методология были приняты католическим богословием целиком, вплоть до опасной близости с теориями «двойственной истины» (Сигер Брабандский, Вильям Оккам).

Православие смотрело всегда на этот вопрос по-другому. Так называемый «естественный свет разума», *lumen naturale rationis* не есть для православного богословия что-то постоянное, а зависит от духовной жизни человека. Он — разный у разных людей и в разные эпохи. Это не значит, что законы формальной логики, например, неверны в какую-нибудь историческую эпоху. Но это значит, что *очевидность* этих законов, *доверие к их убедительности* зависит от общемировоззренческого горизонта, в котором они рассматриваются. Для одного времени, для одной духовно-культурной ситуации их очевидность больше, чем для другой, и тогда для первой — они основа всего построения науки (и богословия), в то время как для второй их очевидность становится «странной очевидностью», порождает дискуссии, новые подходы к логике, альтернативные конструкции и т. д. Разум как бы открывает свои новые виртуальные возможности.

Православие исходит из того, что путь спасения человека в Церкви есть и — и необходимо! — изменение его ума. Апостол Павел учит: «...Не сообразуйтесь с веком сим, но *преобразуйтесь обновлением ума вашего*, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Духовное исцеление в христианстве есть процесс, в котором происходит и преобразование ума человека, «который *обновляется в познании по образу Создавшего его*» (Кол. 3:10). Протоиерей Василий Зеньковский справедливо писал: «Венцом этих указаний являются слова ап. Павла в I Кор. (2:16) о том, что «мы имеем *ум Христа*»¹. Обретение этого *ума Христова* есть одна из задач стоящих перед христианином. И задача эта в своей основе не философско-теоретическая, а религиозно-аскетическая.

Задача преодоления греховной расколотости ума, его отвлеченности, формулируется обычно в святоотеческой письменности как задача «соединения ума с сердцем» или «сведения ума в сердце». Как мы уже отмечали, под «сердцем» здесь обычно понимается орган воли и оценки, а под «умом» — способность рассуждения. Ум должен «сойти в сердце», должен бдительно наблюдать за тем, каким влечениям подчиняется воля, не допуская одержимости греховными страстями. Сердце, в свою очередь, должно руководить деятельностью ума, направляя его к познанию благого, той Жизни, которая всегда «была свет человеков» (Ин. 1:4). Несмотря на тщательно разработанную духовную технику, православная традиция постоянно подчеркивает, что это соединение ума и сердца, *исцеление* человека есть, в конце концов, результат прямого действия Бога, результат благодати, и не может быть получен никакими чисто человеческими усилиями. Вот что пишет об этом свт. Игнатий Брянчанинов: «Разъединение ума с сердцем, противодействие

¹ Василий Зеньковский, проф., прот. Основы христианской философии... С. 62.

их друг другу, произошло от нашего падения во грех: естественно Божественной благодати — когда она прострет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением — воссоединять разделенные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душой, но и с телом, давать им одно правильное стремление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма? Нет! это — последствие благодати, это — плод Святого Духа, осенившего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимого для плотских и душевных человеков»¹.

Практика «сведения ума в сердце» была тесно связана с православной традицией *исихазма*. Эта традиция, берущая свое начало еще в IV—V веках, в особенности культивировалась в монастырях и скитах Афона. Исихазм представляет собой традицию монашеского «умного делания», особо сосредоточенной молитвы, направленной на духовное очищение человека и ведущей его по лестнице духовных совершенств к обожению, соединению с Богом по благодати². Одним из главных приемов исихастской практики является «Иисусова молитва»: беспрестанное повторение короткой молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Исихастская техника молитвы отличается тщательной разработанностью: принимается во внимание поза молящегося, контроль за дыханием и т. д. Выверенная веками монашеской практики исихастская традиция открыла нам сложную иерархическую взаимосвязь человеческих страстей — чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость, — и соответственных методов их преодоления. Целью «духовной брани» монаха-исихаста является, прежде всего, очищение от страстей, обретение духовной тишины (греч. *ησυχία* — покой, мир, тишина), подготовить себя быть тем «чистым сосудом», в котором могла бы проявиться обожаящая божественная благодать.

Исихастская традиция является, собственно, главной линией православной мистики, идущая через таких великих подвижников, аскетов и учителей духовной жизни как прп. Ефрем Сирин, прп. Иоанн Лествичник, прп. Максим Исповедник, прп. Исаак Сирин, прп. Симеон Новый Богослов, прп. Григорий Синаит. В XIV веке свт. Григорий Палама, епископ Фессалоник, один из ярких продолжателей исихастской традиции, ведет полемику с монахами Варлаамом и Акиндином по поводу природы Фаворского света и о пределах молитвенного опыта. Для нашей темы интересно то, что в этих спорах столкнулись как раз те два различных понимания разума, оппозицию которых мы уже обсуждали. Варлаам и Акиндин, ориентированные на западное, аристотелевское понимание разума, как определенной человеческой способности, в принципе независимой от духовной жизни человека, настаивали на том, что богословское познание по своей природе не отличимо от философского и научного познания в понятиях. Свт. Григорий Палама противопоставлял этому православное, исихастское понимание разума, *открытого* высшим богословским озарениям. Исцелен-

¹ *Сочинения Епископа Игнатия Брянчанинова*. Т. 5. Приношение современному монашеству. С.-Петербург, 1905. С. 115.

² См., например, книгу: *Сергей Хоружий*. К феноменологии аскезы. М., 1998.

ный благодатию разум подвижника *видит Духом святым Самого Бога, Божественные энергии*, — видит особый Свет, тождественный тому, который был показан апостолам при Преображении Иисуса Христа на горе Фавор. Так далеко и высоко идет, согласно православному пониманию, процесс благодатного очищения и исцеления человеческой природы! Для католического понимания разума, как независящего от духовной высоты человека, подобные утверждения были в высшей степени невозможными и соблазнительными. Несмотря на все острые перипетии событий, связанных с этой полемикой, православная точка зрения свт. Григория была подтверждена Константинопольскими Соборами 1341, 1347, и 1351 годов. Вместе с этим была подтверждена и православная точка зрения на человеческий разум, как на способность не «законсервированную» и заблокированную в своей закрытости от какого-либо развития, а динамическую, проявляющую себя в *синергийном* сотрудничестве с Богом. Ибо, как писал сам свт. Григорий Палама: «...Даже само название света знание получило уже вторично от того первого света (т. е. нетварного света Божественной благодати, который видят святые подвижники. — В. К.)»¹. И еще: «...Как чувственное зрение не может действовать без светящего ему извне света, так и ум в качестве обладателя умного чувства не смог бы видеть и действовать сам в себе, если бы его не освещал Божий свет»².

В Россию исихастская практика приходит сразу с принятием христианства и в дальнейшем поддерживается и через официальные сношения с Византией и через связи с Афонскими монастырями. Троице-Сергиева Лавра становится одним из главных очагов распространения этой православной традиции. Ученики прп. Сергия разносят практику «умного делания» по монастырям всей России, а в творениях великих иконописцев Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия исихазм воплощается в русскую иконописную традицию, порождает то «богословие в красках», которое само становится проводником исихастских идей. Традиция исихазма имела в России свою драматическую историю, взлеты и падения, которую мы не можем обсуждать здесь даже в первом приближении. Для нашей темы важно только отметить, что новый подъем духовной жизни монастырей и возобновление исихастской традиции в России был связан с переводом на русский язык греческого «Добротолюбия» прп. Паисием Величковским в конце XVIII века. На волне нового духовного подъема в первой четверти XIX века вновь возрождается Оптиная пустынь. Старцы Оптиной сами культивируют исихастское «умное делание» и становятся духовными руководителями многих православных людей, в том числе Гоголя, Достоевского, Хомякова. Именно в Оптиной пустыни И. В. Киреевский, духовно окормляемый старцем Макарием, мог и теоретически, и практически познакомиться с исихазмом. С Оптиной у Киреевского сложились близкие отношения: он активно участвует в издании пустынно свято-отеческих переводов, вместе со своей глубоко верующей женой помогает пустыни в хозяйственных нуждах. В общении и откровенных беседах со старцами в Оптином скиту Киреевский несомненно делился с монахами своими философскими взглядами и сомне-

¹ Григорий Палама, свт. Триады в защиту священно-безмолствующих... С. 67.

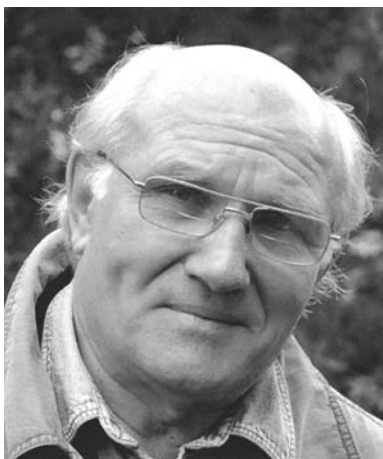
² Цит. соч. С. 68.

ниями, обсуждал новые планы и постепенно проникался духом идущей через века православной традиции «умного делания»...

Однако, программа построения новой философии на основе понятия целостного разума не могла быть только простым возвратом к святоотеческим *текстам*. Цивилизация ушла уже далеко вперед и нужно было в новых условиях, в новом языке воплотить дух древней, но вечно живой церковной традиции любомудрия. Киреевский ясно понимал это: «Но возродить философию св. отцов в том виде, как она была в их время, невозможно. Возникая из отношения веры к современной образованности, она должна была соответствовать и вопросам своего времени и той образованности, среди которой она развилась. Развитие новых сторон наукообразной и общественной образованности требует и соответственного им нового развития философии. Но истины, выраженные в умозрительных писаниях св. отцов, могут быть для нее живительным зародышем и светлым указателем пути. Противупоставить эти драгоценные и живительные истины современному состоянию философии; проникнуться, по возможности, их смыслом; сообразить в отношении к ним все вопросы современной образованности, все логические истины, добытые наукой, все плоды тысячелетних опытов разума среди его разносторонних деятельностей; из всех этих соображений вывести общие следствия, соответственные настоящим требованиям просвещения, — вот задача, решение которой могло бы изменить все направление просвещения в народе, где убеждения православной веры находятся в разногласии с заимствованною образованностью»¹.

Концепция целостного разума, сложившаяся в трудах старших славянофилов под прямым влиянием православной антропологии и православного понимания духовной жизни, оказалась одной из характернейших тем русской религиозной философии. По своему преломленная в системе В. С. Соловьева, она перешла в XX столетие, где разрабатывалась почти всеми крупными русскими философами: С. Н. Трубецким, Е. Н. Трубецким, Н. О. Лосским, С. Л. Франком, о. Павлом Флоренским, о. Сергием Булгаковым и др. В историко-культурном плане концепция целостного разума остается и по сегодняшний день философским свидетельством православных истоков русской культуры.

¹ О необходимости и возможности новых начал для философии... С. 322–323.

Николай РАЧКОВ

«ЗА НАМИ — ПРЕДКОВ ГОЛОСА И ВОЙН НЕГАСНУЩЕЕ ПЛАМЯ...»

К 80-летию со дня рождения

Николай Борисович Рачков — поэт, секретарь Союза писателей России. Родился 23 сентября 1941 г. в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Автор более 20-ти стихотворных сборников, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Академик Петровской академии наук и искусств, Почетный гражданин Ленинградской области. Награжден государственной медалью Пушкина. **Живет в г. Тосно.**

* * *

Среди объятий и торгов
Ну кто там нас еще наивней?
Мы дети северных снегов,
Внезапных гроз, холодных ливней.

Нам все ветра, все бури встреч.
И нам назначено до срока
Священный оком бережь
От Запада и до Востока.

За нами — предков голоса
И войн негаснущее пламя.
И нам дано на небеса
Глядеть влюбленными глазами.

Сердиться на судьбу грешно.
О нас поет и плачет вьюга.
В суровый час нам всем дано
Вставать от Севера до Юга.

ТАМ, ГДЕ РАСКОЛ...

Горели храмы, даже села,
Сверкали сабля и топор...
Осколком древнего раскола
Заражены мы до сих пор.

На красных были и на белых
Расколоты совсем не зря.
О сколько честных, чистых, смелых
Взяла российская земля.

В родне порой, в семейной драме
Таится он, раскольный след.
Да что там, если в Божьем храме
И там, увы, единства нет.

Раскольного следа копыто
Стучит: «Я всех вас подомну...»
И вот сыны страны открыто
Уже хулят свою страну.

Совсем не против мы новаций.
Но чтоб глядеть кому-то в рот?!
Нас много —

и племен, и наций,
Но мы один большой народ.

Пора понять: раскол безбожен,
В слезах, в крови его рука.

Он и лукав, и острожен,
Он всюду бьет исподтишка.

Лишит покоя он и сна,
Заставит злобно щурить веки.

Там, где раскол — всегда война
В стране,
в дому
и в человеке.

* * *

Апрель — и набухают почки
У верб, берез и тополей.
И в небе все быстрее строчки
Летающих с юга журавлей.

И серый волк, угрюмый, тощий,
Изголодавшийся вконец,
Мечтает, как он будет в роще
Пасти гуляющих овец...

* * *

Становилась Родина
с каждым годом краше.
Золотые в поле
высились стога.
И леса, и речки
были наши, наши,
Наши соловьиные
рощи и луга.

В сказочных героях
мы души не чаяли.
К лучшему стремились
в думах о былом.
Мы друг друга в горе
часто выручали,
Песни задушевные
пели за столом.

Это чувство братское
от отцов, от дедов ли,
Вышедших из страшных
огненных боев.
Как же не ценили,
как тихонько предали,
Как мы пробазарили
кровное, свое.

Ходит чужеродие
градами и весями,
Создавая нагло
импортный уют.

Позабыли пляски,
позабыли песни мы,
Слушаем и смотрим,
что нам подадут.

Русь, куда же мчишься ты
гоголевской тройкой?
Смотрят неотступно
Лондон и Париж.
То ты пронесешься
горькой перестройкой,
То ракетным громом
в небе прогремишь.

Наобум шагая
сквозь года суровые,
Пусть мы поскользнулись
на родном крыльце.
Но цветут как прежде
очи васильковые
У мальчишки русого
на его лице.

Ну а на кого ж еще
можно и надеяться?
Мчатся кони буйные
грешный мир дивить.
Все, что с нами случилось
в муках перемелется.
Тройку нашу русскую
не остановить.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Тот, кто лежит уж столько лет в могиле этой братской,
Он молод был и не хотел он умирать тогда.
Но Родина была в беде, и надо было драться,
В боях смертельных села брать, врываться в города.

За город Тосно бой в ту ночь был яростным и лютым.
Шли сквозь огонь, свинец и дым, сквозь настоящий ад.
И на победу наших войск ответили салютом
Непобежденная Москва, спасенный Ленинград.

Всем сердцем, всей своей душой, всем городом, всем миром
Мы не должны забыть вовек те памятные дни.
И вновь приносим мы цветы бойцам и командирам,
Мы живы только потому,
что здесь лежат они.

ПОЛКОВОДЦЫ ПОБЕДЫ

Русские полководцы
Не меркнувших лет и зим:
Жуков и Рокоссовский,
Конев и Черняховский,
Толбухин и Малиновский —
Вечная слава им!

Победных салютов всплески,
Победных маневров план...
Антонов и Василевский,
Говоров, Баграмян.

Спасали страну по сути,
Ее державную честь
Чуйков, Мерецков, Ватутин,
Захаров...
Да всех не счесть!

Ныне они — в далеком,
В былинных днях боевых.
Не дай нам Бог ненароком
Вдруг позабыть о них...

СЛОВО О ПАРАДЕ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Ваш упрек негож
К нашему параду.
Мы идем сквозь ложь
И сквозь полуправду.

И советский флаг
Впереди колонны —
Как победный знак
Нашей обороны.

Да, не повезло,
Не завоевали.

Много вас легло
В нашей русской дали.

Неразумен счет
В гибельной основе
Сколько вам еще
Надо нашей крови?

Ядерный заряд
Смотрит из засады...
Потому у нас
Эти вот парады.

ОТШЕЛЬНИК

Что мне лукавые князья, вожди и цистероны,
Которых много во Кремле у царственной короны, —

Пусть в напускной впадают раж, плетут свои интриги...
Я верю в нежность василька, в дыханье древней книги.

Когда душа в пылу страстей тревожно раскалена,
Поглажу ствол рябины я, березки или клена,

Я грудью припаду к земле, к цветам ее и травам,
Пускай я в чем-то правым был, а то совсем неправым, —

Я поделюсь всей болью с ней, как с матерью родимой,
Поскольку мы живем в одной любви неразделимой...

* * *

Куда ни взгляни — тут и там до сих пор
От крови земля набухает как губка.
Взрываем, бомбим и стреляем в упор —
Без отдыха в мире идет мясорубка.

Мы столько дурного творим без стыда,
В любви мы порой то рабы, то тираны.
Когда же мы вылечим, люди, когда
И раны земли,
и душевные раны?..

* * *

Тот, кто тебя лобызает в уста,
Может, целует совсем не случайно.
Тот же Иуда, предавший Христа,
Жил и живет в человечестве тайно.

Стерты империи и города,
И не могло быть никак по-другому.
Если найдется предатель —
тогда
Гибель и самому крепкому дому.

ГОРОД НЕОЛИТА

Не все уйдет, что скрыто.
Раскопан, ставший зримым,
Город неолита
Под Иерусалимом.

Не чудо ль в жизни новой? —
К нам, временем расколот,
Пришел доледниковый
И допотопный город.

Там тоже люди жили,
Как мы стремились к цели,

Любили и дружили,
И плакали, и пели.

Сквозь каменные стены
Слышны в пропавшей доле
И клятвы, и измены,
И радости, и боли.

В той самой дальней дали,
В земном крутом круженье
Они, они — в начале,
А мы — лишь продолженье...

* * *

Какая даль за плечами,
События, имена!
И радости, и печали —
Всего хватало сполна.

Пора оценить находки
И вспомнить горечь утрат.

Не падал под стол от водки
И не хмелел от награда.

Пора поразмыслить здраво
О жизни наверняка.
Валюта люта, а слава
Лукава во все века.

Так в чем же души отрада?
Пора осознать, пора,
Что нынче уже не надо
Того, что хотел вчера.

Пока еще сердце бьется,
Метели не замели,
Одна благодать остается —
Глядеть в небеса с земли.

✻ ✻ ✻

Горюешь ты: какая жалость —
Опять в судьбе не повезло.
Вновь вырвалось из рук, сломалось
Надежды хрупкое весло.

Жить нелегко, но падать духом
Нельзя. Не хнычь и не тужи.
Назло невздам и прорухам
Себя с достоинством держи.

Какие б дали ни манили,
Ты душу бережно храни.
В жестоком и прекрасном мире
Жить нелегко в любые дни.

Ты в этом мире не случайно —
В любви, в мечте, в добре, во зле.
Ты человек. И ты есть тайна.
Ей нет разгадки на земле.

ПРОШЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

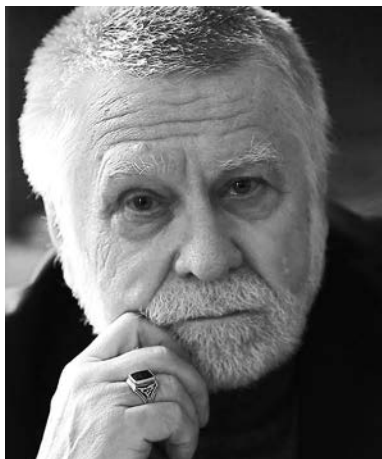
Знаковый праздник,
души потрясение
И просветление нас среди дня.
Здравствуй, Прощеное воскресенье!..
Вы уж простите, простите меня.

Мало ль кого я обидел по слабости
Или по глупости, боль причина,
В жизни поспешной
 не додал вам радости...
Вы уж простите, простите меня.

И на погосте, обжитом синицами,
Может, уснувшая слышит родня?
Мало ль за что не успел повиниться я? —
Вы уж простите, простите меня.

В мире тревожном,
 порою безжалостном,
Надо держаться, друг друга храня.
Бог милосерден...
И все же, пожалуйста,
Вы уж простите, простите меня.

Борис БУРМИСТРОВ

«Я ЧИСТЫМ РУССКИМ ВОЗДУХОМ ДЫШУ...»

К 75-летию со дня рождения

Борис Васильевич Бурмистров — родился в 1946 г. Многие годы трудился на предприятиях Кузбасса и на Крайнем Севере. Поэт, публицист, член Союза писателей России, Председатель СП Кузбасса, член Правления СП России. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России, Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного Великого князя А. Невского и др. Член-корреспондент РАЕН, Академик ПАНИ, Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в г. Кемерово.**

ОТВЕТ РУСОФОБАМ

Где тот забытый причал,
Даль далека и близка —
Русская наша печаль,
Русская наша тоска.

Сотни и тысячи лет
Не изменить ничего,
Только словесный бред
И поцелуй в стекло.

Только щенячья дрожь,
Призрачный свет вдали...
Только бесстыжая ложь
В адрес моей земли.

Где тот затерянный мир —
Земли, моря, города.
Я выхожу в эфир —
Слушайте, господа.

Русскую нашу печаль,
Русскую нашу грусть.
Только не надо кричать,
Что безответна Русь.

Встанем еще не раз
В полный, как водится, рост.
С русским прищуром глаз,
С вечною правдою звезд.

* * *

Снова май, черемуховый холод,
Белый цвет кружится и кружит,
Снова май, и я как прежде молод,
Хоть и время быстренько бежит.

Белый сад, высокая ограда,
Фонари оранжевые в ряд,
На скамейке возле палисада,
Как всегда, влюбленные сидят.

Прошлое так стало близко нынче,
Даже скрип калитки узнаю,
Снова песни, снова трели птичьи
Так же душу трогают мою.

Так же сердце екает тревожно,
Не спугнуть бы тишину аллей.
Подойду и сяду осторожно
На скамейку памяти моей.

* * *

Годы борьбы и мытарства —
Что ж головою ты сник?
Я прокричу в пространство,
Эхо вернет мне крик!

Эхо, лети обратно,
Крик здесь не нужен уже.

Хоть и не все еще ладно
И благодатно в душе.

Нету ни в чем постоянства,
Так что себя не неволь.
Крик разрывает пространство
И... обнажает боль.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаенные открыты,
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.

Здесь любовь, как синева, чиста
И разлуки ничего не значат.

Здесь, по эту сторону креста
И по ту, бесслезно тихо плачут.

В этот день встречаемся мы вновь,
Память наша, наша боль и радость.
Неземная, вечная любовь
Нам от Бога каждому досталась.

ПАСХА

Сколько нежности в русском народе,
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и в природе,
И разъяснилось небо вдали...

Боже! Милость какая нисходит
На Тебя, на меня с высоты.

В одночасье в душе распогодит,
И любовью наполнишься ты.

И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли —
В эти дни просияют святые
Над безоблачным ликом Земли.

* * *

Вы мне, пожившему, поверьте,
Бывал и я в объятьях сна...
Не бойтесь говорить о смерти,
Она не так уж и страшна.

Она приходит в срок, до срока,
Неважно, что ты ждешь, не ждешь.
Но всякий раз по воле Бога —
Ты умираешь и живешь.

* * *

Что ж ты меня снарядил в это тело,
Что ж посильнее телес не нашлось?
Ведь поручил Ты мне трудное дело,
Сколько страдать за других довелось.

В душу вселил сердобольность и жалость,
Как же я жил этой болью чужой,
Кроме своей, что с рожденья досталась —
Соизмеримы ли тело с душой?

.....
Годы летели, мгновенья тянулись,
В явь превращались тревожные сны.
Вот и сошлись надо мной и сомкнулись
Светлые ночи и темные дни.

ПОСЛЕ НАРКОЗА

Вот и очнулся после наркоза —
Белые стены, лепной потолок,
Слышу — по венам «гуляет» глюкоза —
Сил животворных свежий приток.

Медленно, медленно входит в сознание —
Кто я, откуда, что было со мной.
Будто корабль, качается зданье,
И голоса, как набат, за стеной.

В белой косынке глаза голубые,
Ближе, светлей очертанья лица.
Эти глаза я уже где-то видел,
Тают на окнах следы ледяные —
Свет за окошком и даль... без конца.

* * *

Как одинока, Господи, душа
Среди живых, толпящихся у Храма,
Свои заботы мелкие верша,
Мы взвешиваем жизнь свою до грамма.

Как одиноко, Господи, душе
От пустословья нудного и злого.
Ты ждешь того, что не придет уже,
И только тень блуждающего слова...

И только эхо, где-то там вдали,
Летят, летят космические версты...
Чем дальше наши души от Земли,
Тем молчаливей утренние звезды.

И наша жизнь не стоит и гроша,
В ней столько бед сокрыто изначально.
Как одинока, Господи, душа
Среди ушедших в вечное молчанье.

* * *

Я снисхожденья, Боже, не прошу —
Гляжу на мир, чему-то удивляюсь.
Так и живу — то каюсь, то грешу,
То ни за что пред всеми извиняюсь.

Завидовать другим я не привык,
Укрою душу от ветров постылых
И снова через годы напрямик
Пробью тропу —
еще найдутся силы.

Судьбы моей морозные деньки —
Минуты, как снежинки,
быстро тают...

То тишь да гладь,
то снова сквозняки —
До донышка всю душу продувают.

Лишь об одном Всевышнего прошу,
Чтобы окреп я в православной вере,
Я чистым русским воздухом дышу,
Которого все меньше в атмосфере.

Связь ВРЕМЕН

Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

**«БОГОМ
УТВЕРЖДЕННЫЙ
ГОСУДАРЮ...»:
Образ русского
Государя в сочинениях
конца XV —
начала XVII веков**

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. Живет в Москве.

Неспешное укрепление Московского княжества в годы «ордынского плена» воспринималось в народе как *знак избавления от Божией кары*, а сама Москва и ее князья — как *избранники Божии, посланные спасти и народ, и государство от татарского «заточения», а затем повести их к горным вершинам*. Поэтому постепенно в русской духовно-политической мысли возобладало убеждение: именно светская власть, и именно великий князь московский, в союзе с Церковью, способен взять на себя исполнение божественных предназначений.

Здесь необходимо отметить значение титула монарха в эпоху средневековья. Как отмечают исследователи, «титул правителя являлся главной формой декларации претензий государство на определенное место в мире». При этом титул состоял из двух частей: *статусной* (статус правителя в мировой политической иерархии — князь, король, император, царь и др.) и *владельческой* (перечисление подвластных территорий — «царь Казанский», «царь Астраханский», «государь Псковский»)¹.

Успехи в «собрании Руси» привели к тому, что Иван III заявил о себе как о единственном властителе русских земель и после 1485 г., помимо титула «великий князь», принял более высокий титул — «государь всея Руси»². А это означало,

¹ Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 51.

² Нужно отметить, что происхождение титула «государь» до сих пор вызывает дискуссии, его истоки ищут или в Юго-Восточной Европе, или в Великом княжестве Литовском, или же указывают на русские корни. См.: Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991; Золтан А. К предыстории русского «государя» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. М., 2002. С. 554–560; Назаров

что Иван III поставил перед собой и своими потомками величайшую геополитическую задачу: собрать под рукой московских правителей все русские земли, когда-то входившие в состав Древнерусского государства.

Кроме того, уже с XIV столетия московский государь начинает восприниматься на Руси в качестве монарха, способного повести народ русский ко всемирному величию и тем самым спасти остальной, духовно «изрушившийся» мир, говорят многие исторические факты. К примеру, явно нарастает стремление установить в эти годы на Московской Руси царский титул. Причем и сами московские великие князья были не против того, чтобы стать царями. Еще в конце XIV в., по версии «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича», Мамай отправился в поход на Русь, потому что Дмитрий Иванович присвоил не принадлежащий ему царский титул, и некие «врази» московского князя, живущие «около его» и оклеветавшие его, подстрекали Мамай: «Дмитрий, великий князь, себе именует Руской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию»¹. Но автор самого «Слова» в дальнейшем с гордостью и многократно именует Дмитрия Ивановича «царем», а его державу — «царством».

Но «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» было написано уже после кончины московского правителя. Однако спустя без малого сто лет, московского великого князя Ивана III Васильевича уже прижизненно и фактически официально (или полуофициально) именуют царским титулом. Первым это сделал архиепископ Вассиан Ростовский в своем «Послании на Угру», когда уже в самом начале послания писал: «Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом венчаному, Богом утверженному, въ благочестии всеа вселенныа кончих въсиавшему, наипаче же во царих пресветлейшему и преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси»². Напомним, что до того времени этот титул по отношению к русским землям могли носить или византийские императоры, или ордынские ханы. Более того, любые попытки титуловать московских князей «царями» воспринималось, особенно в Орде, как политическое преступление, следствием которого должно быть жестокое наказание. Но в конце XV в. ситуация в корне изменилась. В 1453 г. погибла Византийская империя, да и Орда уже не представляла собой единой силы. Титул царя «освободился». И вот архиепископ Вассиан Ростовский в этом новом титуловании московского государя, во-первых, сразу подчеркивает особую историческую значимость как самого предстоящего события — возможного военного столкновения с армией хана Ахмата, — так и последствий этого столкновения, ведь победа над ахматовой ордой означала не только обретение Русью государственной независимости, но и огромную перспективу будущего развития Московской Руси — превращение Московского великого княжества в Российское царство. Поэтому, во-вторых, владыка Вассиан фактически ставит перед московским правителем и новую государственно-политическую цель — *русский государь должен принять царский титул и стать духовно-политическим наследником византийских императоров*.

В. Д. Великий князь московский: «господин» удельных князей или их «господарь»? (полемические заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 236–243 и др.

¹ Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 208.

² Послание на Угру Вассиана Рыло // БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 386.

Вассиан Ростовский прямо призывает великого князя подняться с мечом на «ордынского царя» и не слушать тех великокняжеских советников, кто уговаривает князя покориться ордынскому владыке, как покорялись все предшествующие русские правители. При этом Вассиан приводит крайне важный аргумент: Ахмат — не христианский государь, а значит, не истинный царь, самозванный. Поэтому от имени Русской Церкви Вассиан «разрешает» московского государя от всех клятв, данных им и его предками «ордынским царям». С Ахматом, самозванцем, «разбойником» и «богоборцем», настоящий христианский царь, каковым является Иван III, просто обязан сражаться: «...Послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прости о таковых и разрешати нам повелено есть, иже прощаем, и разрешаем, и благословляем, яко же святейший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тем же лучше бе солгавшу живот получитьи, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пушати тех в землю на разрушение и погребление всему христьянству и святых церквей запустение и осквернение. И не подобитися окаанному оному Ироду, иже не хоте клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю!»¹

Кроме того, архиепископ Вассиан в своем Послании раскрывает перед великим князем духовно-политическую сущность самой царской власти — *истинный православный государь должен быть в первую очередь защитником веры*. В Послании несколько раз повторяется один и тот же тезис: московский государь — это, прежде всего, «добрый воинъ Христов», «истинный пастырь» «словесного стада Христовых овец», отвечающий непосредственно перед Господом, за врученное ему Богом «словесное стадо»². Поэтому московский государь теперь по своему значению такой же защитник истинной православной веры, какими считались византийские императоры.

Подчеркивая значимость новых задач русского государя, Вассиан Ростовский пишет великому князю: «Аще ли убо ты, о крепкий, храбрый царю, и еже о тебе христолубивое воинство до крове и до смерти постражут за православную Христову веру и за Божия церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породилася духовною и нетленья банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, *блажени бо* и преблажени будут в вечном наследии, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрешити, но восприимут от Вседержителя Бога венца нетленны и радость неизреченную, ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взиде. Яко же первии мученици и исповедници, тако сии последнии будут, борече *Господь*: “Первии последнии, а последнии первии”»³. В данном случае, архиепископ Вассиан напоминает Ивану III *смысл духовного подвига*: истинный христианин не должен бояться физической смерти, тем более, если смерть настигнет его в битве за родную землю. Воина, погибшего в бою за Отечество, по глубокому убеждению православных людей, Господь простит за земные грехи и подарит ему вечную жизнь в Царствие Небесном рядом с великими святыми праведниками.

¹ Послание на Угрю Вассиана Рыло. С. 394.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 392–394.

А в конце своего послания Вассиан Ростовский развивает мысль о необходимости принятия Иваном III царского титула. Здесь впервые появляется тезис о богоизбранности царской власти на Руси, недаром Вассиан называет московского правителя «Богом утвержденным царем» и утверждает, что, если Иван III будет соответствовать идеалу православного государя, то и все его потомки будут находиться под прямым Господним покровительством: «Се твердое, и честное, и крепкое царство дать Господь Богъ в руце твои, Богом утвержденный государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в веки»¹.

Послание Вассиана Ростовского свидетельствует, что на рубеже XV—XVI вв. в российском обществе сформировался общественный запрос на то, чтобы во главе Русского государства встал царь. Ивана III уже уговаривали принять титул царя вместо титула великого князя. И с конца XV века титул «царь» начинает появляться в некоторых русских внешнеполитических документах, в частности в делах со Швецией — с 1482 года. Поднимался вопрос о царском титуле и в княжение сына Ивана — Василия III. Так на золотой печати, привешенной к грамоте с мирным договором с Данией (1516) Василий Иванович именуется как «царь и государь». Тот же титул можно встретить в послании Василия III римскому папе (1526)². Царский титул использовался в отношениях с Пруссим орденом (1517) и Священной Римской империей (1506, 1517, 1518)³. Более того, по свидетельству немецкого путешественника С. Герберштейна, в годы правления Василия III подданные великого князя уже считали: «...Воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией». А самого государя величали «ключником и постельничим Божиим» и вообще верили, что он — «свершитель Божественной воли»⁴. И Иван III, и Василий III не решились официально принять царский титул.

Однако это не означало смены общественных настроений. Более того, можно сказать, что в начале XVI в. русское общество жило в ожидании восшествия на московский престол государя, который наконец-то возложит на себя Высшую обязанность в полной мере и будет соответствовать Божественным предначертаниям. Стоит напомнить, что в восточно-православной традиции «царями» именовали тех правителей, кто носил титул «императоров», т. е. титул «царь» в русском понимании был намного выше традиционного для Европы королевского, тем более, княжеского титулов: князей и королей может быть много, император (царь) — один. И нужно сказать, что Иван III и Василий III вполне осознавали свою великую миссию, возложенную на них Самим Господом. Свидетельством тому — использование в официальных титулах того и другого понятия «един правый государь». Как отмечают исследователи, истоки этого понятия (т. е. «единственного царя правого») восходят к библейским пророчествам о царе — объединителе народов (*Иез.* 37:22). Поэтому осмысление русского государя, как единственного правого, во-первых, является отождествлением московских государей с библейскими царями, а, во-вторых, указывает на их вселенскую миссию единственных в

¹ Послание на Угру Вассиана Рыло. С. 398.

² См.: *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // *Архив русской истории.* 1994. Вып. 5. С. 207–208.

³ См.: *Филошкин А. И.* Титулы российских государей. М., СПб., 2006. С. 79–80.

⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 74.

мире праведных правителей последнего в мире богоизбранного народа, «Нового Израиля», каковым с конца XV в. и считался русский народ¹.

Кроме того, великого князя Василия III начинают называть еще и «самодержцем» (в основном, в различных иностранных посланиях в 1508, 1514, 1516)². *Самодержец* (от греч. «autokrator») — русское определение единовластия монарха. При самодержавии вся власть в государстве находится в руках одного наследственного русского государя. Ему принадлежат верховные права в законодательстве, управлении страной, командовании армией. Значение слова «самодержавие» достаточно ясно. В него входят два корня: «сам» и «держу». «Сам» означает «собственной, личной силой». «Держу» — «держу власть», «обладаю властью». Следовательно, самодержавие есть обладание властью в силу собственного могущества. Наконец, титул «самодержец» означает независимость государя, который стоит во главе независимого государства, т. е. является в этот исторический период свидетельством национального суверенитета.

Таким образом, конец XV — начало XVI вв. — это время значительно-го укрепления идеи самодержавия в Русском государстве. Как считали современники, единственная в мире истинная православная держава должна была управляться единственным в мире истинным православным самодержцем, т. е. независимым, самостоятельным государем, получившим право управлять своей страной от Самого Господа. Впрочем, следует иметь в виду, что понятие «самодержец» не вошло в официальный титул Василия III, более того, официально самодержцем стал именоваться только его внук царь Федор Иванович³.

Однако различные русские мыслители рубежа XV—XVI вв., при общем согласии в том, что Русское государство должен возглавить государь, обладающий царским титулом, по-разному представляли сущность царской власти. И если архиепископ Вассиан Ростовский стремился объяснить великому князю Ивану III христианские смыслы царского звания, то очень влиятельные в 90-е годы XV в. «жидовствующие» видели совершенно иные духовные истоки царской власти. Об этом, в частности, свидетельствует «Сказание о Дракуле»⁴, авторство которого приписывают «главе московских еретиков» Федору Курицыну.

Уже в «Лаодикийском послании» Федор Курицын формулирует *идею сильной личности*: человека, обладающего сильной волей, и потому способного вести двойную жизнь в христианском. Недаром в «Лаодикийском послании» всячески превозносится значение некоего «*пророка-старейшины*», волей которого только и ограничивается «самовластие души». Ведь это именно пророк ставит «*наказание — веру*», «*исправляется чудотворением*», а его дар «чудотворения» «*мудростию усилен*». Более того, «пророк» объявляется «*наукой*» для «фарисейского» образа жизни, причем наукой «*преблаженной*»⁵. Следовательно, главной фигурой всего послания является «мудрец-фарисей», «пророк», который только и обладает «самовластной душой».

¹ См.: Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 52.

² Там же. С. 52–53.

³ Там же.

⁴ Сказание о Дракуле // БЛДР. Т. 7. С. 460–471.

⁵ «Лаодикийское послание» Федора Курицына // БЛДР. Т. 7. С. 444.

Именно «пророк» силой «самовластной души» приводит своих последователей в «страх Божий», и, следовательно, к «добродетели»¹.

Конечно, подобное толкование — лишь предположение. Однако, эта *идея сильной личности*, обладающей «самовластием души», находит продолжение — в «Сказании о Дракуле». *Дракула* — это прозвище князя Валахии Влада Цепеша (правил в 1456–1462 и 1477 гг.). Валахия располагалась на территории современной Румынии и в «Сказании» называется «Мунтьянской землей» (горная страна Мунтения — это восточная часть Валахии). Свое прозвище валахский князь получил в наследство от отца, который, видимо, принадлежал к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами. Однако затем оно стало ассоциироваться с румынским словом «*drac*» — *дьявол*. Рассказы и анекдоты о Дракуле оказались очень популярными в конце XV в. в Европе и отразились в немецких, венгерских и итальянских источниках. Русский автор «Сказания о Дракуле» все-таки создает более обобщенный образ, нежели его западноевропейские современники.

Герой «Сказания» — это, несомненно, очень сильная личность. Свои поступки он совершает, руководствуясь исключительно «самовластием души». А результатом этих поступков оказывается неоправданная и невиданная по своей изощренности жестокость. Однако Дракула был способен и на справедливые деяния, что всячески подчеркивается в «Сказании». Ведь он, одновременно, ненавидел «во своей земли зла» и беспощадно карал всякое преступление, кто бы его ни совершил.

Но важно тут и другое — причиной всех поступков Дракулы является непреходящая жажда власти, как следствие «самовластия души». Так, чтобы сохранить власть, Дракула даже отказывается от православной веры и принимает католичество². *Идея неограниченной, абсолютной власти монарха — это главная идея всего «Сказания о Дракуле»*. Недаром один из тех, кого Дракула собирался посадить на кол, иностранный посол, избежал мучительной смерти лишь потому, что сказал: «Государю, аще достойное смерти соделалъ буду, твори, еже хочещи: праведный бо еси судия — не ты повинень моей смерти, но азъ самъ»³.

Слова «*твори, еже хочещи*» («делай как хочешь») и являются ключом к пониманию внутреннего смысла всего повествования о Дракуле. По сути дела, впервые в древнерусской религиозно-философской мысли столь ярко и даже, в каком-то смысле, цинично прозвучала идея о том, что *государь является неограниченным властителем не только над своими подданными, но и над всеми, кто оказался в его распоряжении*. Принцип самовластия («твори, еже хочещи») распространяется и на отношения с соседними державами, становится вообще *принципом жизни государя*. И не случайно в Дракуле нередко видели истинную «модель царского поведения». Как писал Я. С. Лурье, Федор Курицын не мог найти иных средств.

¹ См.: *Перевезенцев С. В.* Идея сильной личности в сочинениях Федора Курицына // SCHOLA—2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под общ. ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. М., 2009. С. 151–154; *Перевезенцев С. В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019. С. 292–294.

² Сказание о Дракуле // БЛДР. Т. 7. С. 468.

³ Там же. С. 466.

Впрочем, у автора «Сказания» нет однозначного одобрения Дракулы. Более того, в конце повествования Дракула гибнет от копий своих же воинов, принявших его за турка. Иначе говоря, «Сказание» показывает, что неограниченная власть имеет не только свои прелести, но и свои горести. А самого Дракулу можно воспринимать и как абсолютно отрицательную фигуру злодея. В понимании Я. С. Лурье, Федор Курицын не мог найти иных средств борьбы с Церковью и несправедливостью и потому пугал современников Дракулой¹.

Но знаменательно, что и однозначного, ярко выраженного порицания Дракулы в «Сказании» тоже нет. Видимо, высказав идею абсолютной власти монарха, автор не решился или не захотел дать нравственную оценку своему герою. Это, между прочим, более чем нехарактерно для традиции древнерусской литературы и совсем не соответствует церковным канонам. Ведь древнерусские книжники обязательно вносили в свои сочинения нравственные оценки, оправдывая, или, наоборот, осуждая своих героев.

В итоге, автор представляет читателям самим выбирать: ужасаться ли жестокостям, или восхищаться абсолютным самовластием Дракулы. А может быть, вообще, смириться и признать — истинной справедливости и истинной правды на Земле не существует, как не существует и истинно справедливого государства. Если признавать автором «Сказания о Дракуле» Федора Курицына, то в последнем умозаключении тоже есть большой смысл. Ведь истинной справедливости нет среди христианских государей, в христианском мире. Следовательно, подспудно осуждается и само христианство, неспособное внести правду и истину в реальную земную жизнь. Зато наиболее яркими и сильными фигурами в христианском мире оказываются лишь такие государи, как Дракула.

Как можно было заметить, предложенный вариант трактовки произведений Федора Курицына побуждает иначе взглянуть на религиозно-философские взгляды этого мыслителя. Вряд ли его можно считать гуманистом или деятелем Предвозрождения. Скорее сочинения Курицына — это свидетельство его глубокого увлечения ветхозаветной тематикой. И его творчество показывает, сколь далеко в сторону от православия могло увести такое увлечение².

Идея сильного, самовластного государя, главным свойством которого было бы соединение жестокости и справедливости, в XVI в. все более набирает силу. Об этом позднее писал Иван Пересветов, на этих качествах государя заострял внимание в своих произведениях и царь Иван IV Васильевич Грозный. Но все же большинство русских духовно-политических мыслителей стремились объяснить феномен самовластного государя, исходя из традиционных христианских трактовок.

Стоит напомнить, что в соответствии со Священным Писанием источников царской власти является Сам Господь, именно Бог устанавливает права и обязанности царя: царь владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители цар-

¹ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 107.

² Судьба «Сказания о Дракуле» была непростой. Признанная, по выражению того времени, «неполезной повестью», она долгое время не включалась в рукописные сборники.

ства — рабы царя (1 Цар. 8:10–17), но при этом царь — защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Цар. 9:15) и хранитель истинной веры (3 Цар. 11:38). Если царь исполняет волю Бога, то его царство укрепляется. В том случае, если царь отступает от Божественных повелений, царя и народ ждет Божий гнев. При поставлении царя Бог говорит народу через пророка Самуила: «И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (1 Цар. 10:18). Божественное помазание не означает сакрализации самой личности царя — неугодного царя Бог может заменить и другим. Однако в Ветхом Завете присутствует и сюжет покаяния неблагочестивого царя, а с ним и всего царства (яркий пример — царь Манассия, который «делал неугодное в очах Господних», был наказан нашествием врагов и пленением, раскаялся и был возвращен на свое царство, а народ тем самым был спасен от врагов). Существует и обратная зависимость: если народ будет верен Богу и будет служить Ему от всего сердца, то Бог не оставит народ; но если народ будет творить зло, то погибнет и царь, и народ. «Если будете бояться Господа и служить Ему,... то рука Господа не будет против вас; а если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас» (1 Цар. 12:14–15).

Следуя библейским заветам, преподобный Иосиф Волоцкий поначалу вообще утверждал принцип превосходства «священства» над «царством», ибо считал светскую власть зависимой от Закона Божиего — только подчинение государя Божиим заповедям делает его власть законной: «Царь бо Божий слуга есть... — писал Иосиф Волоцкий. — Сего ради подобает тем преклоняться и служити телесне, а не душевне, и вздавати им царскую честь, а не божественную». Если же царь не способен побороть в себе «скверны страсти и грехи», то «таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель»¹. Впоследствии, убедившись, что без поддержки великого князя Церковь не может в полной мере осуществить на земле свою миссию, Иосиф Волоцкий склонился к признанию приоритета власти государя. В своих посланиях, обращаясь к великому князю московскому Василию III Ивановичу он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но и «самодержцем», «царем» и «государем всея Руския земля», то есть теми титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал². Больше того, Иосиф Волоцкий начал говорить о божественном происхождении власти русского государя, уподобляя его земную миссию Божию Промыслу: «Ты же убо, о дръжаны царю, и скипетр царствия прием от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им. Царь убо естеством подобен вышнему Богу. Но якоже Бог хочет всех спасти, такоже царь все подручное ему да хранит, яко да Божию волю сътворив, приимеши от Бога присносущное радование и воцаришися с Ним во веки радуаяся»³.

Сочинения «Филофеева цикла» также показывают, что Василию III, не обладавшему даже земным царским титулом, пророчилась роль вселенско-

¹ Иосиф Волоцкий, *прп.* Просветитель. Казань, 1896. С. 286–287.

² Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 201, 231 и др.

³ Там же. С. 184–185.

го православного правителя — «царя». По мнению же анонимного автора Послания великому князю, московский государь, как властитель «Третьего Рима», должен обладать только самыми высшими земными титулами и быть выше всех остальных светских государей¹. Таким образом, Вассиан Ростовский, Иосиф Волоцкий, старец Филофей, иные последующие православные мудрецы «иосифлянского» толка фактически воспроизводили в своих сочинениях библейское, фактически, ветхозаветное понимание сущности монархии.

В то же время мыслители «нестяжательского» круга видели принципы реализации царской власти несколько иначе. «Нестяжатели» надеялись, что их союз с великим князем, их поддержка наступления московского государя на церковную собственность, позволит им максимально приблизить нравственную и духовную жизнь русского общества к христианскому идеалу, построенному на евангельских началах. И таким образом им удастся реализовать идеальную христианскую поведенческую модель, которую они сформулировали на основе идей древних подвижников-аскетов и преподобного Нила Сорского. Однако следование принципам «нестяжательства» требовало от представителей власти соблюдения высоких духовных и нравственных норм. Поэтому и в начале XVI в., и позднее «нестяжатели» постоянно предъявляли русским властителям самые высокие нравственные требования, стремились, чтобы всей своей сущностью, всей своей жизнью русские государи соответствовали сформулированному ими идеалу христианского правителя. Более того, сторонники «нестяжательства», оказавшиеся в близком окружении русских властителей, нередко считали себя нравственными наставниками и духовными учителями государей.

Наиболее полно «нестяжательское» представление о царской персоне и границах царской власти выразил преподобный Максим Грек в посланиях царю Ивану IV. Византийское воспитание Максима Грека сказалось на его понимании взаимоотношений светской и духовной властей. В основе этих взаимоотношений лежала идея социальной гармонии, «богоизбранного супружества» Церкви и светской власти. Особое внимание он уделял роли государя, который, по его мнению, обязан соответствовать самым высоким нормам христианского поведения. В посланиях, написанных царю Ивану IV, Максим Грек, прежде всего, создает образ «царя истинна», который исполнен различных добродетелей, «правдою и благозаконием» устраивает справедливый порядок в государстве, достигая тем самым гармонии интересов разных социальных слоев общества. Царь, сам полностью проникнутый христианской любовью, должен также любовно управлять своими подданными.

Однако, в силу слабости собственной человеческой природы, царь не всегда способен справиться с одолевающими его грехами, из греховных страстей Максим Грек выделяет три: «сластолюбие, славолюбие и сребролюбие». Причем, вновь, в соответствии со словами апостола Павла, Максим повторяет, что именно «сребролюбие» есть главный порок: «Аще всем убо злым корене сребролюбию отрасль люта...»

Следовательно, управлять государством царь обязан с помощью «добрых советников». Роль «добрых советников» оговаривалась специально,

¹ Синецкая Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 358–363.

ибо, понимая грешную природу человека, Максим Грек считал, что без таковых государь может оказаться во власти страстей. Причем, по убеждению Максима, сами эти «добрые советники» в духовном смысле стоят даже выше царя. Напомним еще раз уже цитированные его слова: «...Болши ми благотворит житие сие философ муж, нежели царь благий»¹. Подобное «учительское» отношение к царской персоне хорошо заметно в посланиях одного из последних «политических нестяжателей» XVI в. А. М. Курбского к царю Ивану IV Грозному. В свою очередь, главной задачей Максим считает обязанность государя обуздывать самого себя от страстей и греховных помыслов — даже слово «самодержец» он трактует, как умение царя держать самого себя в руках².

Помимо поисков идеального образа русского православного государя, в начале XVI в. перед русской духовно-политической мыслью встала еще одна серьезная задача — обоснование прав московских великих князей на обладание царским титулом. Дело в том, что любой православный государь, возложивший на себя царский титул, должен был получить подтверждение своих прав от вселенских патриархов, прежде всего, от константинопольского патриарха. Кроме того, нужно было получить признание этого титула у других христианских государей. А для этого необходимо было иметь очень серьезные основания, прежде всего, династические права.

В этом смысле характерно, что именно в первой четверти XVI в. появляется обширный цикл сочинений, посвященных происхождению великих князей владимирских и московских, и объединяемых (не вполне точно) общим названием — «Сказание о князьях Владимирских» (или «Мономахов цикл»). Начало этому циклу положило сочинение, под названием «Послание о Мономаховом венце», автором которого считается бывший киевский митрополит Спиридон-Савва (поэтому это сочинение известно также как «Послание Спиридона-Саввы»). Двойным именем он называет себя сам в заголовке «Послания»: «Спиридон рекомый, Сава глаголемый», а ниже сообщает о себе биографические сведения, в частности указывает свой преклонный возраст: 91 год. Приведенные им и некоторые другие сведения, позволяют говорить, что Спиридон-Савва был родом из Твери, а в 1476 г. он каким-то образом был утвержден в Константинополе в качестве киевского митрополита. Писали, что это произошло «по мзде», так что не случайно Спиридон получил характерное прозвище «Сатана» «за свою резвость». Однако ни в Литве, ни на Руси его прав именоваться киевским митрополитом не признали. Когда Спиридон прибыл в Литву, то был сразу отправлен в застенки. Оттуда он бежал на Русь, но и здесь был встречен с большой опаской, и тоже оказался в заточении в Троицком Сеном монастыре. Находясь в заточении и, возможно, по заказу какого-то очень влиятельного лица, он в самом начале XVI в. пишет свое «Послание», в котором излагает генеалогию московских князей. Это «Послание» в дальнейшем несколько раз редактируется и дописывается, возникают новые варианты, которые становятся известными под названием «Сказание о князьях Владимирских».

¹ Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983. С. 176–179.

² Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 200, 319, 348–382 и др.; см. также: Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. С. 214–226.

В сочинениях из «Мономахова цикла» впервые были письменно зафиксированы две легенды, сыгравшие исключительную роль в становлении официальной идеологии Русского государства XVI–XVII вв. *Первая* — о происхождении Рюриковичей и, следовательно, московских великих князей от римского императора Августа, что обосновывало династические претензии московских государей (право «по крови»). *Вторая* легенда доказывает, что царские регалии — царский венец («шапка Мономаха»), бармы, золотая цепь, крест от древа Животворящего Креста, на котором был распят Иисус Христос, и сердоликовая шкатулка, принадлежавшая Августу, — достались московским великим князьям через Владимира Мономаха от его деда византийского императора Константина Мономаха¹. Эта легенда обосновывала сакральные права на владение московскими государями царским титулом: «И оттоле и доньне темь венцемь венчаются царскимъ величии князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстантинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское»², — говорится в более поздней редакции «Сказания о князьях Владимирских».

И «Послание о Мономаховом венце», и другие сочинения цикла содержат массу загадок, до конца пока неразгаданных. Так, до сих пор непонятно, кто был заказчиком «Послания» (иногда называют имя Вассиана Патрикеева, который редактировал текст Послания уже после кончины Спиридона-Саввы³). В исследовательской литературе было высказано обоснованное сомнение в том, что «Послание» — по крайней мере, в дошедшем до нас виде — действительно принадлежит Спиридону; нет точных сведений о хронологии создания сочинений из этого цикла⁴. И, главное, совершенно непонятно откуда появились сами легенды, составившие содержательную основу «Мономахова цикла», ведь до начала XVI в. о существовании этих легенд ничего не было известно. Может быть, он «ходили» в устной традиции? Возможно, их сочинил сам Спиридон-Савва, пытаясь оправдаться перед московскими властями и в надежде на свое освобождение? Или же их придумал кто-то другой? Впрочем, скорее всего, они были плодом «коллективного разума» нескольких русских книжников, создававших в первой половине XVI столетия новую интерпретацию отечественной и мировой

¹ См. публикацию в кн: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 159–166.

² Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 284.

³ См.: Алексеев А. И. Иосиф Волоцкий. М., 2014. С. 314. Прим. 24.

⁴ Дискуссию о времени создания и авторстве этого цикла сочинений см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128–148; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 204–216; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 217–230; Дмитриева Р. П. Политическая теория великокняжеской власти на Руси в 20-х годах XVI в.: («Сказание о князьях Владимирских») // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 275–281; Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). С. 126–132; Послание о Мономаховых дарах // Великий князь Владимир Мономах / Изд. подг. А. Ю. Карпов. М., 2006. С. 234–253; Ульяновский В. И. Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 2. СПб., 2008. С. 65–105.

истории, в которой нужно было показать великое место нового свободного Русского государства.

Как бы там ни было, но очень скоро эти легенды нашли отражение в целом ряде сочинений «Мономахова цикла». А. Ю. Карпов предлагает следующую историю их возникновения¹. По его мнению, можно предполагать, что первоначальное «Послание» Спиридона-Саввы появилось не позднее 1503 г., однако содержание его неизвестно. Затем, между 1505–1523 гг., «Послание» было существенно переработано, причем не исключено, что именно тогда в него и было внесено предание о передаче князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху царских регалий. В 1533/34 гг. «Послание» было переработано еще раз, и именно этот вариант дошел до нас в списках второй половины XVI века. Около 1527 г. Михаил Медоварцев также переработал текст «Послания», результатом чего стало появление так называемой Медоварцевской редакции «Сказания о князьях Владимирских». Затем появляется Чудовская повесть, хотя время возникновения ее в точности неизвестно, но, во всяком случае, это произошло не позднее начала 1540-х годов.

Последующая переработка «Сказания» носит уже официальный характер: в 1547 г. в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV Васильевича, создается новый вариант, известный в науке как «Первая редакция». Именно тогда впервые появляется и само название этого памятника — «Сказание о князьях Владимирских». Но и после этого, как показала Р. П. Дмитриева, тема происхождения царской власти и обоснования царского венчания не потеряла своей актуальности, ибо правительству Ивана Грозного приходилось добиваться признания царского титула на международной арене. С этой напряженной работой, по всей вероятности, связано появление «Второй» редакции «Сказания», а также ряда других памятников, посвященных этой теме.

Как можно видеть, отношения между разными текстами, известными под одним именем «Сказание о князьях Владимирских», очень запутанные. Но в свое время Р. П. Дмитриева убедительно показала первичность «Послания о Мономаховых дарах» по сравнению с другими текстами цикла (Медоварцевской редакцией, Чудовской повестью, «Первой» и «Второй» редакций «Сказания о князьях Владимирских»)². Наиболее отчетливо первичность «Послания» видна на примере рассказа о потомках Ноя и истории первых мировых владык. Эта начальная часть представляется чрезвычайно важной, так как именно в ней объясняется происхождение царских регалий, доставшихся римскому кесарю Августу, а впоследствии и русским князьям, и, соответственно, происхождение «дома» русских православных государей.

В «Послании о Мономаховом венце» утверждается, что московские князья ведут свою родословную от некоего Арфаксада, первого сына Ноя, родившегося после потопа. Но, согласно Библии, Арфаксад — это внук Ноя, третий сын Сима, родоначальник Авраамова рода; он родился через два года после потопа (*Быт.* 10:22; 11:10). Очевидно, что Арфаксад действи-

¹ Послание о Мономаховых дарах // Великий князь Владимир Мономах / Изд. подг. А. Ю. Карпов. М., 2006. С. 234–253.

² Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. С. 17–42; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 217–230.

тельно считался первым потомком Ноя, родившимся после потопа, но был его *внуком*, а не *сыном*. В «Послании...», однако, Арфаксад превращен в *четвертого сына Ноя* (хотя ниже упоминается и Арфаксад — сын Сима). При этом в «Послании» прямо рассказывается о том, что Ной благословил «четвертого сына своего Арфаксада вселиться в Ханаоновых пределах» и приводятся данные о его потомках Месреме и Сеостре, с которых, как выясняется из дальнейшего текста, и начинается отсчет «царства» русских православных государей¹.

Источник сведений Спиридона об Арфаксаде неизвестен. Не исключено, что Спиридон самостоятельно пришел к выводу о существовании четвертого сына Ноя, потомство которого, согласно его концепции, и дало начало династии русских государей. И поэтому решился на небывалое — решил «дополнить» библейский текст! Возможно, именно эти и некоторые другие «вольности» в обращении с библейскими сведениями послужили тому, что текст «Послания» несколько раз перерабатывался, в том числе, были устранены противоречия с Библией. Кроме того, позднейшие авторы и редакторы остановили генеалогическое древо московских государей на императоре Августе.

Не вызывает сегодня сомнений легендарность и других сюжетов, представленных в «Мономаховом цикле», хотя бы потому, что император Константин Мономах умер, когда князю Владимиру Всеволодовичу было всего два года, и, следовательно, они никак не могли воевать друг с другом и обмениваться дарами. Что же касается тех царских регалий, которые названы в памятниках «Мономахова цикла», — а это, помимо царского венца, крест, сердоликовая «крабца» («коробочка», т. е. чаша), «ожерелье» («оплечье», т. е. бармы) и др. — то все они известны по завещаниям московских великих князей с XIV в. и первоначально отнюдь не составляли какого-то единого («коронационного») комплекса. Так, по завещанию великого князя Ивана Даниловича Калиты (ок. 1339 г.) «шапка золотая» (т. е. расшитая золотом) отошла его старшему сыну Семену Гордому, «коць великий (плащ) с бармами» — второму сыну Ивану, а «скорлатное портище... з бармами» — младшему Андрею². В руках старшего в роде московских князей эти регалии были объединены лишь при великом князе Василии II Васильевиче Темном, который завещал их своему сыну Ивану III. В 1498 г. крестом, бармами и «шапкой» был венчан на великое княжение Дмитрий Иванович-внук³. По мнению многих историков и искусствоведов, эта «шапка» — знаменитая «шапка Мономаха», царский венец, ныне хранящийся в Оружейной палате. Традиционно считается, что время ее создания — примерно первая треть XIV века. Возможно, «шапка» была подарена князю Ивану Даниловичу Калите татарским ханом Узбеком во время одной из поездок князя в Орду (опушка из собольего меха, золотое навершие с крестом и драгоценные камни появились на ней уже на Руси).

Впрочем, происхождение «шапки Мономаха», самой знаменитой регалии московских князей, остается дискуссионным вопросом. Существует и

¹ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. С. 159–160.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7, 9–11.

³ Тихонюк И. А. Чин венчания Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч. 3. М., 1987. С. 604–607.

иная точка зрения на происхождение и историю создания этого царского венца: «шапка» была собрана только в начале XVI в. из древних деталей двух разных золотых шлемов-шишаков. Как предполагается, эти шлемы-шишаки были завещаны великим князем Иваном Ивановичем Красным двум сыновьям — Дмитрию (будущему Донскому) и Ивану, а после кончины Ивана оба шлема оказались в казне Дмитрия Ивановича Донского. Затем оба шлема, по завещанию Дмитрия Ивановича перешли к его сыну Андрею Можайскому, в свою очередь, Андрей Дмитриевич передал их своему сыну Михаилу Верейскому-Белозерскому. Наконец, в 1486 г., после кончины Михаила Андреевича, шлемы оказались в руках московского великого князя Ивана III Васильевича. Причем, возможно, к тому времени некоторые пластины у каждого из шлемов были уже утрачены. И только в правление Василия III Ивановича, когда уже возник первичный текст «Послания о Мономаховых дарах», из оставшихся пластин двух шлемов был собран царский венец, получивший известность как «шапка Мономаха»¹.

Едва ли более раннее происхождение имеют и бармы — оплечье, украшенное вышивкой и драгоценными камнями. Из собрания древних византийских крестов (ставротеки), хранящихся в великокняжеской сокровищнице, был, видимо, взят и крест из частиц Животворящего Креста, который возлагался на шею Ивана IV во время его венчания на царство, а затем использовался при венчании на царство всех последующих московских государей. Этот крест тоже ныне хранится в Оружейной палате — изящная золотая оправа креста, декорированная залитым эмалью сканным узором, датируется XVI в., а серебряный ковчег, в котором хранится крест, изготовлен в XVII веке. Возможно, между 1603 и 1605 гг. ковчег с крестом был объединен с реликвиями, привезенными из Святой земли, и эти святыни вставили в икону, на которой помещены традиционные для византийских ставротек изображения святых Константина и Елены².

Как можно видеть, основа цикла «Сказание о князьях Владимирских» абсолютно легендарна — это в полном смысле слова историко-политический миф, созданный русскими книжниками XVI столетия. Но важнее здесь другое — в XVI–XVII вв. сами книжники, а также русские политические и церковные деятели, да и простые русские люди были абсолютно и искренне уверены в истинности сведений, приведенных в «Сказании». И потому с помощью мифов творили реальную историю.

Ведь «Сказание о князьях Владимирских» не только обосновывает династические права московских великих князей на царский титул. Московские государи объявляются наследниками двух предшествующих великих царств (т. е. империй) прошлого: Римской империи, освященной личностью Самого Спасителя Иисуса Христа, и Византийской империи, на протяже-

¹ См. подробнее: *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: Презентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 171–200; *Богатырев С. Н.* Еще раз о шапке Мономаха и казне московских князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 251–254.

² См.: *Самойлова Т. Е.* «Вера, государь... и красота церковная» // *Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного*. М., 2007. С. 11–30, а также в этом издании: С. 38–39, 46–47, 160–161 и др.; *Синицына Н. В.* О происхождении понятия «шапка Мономаха» // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1987 г. М., 1989. С. 189–196.

нии тысячи лет выступавшей хранительницей истинного православия. Следовательно, именно московские государи получают все права на то, чтобы их государство — Московская Русь — являлась единственной наследницей двух империй в деле сохранения истинной веры в преддверии пришествия антихриста. Тем самым перехватывалась инициатива у западноевропейских монархов и государств, тоже издавна претендующих на «римское» религиозно-мистическое наследие. Кроме того, удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место.

Цикл под условным названием «Сказание о князьях Владимирских» также относится к числу тех текстов, которые стали этапным в процессе формирования русских смыслов — государственно-политической идеологии Русского государства. Сразу же после создания окончательной редакции «Сказание» стало не просто фактом, а настоящим катализатором общественно-политической жизни России. Оно использовалось в дипломатических и династических спорах, служило вступительной статьей к «Государеву родословцу» и вступительной статьей к Чину венчания Ивана IV на царство в 1547 году. Да и сам Иван IV в своих произведениях постоянно использовал аргументы «Сказания», в т. ч. в переписке с европейскими государями. Сюжеты «Сказания» нашли отражение в изобразительном искусстве — в росписи Грановитой палаты Московского Кремля, в резных деревянных изображениях на царском троне в Успенском соборе Московского Кремля и др.¹ Позднее «Сказание» являлось вступительной частью всех Чинов венчания на царство русских государей XVI–XVII вв., при этом представители из новой династии Романовых перенесли все сакральные функции «Сказания о князьях Владимирских» и на свой род, хотя и не были Рюриковичами, но иначе подданные не воспринимали Романовых как законных правителей.

* * *

В XVI веке, в годы царствования государей Ивана IV Васильевича и Федора Ивановича, в русской духовно-политической мысли и официальной государственной идеологии сложился образ «истинного царя», имеющий несколько основных составляющих: **богоизбранность (божественное происхождение власти); «прирожденность» (принадлежность к роду Рюриковичей, имеющих непосредственное Божие благословение на обладание царским титулом и являющихся потомками императора Августа); полнота самодержавной власти; обязанность защищать православную веру и Церковь; обязанность хранить христианскую благочестивость, соблюдать милость и «правду» (справедливость).** В это же время складывается основной комплекс царских регалий («чин царский», «наряд», «Большой наряд»): использованный при царе Иване IV «Мономахов дар» — царский венец («шапка Мономаха»), крест из древа Животворящего Креста Господня, бармы, золотая цепь и серебряная «крабица», — при царе Федоре Ива-

¹ См.: Соколова И. М. Трон Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006; Бычкова М. Е. Святость символов власти московских государей // Проблема святых и святости в истории России. М., 2006. С. 174–182.

новиче был дополнен скипетром и державой («яблоком»). Изначально этим комплексом могли обладать только государи из рода Рюриковичей.

Однако после кончины в 1598 г. последнего Рюриковича царя Федора Ивановича, русские государственные и духовно-политические деятели были вынуждены внести значительные коррективы в образ «истинного царя». В документах, рассказывающих об избрании царем Бориса Федоровича Годунова (Соборное определение, Утвержденная грамота, Чин венчания на царство), по вполне понятным причинам появляются новые составляющие этого образа: *благословения предшествующих царей из рода Рюриковичей; всенародный выбор, совершенный на Земском соборе; родственные связи с родом Рюриковичей («царьскаго корени сродич»); личные заслуги.* Законность избрания царя не из рода Рюриковичей подкреплялась также, во-первых, аналогией с избранием патриархов, и, во-вторых, ссылкой на исторические примеры избрания царей у разных народов¹. Кроме того, в речи патриарха Иова, приведенной в Утвержденной грамоте, возникает еще одно доказательство законности избрания Бориса Годунова царем — *царский дар*: Федор Иванович возлагает на плечи Годунова золотую цепь, как пророчество будущего «скипетродержательства», что, возможно, является попыткой переложения сюжета о «Мономаховых дарах» в интересах нового правителя и, возможно, новой династии². Этот сюжет в более развернутом виде будет представлен патриархом Иовом в написанной им позднее «Повести о житии Федора Ивановича»³.

В Соборном определении говорится также и о *богоизбранности* нового царя, однако не напрямую по отношению к Борису Годунову, а, так сказать, через «посредников». В одном случае такими «посредниками» выступают цари Иван Васильевич и Федор Иванович, которые *«благоволением Божиим и промыслом всесильного Бога»* благословляют Бориса Годунова на царство. В другом случае, «посредниками» оказываются участники Земского собора 1598 г., которые избирают Бориса Федоровича, во-первых, потому что *«так и Бог предъизбра»*, и, во-вторых, потому что так повелели предшествующие цари и *«сие Бог благоизволи»*⁴. При этом в Утвержденной грамоте хотя и говорится, что избрание Бориса Годунова осуществляется «не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию», но *«по праведному суду Божию»*, тут же следует оправдание самого факта избрания нового царя на Земском соборе, мол, устами народа говорит Сам Господь: «...Искони мнози христианстии цари неведомыми судьбами Божиими, и не хотяше скипетро царствия предержажее царствоваху, Богу на се наставляюще народ единогласие имети, о немъ же Богъ во умъ положить имъ, яко пишеть: гласъ народа гласъ Божий»⁵. Видимо, даже ближайшие

¹ Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 36–39; Утвержденная грамота об избрании царем Бориса Федоровича Годунова // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 16–54; Чин венчания на царство царя Бориса Федоровича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 239.

² Утвержденная грамота об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. С. 26.

³ Повесть о житии царя Федора Ивановича // БЛДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 86.

⁴ Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. С. 37.

⁵ Утвержденная грамота об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. С. 22.

соратники нового царя, составлявшие эти тексты, сомневались в наличии у Годунова важнейшего качества истинного православного государя — *богоизбранности*. Как показала дальнейшая история, именно эти сомнения оказались фатальными и для самого Бориса Федоровича, и для его семьи, и для всей России.

Сомнения были вызваны, в том числе и тем, что с самого дня смерти царевича Димитрия Ивановича в 1591 г., в народе начали ходить слухи о чудесном спасении истинного наследника престола. Стоит подчеркнуть, что слухи о чудесном спасении «невинно убиенного» царевича Димитрия Ивановича распространяются по землям Российского царства за несколько лет до наступления неурожая и народных бунтов, а главное — за несколько лет до появления в Польше первого самозванца, Лжедмитрия I. Различные обстоятельства создали благодатную почву для того, чтобы эти слухи очень быстро разошлись по южным и юго-западным русским землям и стали катализатором грядущих волнений.

Примечательно, что Борис Годунов и московское боярство осознавали опасность, исходящую от сохраняющейся в народе памяти о скончавшемся царевиче. Поэтому они пытались указать на «неистинность» Димитрия, на то, что он не имел права занимать царский престол. В частности, подчеркивали его незаконнорожденность, ведь по православным канонам, младший сын Ивана Грозного был рожден в четвертом браке царя, а Православная Церковь разрешает не более трех официальных браков. Как отмечает Р. Г. Скрынников, Борис Годунов даже запретил упоминать имя царевича во время молитв о здравии царской семьи¹.

Но в начале XVII столетия слухи о чудесно спасшемся царевиче приобретают колоссальные масштабы. Даже несмотря на тот факт, что угличское дело расследовал давний противник Годунова В. И. Шуйский, официально подтвердивший, будто царевич упал на нож сам во время игры «в тычку», многие в России стали считать царя Бориса узурпатором и детоубийцей. Критические настроения по отношению к Борису Годунову распространились и в среде московского боярства. С. Ф. Платонов приводит свидетельства современников, француза Якова Маржерета и немца Конрада Буссова, утверждавших, будто сам Борис Годунов однозначно обвинял в появлении этих слухов представителей видных боярских родов. Неслучайно, примерно в одно время с появлением известий о спасении царевича начинается опала на бояр Романовых и их родственников по ложному доносу в колдовстве и желании извести «царский корень» Годуновых².

Обрушившиеся на Россию беды — природный катаклизм, трехлетний неурожай и голод — русские люди посчитали Господним наказанием за грехи, и прежде всего за то, что на царском престоле оказался человек, не имеющий на то никаких прав: он не избран Господом, не принадлежит к законной династии, наконец, он получил престол в результате страшного преступления — убийства истинного наследника престола царевича Димитрия. В итоге, в народном сознании утверждается мнение: Борис Годунов — «неистинный» царь, и Бог карает Россию за грехи ее правителя. Поэтому когда в 1603 г. в Речи Посполитой появился человек,

¹ Скрынников Р. Г. Смутное время: Крушение царства. М., 2007. С. 17, 279.

² Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 270.

объявивший себя чудесно спасшимся царевичем Димитрием Ивановичем, ему очень многие искренне поверили, ведь в народном сознании образ «истинного» царевича воспринимался как луч надежды в эпоху «великого голода»¹. Впрочем, несомненно, было немало и тех, кто признал в самозванце царевича Димитрия по каким-то прагматическим соображениям: из хитрости, ненависти к Годунову, желания сделать карьеру, жажды власти и обогащения, и др.

Первый самозванец в полной мере осознавал, что его главный политический капитал — это вера народа в его «истинность». Поэтому уже в ноябре 1604 г. он выпускает окружную грамоту, которую велит разослать «въ коиждо град именно». В этой грамоте он повествует о своем чудесном спасении как акте Божией воли, Бориса Годунова величает изменником, предлагает попомнить «православную христианскую истинную веру и крестное целование государю царю и великому князю Ивану Васильевичу». А затем он призывает народ к себе на службу, чтобы «с Божиею помощию» идти «на Московское государство, на все государства Росийскаго царствия» и помочь ему, «государю своему прирожденному», вернуть «престоль прародителей наших». В конце грамоты, в полном соответствии с чаяниями своих «подданных» самозванец обещает всех верных ему людей «жаловати» и «наипаче свыше въ чести держати», а всему «православному христианству» обеспечить жизнь «въ тишине и въ покои и во благоденственомъ житии»². Как можно заметить, в этой грамоте Лжедмитрий I заявляет себя носителем всех основных составляющих привычного народу образа «истинного царя» и, одновременно, наносит удар по главным «болевым точкам» царского образа Бориса Годунова — это не «прирожденный» государь, а значит, он не может считаться Божиим избранником. Так, помимо сражений на полях брани, Лжедмитрий I сразу же развязал и острую идеологическую войну с Борисом Годуновым.

Официальная московская власть и Русская Церковь с негодованием отнеслись к притязаниям самозванца. Патриарх Московский и всея Руси Иов неустанно рассылает грамоты настоятелям монастырей, в которых не просто требует молиться за «истинных», по его мнению, самодержцев Годуновых, но и неоднократно изобличает «розстригу» Григория Отрепьева. В своих грамотах святитель Иов приводит свидетельства неисполнения будущим самозванцем Гришкой Отрепьевым монашеских обетов, уклонения в ересь, чернокнижия и незаконного побега в Польшу³. Подробные истории о появлении самозванца описываются во многих посланиях и грамотах других церковных иерархов того времени⁴.

Но неожиданная кончина царя Бориса в апреле 1605 г. предопределяет исход этого сражения — идейная, а затем и воинская победа остается за

¹ Аракчеев В. А. Проблема «урочных лет» в Русском государстве в конце XVI — начале XVII века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2008. № 85. С. 31–37.

² Окружная грамота Лжедмитрия, о войне с Борисом Годуновым (ноябрь 1604 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 26. С. 76.

³ Грамота патриарха Иова в Сольвычегодский Введенский монастырь (14 января 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 28. С. 78–81.

⁴ Грамота Новгородского митрополита Исидора в Соловецкий монастырь (январь 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 29. С. 81–84.

Лжедмитрием. Попытка церковных иерархов поддержать нового царя Федора Борисовича Годунова успехом не увенчалась¹. Лжедмитрий входит в Москву и объявляет себя царем. В июньской 1605 г. грамоте «к московским боярам и другим всякого звания людям» Лжедмитрий I повторяет в более пространным виде все положения своей ноябрьской грамоты 1604 г., и окончательно «обосновывает» свои права «на престоль Российский». Одновременно он обещает простить всех сторонников Годунова в случае принесения присяги ему, «царевичу Димитрию», а также предупреждает о Божией каре в «день праведного суда»². Затем, еще до официальной церемонии помазания на царство, в Москве Лжедмитрий вновь рассылает по городам Российского царства «писанные на Москве» грамоты, в которых заявляет, будто ему «царство поручили» весь Освященный собор и даже патриарх Иов³. Но это была откровенная ложь, ведь, как известно, патриарх Иов оказался тогда едва ли не единственным авторитетным человеком во всем государстве, который отказался признавать «розстригу» царем, и потому к моменту рассылки этих грамот его уже насильно лишили патриаршего сана и отправили в Старицкий монастырь. Несмотря на все усилия Лжедмитрия, поползли новые слухи, теперь уже о самозванстве царя-«розстриги». Самозванец знал об этих слухах и опасался их. Об опасениях самозванца свидетельствуют не только опалы на ряд столичных бояр, но и насильственное пострижение в монахи престарелого и полуслепого «царя» Симеона Бекбулатовича, представлявшего совершенно прозрачную угрозу для Лжедмитрия⁴.

Самозванец сумел удержаться на престоле менее года. Несмотря на постоянные попытки изображать из себя «доброго» и «милостивого» «православного» царя, ему так и не удалось скрыть свои истинные симпатии: его охрана состояла из иностранцев; рядом с ним все время пребывали советники-иезуиты; литовцы, поляки и немцы, наводнившие Москву, вели себя бесцеремонно, безнаказанно творили грабежи и насилия. Но все отрицательные впечатления о самозванце превзошла его свадьба с Мариной Мнишек в мае 1606 г.: невеста самозванца отказалась принять православие, а во время свадебного обряда Лжедмитрий и Марина отказались от причастия по православному чину. Это потом уже стало известно, что самозванец еще в Польше тайно принял католичество, а причащаться по православному чину ему и Марине Мнишек запретил лично папа римский⁵. А тогда, в мае 1606 г., столь пышное и странное свадебное торжество только накалило обстановку до крайности, в Москве резко усилились и так давно уже ходившие слухи о

¹ См.: Грамота митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла в монастыри Усольского уезда (19 апреля 1605 г.); Грамота митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла в Сольвычегдский Введенский монастырь (29 апреля 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 31, 32. С. 86–89.

² Грамота Лжедмитрия к московским боярам и другим всякого звания людям (июнь 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 34. С. 89–91.

³ Грамота Лжедмитрия в Сольвычегодск, о восшествии его на престол (6 июня 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 35. С. 92.

⁴ Грамота Лжедмитрия в Кириллов монастырь о пострижении Симеона Бекбулатовича (29 марта 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 41. С. 96–97.

⁵ См. об этом: Успенский Б. А. Свадьба Лжедмитрия // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 197–228; Козляков В. Н. Марина Мнишек. М., 2005. С. 88–98.

том, что новый царь хочет обратить Россию в католическую веру и править страной с помощью поляков. На этом фоне был составлен боярский заговор во главе с боярином В. И. Шуйским. 17 мая 1606 г. Москва восстала, горожане принялись громить дворы поляков, а Лжедмитрия I убили.

19 мая 1606 г. царем провозгласили боярина Василия Ивановича Шуйского, а уже 1 июня его торжественно венчали на царство. Главное обоснование прав на престол нового царя было в том, что он, в отличие от Бориса Годунова и самозванца, в самом деле принадлежал к роду Рюриковичей, правда, к боковой его ветви: Шуйские вели свое происхождение от Андрея Александровича Городецкого, третьего сына князя Александра Невского, родоначальника ветви нижегородского-суздальских князей. Но ни сам Василий Иванович, ни его сторонники не были уверены, что Россия примет нового государя только на этом основании, поэтому в официальных окружных грамотах, рассылаемых по всей стране, приводился дополнительный аргумент: Василий Шуйский был избран на престол «всем Московским государством» по «челобитью» всех чинов¹. Чуть позже, в других грамотах появляются и новые мотивы: Василий Шуйский избран на престол по Божией воле, по «челобитью» патриарха, всего Освященного собора и всех чинов Российского государства. И во всех грамотах приведены доказательства того, что свергнутый с престола царь Димитрий Иванович на самом деле был самозванцем, который хотел покарать бояр, разделить государство и привести Русь к католической вере, но «Бог милосердный, не хотя злокозненного помысла исполнити» образом «объявил» всем людям «воровство» и еретичество «розстриги». В результате, самозванец «принял от Бога возмездие и живот свой скончал»².

Как подчеркивают современные исследователи, эти грамоты были предназначены для жителей провинциальных городов и уездов, незнакомых с реальными событиями, и должны были убедить российских жителей в том, что царь Василий Шуйский вззошел на престол по уже установившимся со времени избрания Бориса Годунова правилам. Однако русские и иностранные источники того времени свидетельствуют, что практически ни одно из этих правил не было соблюдено: патриарший престол в этот момент был свободен (назначенного при Лжедмитрии патриарха Игнатия свели с престола в день восстания), никакие чины Российского царства в Москве на собор не созывались и никаких выборов нового царя не было, кроме того, в грамотах ничего не говорилось о реальных обстоятельствах свержения самозванца — о заговоре бояр и его убийстве озверевшей толпой³.

К грамоте от 20 мая 1606 г. была приложена крестоцеловальная запись, которую царь Василий Иванович дал боярам. В соответствии с этой записью, Шуйский обязался творить праведный суд только вместе с боярами («не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати»), чтобы «в томъ православное христианство безвинно не гибли»⁴. Интересно, что крестоцеловальную запись Василия Шуйского многие историки сочли огра-

¹ Грамота царя Василия Ивановича в Пермь Великую об избрании его на престол (20 мая 1606 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 44, I. С. 100–101.

² Царская грамота в Пермь Великую (6 июня 1606 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 48. С. 106–115.

³ См.: Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 91–108.

⁴ Грамота царя Василия Ивановича в Пермь Великую об избрании его на престол (20 мая 1606 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 44, II. С. 102.

ничением самодержавной власти, потому что, по их мнению, в ней русский царь впервые говорит о своих обязательствах перед народом и боярами. Но еще С. Ф. Платонов показал, а современные исследования подтвердили тот факт, что Шуйский в данном случае всего лишь воспроизводит предшествующую практику судопроизводства, когда русские государи воздерживались от личного произвола и держали совет с боярами¹.

Однако как не старался Василий Шуйский, он не смог убедить всех своих подданных в своей «истинности». Видимо, важную роль здесь сыграл тот факт, что нравственная репутация Василия Ивановича была отнюдь не безупречна, ибо еще до своего воцарения он неоднократно менял собственные предпочтения. Что стоит только история, связанная с кончиной царевича Дмитрия Ивановича: при Борисе Годунове Шуйский поклялся перед народом, что своими руками похоронил царевича Дмитрия, погибшего в результате несчастного случая; при Лжедмитрии покаялся за это и признал в самозванце истинного царевича; затем стал организатором заговора против него; после свержения Лжедмитрия признал, что истинный царевич был убит по приказу Годунова и организовал торжественную канонизацию Дмитрия Ивановича. В итоге, восшествие Василия Шуйского на престол не сплотило, а раскололо тогдашнее российское общество: кто-то присягнул новому царю, а многие — публично и шумно отказались.

Поэтому вполне объясним тот факт, что моментально поползли слухи о новом чудесном спасении царевича Дмитрия, и уже вскоре такие «царевичи» вышли на историческую арену в каком-то неимоверном количестве. Десятки царьков под разными именами, которые заявляли себя «детьми» и «внуками» царя Ивана IV, объявлялись от северных окраин России до южных пределов, выходя из дворянских, казацких или вовсе простонародных кругов. «Откровения» многих самозванцев вызывали смех и издевательства современников. Однако нередко появление очередного «царевича» воспринималось с настоящей эйфорией, ведь каждое чудесное воскрешение — будь то Лжедмитрий I, Лжедмитрий II и даже объявившийся в 1611 г. Лжедмитрий III — вселяло надежду на триумф «истинного царя», который избавит страну от бед и несправедливости.

Столь массовое появление «детей» и «внуков» Ивана Грозного свидетельствовало о том, что значительное число жителей России хотели видеть на престоле только прямого потомка царя Ивана IV Васильевича, ибо вера в государей из рода Рюриковичей, как единственных «истинных», богоданных царей в народном сознании была неистребима. За первым и за всеми последующими самозванцами люди шли по той причине, что видели в них наследников единственной в их глазах законной династии, потомков царя Ивана Васильевича, который в глазах большинства жителей России был истинным православным государем. Даже призрачная связь самозванцев с династией Рюриковичей и вера в чудесное спасение «истинного царя» представлялись жителям сначала Северских земель, а затем и Центральной России более авторитетными, нежели только «выбор» царя на Земском соборе. Кроме того, следует помнить, что казаки, дети боярские, дворяне и представители родовитых семей нередко воспринимали службу самозванцам

¹ Платонов С. Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001. С. 330–331; Козляков В. Н. Василий Шуйский. С. 99–102.

как возможность повышения собственного социального статуса, решения старых обид и сведения счетов с противниками, как возможность получить политические и экономические дивиденды.

В многочисленных и противоречивых источниках периода Смуты можно найти несколько общих положений, касающихся самозванства. И вновь на первый план выходят традиционные представления русских жителей об «истинном царе». *Во-первых*, самозванцы стремились доказать свои права на престол «Промыслом Божиим», отмечая, что именно они и есть истинные православные цари, которые желают, чтобы их царство пребывало в спокойствии и благоденствии. *Во-вторых*, все самозванцы говорят о том, что они принадлежат к роду Рюриковичей, начало которого восходит к императору Августу (при этом никто не связывает себя родством с Годуновым или Шуйским). *В-третьих*, во всех источниках сохраняется крайне негативное отношение к «ложным» царям, кроме того существует четкое понимание разницы между «православным царем» и царем-иноверцем. При этом народ настолько отвращала мысль об иноверце на русском троне, что люди были готовы присягнуть любому новому, но «своему» самозванцу. Так, после признания Семибоярщиной царем польского королевича Владислава, ряд лидеров Второго ополчения и городовые советы некоторых центральных русских городов, среди которых Владимир и Суздаль, присягнули Лжедмитрию III.

Все эти народные представления об «истинном царе» сыграли важнейшую роль в ходе выборов нового государя на Земском соборе 1613 года. Как известно, тогда было несколько более или менее реальных претендентов. Вдали от Москвы пребывали польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, поддержанный Вторым ополчением, и малолетний «царевич» Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II, прозванный Воренком. Несколько кандидатур было выдвинуто на самом соборе. Все они принадлежали к известным боярским и княжеским фамилиям: боярин Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, боярин Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский, боярин Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Петр Иванович Пронский и стольник Михаил Федорович Романов. Самым молодым с наименьшими шансами на избрание, казалось, был М. Ф. Романов, однако именно он оказался на престоле. Конечно, немалую роль в этом сыграли казаки, фактически заставившие собравшихся избрать Михаила Романова. Однако главное было не в этом — М. Ф. Романов был единственным из всех претендентов, кто имел реальную родственную связь с государями из династии Рюриковичей: он был внучатым племянником Анастасии Романовны, первой жены царя Ивана IV Васильевича, и, соответственно, двоюродным племянником царя Федора Ивановича. Как отмечают современные исследователи, это было «единственным и решающим преимуществом» Михаила Федоровича перед иными претендентами¹. Но это преимущество означало, что в глазах его вероятных подданных только Михаил Федорович обладает всеми шансами оказаться «истинным царем».

¹ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 30–31.

Именно об этом преимуществе несколько раз настойчиво говорится в Утвержденной грамоте 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Нужно отметить, что исследователи уже давно установили, что при составлении этой грамоты были использованы прежняя избирательная грамота царя Б. Ф. Годунова, наказ костромскому посольству об избрании на царство Михаила Федоровича и известительная грамота из Костромы о его согласии. Это свидетельствует, что сама Утвержденная грамота 1613 года составлялась достаточно продолжительное время, а подписи под ней собирались еще более долго¹.

Анализ текста грамоты позволяет выделить несколько фрагментов, которые специально посвящены проблеме кровного родства Михаила Федоровича с Рюриковичами. Сначала упоминается первая жена Ивана Грозного Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева: «По великом государе цари и великом князе Иване Васильевиче, всеа Руси самодержеце, от его царского прекрасноцветущего корени пресветлая и преславная ветвь, от Бога данные и благочестивые супруги, от великие государыни наша царицы и великие княгини Настасей Романовны Юрьева, процвете сын его государь наш, благоверный великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец». Затем указывается на близкую родственную связь отца Михаила Федоровича — боярина Федора Никитича Романова с царем Федором Ивановичем: «...А после себя великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович, всеа Руси самодержец, на всех своих великих государствах скипетродержания Российского царствия оставль свою благоверную великую государыню нашу царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Руси, а душу свою праведную приказал отцу своему и богомолцу, святейшему Иеву, патриарху Московскому и всеа Руси, да брату своему царскому Федору Микитичю Романову, да шурина своему, а великие государыни царицы и великие княгини Ирины Федоровны всеи Руси брату, Борису Федоровичю Годунову»². Уже в этом фрагменте присутствует некоторое преувеличение: Федор Никитич приходился Федору Ивановичу *двоюродным* братом — он был сыном Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родного брата царицы Анастасии Романовны, матери царя Федора Ивановича.

Затем в повествовании возникает фигура Михаила Федоровича Романова, причем к его фамилии намеренно добавляется фамилия его деда — Юрьев, чтобы подчеркнуть родственную связь нового царя с царицей Анастасией Романовной, а сам Михаил Федорович именуется «племянником» царя Федора Ивановича: «...А многих великих родов, блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, племянника Михайла Федоровича Романова-Юрьева, и бояр, и окольничих, и дворян, и дьяков и всяких чинов всяких людей, захватили в городе в Китае и в Кремле, и держали их в неволе, а иных за крепкими приставы». Преувеличены «страдания» Михаила Федоровича во время его «сидения» в осажденном Московском Кремле в 1610–1612 гг. и стремление ратей Первого и Второго

¹ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1912; а также: Любимов П. Г. О рукоприкладствах на «Утвержденной грамоте» // Любимов П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 242–270.

² Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 26–27.

ополчений освободить именно его от «злаго пленения»: «Всего великого Московского государства бояре, и воеводы и все христолюбивое воинство, которые стояли под Москвою, и во всех городех всего Росийского царствия всякие люди об нем о государе Михайле Федоровиче скорбели, и всякими мерами промышляли, чтоб иво государя от такового злаго пленения свободити, понеже он великий государь от благороднаго корени благоцветущая отросль, благочестиваго и праведнаго великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, племянник»¹.

В грамоте подчеркивается, что именно родственные связи Михаила Федоровича с Рюриковичами стали главным аргументом для участников Земского собора 1613 г., когда они выбирали достойного кандидата в государи: «И по многие дни на соборе изо всех городов всего Росийского царствия всякие люди не обинуясь говорили, и единомышленной совет всех городов всяких людей от мала и до велика объявляли, что быти на Владимирском, и на Московском, и на всех великих преславных Росийских государствах государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, Михайлу Федоровичю Романову-Юрьеву... Опрich Михайла Федоровича Романова-Юрьева, никак ни кому не быти, понеже он, великий государь, блаженные памяти хвалам достойнаго великаго государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, двоюродного брата Федора Никитича Романова Юрьева сын». И чуть ниже еще раз подчеркивается: «...А обрати б на Московское государство государя, изыскав из Руских родов, хто б прежним великим природным государем нашим царем Росийским был в сродстве»².

И, наконец, грамота обращает внимание на две главные составляющие, которые должны были обеспечить появление на русском престоле «истинного царя» — избрание царя всеми чинами и сословиями, т. е. «всей Землей» и непосредственную принадлежность нового государя к роду Рюриковичей: «Московского ж государства бояре, и воеводы и все христолюбивое воинство, утвердившиися на степени и свободившеся ото всех зол, и врагов веры своя победивше, славословие Богу воздавше о неисповедимом дарѣ Его, и молив всемилостиваго Бога, и Пречистую Богородицу и всех святых усердно со слезами, да просветит их сердца, еже бы просити, кому прияти скипетр Росийского царствия, писали Московского государства во все города к митрополитом, и к архиепискупом, и епискупом, и архимаритом, и игуменом и ко всему освященному собору, и к бояром, и воеводам, и к дворяном и ко всяким людям, чтоб изо всех городов всего Росийского царствия митрополиты, и архиепискупы и архимариты и игумены были к ним бояром к Москве; и из дворян, и из детей боярских, и из гостей, и ис торговых, и ис посадцких и из уездных людей выбрав лутчих, крепких и разумных людей, по колку человек пригоже, для земского совету и для государского обиранья, прислали к Москве...»; «И по данней благодати от Святаго Духа, вси во единомыслие совокупившеся, и утвердившеся по Христе верою, Московскаго государства богомолцы митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и архимариты, и игумены и весь освященный собор, и розных земел цари и царевичи, которые служат в Московском государстве, и боя-

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 39, 41.

² Там же. С. 43.

ре, и околничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне большие, и дворяне ж, и дияки думные, и дворяне из городов, и дияки, и жильцы, и приказные всякие люди, и дети боярские, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрелцы, и гости, и торговые и посадские, и всего Московского государства всех чинов всякие люди, всенародное бесчисленное множество, все православные хрестьяне, всяк возраст от мала и до велика, обрали на Владимирское, и на Московское и на Ноугородское, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие преславные государства Росийскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, прежних великих благородных, и благоверных и Богом венчанных Росийских государей царей от их царского благородно корени благоцветущую отросль, Михаила Федоровича Романова-Юрьева»¹.

Как можно видеть, Утвержденная грамота 1613 г. доказывает всем российским жителям, что Земский собор, избрав на престол Михаила Федоровича Романова, в полной мере отразил народные чаяния об «истинном царе», который с Божией помощью восстановит традиционный государственный порядок. Об этом неоднократно писали отечественные историки. К примеру, по утверждению Н. М. Карамзина, решение выбрать «безродного» юношу связано со стремлением утвердить единодержавие, тогда как избрание человека знатного и влиятельного привело бы к аристократии и ослабило самодержавие². С. Ф. Платонов указывает, что термин «обирание» на царство неверно понимается в историографии как «выборность», тогда как в действительности под данным понятием следует подразумевать особый обряд венчания с присутствием «всей Земли»³.

Впрочем, и тогда, в 1613 г., и позднее, вновь далеко не все подданные Михаила Федоровича были уверены в его «истинности». Поэтому пришлось еще долго предпринимать различные меры для того, чтобы российские жители приняли нового царя. Эти меры были, в том числе, и идеологического свойства, в частности, в 1610–1630-е гг. появляется несколько сочинений, которые развивают и еще более аргументировано доказывают права М. Ф. Романова на царский престол. В результате, постепенно складывается концепция происхождения новой династии Романовых, которая легла в основу официальной государственной идеологии.

Одним из первых сочинений такого рода стала легенда, появившаяся около 1613 г. или несколько позже, и зафиксированная в «Повести о победах Московского государства». В этой легенде утверждается, что царь Федор Иванович, благодаря Божественному провидению, уже пребывая на смертном одре, узрел в младенце Михаиле Романове будущего царя и тайно повелел передать ему царское звание после своей кончины: «Во 106 (1598) году тогда той благочестивый государь издалеча провидя духом от Бога избраннаго сего благочестиваго царя и великаго князя Михаила Федоровича. Благочестивый же государь царь и великий князь Феодор Иванович возло-

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 42, 45–46.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века / Под ред. А. А. Ширинянца. М., 2011. С. 88.

³ Платонов С. Ф. Под шапкой Мономаха. С. 330–331; Козляков В. Н. Василий Шуйский. С. 330–331.

жив руке свои на него рече: “Сей есть наследник царского корени нашего о сем бо царство Московское утвердиться, и непоколебимо будет, и многою славою прославится. Сему бо предаю царство и величество свое по своему исходе, своему ближнему сроднику”. Сие же слово тайно рек и отпусти его. Сам же предаде блаженную душу в руке Божии»¹.

Идею божественного Промысла в ходе избрания Михаила Федоровича развивают заключительные главы «Хронографа 1617 года», посвященные освобождению Москвы от интервентов и воцарению М. Ф. Романова. Авторы Хронографа отмечают, что после освобождения Москвы «свет Бога воссиял» и все люди от мала до велика «добромысленного согласия озагрились»². Сам процесс голосования на Земском соборе, согласно тексту, происходил следующим образом: «Свершилось оно, людьми составленное, но по божественному устроению: умолили и упросили стать их государем на престоле царском Московского государства царя Михаила Федоровича»³. Примечательно, что авторы «Хронографа» видят в Москве символ российской государственности, называя столицу матерью городов русских⁴, а об освобождении города от интервентов говорят как об «обретении врат Отечества». Очевидно, московские книжники стремились восстановить подорванный Смутой авторитет Москвы.

В сочинениях 1620-х гг. идеи о божественном Промысле и родстве Романовых с родом Рюриковичей прослеживаются постоянно. В «Ином сказании» утверждается, что Михаил Федорович принял «Богом порученное ему Московского государства скипетродержание»⁵. Автор «Повести книги сея от прежних лет» говорит как о родстве Федора Романова с Федором Ивановичем, так и о единогласном решении Земского собора: «Единогласно все народы вопияху, да помажут на царство царя Михаила»⁶. В «Сказании и повести о расстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его» автор описывает знаменитую опалу Годунова на бояр, отмечая: «Царский же благодатный корень, Федора Никитича Романова и с братиею прочию, тех в заточение посылает»⁷, т. е. Федор Никитич Романов воспринимается как человек царского рода. Однако о службе Отрепьева у бояр Романовых и Черкасских автор умалчивает, говоря, что самозванец служил у опального Бориса Келбулатовича, после чего сбежал в монастырь. Очевидно, что любая информация о связи молодой династии с самозванцем могла нанести Романовым серьезный вред. В «Рукописи Филарета» также обнаруживается обоснование династии Романовых на престол. Патриарх отмечает, что он был «единокровен» государю Федору Ивановичу, а Михаил Федорович

¹ Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 35–36.

² Из Хронографа 1617 года // БЛДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 675.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 676.

⁵ Иное сказание // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 80.

⁶ Повесть книги сея от прежних лет // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 144.

⁷ Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о походе его // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1847. Кн. 4, 9. Отд. II. С. 3.

принял царский скипетр, потому что был «Богом направляем»¹. В последних главах «История в память предьидущим родом», где Авраамий Палицын описывает завершение Смуты и воцарение Михаила Романова, автор указывает, что погрязшие в «самовластии» бояре при выборе нового монарха «положише» все свое упование на Бога и собрали Овященный собор². Палицын утверждает, что это было первое избрание государя, которое происходило «не от человека, но воистинну от Бога»³. А затем подытоживает: «И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева матерня помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Федоровичь всея великия Росиа самодержец на своем на царском столе Московского государства, восприим скипетр Российскиа державы многих государств»⁴.

Официальная концепция происхождения новой династии утверждала в общественном сознании мнение, что решение на Земском соборе было единогласным («всею Землею»), будто сам Господь голосами соборян избрал Михаила: кроткого и спокойного юношу. На страницах «Нового летописца», написанного в 1630-е годы, присутствует фрагмент, посвященный процессу венчания Михаила Федоровича на царство. Авторы документа, который создавался под бдительным контролем патриарха Филарета, отмечают, что «все власти Московского государства», т. е. священноначалие, знатные бояре и деятели ополчения, принимали участие в обряде венчания на царство: Казанский митрополит Ефрем венчал государя царским венцом, Дмитрий Трубецкой держал скипетр, Федор Мстиславский осыпал золотом, венчальная шапка была в руках Ивана Романова, с «яблоком» стоял Василий Морозов, а Дмитрий Пожарский нес царское одеяние⁵. Таким образом, подчеркивается, что «царский наряд», когда-то принадлежавший Рюриковичам, всенародно вручен новому царскому роду — Романовым, и теперь только Романовы являются единственной законной царской династией в России.

* * *

В 1645 г., после кончины царя Михаила Федоровича, на престол взошел его сын *Алексей Михайлович* (1629–1676). Новому государю досталось совсем непростое наследство и очень сложное время. Трагические события Смуты, которые потрясли самые основы всего русского общества — и государственные, и церковно-политические, и духовные — еще очень хорошо помнились. Помнили и о том, что его отец был «выборным» царем, хоть и признанным в общественном мнении «царем истинным», т. е. богоданным. Но «истинность» Михаила Федоровича еще не означала автоматического признания «истинности» самого Алексея Михайловича. Тем более что впервые за последние почти пятьдесят лет Алексей Михайлович стал царем без

¹ Рукопись Филарета, Патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 86–87.

² Палицын А. Сказание. СПб., 1909. С. 337.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же. С. 351.

⁵ «О венчании царским венцом государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси» // ПСРЛ. Т. 14. М., 1910. № 337. С. 131.

«приговора» Земского собора, который даже не стали собирать¹. В этом случае, когда престол передается без «совета с Землей», но только по праву наследования, «истинность» государя играла особую роль в глазах его подданных. В дальнейшем Алексей Михайлович положит много сил на то, чтобы доказать свое и своих детей право занимать русский престол и, тем самым, фактически обеспечить будущее законное существование всей династии Романовых. Однако и в годы его царствования еще неоднократно будут появляться разнообразные цари-самозванцы.

Значительную роль в изменении представлений о месте русского государя во всемирной истории сыграло произошедшее во второй половине XVII в. присоединение к Московскому государству Малороссии и Белоруссии, областей, долгие столетия находившихся под польским владычеством. Эти изменения были связаны как с политическим положением России, так и с состоянием общественно-политических настроений. Превратившаяся в крупнейшую европейскую державу, освободившая православных братьев-славян от польского господства, Россия оказалась на самых передовых рубежах борьбы как с католическим Западом, так и с мусульманской Турцией. Кроме того, выходцы из Малороссии и Белоруссии стали оказывать серьезное влияние на духовную, политическую и культурную ситуацию в стране.

В свою очередь, авторитет Российского государства и российского царя в православном мире стал в XVII в. неизмеримо выше, нежели это было ранее. Следовательно, Россия могла претендовать на духовное и политическое наследие христианского Востока и Византийской империи, ибо оказывалась единственной защитницей не только русской, но Вселенской Православной Церкви. И в этих устремлениях Россию поддерживали все православные патриархи, более того, не только поддерживали, но всячески подталкивали российского царя на новый исторический путь.

В связи с этим, официальная идеология Русской Церкви и царского двора постепенно отказывается от традиционного прочтения сущности идеи «Третьего Рима». Как показала Н. В. Сеницына, во второй половине XVII в., создателей официальной государственной идеологии уже не привлекали тексты «Филофеева цикла», ибо в них была заложена идея «падения Рима». Наоборот, всяческое внимание оказывалось идеям «Сказания о князьях владимирских», пророчествам о роли «русского рода» как освободителя Константинополя и т. д. Иначе говоря, все большее влияние приобретали идеи «константинопольского наследия», которое должна принять на себя Россия под водительством новой династии².

Неслучайно в русской духовно-политической мысли этого времени активно разрабатывается новая историческая мифология, которая кладется в основу и новой историософии. Так, в 1630–1640-х гг. возникает знаменитое «Сказание о Словене и Русе», легендарно-историческое сочинение, новгородское по происхождению, которое объявляет Россию самым древним государством, имеющим исторические претензии на территории от Адриатики до Ледовитого океана. Чуть позже это «Сказание» включается в летописный

¹ См.: *Вышегородцев В. И.* Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 174–244; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 58–69.

² *Сеницына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). С. 311.

свод 1652 года, приобретает официальное звучание и становится столь влиятельно, что во второй половине XVII в. и в XVIII столетии использовалось в различных исторических сочинениях, и даже еще в XIX в. к тексту «Сказания» обращались авторы провинциальных летописцев¹.

На основе этого и других памятников, как показал в своем исследовании А. П. Богданов, в русской духовно-политической традиции постепенно формируется новый «идеал-образ» — **Вселенское православное царство**². Сама идея Вселенского православного царства возникла еще в конце XV в. у тех православных народов, которые оказались под чужеземным и иноверным владычеством. Эти народы терпели притеснения за свою веру и поэтому с надеждой смотрели на Россию, которая, как они верили, будучи единственным независимым православным государством, сможет их освободить³. Таким образом, **Вселенское православное царство, столицей которого должен был стать Константинополь — это идея, мечта православных народов об освобождении из-под чужеземного гнета и создании единого православного государства во главе с русским православным государем.**

Главными проводниками идеи Вселенского православного царства в России были вселенские православные патриархи: константинопольский, иерусалимский, антиохийский, которые в XVII в. часто и подолгу бывали в России. Они, естественно, были заинтересованы в том, чтобы Россия освободила подчиненные им патриархаты от турецкого владычества. При их активном участии в России распространялась мысль о государственном соединении православного Востока с Россией — путем отвоения Константинополя у турок⁴. Так, константинопольский патриарх объявил русского государя «столпом твердым и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением», а русскому патриарху константинопольский владыка посулил Вселенское патриаршество⁵.

Идея Вселенского православного царства нашла много сторонников и в России, среди которых первыми были царь и патриарх. В понимании царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и некоторых других «придворных боголюбцев» Москва как «Новый Иерусалим», и Россия как «Новый Израиль» — это центр вселенского православия, который должен объединить все Православные Церкви под своим покровительством во Вселенском православном царстве⁶. Зримым центром вселенского православия должен был стать Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой —

¹ Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 3. (П—С). С. 444—447.

² Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 170—177. См. также: Андреев И. Л. Алексей Михайлович. С. 156—157, 195—200, 216—217 и др. Необходимо отметить, что, по мнению Г. В. Талиной, «идеал-образ» Вселенского православного царства не имеет основания в источниках XVII века и является позднейшей историографической конструкцией.

³ См. об этом: Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII вв. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVII в. М., 2003. С. 449, 450, 459 и др.

⁴ Опарина Т. «Промыслить Царьград»: Как русское правительство отказалось от завоевания Константинополя // Родина. 2006. № 11. С. 36—40.

⁵ См.: Андреев И. Л. Алексей Михайлович. С. 216—217.

⁶ См. об этом: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1991. С. 120—122; Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские исто-

он был построен как подобие знаменитого Иерусалимского храма Воскресения Господня (храма Гроба Господня), местность вокруг монастыря была переименована в честь святых мест Палестины, в храме предполагалось устроить пять престолов, в которых одновременно могли служить четыре вселенских патриарха во главе с патриархом Московским и всея Руси. Как отмечает А. П. Богданов, «вселенскую» тематику развивает и «*Чин поставления на царство Федора Алексеевича*»: новый государь венчался прежде всего «по преданию Святыя Восточныя церкви», и лишь во вторую очередь «по обычаю древних царей и великих князей российских»¹.

Однако исторический путь к устроению идеального Вселенского православного царства во главе со вселенским православным царем тернист и непрост. Первым шагом к этому идеалу должно было стать созидание **Российского православного самодержавного царства («Российского самодержавства»)**², на престоле которого должен был пребывать **истинный русский православный царь**³. Поэтому в середине XVII в. актуализируется сложившиеся ранее *традиционные представления об истинном православном государе*, причем инициатором этой актуализации выступает сам царь Алексей Михайлович.

Прежде всего, активно возрождается *идея божественного происхождения царской власти*. Из переписки царя Алексея Михайловича с разными людьми видно, что он вполне серьезно осознавал себя богоизбранным царем. В грамоте к князю Г. Г. Ромодановскому он прямо утверждал: «Бог... благославил и предал нам, государю, правити и разсуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы Божия дела и наши, государевы, во всех странах полагаем, смотря по человеку» (выделено мной. — С. П.). В грамоте к боярину В. Б. Шереметеву царь несколько раз повторяет эту же мысль: «по изволению Божию наш государский чин пребывает», «Бог изволил нам, великому государю и тленному царю». Здесь же он вспоминает и библейский образ из Притчей царя Соломона: «Сердце царево в руке Божии» (Притч. 21:1)⁴.

Кроме того, в посланиях царя появляется важная для него самого и для его поданных формулировка, соединяющая в единое целое понятия «Бог» и «царь»: «дело Божие и наше государево», «Божии дела и наши государевы» (грамота к князю Г. Г. Ромодановскому), «о Божии и нашего великого государя деле» (грамота к окольничему И. И. Лобанову-Ростов-

рики последней четверти XVII века. М., 1995. С. 170–177; Андреев И. Л. Алексей Михайлович. С. 156–157, 195–200, 216–217 и др.

¹ Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. С. 161. Ср.: Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст. ст., комм. Г. В. Талина / Под. ред. С. В. Перевезенцева. М., 2004. С. 137.

² Понятие «Российское православное самодержавное царство» предложено А. П. Богдановым; понятие «Российское самодержавство» предложено Г. В. Талиной. Думается, оба понятия отражают одну и ту же историческую реальность, поэтому могут быть использованы одновременно.

³ Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. С. 170–177.

⁴ Письма и послания царя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 174, 170.

скому), «кроми воли Божии и нашего государева жалованья», «по изволению Божию и нашего великого государя и тленного царя указу», «Божия милость и наша великого государя милостивое жалованье» (грамота к боярину В. Б. Шереметеву). А в грамоте к А. Л. Ордину-Нащокину царь практически выводит формулу новой трактовки взаимоотношений воли Бога и власти царя: «Бог де милует, да царь жалует»¹.

Именно Господь, по мнению Алексея Михайловича, выступает главным судьей подданных русского царя за исполнение ими «Божия и государева дела» — награждает или наказывает. В грамоте к В. Б. Шереметеву царь напрямую связывал успехи боярина на царской службе с помощью Божиею: «Внимай, рабе Божий, како о тебе великий Царь царем и Небесный Владыка промышление творил како руководствовал, како всех сокрушил и без вести сотворил твоим к Нему, Свету, раденьем и усердством несумненным и недвоедушным упованием и молитвою крепкою и мужественным сердцем, за помощию Ево святою, а к нам, великому государю и тленному царю, твоим боярина нашего и воеводы промыслом и товарищев своих и всех ратных людей службою»². В свою очередь, укоряя Г. Г. Ромодановского за нарушение царского приказа из-за желания получить личную выгоду, царь полагает, что проступок перед государем карает Господь: «Воздаст тебе Господь Бог за твою к нам великому государю прямую сатанинскую службу, якоже Дафану и Авирону и Анании и Самфире. Ане клялися Духу Святому во лжу, а ты Божие повеление и наш государев указ конечно исправил, якоже Июда продал Христа на хлебе, а ты Божие повеление и наш государев указ и нашу милость продал же лжею». Мысль о проступке перед царем как о вине перед Богом пронизывает все послание царя к Ромодановскому, искупление вины видится ему в следовании царской воле: «И буде ты желаешь впредь от Бога милости и благословения и не похочешь итти в бездну без покаяния и в нашем государеве жалованье быть по прежнему, и тебе б, оставя всякое свое упрямство, учинить по сему нашему великого государя указу...»³

В результате, идея божественного происхождения царской власти была закреплена в официальных документах, в том числе в Чинах венчания на царство. Так, в «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» приводится речь самого царя, в которой утверждается, что Алексей Михайлович занял престол «по воли Божией». Чуть ниже эта идея подтверждается речью патриарха Иосифа, призывающего всех жителей России с радостью принять «Богом дарованного и благородного государя, царя и великого князя Алексея Михайловича»⁴. Эти же идеи присутствуют и в «Чине поставления на царство Федора Алексеевича», в котором говорится, что новый царь восходит на престол «по милости Всесильного и Всеблагаго в Троице славимаго Бога», а в речи, обращенной к государю, патриарх Иоаким выразил основную суть официальных представлений данного времени о царе: «Богом возлюбленный, и Богом избранный, и Богом почтенный и поставля-

¹ Письма и послания царя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 167, 170, 172, 173, 174.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 172, 174.

⁴ Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 133, 137.

емый от Вышняго промысла, по данной нам благодати от Пресвятаго и Животворящаго Духа, а от Бога поставляешиися, и святым миром помазуешиися ныне, и венчаешиися царским венцем и святыми бармами, и имянуешиися Богом венчанный великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец»¹.

Интересно, что признание богоданности власти русских царей из рода Романовых вызвало в русском обществе стремление отождествлять царя с Самим Господом. Так, в официальных документах, прежде всего, в челобитных на имя государя появилась формулировка, придуманная самими челобитчиками: «умилосердился как Бог». Однако подобного рода отождествление резко противоречило православному вероучению. Для того, чтобы прекратить подобную практику обращений к царю, 8 июня 1680 г. был издан именной царский указ, который грозил жестокой опалой всем, кто дерзнет уподоблять царя Богу².

Вторая важнейшая составляющая образа «истинного царя» — *«прирожденность»*, т. е. принадлежность к роду Рюриковичей, имеющих непосредственное Божие благословение на обладание царским титулом и являющихся потомками императора Августа. Как уже говорилось, Романовым еще приходилось доказывать свои прямые родственные связи с Рюриковичами, и, наверное, в наибольшей степени в этом отношении преуспел именно Алексей Михайлович. Уже в «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» последний Рюрикович, царь Федор Иванович несколько раз прямо называется «дедом» Алексея Михайловича: *«деда нашего, великаго государя, царя и великаго князя Феодора Иоанновича, всея России самодержца»*; *«волею же Божиею он, дед наш»*. Эта родственная связь позволила значительно углубить родословную Романовых и объявить Алексея Михайловича прямым наследником императора Августа: *«...Изыде великих царей Российских корень... от превысочайшаго первого великаго князя Рюрика, иже ото Августа Кесаря обладающего всею вселенною»*. В «Чине поставления на царство Федора Алексеевича» практически дословно использована та же формулировка о происхождении рода Романовых через Рюриковичей от императора Августа: *«...Изыде великих государей, царей Российских корень, и самодержавствоваху в велицей России от превысочайшаго первого великаго князя Рюрика, еже от Августа Кесаря, обладающего всею вселенною»*. Одновременно, в соответствии с легендой о «Мономаховых дарах», оба Чина особо останавливались на том, что Владимир Всеволодович Мономах «превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя Константина Мономаха восприим: сего ради и Мономах наречеса, от него же вси великие государи царствия венцем венчавхуся»³. Утверждая в официальной государственной идеологии прямые родственные связи с римскими, византийскими и

¹ Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 138.

² Именной царский указ «О неписании в просьбах к государю выражения, чтобы он пожаловал, умилосердился как Бог» (8 июня 1680 г.) // Самодержавное царство первых Романовых. С. 102.

³ Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 134–135.

русскими царями, Романовы переносили на себя все сакральные смыслы, которые в сознании российских жителей до того были связаны только с Рюриковичами. Таким образом, в годы правления Алексея Михайловича была возрождена *идея и практика наследственной передачи власти в роде российских правителей*, подмененная в конце XVI — начале XVII вв. идеей и практикой избрания государя.

Важный момент заключался еще в том, что акт преемственности власти Романовых от Рюриковичей логично ставил вопрос об ответственности новой династии и ее государей за деяния своих предков. Наиболее ярко эта идея воплотилась в 1652 г. в *«Послании царя Алексея Михайловича к святителю мученику Филиппу»*, в котором Алексей Михайлович раскаивается в грехе своего «прадеда» царя Ивана IV Васильевича и испрашивает прощения у убиенного в 1569 г. по приказу Ивана Грозного митрополита Филиппа¹.

Первые Романовы столкнулись с необходимостью не только доказать законность наследования прежней династии, *но и законность передачи царской власти в своем роде*. Поэтому при царе Алексее Михайловиче был создан ряд официальных документов и специально разработан четкий ритуал объявления наследника, зафиксированный в *«Чине объявления наследника»*². Видимо, право Романовых передавать власть по наследству уже при Алексее Михайловиче стала общепризнанным в российском общественном мнении. Во всяком случае, в *«Чине поставления на царство Федора Алексеевича»* уже нет упоминания о «дедах» или «прадедах» из рода Рюриковичей, следовательно, достаточно было того, что Федор Алексеевич выступает наследником своего деда Михаила Федоровича и отца Алексея Михайловича³.

Еще одна важная задача, которая стояла перед государями из рода Романовых — *соответствие образу «благочестивого царя»*. Этот образ вбирал в себя все лучшие качества, присущие «истинному царю»: кроткость, благообразие, богобоязливость, милосердие, но и защита православной веры, Церкви, Отечества, хранительство «правды». Г. В. Талина в своих исследованиях убедительно показала, что во времена правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в русской духовно-политической традиции этот образ «благочестивого царя» был трансформирован в образ *«тишайшего царя»*. По мнению Г. В. Талиной, определение «тишайший» стало не только неофициальным титулом царя Алексея Михайловича, хотя и закрепился непосредственно за ним, но и титулом, характерным практически для всех первых Романовых: «Это понятие вобрало в себя совокупность всех черт идеального православного монарха XVII века. Неофициальный титул олицетворял символ монархии, но не был емкой характеристикой личности монарха. Для России в целом не было присуще в отличие от Западной Европы наделять венценосную особу прозвищем, ориентирующимся на личные качества... Тенденция рассматривать православного государя как

¹ Послание царя Алексея Михайловича к Святителю мученику Филиппу // Самодержавное царство первых Романовых. С. 160—161.

² См.: Обнародование о вступлении в совершеннолетие царевича Алексея Алексеевича и о бывшей по сему случаю церемонии // Самодержавное царство первых Романовых. С. 154—159.

³ Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 121—154.

“тишайшего” свойственна как официальной идеологии XVII в., так и общественно-политической мысли»¹. При этом «тишина» правления и самого государя в XVII в. понималось как отсутствие войн и разорений, отсутствие наклонностей государя к тирании, милосердное обращение с подданными:

Думается, что выводы Г. В. Талиной можно дополнить одной важной деталью: понятие «тишайший», как определение идеального православного государя, скорее всего, восходит к **православному образу «тишины», как одного из идеальных состояний земного социально-политического человеческого бытия**. Образ «тишины» представлен в византийской, а затем и в славянской литургической традиции в «тайной» ходатайственной молитве (intercessio), которая содержит перечисление священником имен святых, поминовения живых и усопших верных, церковных иерархов, светских правителей, а также моления о разных нуждах церковной общины². В свою очередь, ходатайственная молитва является частью евхаристической молитвы (анафора), являющейся центральной молитвой Божественной литургии и возглашаемой священником в тот момент, когда происходит чудо преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы³.

Как показал Н. Д. Успенский, несмотря на то, что «со стороны содержания молений интерцессия — самая неустойчивая часть анафоры, что объясняется изменениями исторических, политических и прочих обстоятельств, в которых протекала жизнь Церкви в разное время», образ «тишины» содержится в древнейших вариантах интерцессии, в частности, в так называемой Климентовой литургии, известной с IV в.: «Еще молим Тебя, Господи, о царе и о тех, кто у власти, и о всем воинстве, дабы они были благосклонны к нам, *мы же, в тишине и единомыслии проводя все время жизни нашей*, прославляли Тебя Иисусом Христом, упованием нашим (выделено мной. — С. П.)»⁴. Образ «тишины» обязательно присутствует в византийской и русской богослужебной практике, причем как в Литургии Иоанна Златоуста, которая совершается в большую часть дней богослужебного года в Православной Церкви, так и в Литургии Василия Великого, которая совершается только десять раз в году. Так, в славянской рукописи XIV в., содержащей тексты обеих Литургий, в ходе интерцессии священник возглашает одно из ходатайств: «Еще приносим ти словесную сию службу о всей вселенной, и о Святой соборной и апостолстей Церкви, и о живущих в чистоте и в святом житии, о благовернем и христолюбивем цари нашем, и о всей полати и о воих его, даждь ему Господи мирно царство, *да и мы в тишине его, тихо*

¹ Талина Г. В. Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых. С. 31–36; Талина Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010. С. 51–86.

² Intercessio (лат. — ходатайство) — в научной литературе название одного из разделов анафоры, содержит перечисление иереем имен святых, поминовения живых и усопших верных, церковных иерархов, светских правителей, а также моления о разных нуждах церковной общины. См.: Intercessio // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 117–118.

³ Анафора (греч. ἀναφορά — возношение) — центральная молитва Божественной литургии, во время анафоры происходит чудо преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. См.: Желтов М. С. Анафора // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 179–289.

⁴ Успенский Н. Д. Анафора (Опыт историко-литургического анализа) // Богословские труды. Вып. 13. 1975. С. 80.

и безмолвно житие проживем во всяком благоверии и чистоте» (Литургия Иоанна Златоуста; выделено мной. — С. П.); «Помяни Господи благочестиваго и вернаго царя нашего, его же оправдал еси царствовать на земли, оружием истинным, оружием благоволения венчаи его, осени над главою его во день брани, укрепи мышцу его, вознеси десницу его, утверди царство его, покоря под ны все иноязычные страны хотещее бранем, даждь ему глубокий и неотемлемый мир, всели во сердце его блага о Церкви твоей, и о всех людех твоих, да во тишине его тихо и безмолвно житие проживем, во всяком благочестии и чистоте» (Литургия Василия Великого; выделено мной. — С. П.)¹.

Как показал М. Скабалланович, начиная с XV в., когда «в Служебниках как греческих, так и славянских устанавливается приблизительно нынешний состав сугубой ектении и нынешний порядок», образ «тишины» появляется и в составе сугубой ектении, т. е. в «усиленной» молитве, которую диакон (или священник) возносит ко Господу не тайно, но перед собравшимися в храме мирянами². В частности, в некоторых славянских рукописных и московских печатных изданиях XVII века приводилось следующее молитвенное вознесение: «Еще молимся милости Божии о помощи и о поспешении и о укреплении и о пособлении и о сподоблении еже на враги победа и одоление благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя (имярек), воинству о благопробывании, *о мире и о тишине и о устроении оставлении грехов всего православнаго христианства* рцем вси» (выделено мной. — С. П.). В старообрядческом Служебнике, который воспроизводится без изменений по изданию 1601 года, в составе сугубой ектении тоже есть это молитвенное вознесение: «Еще молимся милости Божии о помощи и о посещении и о укреплении и о пособлении и о сподоблении еже на враги победа и одоление благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя имярек, воинству о благопробывании, *о мире и о тишине и о устроении, и о оставлении грехов всего православнаго христианства*, рцем вси...» (выделено мной. — С. П.)³.

Связь образа «тишайшего» царя с образом «тишины» из литургической ходатайственной молитвы и сугубой ектении прослеживается по «Чинам венчания» первых Романовых. В «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» царь в своей речи так говорит о своем отце, царе Михаиле Федоровиче: «...Великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович ...*все православное христианство в покое и в тишине и во благо-*

¹ Литургия Иоанна Златоуста; Литургия Василия Великого // *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015. Приложение. С. 313–314; 342–343.

² *Ектения* (греч. ἐκτενής [ἐκεία] — сугубое, протяженное моление) — один из видов молитвословий во время церковного богослужения, когда диакон (или священник, если нет диакона) возглашает молитвенные прошения, а хор на каждое прошение поет «Господи, помилуй» или «Подай, Господи». *Сугубая ектения* — усиленная ектения, потому что на каждое прошение, произносимое диаконом, певчие отвечают тройным «Господи помилуй» (см.: *Желтов М., диак.* Ектения // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 248–251).

³ Толковый типикон: Объяснительное изложение Типикона. С историческим введением // Сост. М. Скабалланович. М., 2004. С. 572, 574–575. Нужно отметить, что в наше время это молитвословие возглашается диаконом (или священником) во время чтения сугубой ектении в следующем варианте: «Еще молимся о Богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте». См.: Полный православный молитвослов для мирян. 5-е изд., пер. и доп. М., 2003. С. 356.

денствии тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенной цветяше превыше всех великих государств». Затем образ «тишины» возникает в речи патриарха Иосифа: «...И все православное христианство в покое и в тишине, и во благоденствии тихо и немятежно строя...» Наконец, образ «тишины» присутствует и в «Чине поставления на царство Федора Алексеевича», только теперь повествование ведется об Алексее Михайловиче: «...Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович ...все православное христианство в покое, и тишине, и в благоденствии, тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенной цветяше»¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «тишайший» имеет скорее духовное, нежели чисто политические или же бытовое происхождение, и конечно, никак не связано с какими-то личными чертами или особенностями характера русских государей.

Наконец, в этот период вновь важнейшее звучание приобретает *идея самодержавности*. Первым Романовым, вступившим на престол в результате прекращения ранее царствующей династии и Смуты, самодержавность их правления — цель, которую необходимо достичь. Прежде всего, в царствование Алексея Михайловича, окончательно утверждается формулировка царского титула, как важнейшей части характеристики самодержавной власти первых Романовых: «Мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств, и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны повелитель и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и наследник и государь и обладатель»². При этом необходимо отметить, что подданные русского государя непременно наказывались за ошибки при написании царского титула. Обязательное наказание следовало не только за искажение титула русского государя, но и за применение одной или нескольких его формул к лицу, не обладавшему царским достоинством³.

Значительно усилило самодержавный характер власти Соборное уложение 1649 года. По мнению исследователей, 2-я глава «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать» впервые в истории русского

¹ Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. С. 132–133, 121–122.

² О титуле царском и государственной печати (именной царский указ, 1667 г.) // Самодержавное царство первых Романовых. С. 100.

³ См. именные царские указы: О наказании кнутом подьячего за прописку государева наименования (1658 г.); О посажении в тюрьму на неделю губного старосту Некрасова за прописку титула государя и о наказании батогами губного дьяка Коробова, который ту отписку читал перед Разбойным приказом (1663 г.); Об урезании языка Проньке Козулину, если по розыску окажется, что он называл Демку Прокофьева царем Ивашки Татарина (13 сентября 1664 г.) // Самодержавное царство первых Романовых. С. 95–96.

законодательства дало систематическое описание состава государственных преступлений и определило процесс по этим делам¹. При этом государственным преступлением объявлялось не только любое покушение на личность, здоровье, честь и права русского царя, неисполнение «государева дела» или измена, но и «умышление», т. е. умысел на преступление против царя. Об этом прямо говорится в самых первых статьях 2-й главы: «1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию. 2. Также будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего зловоумышления начнет рать збирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом по его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию»². Смертной казнью наказывались ближайшие родственники преступника, если они знали о «злых умышлениях» и не донесли о них (ст. 6, 9), а также покушавшиеся «самовольством, скопом и заговором» на «государевых» людей, «бояр, и околничих, и на думных и на ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей», потому что такие покушения тоже рассматривались как преступления против «государевой чести» (ст. 21–22)³. Интересно, что именно после принятия Соборного уложения в России широко распространились *присяги разных чинов* — документы, которые были связаны с усилением статуса царской власти, и были вызваны стремлением законодателей защитить государя и представителей царской фамилии от посягательства со стороны различного рода должностных людей⁴.

* * *

Как можно видеть, первые государи из династии Романовых, во многом опираясь на традиции, установленные царями из предшествующей династии Рюриковичей, вполне осознанно устраивали свою страну как Российское православное самодержавное царство («Российское самодержавство»). Для этого они стремились, во-первых, полностью соответствовать традиционным представлениям об «истинном православном царе»; во-вторых, соиздать Российское царство как «истинное самодержавство», принимая на себя полную ответственность перед Господом за страну и народ; в-третьих, принимать на себя реальную ответственность за устройство Вселенского православного царства. Однако государь Петр I Алексеевич, встав у кормила власти, повел корабль русской истории иным курсом...

¹ См.: *Тальберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 63–64; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 158–159.

² Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 86.

³ Там же. С. 86–89.

⁴ См.: Форма присяги разных чиновников // Самодержавное царство первых Романовых. С. 105–112.

Александр КУГАЙ

ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

Александр Иванович Кугай — родился в г. Запорожье, окончил Военно-политическую академию им. Ленина, аспирантуру Института философии РАН, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор. Автор ряда книг и многочисленных статей. Полковник. **Живет в Санкт-Петербурге.**

У классика советской сатиры и юмора Аркадия Райкина была поучительная интермедия про лектора, приезжавшего в горный кавказский аул с рассказами о современных достижениях цивилизации. Аудитория, в основном, аксакалы, привыкшие судить обо всем на собственном опыте. На вопрос лектора: все ли понятно, после короткого совещания ответил самый уважаемый. Он сказал: «Это все понятно, кибернетика, космонавтика... А ты конфеты “подушечка” знаешь? Как туда варенье засовывают?» Чувство досады, испытанное аксакалом, тем более возникает не только у людей, не читавших Платона и Аристотеля, но и у многих «остепененных» ученых, когда заходит речь о *метафизике*, в отрыве ее реальной действительности. Люди устроены так, что готовы принимать, в первую очередь, лишь то, что содействует действительной жизни.

Между тем, проблемы, имеющие отношение к аристотелевской метафизике, возникают и решаются в повседневной жизни и имеют конкретный прикладной характер.

Вводя в культуру понятие «метафизика», Аристотель трактовал ее, как-то, что стоит над физикой, предшествует ей и определяет ее, как *телеология*. Как заметил признанный знаток античной культуры В. Ф. Асмус: «Над всей физикой и космологией Аристотеля господствует мысль о *целесообразности* природы и всего мирового процесса»¹. Цель — по-гречески телеос. Исходя из этого, *учение о цели называют телеологией*. Цель есть, по Аристотелю, наилучшее во всей природе. Главенствующая наука та, «которая познает цель, ради которой надле-

¹ Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Наука, 2000. С. 54.

жит действовать в каждом отдельном случае...»². Конечной инстанцией поступков людей оказываются их цели, целевые приоритеты.

Телеология, развитая Аристотелем, оказывается стержнем в понимании человека и общества. Последняя реальность — Бог. Для Аристотеля форма в своей динамике выражает иерархичность бытия. Из меди можно изготовить много вещей, но медь остается медью. Намного более иерархично ведет себя форма. Сравним: форма неживых предметов — растительная форма — животная форма — форма (душа) человека. Это сравнение поднимает нас по лестнице форм, причем значение материи ослабевает, а формы — возрастает. А если сделать еще шаг и заявить, что есть чистая форма, освобожденная от материи? Аристотель твердо убежден, что этот шаг, предельный переход, вполне состоятелен и необходим. Почему? Потому что тем самым мы обнаружили перводвигатель всего, а значит, принципиально объяснили все многообразие фактов движения. Бог, как и все доброе и красивое, притягивает, влечет к себе не как физическая, а как целевая, финальная причина.

Что собой представляют телеологические основания? Очевидно, в рамках религиозной традиции, — это замысел Бога о мире. В иных культурных традициях — это замысел о мире, воплощенный либо в «Абсолютной Идее», либо в «Дао», либо в «Вещи в себе» и т. д.

Разграничение материального и имматериального миров и предопределило вектор развития науки, направленной на выявление высшего порядка во Вселенной и форм его воплощения. Если следовать традиции Аристотеля, учитывая также и современное состояние науки, то под метафизикой следует понимать нематериальную составляющую природы, ее способность к самоорганизации, порядку, гармонии, симметрии, законы ее функционирования и изменения. Если под природой понимаются, прежде всего, вещественные, материальные элементы ее (в физике они обозначаются как вещество и поле), то под метафизикой — не сами эти элементы, а способ их связи, законы и функционирования, т. е. то, что не имеет материальной, вещественной природы, но что определяет и предопределяет активность природы, ее живое, активное начало. Будучи нематериальным началом, Дух организует природу, подчиняет ее себе. Для лучшего понимания сказанного, рассмотрим следующий пример. При острых инфекциях, имеющих ротофарингеальные входные ворота применение фарингосепта, фурацилина, аскорбиновой кислоты оказывает положительное воздействие на состояние организма. И опытный врач знает, какие позитивные процессы начнутся в организме больного в случае применения им лекарственных средств. То есть, применения лекарственных средств еще нет, но закон, определяющий состояние организма, уже есть, хотя его нельзя ни показать, ни потрогать. Он нематериален, но, тем не менее, так же реален, как и сами лекарственные средства. Увидеть мы можем только проявления закона, подчиненность ему организма, но не сам закон. Однако, в существовании последнего вряд ли у врача может возникнуть сомнение.

Человек, существо сверхприродное, в нем заложена способность открывать замысел Всевышнего о мире и его проявлениях. Одним из первооткрывателей Основ Мирового Бытия, очевидно, следует считать Платона.

² Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Наука, 2000. С. 55.

Философ описал все возможные уровни бытия, очертил предметное поле философии, науки, искусства, религии, все разновидности форм организации политической жизни. Мы и сегодня живем в этих мирах, очерченных Платоном. В «Государстве» устами Сократа Платон проводит важное разграничение, согласно которому существует земная математика, имеющая дело со счетными предметами и зримыми, осязаемыми формами, и высшая, небесная математика, занимающаяся числами самими по себе.

В России основы метафизического видения мироздания заложены Григорием Саввичем Сковородой — первым русским философом, в его, укорененном в библейскую и античную почву *софиологии*. София — Премудрость Божия, — сотворенный мир из Божественного единства, «план» мироздания, имеющее у каждого народа свое имя, но единое для всего сущего. София — есть мать «доброты всякой», «стройности», принцип упорядоченности, устройства, размеренности и гармонии, как взаимосоотнесенности частей целого³.

Если И. Ньютон вскрывал замысел Бога о мировой механике, то Г. Хакен — Божественный план относительно самоорганизации нелинейных систем. Наиболее общее своеобразие мышления Н. И. Пирогова заключалось в сочетании в нем интенций к объектовому и трансцендентному постижению действительности. Ученый с необычайной настойчивостью искал религиозно-философское мировоззрение, которое могло бы удовлетворить требованиям научной мысли и запросам веры. Ведь именно вера является специальной психологической особенностью человека, отличающей его от животного. Ее существо в том, что эта вера не столько в предметную реальность, а сколько — в сверхчувственные идеалы. «Для меня, — пишет Пирогов, — неоспоримо то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом Вселенную, сделала и мой мозг органом мышления. Действительно его нельзя лучше сравнить, как с музыкальным органом, струны и клавиши которого приводятся в постоянное колебание извне, а кто-то, ощущая их, присматриваясь, прислушиваясь к ним, сам приводя и клавиши и струны в движение, составляет из этих колебаний гармоническое целое. Этот кто-то, приводя мой орган в унисон с мировой гармонией, делается и моим Я; тогда законы целесообразности и причинности действий мировой идеи делаются законами моего Я»⁴. Пожалуй, главное логическое, оно же — метафизическое противоречие атеистического мировоззрения заключается в признании существования Законов Природы, но отрицании при этом существования Законодателя. «Наука без религии хрома, религия без науки слепа» (Альберт Эйнштейн).

Говорят, ангелы поют. Очевидно, Божественный храм — не Дом Художника, а, если угодно — Дом Композитора. Неслучайно Ф. Ницше, попадавший в ходе интернет-опросов в тройку величайших интеллектуалов тысячелетия, на шкале гениальности на первое место ставил композитора, способного улавливать партитуру неслышимой Божественной музыки. Все производно от музыки. В школе Пифагора наряду с математикой занимались музыкой, видя в числах музыкальную гармонию мира. Небесная музыка

³ Сковорода Г. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1973.

⁴ Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011.

исполняется на инструменте, который настраивает Сократ на протяжении всего разговора, преодолевая диссонансы и глухоту собеседников. Муза вдохновляла Пушкина. Астрофизик Кеплер сопоставление небесных светил уподобил натяжению музыкальных струн. Лобачевский за своими математическими построениями видел музыкальный ряд. В 1942 г. в Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича миру была явлена *телеология* фашизма. Разве может возникнуть сам собой столь дивный мир или самопроизвольно и без всяких творческих усилий составиться любой шедевр искусства?

Художник служит проводником *духа*, воспроизводя в своих произведениях по «образу и подобию» великолепный «дизайн» замысла нашего Создателя. «...тебе надо изложить на бумаге мысль, или образ, или что угодно, и довести их до логического конца, где начинается метафизическое измерение» (Иосиф Бродский).

Художник может непрерывно неделями, месяцами и годами пребывать в поисках музыки, где сущность ближе всего подступает к краю явленности. Но телеологический смысл явления будет постигнут лишь в случае, если удастся осуществить синтез вечного и мгновенного. «Власть философа над миром не в метафизических умозаключениях, а в том высшем смысле, благодаря которому он эти умозаклучения вывел...» (Арнольд Мэтью). В Третьяковской галерее повышенное внимание у посетителей вызывает картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели», в которой демонстрируется Божий проект начала весны, и портрет А. С. Пушкина, выполненный О. А. Кипренским, эксплицирующий замысел Бога о великом русском поэте. «И услышал Бог, что это хорошо». Так оно и есть. Но, как известно, «Неисповедимы пути Господни» = «На все воля Божья», и Он не изволил, чтобы неисчислимые трансляции Муз мирового бытия были услышаны каждым смертным разумным существом. Отсюда, гением является тот, кто способен выявить замысел Бога в многочисленных явлениях мира. Таковым был Леонардо да Винчи — величайший художник, скульптор, архитектор и естествоиспытатель.

Особое место в партитуре Музы и в архитектуре Создателя занимает политическое бытие социума, гармония, метафизические основы которого были услышаны и раскрыты еще Аристотелем⁵. Понятия о гражданстве, о патриотизме, об общем благе; типология политических режимов, их изменения и трансформации; соотношение частного и общественного, приватного и публичного — все это есть в «Политике» Аристотеля. Согласно Аристотелю, наименее подверженной порче и наиболее правильной формой политического бытия социума является полития, в которой большинство правит ради общего блага. Отсюда, следует расширять и укреплять средний класс. То есть способствовать благоденствию граждан, обладающих собственностью средней, но достаточной. Не допускать, чтобы в обществе были бедные слои общества, существовало значительное и чувствительное имущественное неравенство между богатым меньшинством и бедным большинством, слишком большой разрыв между ними. Все, что нам Томас Пикетти — автор бестселлера «Капитал в XXI веке», нынче повествует о *Inequality* — неравенстве, как главной чуме XXI века⁶ — это все уже присутствовало у Аристотеля.

⁵ *Аристотель*. Политика. / пер.: Жебелев С. А. М.: АСТ, 2016.

⁶ *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / пер. с англ.: Дунаев А. А., М.: АД Маргинем Пресс, 2015.

Телеологические основания могут быть выявлены и эксплицированы в различных областях бытия. Обратимся к фотоснимку. Чем отличается снимок, выполненный мастером, от любительского снимка? Допустим, вы участвуете в каком-то торжестве, фотографируя различные стадии его протекания, делая множество снимков. Но вот является мастер-фотограф, делающий лишь несколько снимков, но именно на них явлена сама суть торжества. Мгновения, оставленные на этих снимках, запечатленные лица, жесты, вещи представлены в своей самотождественности, как подлинники самих себя. Поскольку такими они были вовсе не в каждый момент текущего времени, но лишь в редкие моменты полноты существования.

Суть в том, что каждая вещь, будучи отражением некоего небесного эталона, собственного эйдоса — образца, его искаженной копией, обладает своим акме — моментом присутствия, адекватнее всего совпадающего с замыслом о самой себе. Так и у человека, происходящее событие, в лишь избранные мгновения своего присутствия соответствуют формуле «Замысел Бога обо мне, либо о событии». Также обстоит и с нравственными чувствами любви или дружбы и патриотизма: всегда находится заповедь или, как «жажда целостности и стремление к ней» (Платон), т. е. нечто побуждающее и независимое от моих переживаний — абсолютный императив, иначе было бы бессмысленно говорить о подчинении ему. Мир устроен таким образом, что все происходящее в нем обладает избранными местами, содержащимися в памяти Бога. Но те же привилегированные точки, раскрывающие полноту бытия, можно отыскать в безостановочном потоке будней, в этом направлении и работают истинные творцы не только в науке, философии, искусстве, но и в политической, экономической, социальной жизни.

Николай БУРЛЯЕВ ПОСЛУЖИТЬ ГОСПОДУ И ОТЕЧЕСТВУ

*Монолог о судьбе
и служении*

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шуккина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Редакция, сотрудники, читатели журнала «Родная Ладога» поздравляют выдающегося деятеля современной русской культуры, режиссера, поэта, прозаика, человека яркого общественного служения, народного артиста России Николая Петровича Бурляева с юбилеем. Ваше творчество, дорогой Николай Петрович, имеет историческое значение, Ваше героическое, несгибаемое стояние за русскую культуру в ее традиционной нравственной сущности, духовной красоте и мировой значимости является примером для всех людей, любящих Россию. Желаем Вам здоровья, молитвенной поддержки единомышленников, творческого долголетия, умных сослуживцев, верных друзей, созидательных наследников дела. Желаем Вам благой Божией помощи во всех Ваших добрых будущих начинаниях и свершениях.

У меня юбилей. Мне 75 лет. Как к этому относиться? Задумываюсь. Вспоминаю, что юбилей не современное изобретение, это древнее ветхозаветное установление, способствовавшее благоустройству человеческого общества. То есть юбилей несет на себе печать высшего происхождения. Поэтому отнесусь к нему с уважением, как к дате, которая отмечает не только мой возраст, но заставляет задуматься о значении моей жизни в истории страны, о благе ее для общества. А по-нашему, в юбилей не грех поразмышлять над извечным вопросом о смысле жизни, или, как говорил великий Пушкин, «зачем ты послан был и кто тебя послал?» Я не философ, посему посмотрю на свою жизнь через дела и поступки.

Я родился 3 августа 1946-го в Москве, в семье потомственных ак-

теров. В 14 лет — получил первого «Золотого льва» в Венеции за фильм Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь». Потом был Тарковский, «Иваново детство», «Андрей Рублев», более 50-ти международных наград. Снялся в 70-ти картинах. Я актер, режиссер, народный артист РФ, член Союза писателей России, пишу стихи, прозу, публицистику. Я общественный деятель, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации, член Патриаршего Совета Русской Православной Церкви по культуре, сопредседатель Всемирного Русского Народного Собора, основатель и с 1992 года руководитель Международного Форума «Золотой Витязь».

В оценках моей жизни мне помогает то, что в этом году отмечаются также знаковые юбилеи, связанные с моей судьбой: 60 лет фильму «Иваново детство», 55 — «Андрею Рублеву», 30 — «Лермонтову» и 30 — форуму «Золотой Витязь». Видя значимость и востребованность во всем мире названных произведений и Кинофорума, осознаю свою судьбу с чувством радости, с которым живу всю жизнь, и с верой, что все предчувствия и ощущения будущей жизни, которые пришли ко мне еще в 5 лет, сбываются. Сбылись многие мои творческие планы, сбываются мои государственные надежды. Сегодня я радуюсь успехам нашей страны под руководством Президента В. В. Путина, в частности, надеюсь на подписанный им Указ о новой государственной культурной политике. Она разрабатывается, и теперь чиновники не смогут продвигать проекты, идущие вразрез с исконными представлениями о нравственности, с нашими национальными ценностями и традициями. А без традиции, без почтения к вере, к отечественной истории не решить поставленные перед страной задачи.

Понимание многих проблем жизни и современного мира мне давалось непросто, через Тарковского, через Лермонтова, Гоголя, через сложные фильмы и роли, через мое постепенное воцерковление. Тарковский обладал умением через свое искусство погружать людей в третье измерение. Нынешние «рыночные» режиссеры не ставят перед собой задачу устремлять душу в Божественные пределы, не стремятся прорваться к Господу. Тарковский напрямую не говорил о Создателе, о вере, но все его творения поистине христианские. Тарковский был крещен в младенчестве, но шел к вере всю жизнь. Он шел трудными путями: падал, поднимался, грешил, вновь поднимался и устремлялся дальше. Не будучи внешне ортодоксальным человеком, он пытался быть им по сути своей, понимая всю свою греховность. У него есть слова, подобные молитве:

*Боже, чувствую приближение Твое,
Чувствую руку Твою на затылке моем,
И только тяжесть грехов и злобы моей
Не дает мне творить Твою волю.
Верую, Господи, и хочу видеть людей и мир
Такими, какими Ты их создал.
И ничего не прошу у тебя, Господи,
Верую, Господи, помоги и прости.*

С этим он жил, не вынося это наружу. Я смолodu это воспринял от него и понес по жизни.

Очень много в понимании духовных основ бытия мне дала роль Иешуа в фильме «Мастер и Маргарита» Ю. Кары. Сначала мне предложили сыграть там Ивана Бездомного. Этот персонаж был мне не интересен, и я попросил попробовать меня на роль Иешуа Га Ноцри. Я и сам хотел снимать фильм по Евангелию, но не решился. И когда это было предложено мне как актеру, во мне боролось желание сделать это и сомнение: имею ли право я, грешный человек, касаться этого образа? После удачной кинопробы и утверждения на роль я решил, что не должен этого делать. И отказался подписывать контракт. Да и все мои близкие были против моего согласия. Прошел год. Сестра поехала в Псковскую область на остров Залита к отцу Николаю Гурьянову. Рассказала ему историю с моей ролью: «Мой брат готов согласиться, но мы все против, отговариваем его». А отец Николай ей отвечает: «А зачем вы отговариваете его? Ведь всё — по промыслу Божьему происходит». Она возвратилась в Москву с косвенным благословением старца... Я дал согласие на съемки. У Гроба Господня был причащен и благословлен на сей труд.

Это время — самые высокие и светлые мгновения в моей актерской жизни. Была очень напряженная и радостная работа, и не было ощущения, что ты делаешь что-то, что делать не должен. Был пост, молитва, и была помощь Божия — я ее все время ощущал. Отмечу, что я согласился сыграть Иешуа Га Ноцри, только испросив у режиссера право исправить Булгакова, вернее, потребовав это. Я убрал из текста своей роли все антиевангельские фразы. Например: «“Кто мать твоя?” — спрашивает Пилат. — “Я не знаю”, — отвечает Иешуа». Или: «Ходит за мной с козлиной бородкой и что-то записывает (это про будущего Евангелиста Матфея. — Н. Б.), я поглядел, а там все не то». Оставим эти измышления на совести Булгакова. Работая над ролью, я сам становился лучше, соприкасаясь с историей, настраиваясь на этот светлый образ, подготавливая свою душу постом и молитвой. Но сейчас я бы за эту роль не взялся.

Когда-то в стихотворении я написал: «Нам жизнь дана грехи одолевать»... Видимо, это путь к истине, и борьба с этой частью твоей сути в творчестве необходима. «Упав, подняться и уйти, и возрождение обрести». Это двигало Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским, Тарковским... Кстати, в истории остаются имена лишь верующих творцов. Малевич и попса, с их квадратами и эстрадным примитивом, со временем исчезнут, останутся лишь мастера, устремленные к Господу. Священник, который видел Пушкина в его последние мгновения жизни, говорил, что себе бы пожелал такого просветленного лика при уходе...

Я имел радость общения с тремя старцами и архимандритом Иннокентием Вениаминовым, прямым потомком апостола Америки и Сибири митрополита Иннокентия (Вениаминова). По благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна он стал первым духовником Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Я видел, как он общается с людьми, как изгоняет бесов. Я имел радость часто общаться с Патриархом Сербским Павлом и Митрополитом Черногорским и Приморским Амфилохием. Ему выпало хоронить тысячи убиенных в Косово. Я видел его влияние на сербский народ. Сербия — моя любовь, большая часть жизни, мое вдохновение, это вторая родина моего «Золотого Витязя».

Об этом представительном Форуме сказано и написано много. Сегодня вспоминаются и самые трудные его годы, и наши победы. Кинофорум «Золотой Витязь» со дня основания провозгласил девиз «За нравственный христианский идеал — за возвышение души человека». В первое время на нас поглядывали с опаской. Что это такое? Появился какой-то кинофестиваль, кинофорум для славян?! А как же другие народы? Но потом увидели, что на кинофорум «Золотой Витязь» приезжают представители разных национальностей, участвует почти 50 стран мира, часто даже далекие от нас по менталитету, по верованиям и т. п. Тут и Австралия, и Израиль, и Перу, и Голландия, и Америка. Но не всё американское мы принимаем. В отличие от нашего российского кинопроката, у нас критическое отношение к тому, что делается за океаном. На Форум мы принимаем только то, что освящено высокими идеями, как, в частности, фильмы Мэла Гиббсона — «Страсти Христовы» и «Апокалипсис».

Некоторые наши оппоненты пишут в прессе, что кинофорум «Золотой Витязь» — это *аристократический*, элитарный кинофестиваль. Да, можно принимать или не принимать идею, с которой вышел на бой наш «Золотой Витязь». Но у «Витязя» эта идея есть, в отличие от большинства других безыдейных кинофестивалей, которые показывают на экране все, что угодно — про «голубых» и про «розовых» и т. п. Тема *прав человека* там стала особой религией. А нам они говорят: «нет» — нельзя показывать фильмы о душе-христианке. Но ведь каждая душа — христианка, как говорил Тертуллиан, и мы должны бережно к этой душе относиться...

Что бы про нас ни говорили наши недруги, «Золотой Витязь», действительно, кинофестиваль, который преследует высокие идеи. И мы идем этим путем, который завещан мне, как главному организатору этого творческого объединения, моими учителями — истинными аристократами духа — Тарковским, Мордвиновым, Бондарчуком. Мы принимаем высокое искусство и его выдающихся мастеров, мы занимаемся просветительской деятельностью. И если Канн гордится тем, что к ним на кинофестиваль приезжает один Михалков, или один Сокуров, или Анджей Вайда, или Эмир Кустурица, или Динос Димопулос, или Кшиштоф Занусси, то у нас на кинофоруме они бывают по 3-4 человека одновременно. И критики удивляются, почему выдающиеся режиссеры едут сюда, а не в Канн. Например, когда фильм Александра Сокурова был на кинофестивале в Каннах, а у нас — вне конкурса, знаменитый режиссер приезжал к нам в Кисловодск, а не в Канн. И в Кисловодске он открыто заявлял, что в Канн он не поедет — ему там неинтересно, а здесь на «Золотом Витязе» идет обогащающая духовная работа, поэтому он здесь, а не там.

Действительно, кинофорум можно назвать духовно-аристократическим. Аристократизм души человеческой я вижу в том, что она понимает свое предназначение в этой жизни, а именно, **послужить Господу и Отечеству**. Соединение небесного и земного проявляется в служении Отечеству — нашей любимой России — во все времена, и в трудные для нее годы, и ныне, когда многое для мира решается здесь, а не в Америке. Как говорили люди, прожившие на Западе: «спасение России — есть спасение мира, гибель России — есть гибель мира». Надеюсь, что мы возродим, точнее, создадим заново и распространим на все области человеческой жизни идеи *аристократизма*. В первую очередь это необходимо для политики и политиков.

Тогда люди будут идти в политику не ради власти и подавления одной партии другой, а ради исполнения промысла Божьего на Земле, и ради своего Отечества, тогда восстанет и укрепится Россия, а, укрепившись сама, за собой поведет ко благу весь мир. Аристократизм — это будущее нашей государственности. Я это говорил более десяти лет назад и, видя сегодняшние позитивные преобразования, думаю, был прав.

Стратегия государственной культурной политики стала серьезным шагом Президента России В. В. Путина на пути к выводу всей сферы культуры из рыночных отношений. Еще Пушкин говорил, что он огорчен тем, что вынужден брать по золотому за стих. Подлинная культура и рынок — несовместимые понятия. У них абсолютно разная направленность. У рынка — делание денег. Предназначение культуры — возвышение человеческой души, просветление, гармонизация. Поэтому в истории остаются лишь те, кто истинно верил в Бога и понимал свой талант, как дар Божий. А все эти «черные квадраты» и прочая бездарная мазня — развеется, как прах, и не останется их следа. Останутся Леонардо да Винчи, Рембрандт, останется наш современник Александр Шилов... Это и есть современное искусство, а не те подделки, которые сейчас, при поддержке государства, продвигаются в наше культурное пространство.

Один из бывших министров культуры Российской Федерации говорил на коллегии министерства: «Культуру нужно подвинуть на панель». И он ее туда подвинул. Сейчас наша задача — вызволить ее оттуда. Это задача всех, кто озабочен тем, кому мы передадим Россию, какими вырастут наши дети. Положительных результатов можно достигнуть только общими усилиями — и общественности, и Министерства культуры, где есть Общественный совет, который поднимает эти темы, и Союз кинематографистов тоже заявляет об этом. Уже многие годы и я, и Никита Сергеевич Михалков говорим: бюджет Министерства культуры должен быть равнозначным бюджету министерства обороны. Ибо Культура и есть оборона — оборона души человеческой. Если мы потеряем души грядущих поколений — нашу страну можно брать голыми руками. Как сейчас берут голыми руками Европу по очень хитрому, лукавому сценарию. Там произошла почти полная дехристианизация, демонизация общества и культуры. Все заповеди Божьи и законы попорнаны.

Мы — Россия, мы удержимся, мы должны удержаться. Санкции против России не прекращаются столетиями, мы практически все время под санкциями. И сейчас, как это ни парадоксально, в режиме санкций, у нас есть шанс и самим подняться, и стать примером для всей планеты: вот, оказывается, как можно жить, вот каких детей растить, вот какую страну поднимать.

Понятно, что придется проводить болезненные для некоторых «деятелей культуры» меры, поднимется визг на весь мир. Но это известно, когда лукавому прищемляют хвост, он — визжит. Мы потерпим этот визг ради наших детей, ради России, ради одухотворения жизни нашего общества. Истинных талантов у нас гораздо больше, чем у видимой сегодня на поверхности «подзаборной плеяды», которую активно поддерживают разные СМИ и «эксперты» нашей «пятой колонны» от культуры, по несколько лет подряд пропихивающие на «национальные премии» патологии серебрянниковых и богомоловых.

Есть у нас и толковые управленцы. Минкультуры России начал процесс обновления и выздоровления. Тот же «Золотой Витязь» собрал целую армию профессионалов. Мы учредили Славянский творческий союз, куда входят практически все талантливые деятели культуры России, Белоруссии, Украины и других стран славянского мира. В наших рядах 11 000 членов из 15 стран. Это серьезная сила: есть драматурги, режиссеры, актеры. Их надо переориентировать и выводить из униженного положения, когда они должны для выживания писать, ставить, играть всякую рыночную чушь.

Да, если фильм окупается, — замечательно, но это не должно быть целью. Например, «Военно-полевой роман» быстро окупился. А «Андрей Рублев» Тарковского, входящий в десятку лучших фильмов всех времен и народов, не смог окупиться мгновенно. Он лет семь пролежал на полке под запретом, а потом начал триумфальное шествие по миру. И сейчас я могу констатировать, что этот фильм побил все кассовые рекорды. Но — за пятьдесят лет! Сожалею, что сегодня Минкультуры, потакая прокатчикам, превратившим Российский кинопрокат в филиал американского кинопроката, ориентирован на «успех в первый уикенд». Телереклама обманывает народ, зазывает — «Иди, смотри, Россия!». И зрители идут и смотрят эти подделки. У Министерства культуры должны быть средства, для того чтобы создавать достойное кино. Как говорил Тарковский, надо делать шедевры. В России нужно измерять успех не «первым уикендом», как сейчас принято оценивать, а Вечностью. Для этого нужно выводить культуру из рынка. Вот, например, мы выпустили какой-то потрясающий патриотический фильм — и на нем будет воспитываться нация, как она воспитывалась на «Рублеве». Люди смотрели фильм, открывали для себя имя великого иконописца, начинали лучше понимать историю Отечества, интересоваться ей. Фильм внес свою лепту в будущую канонизацию Андрея Рублева. Многие благодаря этому фильму пошли в Церковь, в дальнейшем воцерковились. А это процесс длительный.

В 1914 году, когда Сербию в очередной раз поставили на грань полного уничтожения, один сербский воевода бросил клич: «Нам нет спасения. Мы победим!» В свой юбилей, обращаясь к России, повторяю этот призыв от своего сердца без смущения, но с надеждой и пожеланием себе увидеть нашу Победу.

Александр КАПЛИН

«ЗА ОТЧИЙ ДОМ, ЗА РУССКИЙ КРАЙ...»

*Заметки о появлении
сценария к кинофильму
«Александр Невский»
в контексте событий
1930-х гг.*

Александр Дмитриевич Каплин — родился в 1961 г. на хуторе Красном Коньшевского района Курской области. Окончил исторический факультет Харьковского госуниверситета (ХГУ), профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Автор многих книг по истории русской религиозной мысли, ответственный редактор, составитель «Православной энциклопедии Харьковщины», член редакционного совета, один из авторов энциклопедии «Славянофиль». Работы издавались на русском, украинском, немецком, сербском, польском языках. **Живет в Харькове, Украина.**

*Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!*

Владимир Луговской

«О сопротивлении злу силою»

«Александр Невский» — первый звуковой фильм С. М. Эйзенштейна — стал его единственным законченным фильмом в 1930-е годы. На экраны он вышел 1 декабря 1938 года. К этому времени в кратчайшие сроки было изготовлено 800 копий. В Москве в первый день фильм посмотрели 45 тысяч зрителей. А в советской печати только за декабрь об «Александре Невском» появилось около 130 статей. Интерес и успех — невиданные (даже, если вспомнить фильм «Чапаев», 1934 г.).

Десятки миллионов тогдашних юных советских граждан ничего не знали как об этом святом, так и о героическом русском прошлом. До начала 1930-х гг. оно не преподавалось. Его уничтожали, над ним издевались, его оплевывали... И вот для изумленного советского зрителя его предки предстали в виде умного, смелого, решительно-го, справедливого, красивого, статного князя (Николай Черкасов) и его замечательных сподвижников, которых сыграли популярные русские актеры: Андрей Абрикосов (Гаврило Олексич), Николай Охлопков (Василий Буслай), Дмитрий Орлов (Игнат).

Но и критика фильма последует практически сразу и будет нарастать, причем С. М. Эйзенштейн судить себя начал едва ли не раньше других.

В его архиве сохранилась черновая запись, датированная 24 декабря 1938 г. и названная им «Загадка Нев-

Кадр из кинофильма *Александр Невский*, 1938 г.

ского». Вот фрагменты этой записи: «“Невский” действует нагло наперекор себе. Все видят дефекты: бутафорию *avant tout*, длинноты, ритмические срывы и разрывы. Все видят — не только специалисты. Упорство, с которым идут по два-три раза даже те, кто с первого раза недоволен (за [ка]ким бы, казалось, дьяволом вообще идти еще раз, если не понравилось!). И действует *quand-meme*. В чем дело? Дело, думаю, в “шаманстве”: в том, что, подобно бубну шамана, бьет одна и одна только мысль, все вертится вокруг одной мысли. Ни слова, ни реплики, ни эпизода, ни сцены — где не было бы только речи и дела о враге и необходимости его бить: в планах, проектах, воспоминаниях, самих действиях. Такого единомыслия через все разнообразие (и даже пестроту) всего происходящего — в таком обнаженном виде — не сыщешь, конечно, нигде. Это гипнотически приковывает...»¹.

Как видим, грандиозный успех фильма режиссер объясняет «шаманством», гипнотизмом «только одной» мысли — необходимостью бить врага.

К кому пришла эта мысль? И кто он — этот враг? Как его бить? С ненавистью?

А как быть с тем, что в фильме главным героем является не просто князь, а святой (*хотя за весь фильм никто из православных в нем не перекрестился*) благоверный Великий князь Александр Невский?

Последним вопросом режиссер не задавался (*хотя и был крещеным*).

Но ответы уже были даны русской православной мыслью в лице святителя Филарета (Дроздова): «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь».

Да и в «Пространном Христианском Катехизисе Православной Кафолической Восточной Церкви» святителя Филарета Московского сказано: «Не

¹ Эйзенштейн С. М. Избранные произведения. В 6 томах. Т. VI. М., 1971. С. 547.

всякое отнятие жизни есть законопреступное убийство. Не является незаконным убийство, когда отнимают жизнь по должности, как-то:

- 1) когда преступника наказывают смертью по правосудию;
- 2) когда убивают неприятеля на войне за Отечество».

«О сопротивлении злу силою» с православных позиций писал в изгнании И. А. Ильин (1925). В результате своего исследования он пришел к «несомнительному и определенному» ответу: *«физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его, в качестве участника, в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада; и в этом случае ему придется не только обнажать меч, но и взять на себя бремя человеко-убийства»*¹.

Авторам фильма «Александр Невский» и его зрителям — гражданам советского государства — предстояло дать свой ответ на эти вопросы в критическую пору своего бытия.

«Одно время у нас совершенно не было русской истории»

Такими разными людьми, как, например, Л. Д. Троцкий, историк, публицист Г. П. Федотов и др. (почти синхронно событиям и впоследствии) неоднократно высказывалась мысль о том, что в 1934–1936 гг. в СССР произошли огромные («коренные», «революционные», «контр-революционные»...) перемены. Спустя десятилетия в книге «Люди, годы, жизнь» И. Г. Эренбург вспоминал о 1934 году: «Время было вообще хорошее...».

5 марта 1934 г. на заседании Политбюро ЦК партии И. В. Сталин относительно учебников заметил (приводим его слова в пересказе А. И. Стецкого): «Странная у нас получается вещь. Одно время у нас совершенно не было русской истории, а русская история подменялась историей революционного движения».

При жесточайшем сопротивлении гонителей русской памяти возобновлялось преподавание истории в средней школе, открывались исторические факультеты, в печати стали появляться фрагменты и сюжеты, связанные с героями русского прошлого.

Интересно, что тогда же, в 1934 г., И. А. Ильин в докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге, формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. Мы должны сказать всему остальному миру, заявлял он, что Россия жива, что хоронить ее — близоруко и неумно; что мы — не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом.

Номер газеты «Правды» от 27 января 1936 г. был заполнен материалами об изучении и преподавании истории, в том числе с замечаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова.

В этом контексте тиражируемые кошунства могли стать вызывающими. Не удивительно, что 13 ноября 1936 г. Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР принял Постановление «О пьесе “Богатыри” Демьяна Бедного».

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. 2-е изд. Лондон, Канада, 1975. С. 171.

Автора обвинили в том, что он огульно очернил богатырей русского былинного эпоса, дал «антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа»¹.

Важнейшее идеологическое обоснование «возвращению» Александра Невского дала публикация в журнале «Большевик» (декабрь 1936 г.) первой части «Хронологических выписок» К. Маркса — нескольких рукописных тетрадей, представлявших собой конспект труда Ф. Х. Шлоссера «Всемирная история для немецкого народа». В этом конспекте К. Марксом кратко упомянуты победы князя Александра Невского на Неве и Чудском озере, а немецким рыцарям даны крайне не лестные характеристики («крестоносная сволочь», «прохвосты» и, наконец, «псы-рыцари»).

Эти определения стали использоваться в контексте поворота в идеологии и не могли не отразиться в исторической литературе.

Не удивительно поэтому, что в феврале 1937 г. впервые в советской историографии появилась научная статья (в журнале «Историк-марксист»!), автор которой (С. В. Бахрушин, прошедший через арест и ссылку в 1930–1933 гг.) обращал внимание на «прогрессивные моменты, которые заключало в себе принятие христианства» Русью².

А в 3–4-м номере «Исторического журнала» (еще несколько месяцев назад называвшегося «Борьба классов») за 1937 год появляется первая за годы советской власти специальная статья об Александре Невском — «Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва»³. Ее автором был А. И. Козаченко (1900–1962), приехавший в 1934 г. из Украины в Москву и состоявшим в то время профессором Всесоюзного коммунистического института журналистики (А. И. Козаченко публикует в 1937 г. статью об Александре Невском и в «Правде», а в следующем году — брошюру)⁴.

«Как я сделаю, так оно и будет»

К этому времени дела у режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР С. М. Эйзенштейна (1898–1948) шли, мягко говоря, неважно. Весной 1935 г. он начал работать над сценарием «Бежин луг», написанным бывшим чекистом А. Г. Ржешевским (о коллективизации и сюжете, близком к истории с Павликом Морозовым). Первый вариант фильма, просмотренный в незаконченном виде, был подвергнут резкой критике. С. М. Эйзенштейн переписал сценарий, заменил нескольких актеров и снял второй вариант фильма. Черновой монтаж был приостановлен приказом по Главному управлению кинофотопромышленности (ГУКФ).

В марте 1937 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) фильм «Бежин луг» был запрещен окончательно.

¹ Против фальсификации народного прошлого. М.-Л., 1937. С. 3–4.

² Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40.

³ Козаченко А. И. Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 156–164.

⁴ Козаченко А. И. Ледовое побоище. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1938. 56 с. Брошюра была сдана в набор 1 февраля 1938 г., а подписана к печати 16 марта 1938 г. Ее тираж составил 50 тыс. экз.

С. М. Эйзенштейн в письме от 16 апреля 1937 г. просил разрешения у Начальника ГУКФа Б. З. Шумяцкого на дальнейшую работу и предлагал снять фильм по сценарию своего друга — Вс. В. Вишневского «Мы, русский народ» (*о становлении РККА*).

9 мая 1937 г. решение вопроса о предоставлении режиссеру возможности снимать кино было вынесено на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б), резолюция которого (за подписью В. М. Молотова) гласила: «Можно попробовать использовать Эйзенштейна, дав ему задание (тему) предварительно утвердить его сценарий, текст и пр.».

Режиссер отбыл в санаторий, на минеральные воды — в Кисловодск. Между тем новым постановлением Политбюро ему была предложена новая тема для нового фильма.

Как пишут авторы комментариев в собрании сочинений режиссера: «Тема Александра Невского впервые заинтересовала Эйзенштейна в мае 1937 г.»¹.

И случилось это не от собственных побуждений и исканий: в письме от 18 мая 1937 г. заместитель директора киностудии «Мосфильм» С. И. Соколовская (жена бывшего наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева (Эпштейна)) предложила ему для работы над будущим фильмом несколько исторических тем. С. М. Эйзенштейн подчеркнул в этом письме имя героя своего будущего фильма красным карандашом (*В мемуарах передается в различных интерпретациях рассказ М. Ромма о том, как С. Эйзенштейн, встретив его, спросил, какой сценарий он бы выбрал. М. Ромм ответил, что, «Минина и Пожарского»: все-таки XVII век, известно, как люди выглядели и что там происходило. А что известно об эпохе Невского?! «Вот поэтому, — ответил С. Эйзенштейн, — мне и надо брать “Александра Невского”. Как я сделаю, так оно и будет*»).

Несколько позднее С. И. Соколовская сообщила, что над сценарием фильма уже работает П. А. Павленко. Этот сценарий и был куплен «Мосфильмом».

«Сценарий писать — не комедь ломать»

П. А. Павленко (1899—1951) ко второй половине 1930-х гг. имел бурную биографию, прошел путь от комиссара до писателя-функционера. В 1932—1938 годах он возглавлял ежемесячный художественно-литературный, общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал «30 дней». В 1934 г. на I Всесоюзном съезде советских писателей был избран членом Правления ССП. Слыл знатоком Востока, путешественником и т. д.

Но чем он еще не занимался, так это историей Руси и написанием сценариев.

Тем не менее, первый вариант первого сценария П. А. Павленко получил название «Русь» (правда, первоначально автор хотел дать ему название «Господин Великий Новгород») и насчитывал всего 23 страницы машинописного текста.

Возвратившись из Кисловодска в Москву, С. М. Эйзенштейн приступил к чтению этого сценария, а 12 августа 1937 г. режиссер записал: «Окон-

¹ Эйзенштейн С. М. Избранные произведения. В 6 т. Т. VI. М., 1971. С. 545.

чательно решил ставить Александра Невского. Послал об этом записку в дирекцию».

Естественно, сценарий требовал доработки. Совместная работа С. М. Эйзенштейна и П. А. Павленко над текстом началась в конце лета и продолжалась осенью 1937 года. В письме к Вс. В. Вишневскому от 6 сентября 1937 г. С. М. Эйзенштейн писал: «Чрезвычайно я также доволен Павленкой — как автором и как человеком. Скоро собираемся с ним в маршрут Новгород — Псков — Чудское озеро — Владимир. Контуры вещи рисуются в высшей степени приятными...»

12 сентября режисер дал официальное согласие, на съемки фильма по этому сценарию (изменив название на «Ледовое побоище»). Появились и другие правки, текст увеличился до 63-х страниц.

12 октября 1937 г. С. И. Соколовская (*уже в то время директор «Мосфильма»*) была арестована по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации (*вместе с мужем*), но это не затормозило движение к будущему фильму.

15 ноября 1937 г. измененный текст сценария был передан в сценарный отдел ГУКФа, в котором 21 ноября состоялось его чтение. Именно этот вариант был передан в журнал «Знамя» (орган Союза писателей СССР), где главным редактором Вс. Вишневским и был опубликован сразу в 12-м номере¹.

Кроме этого отрывки из сценария были опубликованы и в органе ГУКФа — газете «Кино» (22 декабря 1937 г.).

В самом конце декабря авторам сценария стали известны замечания ГУКФа: более четко показать народ — главным образом крестьянство, акцентировать героизм и бесстрашие народа, а не только князей и воевод, более четко проработать всю линию Александра Невского, его ведущую роль полководца, освободить сценарий от излишнего нагромождения «ужасов» и «жестокостей», правильно показать новгородское вече.

Дорабатывая сценарий по этим замечаниям, С. М. Эйзенштейн снабдил новый вариант «примечаниями», в которых указывал: «В настоящем виде сценарий в основном показывает активность городских масс Новгорода в борьбе с интервентами. <...> Крестьянская тема вводится дополнительно...»².

В этих же «примечаниях» было дано объяснение и финальной сцене: «Авторами сознательно сделано одно историческое отступление. Как известно, Александр ездил в Орду три раза. В сценарии показана только одна поездка, и притом третья — последняя, имевшая место фактически значительно позже: в 1262 году, когда последовало ханское предложение, о котором говорится в сценарии. Это отступление вызвано тем, что сценарий показывает не хронологию жизни и деяний Александра Невского, а имеет темой объединение русских вокруг идеи Руси и русской народности, показанной преимущественно на борьбе с интервентами. Для этой темы последний эпизод в Орде необходим как заключительный аккорд действий самого Александра по линии, начатой невской победой, идущей через Ледовое

¹ Павленко П. Русь. Литературный сценарий (Сделан совместно с режиссером С. М. Эйзенштейном) // Знамя. 1937. № 12. С. 102–136.

² Эйзенштейн С. М. Избранные произведения. В 6 т. Т. VI. М., 1971. С. 546.

побоище и завершённой его правнуком Дмитрием Донским в Куликовской битве, даваемой в конце.

В таком понимании темы последние эпизоды могут композиционно непосредственно примыкать к победе на Чудском озере, с которой они связаны не хронологически, а тематически».

18 января 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и шпионаже был арестован начальник ГУКФа, орденоносец (в т. ч. высших наград СССР и Монголии) Б. З. Шумяцкий (расстрелян 29 июля 1938 г.). Руководителем советской киноиндустрии стал активный деятель красного террора в Крыму, бывший начальник Одесского губчека, Воронежского областного УНКВД С. С. Дукельский. Директором киностудии «Мосфильм» стал бывший работник органов НКВД Р. И. Полонский.

«За правое дело стой смело»

Между тем в январе 1938 г. в первом номере журнала «Знамя» публикуется поэма 22-летнего Константина (Кирилла) Симонова «Ледовое побоище». Поэт **Владимир Луговской** (1901–1957) выступил с предложением обсудить новую вещь в Союзе писателей на заседании сектора по работе с молодыми литераторами. Заседание было назначено на 31 января. Поэт **Дмитрий Кедрин** (1907–1945) (*прошедший к тому времени через арест и тюрьму в 1929–1931 гг.*) обратил внимание на то, что до К. Симонова так глубоко противостояние славян и немцев в первой половине тринадцатого столетия в районе Пскова никто в литературе еще не исследовал. Поэтому уже за одно обращение к этой теме поэт, по мнению Д. Кедрина, заслуживал всяческого поощрения¹.

Сам же К. Симонов писал впоследствии: *«Я хотел, чтоб прочитавшие поэму почувствовали близость войны... что за нашими плечами, за плечами русского народа стоит многовековая борьба за свою независимость»*.

Инициатива В. Луговского (который еще после осуждения «Богатырей» Демьяна Бедного надеялся, что «после этого будут прекращены выходки разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю») аукнулась совсем скоро. Не прошло и 3-х месяцев, как было опубликовано постановление правления СП СССР, где некоторые его стихи осуждались как политически вредные².

Тем не менее, именно В. Луговской стал автором слов для хора «Вставайте, люди русские!» на музыку С. Прокофьева для будущего фильма, а 3 сентября 1938 года именно он поставил вопрос о приеме К. Симонова в Союз писателей, заявив на президиуме этого Союза: *«Симонова я знаю уже 3 года <...> Он очень талантливый, способный поэт... Симонов написал <...> поэму «Ледовое побоище», которая создала ему известную популярность. Хорошая умная вещь, написанная по историческим материалам. Человек сам ездил в Псков, рылся в архивах»*.

Но вернемся в зиму 1938 года. Обсуждение сценария продолжалось.

¹ См.: Литературная Россия. 2015. 23 июля. № 2015.

² Литературная газета. 1937. 26 апреля.

Особое значение имело организованное 9 февраля информационно-методическим отделом «Мосфильма» заседание, в котором участвовали историки А. В. Арциховский, Ю. В. Готье, Н. П. Грацианский и др. После завершения этого мероприятия некоторые из присутствовавших на нем ученых предоставили письменные отзывы. Наибольшую заинтересованность при этом высказал археолог, специалист по Новгороду, профессор Московского университета А. В. Арциховский (1902–1978). Именно он и стал впоследствии научным консультантом картины, наличие которого было требованием ГУКФА. *Отметим, что А. В. Арциховский был единственным специалистом, согласившимся с режиссерской трактовкой финала фильма (смерть князя на обратном пути из Орды).*

Что касается самого обсуждения, то прозвучавшие на нем мнения касались как собственно исторической достоверности (было указано на ряд конкретных неточностей: введение персонажей с несуществовавшими в Пскове духовными званиями, показ видов казни, не применявшихся на Руси, нарушение исторического правдоподобия деталей поведения действующих лиц и т. д.), так и общего содержания сценария.

Примечательно, что историки считали одной из задач будущего фильма изменение сложившегося при «старом режиме» восприятия образа Александра Невского, как образа святого, потому, на взгляд некоторых из присутствовавших, облик князя, который Русская церковь «испортила», теперь надлежало «очистить». С. М. Эйзенштейн в целом разделял такой подход¹.

Мнения историков, обсуждавших сценарий будущего фильма для современников практически остались неизвестными, за исключением одного, не присутствовавшего на обсуждении, но составившего специальный текст, сыгравший важную роль в дальнейшем изменении сценария.

«Издевка над историей»

*Жить стоит только тем и верить стоит в то,
за что стоит бороться и умереть...*

И. А. Ильин

В мартовском номере 1938 г. журнала «Историк-марксист» (тиражом 30 тыс. экз.), под нелестным названием «Издевка над историей»² была опубликована рецензия замечательного источниковеда досоветской выучки, одного из лучших специалистов по истории Руси (особенно Северо-Западной) и «Русской Правды», беспартийного, доцента исторического факультета Московского университета и старшего научного сотрудника Института истории Академии наук СССР М. Н. Тихомирова (1893–1965). *Его дипломная работа на историческом отделении Московского университета (1917) «Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России» была издана еще в 1919 году. К 1938 г. среди его многочисленных работ особенно можно выделить большое исследование «Псковское восстание 1650 г.» (М.-Л., 1935).*

¹ См. подробнее: Соколов Р. А. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти. СПб., 2013.

² Тихомиров М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 92–96.

Интересен сам факт публикации «Издевки над историей» в журнале, который еще в 1936 г. являлся печатным изданием Общества историков-марксистов (ОИМ) при Коммунистической академии и ее Института истории. Но к 1938 г. это было уже издание Института истории АН СССР, журнал тогда возглавлял академик Н. М. Лукин (*который будет арестован в августе 1938 г.*).

Не остановило М. Н. Тихомирова и то, что в 1930 г. он проходил по сфальсифицированному «академическому делу» русских историков, находился в Бутырской тюрьме, но был освобожден из-под ареста. А в октябре 1937 г. по сфальсифицированному обвинению (*«член к-р троцкистской, террористической и шпионско-диверсионной организации, проводившей вредительскую работу в ИМЛ им. Шаумяна и готовившей теракт против Л. П. Берия и М. Д. Багирова»*) был расстрелян его младший брат — Борис Николаевич Тихомиров (1898 г. р.) — *бывший декан исторического факультета Азербайджанского госуниверситета, профессор истории народов СССР, а на момент ареста — 19.10.1936 — и.о. директора Института Истории партии (ИМЛ) им. Ст. Шаумяна при ЦК АКП(б) в Баку.*

Да и сам журнал «Знамя» никак не располагал к Древней Руси.

Шел 21 год социалистической революции. 12 декабря в красный день (шестой день шестидневки!) журнал поместил стихи Арк. Когана, Евг. Долматовского, М. Матусовского, очерк В. Шкловского...

Рецензия М. Н. Тихомирова заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, ибо это — самая развернутая публичная оценка сценария будущего фильма «Александр Невский» (при этом ключевые выводы мы выделим жирным шрифтом)

Автор приветствует предстоящую постановку картины, где главной темой сценария является Ледовое побоище 1242 г., которое «явилось поворотным моментом в борьбе Руси с немецкой агрессией». Но, **«к сожалению, разрешение этой темы в рассматриваемом сценарии приветствовать никак нельзя. Авторы сценария ... сделали множество фактических ошибок, непростительных для людей, хотя бы сколько-нибудь знакомых с русской историей, и дали совершенно искаженное представление о Руси XIII в.»**¹. **«Уже это краткое предисловие (полторы страницы) полно множества ошибок».** И в нем **«как бы нарочно спутаны все исторические факты».**

Далее рецензент обращал внимание на то, что «Тексту сценария предпослан список действующих лиц, в нем перечислено 22 лица, но из них только о немногих можно сказать, что они действительно могли участвовать в Ледовом побоище».

Более того: **«К сожалению, из всех этих персонажей только один Александр Невский может считаться действительно историческим лицом, остальные, как мы увидим, наделены авторами сценария такими чертами, которые уводят нас далеко от описываемых в сценарии исторических событий».**

Переходя к последовательному рассмотрению эпизодов, М. Н. Тихомиров обращает внимание на следующее: «Во второй главе сценария описыва-

¹ Тихомиров М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 92.

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965), историк, академик АН СССР

ется Переяславль. Пять человек тянут невод и поют. Впрочем, среди рыбаков и сам Александр Невский. Он спорит с каким-то ордынцем, который, по-видимому, не знает князя, хотя к нему и послан. **Сусальная, насквозь неверная картина, заставляющая русского феодала XIII в. тянуть невод с рыбаками. Впрочем, и жена “князя-лапотника”, упомянутая уже Брячиславна, сама варит щи и ходит за водой».**

Говоря о главе 3, где изображается новгородский торг, М. Н. Тихомиров констатирует **«полное невежество авторов сценария».**

Разобрав первые 4 главы (эпизода) сценария, рецензент заключает:

«Свое путешествие по историческим дебрям авторы про-

должают и далее во всех 18 эпизодах, или главах, сценария. Скучно следить за всеми несообразностями сценария».

Говоря о шестой главе сценария (где «показано, как немцы распоряжаются в Пскове. Твердило ездит в санях, запряженных девушками, как легендарный обрин Начальной летописи, редкие прохожие падают на колени при проезде Твердилы и т. д.»), М. Н. Тихомиров восклицает: **«И это русский гордый древний Псков! Только полное историческое невежество и извращенное воображение авторов сценария могло позволить себе так унижить великий народ, который и в самые тяжелые годы своей истории не позволял над собой издеваться».**

Особенное недоумение вызвало у М. Н. Тихомирова описание Ледового побоища, где главным героем является легендарный Василий Буслай, сражающийся под конец боя оглоблей. А Александр Невский кричит по-латыни и отсекает руку магистру Герману Балку.

В дальнейших эпизодах сценария «рассказывается о том, что Александр едет в Орду и на обратном пути умирает на Куликовом поле. На поле появляются призраки войска Дмитрия Донского... Нужды нет, что Александр Невский умер в Городце на Волге, — Куликовым полем можно эффектно кончить картину, а отсюда и все выводы!»

Перечислив **«только небольшую часть ошибок и искажений, допущенных авторами сценария...»**, М. Н. Тихомиров останавливается на языке сценария.

Прочитируем полностью этот большой абзац:

«Язык древней Руси отличался рядом особенностей и не всегда поддается современной интерпретации. Авторы сценария вовсе не обязаны были

стилизовать язык, которыми говорят действующие лица, под язык XIII в. Но они обязаны были найти способы передать характерные особенности языка XIII в. У авторов сценария был прекрасный образец воспроизведения древнерусского языка, правда, более позднего времени, — это язык “Бориса Годунова” Пушкина. А ведь Пушкин писал более 100 лет тому назад, когда русская филология почти не существовала. Однако он не сделал ни одного анахронизма, и не только потому, что он был гениальным художником, но и потому, что он старательно изучал древнерусский язык. **Иначе поступили авторы сценария. Они решили, что древнерусский язык — это язык лавочников Лейкина и купцов Островского, сдобренный кроме того жаргоном Остапа Бендера из “Двенадцати стульев”.** Так, например, Буслай говорит: “Ну, как так — не знаю... Чего вола за хвост тянуть” (с. 110). В сценарии находим такие перлы: “Нам, брат, война ни к чему” (с. 111); “У-у, оголец” (!); “И мертвых нас не возьмете, душу вашу язви” (с. 127). А вот как разговаривает сам Александр Невский: “В чем их секрет?” (с. 121); “Я князь-лапотник. Не как вы, эля (!) не пивал, сластей заморских не пробовал” (с. 117); или “войну воевать — не комедь ломать” (с. 118). Что можно прибавить к этому языку, разве сказать вместе с авторами: “Сценарий писать — не комедь ломать”. Заметим, что само понятие комедии не было известно на Руси XIII в. Совсем уж странным языком говорят татары. Авторы сценария заставляют их беседовать ломаным языком, заимствованным из шовинистических анекдотов: “Орда наша езжай, там работа много есть” (с. 108); “Буюк адам, якши адам”; “Он шведов бил, а нас чехи били” и т. д. (с. 119). От татар не отстают и немцы: “Зер гут лошадка. Корош, корош” (с. 116); или “О, шорт” (с. 116); не отстают и персы: “Весели город, красива город” (с. 112)».

«Но, может быть, недостатки сценария искупаются его идейным содержанием? — задается вопросом М. Н. Тихомиров, — Увы, и эта сторона также хромает в сценарии. Авторы сценария не случайно сделали Александра Невского лапотником, не случайно славное историческое событие превратили в какое-то “чудо”: Русь XIII в. рисуется им бедной и убогой. Представители этой Руси — легендарные и притом разнузданные богатыри подобно Василию Буслаю или нищие и монахи. В Пскове ратных людей созывает нищий Аввакум, он поет: “Вставайте, люди русские”. Старый нищий говорит: “Велим русское дело помнить. Встань, народ русский. Встань, ударь” (с. 107) <...> Во время Ледового побоища “в новгородских полках шептали, ахали, ругались” (с. 123); “закричали, заматерились новгородские ловкачи” (с. 124). Убогая, лапотная Русь глядит отовсюду у авторов сценария. Все народы сильнее ее, все культурней, и только “чудо” спасает ее от немецкого порабощения. Как все это далеко от исторической действительности».

А завершил М. Н. Тихомиров свою рецензию следующим выводом: **«Если бы авторы сценария серьезно поработали над историческими источниками, они сумели бы понять красоту и величие нашего прошлого и могли бы создать сценарий, достойный имени “Русь” и великого исторического прошлого русского народа»¹.**

¹ Тихомиров М. Н. Издка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 96.

Можно согласиться с комментаторами М. Н. Тихомирова (*в книге, изданной после его кончины — Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., Наука, 1975*), что его замечания и тон были продиктованы «не стремлением во что бы то ни стало разругать сценарий, а заботой о создании полноценного, верного исторической правде кинофильма, который был бы гимном мужеству и подвигам предков в их борьбе за независимость Родины, служил бы высоким идеям советского патриотизма»¹.

Но нельзя не обратить внимание на то, что в этой книге под редакцией А. В. Арциховского и М. Т. Белявского комментаторы решили отцензурировать М. Н. Тихомирова и изъяли (без всяких примечаний, добавив лишь троеточие) из его текста 1938 г. ключевые полторы строки.

Так, в спокойный 1975 г., коллеги-историки сделали то, что не позволила себе редакция «Историка-марксиста» в 1938 году.

Вот этот абзац (жирный шрифт наш. — А. К.) из статьи М. Н. Тихомирова (1938 г.):

«Мы перечислили только небольшую часть ошибок и искажений, допущенных авторами сценария. Список извращений общеизвестных исторических фактов можно было бы увеличить в 5–10 раз»².

А вот изъятое предложение в издании 1975 г.: **«Список извращений общеизвестных исторических фактов можно было бы увеличить в 5–10 раз»³.**

Естественно, что на сайте, посвященном святому благоверному Великому князю Александру Невскому, со словами «Не в силе Бог, но в правде!»⁴, также отсутствует это ключевое предложение.

Таким образом, если бы М. Н. Тихомировым были полностью перечислены ошибки и искажения авторов сценария, то они равнялись бы по объему самому сценарию!

О чем заботится М. Н. Тихомиров в 1938-м? О верности исторической правде?

Да. Но — не только.

Характеризуя творчество ученого, В. И. Шунков писал: «Народ — главный герой исследований М. Н. Тихомирова ... Не только исследует он судьбы народа, но и живет и борется вместе с народом»⁵.

Сценарий «Русь» закончил свое существование на страницах журнала [«Знамя»]

С. М. Эйзенштейн высоко оценил (*по воспоминаниям А. В. Арциховского*) рецензию М. Н. Тихомирова и принял большинство замечаний. Так, им была практически полностью снята «татаро-монгольская» тема сценария, устранены конкретно-исторические ошибки, проведена большая работа в от-

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., Наука, 1975. С. 375–380.

² Тихомиров М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 95.

³ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., Наука, 1975. С. 379.

⁴ <http://a-nevsky.ru/library/tihomirov-drevnaya-rus35.html>

⁵ Шунков В. И. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности М. Н. Тихомирова // Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1963. С. 9.

ношении языка действующих лиц. Пришлось отказаться как от заявленного названия сценария, так и от прежних вариантов названий («Господин Великий Новгород» (*первоначальный вариант П. А. Павленко*) и «Ледовое побоище» (*вариант С. М. Эйзенштейна*)).

26 марта 1938 г. С. М. Эйзенштейн зачеркнул на одном из вариантов режиссерского сценария название «Русь» и надписал сверху новое — «Александр Невский».

Именно весной 1938 г. в сценарий были внесены наиболее существенные изменения.

О характере этих изменений С. М. Эйзенштейн и П. А. Павленко сообщили в заметке, опубликованной в «Литературной газете»: «Исторические погрешности, допущенные нами в первом варианте литературного сценария “Александр Невский”, и те, о которых говорит автор письма (речь идет о П. Евстафьеве, опубликовавшем в этом же номере газеты письмо по поводу некоторых исторических неточностей сценария), и другие, отмеченные специалистами-историками, уже исправлены нами в последующей редакции литературного сценария... Композиционные и драматические соображения заставили нас вовсе отказаться от ордынских сцен. А это, в свою очередь, потребовало изменения ряда сцен в начале сценария, в частности сцен оккупированного немцами Пскова... В результате большой работы, проделанной нами в содружестве с историками, сценарий “Русь” закончил свое существование на страницах журнала [“Знамя”]. Преемником его является сценарий “Александр Невский”, в котором, как нам кажется, мы сумели избежать исторических вольностей»¹.

Но для участия в работе над фильмом в качестве консультанта был привлечен не М. Н. Тихомиров, а проф. А. В. Арциховский.

Одновременно с этим С. М. Эйзенштейн отстаивал право художника на свою трактовку исторических и былинных персонажей, придание им новых черт, хронологическое смещение событий. Это получило выражение в сохранении в фильме образа Василия Буслая и его матери и т. д.

И, тем не менее, С. М. Эйзенштейн вынужден был исключить из сценария финал, связанный с гибелью князя Александра и победой Дмитрия Донского, о чем не раз с сожалением высказывался и в то время и значительно позднее².

Сценарий заканчивался 85 страницей, т. е. по сравнению с первоначальным (П. А. Павленко), увеличился почти в 4 раза.

Впоследствии С. М. Эйзенштейн написал в мемуарах: «Не моей рукой была проведена карандашом красная черта вслед за сценой разгрома немецких полчищ. “Сценарий кончается здесь, — были мне переданы слова (Сталина. — А. К.). — Не может умирать такой хороший князь!”».

Сорежиссером стал Дмитрий Иванович Васильев (1900—1984), о котором почему-то умалчивается в работах и воспоминаниях о фильме.

На главную роль был приглашен Н. К. Черкасов.

В мае 1938 г. С. М. Эйзенштейн от имени «Мосфильма» обратился к С. С. Прокофьеву (который только в 1936 г. с семьей окончательно пере-

¹ Литературная газета. 1938. 26 апреля.

² См. *Эйзенштейн С. М.* Автобиографические записки. Т. 1. С. 500.

ехал в СССР) с предложением написать музыку для фильма «Александр Невский», который с удовольствием принял предложение.

А об авторе стихов — В. А. Луговском, выше уже говорилось.

* * *

Съемки фильма «Александр Невский» были начаты 5 июня 1938 г. и закончены в небывало короткий срок — к 7 ноября того же года.

Из-за сжатых сроков съемки центральной сцены фильма — Ледового побоища — проходили летом. На Потылихе, около киностудии «Мосфильм», большое поле было заасфальтировано, засыпано опилками, нафталином и солью, залито жидким мелом и стеклом. *(Не удивительно, что в феврале 1940 г. А. П. Довженко критиковал С. М. Эйзенштейна за то, что у него русская земля оказывается скудной пустошью.)* Большие льдины готовились в декорационных мастерских. Из фанеры сколачивали ящики неправильной формы, красили их в белый цвет и пускали в небольшой пруд, заменявший на съемках Чудское озеро.

Газета «Правда» от 7 ноября 1938 г. объяснила своим читателям, почему еще недавно забытый князь теперь стал героем советского экрана. Главный смысл всех заявлений о картине: «Александр Невский» — «замечательный фильм о патриотизме русского народа».

Картина завершается эпизодом, где князь Александр Невский произносит невозможные еще несколько лет слова: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива <...> Но если кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!»

9 ноября 1938 г. состоялся первый просмотр фильма в Комитете по делам кинематографии при СНК СССР. И. В. Сталин был доволен, назвав 23 ноября на премьере в московском Доме кино С. М. Эйзенштейна «хорошим большевиком».

Еще до начала проката различные газетные материалы готовили советскую публику к фильму. В центральном органе ГУКФа, «Кино», З. Григорьев подчеркивал актуальность работы: «Фильм “Александр Невский” — политически направленное, страстное произведение советского киноискусства, которое мобилизует зрителей Страны Советов на защиту своей матери-родины».

* * *

Уже через два месяца после выхода фильма на экраны (1 февраля 1939 г.) С. М. Эйзенштейн, П. А. Павленко и Н. К. Черкасов получили за него высшую государственную награду СССР — орден Ленина.

С. М. Эйзенштейн в 1939 г. без защиты диссертации станет доктором искусствоведения *(режиссер свой фильм успехом не считал и сразу задумал фильм о Ферганском канале)*.

15 марта 1941 г. они и А. Абрикосов получают только что учрежденную Сталинскую премию первой степени.

Сорежиссер Д. И. Васильев будет награжден скромнее — орденом Трудового Красного Знамени.

Впоследствии С. М. Эйзенштейн станет еще раз лауреатом Сталинской премии за 1 серию фильма «Иван Грозный»

*На съемках кинофильма «Александр Невский».
Н. Черкасов и С. Эйзенштейн*

П. А. Павленко удостоится еще трех Сталинских премий (1947, 1948, 1950). В 1947 г. он переработал сценарий в киноповесть «Александр Невский»¹. Здесь он опустил подвергавшееся острой критике предисловие, но восстановил не только всю «татаро-монгольскую часть» раскритикованного сценария «Русь», но и все его фактические ошибки, исторические несообразности и огрехи языка действующих лиц, исправленные и отсутствующие в фильме.

М. Н. Тихомиров в 1939 году станет доктором исторических наук (за «Исследование о «Русской Правде»»), в 1940-м — выпустит курс лекций по источниковедению, который будет первым опытом создания учебного пособия по этому предмету, а уже академиком, в 1958 году, он совершит поездку на Чудское озеро, задумав большое стихотворение (или поэму) «Александр Невский».

Один из вариантов ее зачина предполагался таким:

*О, великая и могучая,
Светло-Светлая Земля Русская,
От Карпатских гор к морю Белому
Как цветной ковер ты раскинулась...*

¹ Павленко П. А. Избранное. М., 1949.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

КОНЧАНСКОЕ СИДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА

Елена НАУМОВА

В 1797 г. генерал-фельдмаршал А. В. Суворов, вызвав гнев Павла I, был отправлен в ссылку в село Кончанское. Там, находясь практически в полной изоляции, он провел около двух лет. Император запретил ему общаться даже с близкими людьми. Но в феврале 1799 г. в Кончанское прибыл фельдъегерь, доставивший царское письмо, в котором самодержец просил Суворова забыть старые обиды и призвал его отправиться воевать с французами во главе союзной армии. Не любивший Суворова Царь сменил гнев на милость не столько по собственному желанию, сколько под давлением иностранных союзников, высоко ценивших военный талант русского военачальника.

В канун отмечаемой 24 ноября нынешнего года двести девяностой годовщины со дня рождения великого полководца мы решили побывать в Кончанском. Впрочем, дата

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Дом А. В. Суворова

рождения Суворова достаточно условна — по другой версии, он родился в 1729 году.

Сначала доехали до города Боровичи, районного центра Новгородской области, а затем преодолели еще 30 километров до конечной цели нашей поездки — села, которое ныне называется Кончанско-Суворовское. Ехали вдоль глухих новгородских лесов, редко когда перемежавшихся опушками с одинокими деревеньками. Одним словом — глубинка. В это трудно поверить, но дорога восхищала своим состоянием. Ее восстановили благодаря стараниям местных властей, хотя еще пару лет назад не каждый решался ехать в Кончанское-Суворовское, ведь путь туда занимал не один час — сплошные рытвины и ухабы.

Но вот и суворовская усадьба. Одноэтажный домик с низкой крышей, в котором жил опальный полководец, скорее напоминает жилище помещика средней руки, а не известного военачальника, владевшего пятнадцатью тысячами душ. Знаменитый фельдмаршал, а затем генералиссимус Российской империи ютился в крошечных комнатках с маленькими окнами. Но Суворов, выражаясь современным языком, был скромен в быту, да и к тому же бережлив.

Кончанское в 1763 г. приобрел отец полководца, Василий Иванович Суворов. Сын, став владельцем усадьбы после смерти родителя, не так часто навещал имение. Большая часть его жизни проходила в военных походах. К тому же, поездки в Кончанское приходилось совмещать с посещением других принадлежавших Суворову усадеб. В один из своих приездов, вес-

Гостиная в доме А. В. Суворова

ной 1786 г., незадолго до турецкого похода, Суворов наказывал местным крестьянам «выучиться еще садить и растить картофель. Он прибылен и здоров».

В 1797 г. Кончанское, как уже упоминалось, стало местом ссылки Суворова. Вечно подозрительный Павел обвинил его чуть ли не в государственной измене. 12 мая петербургский генерал-губернатор Н. П. Архаров докладывал царю: «Граф Суворов доставлен в город Боровичи сего мая 5-го числа и в вотчине своей того уезда на Высочайше повеленном основании жительствоует». Павел распорядился «разъезды по гостям графу Суворову воспретить». Когда же бывший офицер свиты Суворова, отставной ротмистр Павловский, попытался посетить опального полководца, то его арестовали.

Следивший за поведением Суворова некто Николев так описал распорядок дня полководца: «Ежедневные его упражнения суть следующие: встает до света часа за два; напившись чаю, обмывается холодной водою, по расвете ходит в церковь к заутрене и, не выходя, слушает обедню, сам поет и читает... Скоромного не ест, но весь день бывает один и по большей части без рубашки, разговаривая с людьми».

Ныне в усадебном доме о пребывании Суворова напоминают его любимое вольтеровское кресло и ломберный столик, который он когда-то заказал в Москве. А вот в большой гостиной владелец усадьбы каждую осень устраивал «птичью горницу»: на пол насыпали песок и выпускали в комнату птиц — щеглов, синиц, снегирей, которые летали среди установленных в кадках елей, сосен и берез. Весной после поста птиц выпускали.

Летнее жилище (Светелка)

Играл Суворов и с крестьянскими детьми, но только в популярную народную игру «бабки». Водил он и хороводы... с солдатами-инвалидами, которых поселил в Кончанском и содержал за свой счет.

Но даже столь скромная обстановка усадебного дома казалась Суворову слишком шикарной. Поэтому он распорядился построить недалеко от Кончанского на горе Дубиха летнее жилище, назвав его Светелкой. Оказавшись возле нее, мы долго любовались великолепным видом на деревню, на лесные дали и поля, на озеро Шерегедра. А заодно мысленно приобщались к военным талантам полководца, представив, как, находясь на втором этаже Светелки в своем летнем кабинете, Суворов продиктовал присланному Павлом генерал-майору И. И. Прево де Люмиану написанные по-французски знаменитые правила ведения войны против Наполеона Бонапарта. В этом же документе Суворов дал блестящую оценку военно-политической ситуации, создавшейся в Европе в конце XVIII столетия.

В начале 1798 г. Суворов отправил из Кончанского письмо Павлу I, в котором просил разрешения уйти в монастырь: «...прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни службе Богу».

В конце концов Царь понял, что перегнул палку. Суворов пользовался огромной популярностью не только в России, но и в Европе. Его продолжавшаяся изоляция могла подорвать авторитет монархии, восстановить против Царя армию и значительную часть дворянства, что и произошло позднее. Поэтому в феврале 1798 г. Павел разрешил опальному генералу-фельдмар-

шалу посетить Петербург. Полководец даже получил приглашение на обед в Зимний дворец. Но Суворов, хоть и приехал в столицу, общего языка с властью не нашел и, не захотев оставаться при дворе, в марте 1798 г. возвратился в Кончанское.

Интересно, что в разгар Великой Отечественной войны в 1942 г., когда на территории Новгородской области шли кровопролитные бои, по приказу Верховного главнокомандующего в Кончанском открылся музей А. В. Суворова. Правда, прежний дом до наших дней не сохранился. В 1958 г. у его снесли из-за ветхости, а на старый фундамент поставили новый.

Прежде чем покинуть Кончанско-Суворовское, мы в сопровождении заведующей музеем-усадьбой Марины Николаевны Васильевой посетили расположенную на ее территории экспозицию «Итало-Швейцарский поход А. В. Суворова». Ее появление здесь символично. Ведь этот поход, можно сказать, начался в Кончанском. 6 февраля 1799 г. в имении Суворова появился флигель-адъютант С. И. Толбухин с рескриптом Павла I. Царь писал: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоящем желании венского двора, чтобы Вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут». Правда, существует и другая версия царского послания, мало похожая на правду, однако очень часто приводимая в исследованиях о Суворове. Оно якобы начиналось с таких дружественных и, даже можно сказать, покаянных слов: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться, виноватого Бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня — удовольствия Вас видеть».

В тот же день Суворов дает краткий ответ: «Тотчас упаду к стопам Вашего Императорского Величества», выразив тем самым согласие принять на себя командование союзными войсками.

Одолжив у кончанского старосты Фомки 250 рублей на дорогу, Александр Васильевич вскоре прибыл в Петербург. Там Император вручил ему орден Святого Иоанна Иерусалимского. Спустя неделю Суворов отправился в Вену. Местное население восторженно встречало русского генерала. Ему предстоял знаменитый переход через Альпы.

Михаил ЗАРУБИН

«ГДЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ...»

*Рассказ из цикла
«Семейные хроники»*

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

В тот год морозы в декабре были особенно злыми. Ночью они усиливались до такой степени, что стонали деревья. Но и днем не высоко всходящее над горизонтом солнце не баловало теплом. Мороз чуть-чуть ослабевал, словно сберегал силы, чтобы с вечера вновь потешиться над теплокровными, чтобы сжать в своих обжигающих объятьях все живое и показать хрупкость земной жизни. Птицы не выдерживая такой «любви», коченели на лету и падали серыми комочками на ледяной снег. Люди, кутая лица до самых глаз, казалось, уже не ждали милости природы, ведь синоптики ничем порадовать не могли, потепления не прогнозировали.

Вот в такие морозные дни мы ждали с Ниночкой рождения своего первенца. В установленные врачами дни этого не случилось. Прошла сверх того неделя, а наш малыш появляться на свет не хотел. Ниночка нервничала, плохо спала.

Трудными долгими вечерами я согревал ее руки в своих ладонях, целовал их и терпеливо выслушивал жалобы моей ненаглядной:

— Как же я устала, — тихо стонала моя мужественная жена, измученная своим положением, — поскорее бы родить, я устала и от беременности, и от ожидания. Мне тяжело, больно, грустно.

Я молча гладил ее по голове, обнимал плечи, понимая, что слова не помогут.

Наконец, когда декабрь вышел на финиш, началось...

— Началось! Началось! — громко кричал я от самого входа в больницу, куда привез свою испуганную Ниночку ранним утром. Целый день мы с Галей — сестрой Нины, промучились вместе с ней. Палата жены

находилась на втором этаже, и мы видели, находясь в саду напротив, как ее уводили куда-то, потом снова возвращали в палату. Галя уже испытала «счастье» родов, знала, что и как, и повторяла одни и те же слова.

— Ой, Ниночка, ты моя хорошая, потерпи, роднулька. Мы знаем, что тебе больно, мы с тобой. Мы с тобой. Потерпи, все будет хорошо.

Я же, не имея возможности никак помочь, испытывал чувство вины и обреченно ждал окончания этого мучительного таинства рождения новой жизни.

Только поздним вечером мы узнали, что родилась дочка.

— Дочка! Доченька! Малышка! — с гордой радостью повторял я новые для себя слова.

Я ощущал в себе такое восторженное чувство, которое не выразить словами. Мне нестерпимо хотелось взглянуть на свою доченьку, я пытался прорваться в родильный дом, но меня не пустили, и мне пришлось идти домой. Налил себе полстакана водки, радостно выпил залпом и тотчас уснул.

Утром я помчался в больницу. В регистратуре, тыча себя в грудь и улыбаясь до ушей, твердил свою фамилию, спрашивал о своих девочках. Но был неприятно удивлен, когда регистратор, не присоединившись к моей радости, сухо сказала, что меня разыскивал врач.

— Зачем? — оторопело спросил я.

— Я не знаю, — холодно ответила сестра.

Я ждал от нее участия в моей радости, но только не такого безразличия.

— А кто знает? — неожиданно для себя я стал дерзить.

— Вот сейчас пойдешь к врачу и все узнаешь.

Но чтобы успокоить меня, женщина все-таки сочувственно добавила:

— Да не волнуйся ты, с твоими все в порядке. Живы.

Ну как тут не волноваться, что значит «живы»? Я, задыхаясь от недобрых предчувствий и волнения, вошел в кабинет врача.

Врач — миловидная женщина лет сорока, тоже не присоединилась к моей радости, была строга и кратка.

— Какой у вас резус-фактор, молодой человек? — спросила она, листая какой-то большой регистрационный журнал.

— Резус? А что это такое? — ответил я вопросом на непонятный мне вопрос.

— Понятно, — досадливо поморщилась врач. — У вас что, ни разу кровь не брали?

— Брали, наверное, — промямлил я.

— Сейчас возьмут еще раз.

— Берите, раз надо. А что случилось, моя кровь кому-то нужна?

— Да не нужна ваша кровь! Я же вам сразу сказала, надо определить резус-фактор.

— Чей?

— Ваш.

— А зачем?

Врач, покачив головой, только безнадежно махнула рукой. Я почувствовал всю свою ничтожность в медицинских познаниях и отсутствие жизненного опыта. Позже я узнал, для чего у меня брали кровь и определяли этот резус-фактор.

Ниночка при родах потеряла много крови. Врач надеялась, что я ей возьмущу эту драгоценную потерю, что у нас кровь и этот ресурс одинаковы. Но надежды не оправдались.

После рождения Анюточки мы с Ниной долго не могли увидеться, не разрешала строгая врач. Наша связь держалась только на записках, которые мы отправляли друг другу по нескольку раз в день. Надежда, что моих самых родных людей выпишут из больницы к Новому году, не сбылась. На все праздничные дни они были оставлены в медучреждении.

Я смирился и не возмущался тем, что был лишен самого дорогого для меня подарка на Новый год. Здоровье моих девочек было превыше всех праздников мира.

Все предложения Нининых сестер вместе встретить Новый год я отклонил. Василиса Степановна — мама Нины, моя теща, к дочерям не пошла, в знак солидарности осталась со мной.

Хотя трудно сказать, кто при ком остался. Сразу после свадьбы мы с Ниночкой стали жить в ее родительском доме. Дом маленький, уютный, все в нем было сделано руками отца Нины, трагически ушедшего из жизни. Это место, где родилась и выросла моя милая женушка. Его часто называли поселком, хотя от поселка осталась одна улица, начинающаяся у Кузьмихи, а второй конец растворялся в строившемся студгородке. По всей длине она была прижата к железнодорожной магистрали, по которой поезда с сумасшедшей скоростью пролетали каждые пять минут. Самое удивительное, что, прожив с месяц рядом с этим чудом технической революции, я быстро привык к жутким звукам и уже не слышал ни стука колес, ни пронзительных ночных гудков, ни прочих железнодорожных звуков. Они проходили транзитом мимо моего уха, которое оставалось к ним равнодушным. Да и как еще можно реагировать на жизненные неудобства там, где ты абсолютно счастлив, где ты любим, там, где твое сердце. Как говорится в Евангелии от Матфея, *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»*. Мое сокровище, моя любовь, моя жена находились в домике у железнодорожного полотна.

В этом доме Нина всегда чувствовала себя спокойно и уютно. Много тому способствовала заботливая Нинина мама. И я с первого дня нашей совместной жизни, называл ее мама. Она стала и моей мамой. Ведь я с четырнадцати лет был сиротой.

И сейчас помню, как в этом домике было уютно, ладно, дружно. Наша с Ниной кровать была за теплой печкой.

Уют этого дома складывался из дружелюбных человеческих отношений, даже из незначительных деталей обстановки. Веранда летом становилась основным местом нашей жизни, самодельный комод при входе, печка со столом у окна. Все это делало домик — родным, уютным семейным гнездышком, в котором всегда с любовью ждут его жителей, куда хочется возвращаться и с радостью, и с бедой.

Удивительно, но чужой, незнакомый дом сразу стал для меня родным. Потому что был согрет взаимной любовью сердец всех его обитателей.

Выходя из кабинета врача, я сладко представлял, как скоро в этот свой дом я привезу свою дочь, и он вновь вместит в себя новую жизнь, начало которой дал я.

II

Поздний вечер. В печке жарко горят дрова. Я смотрю на них, осознавая, что они, погибая в огне, приносят себя в жертву нам, нам они отдают тепло и свет. Так и я буду приносить свои жертвы во имя своих любимых, во имя нового человека, которому я являюсь отцом. Какое же это ответственное звание! Как же прекрасно это имя — отец!..

От таких высоких философских рассуждений меня отвлекает телевизор, на экране которого появляется праздничное изображение. У телевизора странное имя «Снежок». Накрыт по-праздничному стол: селедка ломтиками, соленые грибочки, квашеная капуста и картошка с мясом. Посредине графин с брусничным морсом. Нужно ли что-то еще для встречи Нового года?!

Мы разговариваем с Василисой Степановной в ожидании новогодней полночи. На мой вопрос:

— Мама, вы родились в этом доме? — сначала она, как будто нехотя, коротко отвечает:

— Нет, ну что ты, Миша.

— А где?

— Да почти рядом, в Куйтунском районе в селе Атулай.

— Я плохо знаю те места.

Замечаю, что теща оживилась воспоминаниями, хочет рассказать мне о красотах своей малой родины.

— Это великолепные места: глубина небес, ширь полей! Велика моя родная земля. Хотя моя мама не коренная сибирячка, она из Могилевской области переехала туда, но я на родине предков никогда не была.

— Они по Столыпинской реформе в Сибирь переехали?

— Нет, значительно раньше. Семья была большая, жили небогато, видимо, кто-то подсказал о сибирских плодородных землях, но и тут они богатыми не стали. Маму мою выдали замуж рано, семнадцати еще не было. Выдали за вдовца.

— И это был ваш отец?

— Да, Морозов Степан, он уже тогда имел взрослых детей, сына Ивана и дочерей Марию и Агапью.

— Агапью я знаю, мама. Видел.

— Да, она приезжает в храм на богомолье во время церковных праздников.

— Мы с ней в прошлый раз спорили о Боге.

— Ну и как?

— Убедить ее мне не удалось. Она на все отвечает, что бы ни случилось, на то воля Господа.

— Ну разве это не правда?

— Мама!? Я же член партии.

— Нет, нет, Миша, я не хочу с тобой вступить в спор.

— Спасибо. После женитьбы ваших родителей семья наверняка увеличилась?

— Конечно, как же без этого. Появились три дочери — Парасковья, Анна и я. Мама рассказывала, что родила меня в поле.

— Как это в поле?

— Вот так, в августе тогда и сейчас в полях жнут хлеба. Каждые руки дороги, а тогда тем более, беременная ты или нет, кому до этого дело. Вот и родилась я под тенью суслона¹. Мама чуть отдохнула, положила меня в тенец и пошла дожинать, а уже вечером обмывали в баньке и меня, и маму.

— Ничего себе порядки были.

— Да, уборка урожая была важнее, чем другие дела, даже рождение ребенка.

— А вы в школу ходили учиться?

— В школу я единственная из всех сестер ходила, училась хорошо и чуть-чуть не окончила второй класс.

— Это что значит — «чуть-чуть»?

— Расскажу. Однажды я не выучила урок по Закону Божьему. Учитель — священник, ударил по голове указкой, разбил мой лоб до крови. Мне так больно и обидно было, что до сих пор ощущаю эту боль. После этого я заупрямилась и больше в школу не пошла. Но в семье никто об этом не горевал, тут же нашли мне работу, отдали в няньки.

— А Ваш муж, Андрей Федорович, он тоже жил в селе Атулай?

— Андрей... — Василиса Степановна вздохнула, отвернувшись к окну, долго молчала.

— Вы, простите меня, мама, может, этот вопрос неуместен?

— Ну что ты Миша. Просто вспомнилось многое. Я уже маленькая была, советская власть наступила, мы переехали из Атулая в село Каразей. Село большое, две длинные улицы, несколько переулков, в середине пруд, а вокруг села лес, с полями и перелесками. Народу много было, особенно молодежи, больше, чем в Атулае.

— Интересно, как в те времена молодежь встречалась, знакомилась?

— Как знакомилась? Да все просто. Конечно, было время, когда церковь еще не закрыли, туда ходили, там высматривали суженых. Но сельчане вскорости по разрешению властей церковь разграбили и разобрали, и батюшка куда-то уехал. Зато появилась кинопередвижка. Кино ходили смотреть все. Правда, это зимой больше бывало. Летом не до кино было, работы много. Но все равно, молодые во все времена — молодые. Собирались, песни под гармонь пели, в народные игры играли.

— В игры? Молодые люди? Как дети?

— Но не в детские же игры — в старинные, народные, они требовали выносливости и смекалки. На таких играх парни показывали, кто на что способен, да и девушки себя проявляли ярко. Были и праздники. Вот в такие дни и появился Андрей Федорович, Нинин отец. Его семья переехала в Сибирь как раз по Столыпинской реформе.

— А что вы знаете об этом? Расскажите, Василиса Степановна.

— Что-то запомнила из рассказов его родных. Семья жила в селе Стародубка Ставропольского края. Жили небогато. Отец Андрея был казаком, мать — швеей, ее услугами пользовалось полсела. Земли своей не было, арендовали у богатеев. Случился в ту пору в тех местах неурожай, несколько лет засуха косила все посадки. В итоге — есть нечего, налоги платить нечем. Ничего не осталось, как дать согласие на переезд в Сибирь.

¹ Суслон — несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх, и покрытых сверху тоже снопом.

- Столыпинская реформа тоже была принудительным делом?
- Ну, добровольно в Сибирь никто тогда, наверное, и сейчас не поедет, — задумчиво произнесла Василиса Степановна.
- Но мы-то с вами живем и радуемся.
- Да, радуемся. Но нас можно считать уже коренными жителями, это наша исконная родина.
- Мама, а как вы повстречались с Андреем Федоровичем?
- Он еще в Атулае меня заметил, туда приезжал. Местные парни его даже побили, отвадить хотели, чтобы местных девчат чужие не отбивали. Оказался стойким, сватов заслал. На Троицу и поженились.
- После свадьбы переехали в Иркутск?
- Мы об этом даже не задумывались. Сначала жили в Каразее у моей мамы. Началась коллективизация, Андрей принимал активное участие, помогал кулаков выявлять. Дошли до нашего дома. Дом был мамин, а земля и все хозяйство — отцово.
- Что за хозяйство?
- Большое по тем временам. Сеялки, жнейки, косилки, молотилки. Посторонних людей, то есть батраков, отец на работу не принимал. Все, что могли, мать с отцом и мы, дети, делали сами. Все равно отца признали богатым, все отобрали и сослали вместе с мамой в поселок Танхой, это на берегу Байкала. Три года там прожили родители, пока обратно их не вернули.
- По ошибке, что ли, их раскулачили?
- А кто его знает, по ошибке ли или из зависти. Андрей обиду затаил, в колхоз вступать не стал, уехал с двоюродным братом на восток. Стал работать в Николаевске-на-Амуре, потом и мы к нему переехали. Прожили мы на Амурских просторах недолго. Наш глава семьи все пытался найти себя.
- Как найти?
- Ну как? Дело по душе хотел найти. И вдруг его отправляют учиться на животновода аж в Красноярск.
- Это же не институт, наверняка, курсы? Неужели ближе места не нашлось?
- Не помню уж, почему в Красноярск. Привез он нас в родное село Каразей, сельсовет выделил нам на окраине дом, и мои родители вскоре к нам перебрались. Для меня помощь великая. Стали мы заново в родном селе обживаться. Правду говорят, «один переезд равен двум пожарам». Вскоре наш Андрей Федорович появился, направили его работать в колхоз, в село Мамоны, что рядом с Иркутском.
- Эти Мамоны около села Смоленщина?
- Да, именно там. В ту пору колхоз на ладан дышал, есть нечего было, и я заболела тифом.
- Тифом?!
- Да тифом, я переболела им даже два раза. Бросил мой Андрей животноводство, хотя и отработать ему надо было три года. И вот тогда мы перебрались в Иркутск.
- Это в каком году вы переехали?
- Ну так, чтобы не соврать, в году тридцать пятом. Сняли комнату, и стал наш отец железнодорожником.
- А где комнату сняли, у кого? — мне все это было интересно не только потому, что это история семьи моей жены, но и история моей страны,

а значит, и моя, а теперь и моей маленькой доченьки. Вдруг когда-нибудь спросит она меня про историю рода, поэтому я должен знать и все ей рассказать.

— Да не помню уже у кого сняли. Жили мы в Кузьмихе, на берегу Ангары, там позднее в огороде Андрей саманный домик сделал, вообще красота была.

— А чего вы там не остались?

— В чужом огороде, в самострое!? Почти перед самой войной только выкупили этот дом. Что в нем было, вспоминать не буду, в общем — красота. Все наш Андрей Федорович своими руками сделал. Радовался он этому дому, как дорогой игрушке, налюбоваться не мог.

Василиса Степановна так глубоко задумалась, что даже слезы блеснули на ее сморщенных щеках. Я продолжать разговор не стал. Встал, подошел к печке, подкинул дров, огонь обхватил их со всех сторон, они затрещали. Печка напевно загудела. В комнате сделалось по-праздничному светло и музыкально.

— Вот замечательно! — Громко сказал я, чтобы вывести свою тещу из воспоминаний. Она встрепенулась, утерла слезы, глубоко вздохнула и вновь вернулась в роль хозяйки дома.

— Конечно, замечательно, но больше не подкидывай, Миша, хватит, все нагрелось, мороз нас не достанет.

— Хорошо, мама, не буду, но так радостно, когда вот так дружно в печке дрова горят. А печка им еще и подпевает.

— Мне тоже нравится. Но, как говорится, лучшее — враг хорошему.

Мы решили отужинать. Праздничные угощения поглощали молча. Но мама скоро отодвинула тарелку и продолжила рассказ.

— Для всей семьи нашей этот дом стало отчим домом. Тоня, Катя, Галя здесь выросли, отсюда ходили в школу, потом в техникум. Здесь влюблялись и выходили замуж, и рожали детей, моих внуков, потом разлетелись кто куда. Здесь вырос Толя, единственный наш сынуля. Как-то незаметно для нас он стал взрослым, ушел работать на строительство гидроэлектростанции, а потом умчался в Ленинград учиться и там нашел свою женушку. Отломился ломоть.

А Ниночка — красавица, единственная из наших деток поступила в институт, у ее сестер этого не получилось. Мы все испытываем гордость за нее, она единственная среди всей нашей семьи была избрана депутатом Городского совета.

А теперь очередь малышки Анюточки продолжить свершения нашего рода, дополнить родовую сокровищницу своей любовью, верность, целеустремленностью.

Не дожидаться, скорее бы их выписали из больницы. Я уже представляю, как дом наполнится золотым голоском моей внученьки. Сколько сразу радостных забот прибавится.

— Мама, вы словно поэму читаете, — восхитился я сердечными словами своей мудрой тещи.

— Да, читаю — по книге жизни этого нашего семейного гнезда. У каждой семьи есть своя, пусть даже не написанная, родословная книга. Правда, если бы жив был Андрей Федорович, он бы не читал, а пел бы песни этому дому, настолько он его любил. Дом, сад, огород были частью его сердца.

Возвращаясь сюда из многодневной поездки, усталый, расстроенный профессиональными трудностями, он, входя во двор, становился другим человеком. Усталость рассеивалась, глаза прояснялись, сердце начинало петь.

Он ответственно следил за нашей усадьбой, проверял на доме каждую досочку, если надо, прибывал, перекладывал. Любил сад, сам окапывал яблони, делал грядки. С трудом удавалось его остановить, усадить за стол, накормить. Отдохнуть он не умел, ничто не могло удержать его на диване. Он рвался к своим подопечным — дому, яблоням, цветам, как к родным деткам. Был с ними счастлив, потому что понимал, что все это надо сохранить и передать своим кровным детям, которых, конечно, любил больше. Он для них и жил, и трудился.

— Мама, но я знаю, что он уговаривал вас уехать жить в Ленинград?

— Уговаривал? — удивилась моя собеседница. — Совсем нет. Это доченька наша, Тоня, придумала историю. Слышала звон, да не поняла, откуда он.

— А как было на самом деле? Вы же собирались переезжать?

— Переезда, Миша, или его возможности никогда не существовало. Когда Андрей Федорович вернулся с войны, он рассказывал такую историю: после тяжелого ранения он лечился в одном из госпиталей города Ленинграда.

— Мама, он воевал на Ленинградском фронте? — искренне удивился я этому неизвестному мне факту.

— Миша, ну откуда я знаю, это сейчас все стало известно, появились книги, воспоминания маршалов. Мы стали разбираться, где какой фронт проходил. А раньше никто об этом и не спрашивал, везде война была, а какой фронт, ну, может, кто-то пограмотнее и интересовался, а мне не до этого было. Все, кто воевал, говорили просто, не уточняя, — я был на войне. Или — я воевал. И всем было понятно, что воевал за Родину. Родина у нас одна. Она не делится ни на фронты, ни на области.

— Извините, Василиса Степановна, вы правы.

Теща кивнула, что, вероятно, означало, что она не сердится на меня, непонятливого, и продолжила:

— Так вот, как начал он выздоравливать, их стали отправлять на работы по восстановлению городских объектов.

— Неужели раненых заставляли работать?

— Почему бы нет. Руки, ноги ведь целы были, раны затянулись. Так вот, один из начальников, под руководством которого работал муж, говорил ему: окончится война, приезжай, видишь, сколько работы, семью перевози, квартиру для вас подберем.

— И что, Андрей Федорович согласился и вас начал уговаривать?

— Конечно, нет, но если бы он согласился, то я бы не поехала. Время военное было, трудное, а рядом со мной дети, все есть хотят. Земля хоть как-то нас прокормит. А что в городе — сплошной камень. Нет, это не для меня. Мы не привыкли к городской жизни, это другой, особый мир. Да и мужу никакого желания к перемене мест не было. Он счастлив был, что войну прошел, жив остался и снова с семьей.

Тут моя теща всплеснула руками, встала из-за стола.

— Миша, Миша, мы совсем с тобой заговорились, посмотри-ка, на часах без десяти двенадцать.

— За разговором так быстро время пролетело, что не заметили, как Новый год наступил, — вставая из-за стола, пошутил я.

Потом налил в стакан морса, и через минуту мы поздравили друг друга с Новым годом, пожелали друг другу здоровья, а Ниночке с доченькой, нашим сокровищам, укрепиться и скорее вернуться в отчий дом.

IV

В этот день мороз утишил свои свирепствования, казалось, что небо оттаяло, просветлело. И снег заискрился, как снежинки на праздничной елке. Жизнь радовала. Мне никогда прежде не было так хорошо, сердце никогда не было так певуче. Я стою на высоком крыльце роддома и держу на руках белый сверток. Внутри него — моя новорожденная доченька Анна.

Она еще такая крохотная. Но мое притяжение к ней так сильно, любовь так огромна, что я понимаю — это мое главное сокровище. И мое сердце всегда будет рядом с этим сокровищем.

И сейчас, когда моя доченька превратилась в красивую женщину, когда у нее самой есть семья и дети, я не могу отторгнуть от нее свое сердце, наполненное любовью. Потому что знаю, эта моя любовь нужна ей, она наполняет любовью ее сердце и передается ее детям и так далее, по всему дальнейшему нашему роду. Эта преемственность любви и называется Жизнью Вечной.

ВЫШЛА КНИГА

Ужанков А. Н.

«Слово о полку Игореве» и его автор. Согласие. 2020. — 488 с.

Главная тема книги — «Слово о полку Игореве». Поэтому открывается она публикацией древнерусского текста «Слова о полку Игореве» и новой редакцией его перевода, сделанного А. Н. Ужанковым. Затем представлено осмысление этого выдающегося творения. Изучаются библейские влияния и, в частности, «Книги пророка Иеремии» на раскрытие темы и главной идеи «Слова», тем самым доказывая, что это религиозное сочинение. — Говорится в аннотации к книге. — Сопоставляются все три произведения о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.: две летописные статьи и само «Слово о полку Игореве». Выясняется, как они соотносятся между собой, что было написано раньше, и когда было написано само «Слово». Выстраивание трех исторических повестей в хронологической последовательности способствует выявлению идей самих произведений и места их создания. Другая тема книги — гениальный безымянный Автор древнерусской поэмы. Можно ли установить его имя, ведь не мог же он быть автором всего лишь одного произведения?

Сопоставление повести о походе Игоря Святославича из Киевской летописи, составленной в Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем, его торжественного «Слова на обновление церкви св. Архангела Михаила» со «Словом о полку Игореве», выявление их общих особенностей, источников, места и времени написания, позволяют поставить вопрос об их одном авторе — игумене Моисее Выдубицком.

Книга рассчитана на самого широкого читателя, интересующегося историей и литературой Древней Руси, студентов и школьников.

Анатолий АВРУТИН

«ЧЕЛОВЕК — ЭТО ВСЕ Ж ЕДИНИЦА ПОЛЕТА»

Анатолий Юрьевич Аврутин — поэт, переводчик, критик, публицист. Окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати трех поэтических книг, гл. ред. журнала «Новая Немега литературная». Академик Международной Славянской Академии (Болгария). Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и Большой Литературной премии России. Кавалер ордена Франциска Скорины и одноименной медали. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. **Живет в Минске.**

ПАМЯТИ МАМЫ

Птицы громко кричали о том,
что ты тихо ушла,
Замолкали на миг...
И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно
наставшая мгла.
Только птицы кричали...
Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли,
но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил
воспаленное горло.
И гремучий осколок порвал нашу
зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей
крылья протерла.

И какие-то люди в двойной,
непрозрачный чехол
Положили твое голубое
прозрачное тело
Погасили свечу...
Но цветок в изголовье расцвел,
И неясная сила
в тяжелом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли...
Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты,
а твоя оскорбленная брэнность.
И узнать не смогли
ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла черных дней
роковая согбенность.

Почему, почему в этот год
все случилось не так,
Как мечталось, когда стеклени
февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то
извечный пустяк...
А сейчас чередой —
поминки, поминки, поминки?..

Будто съежилось небо
со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах
чуть плетется согбенное тело.

Но цветет и не чахнет все тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

* * *

Мне не спрятать сейчас ни лица и ни глаз,
Ни в минуты прощанья, ни в миг озаренья.
Все трещало не раз, все сгорало не раз...
Человек — это все ж единица горенья.

Эта песня твоя... Даже взгляды тая,
Я шептал, что тебе повторю я едва ли...
Боль разлуки — моя... И печалился я.
Человек — это все ж единица печали.

А когда ты ушла, от угла до угла
Я ходил и бессильно заламывал руки.
И текла из угла беспросветная мгла...
Человек — это все ж единица разлуки.

Но остался твой свет... Только в горечь одет,
Век летит... И горьки мои воспоминанья.
Столько прожито лет!.. Скрип калитки в ответ.
Человек — это все ж единица страданья.

Где-то колокол бьет... Милый голос поет.
Выпью чарку вина... Прошепчу тебе что-то.
Будет голос с высот звать в последний полет...
Человек — это все ж единица полета.

* * *

Только цокот копыт, только лютые сабли кривые,
Только голос, хрипящий:
«Не тронь дорогого, не тронь!..»
Красный бешеный конь — вот уже половина России,
А вторая — такой же, но белый взбесившийся конь.

И несутся они, в пепелище страну обращая,
Каждый — с правдой своей,
Каждый — с храбрым своим седоком.
И кровавой войне ни конца не видать и ни края,
Лишь сгоревшее жито да кровь над пробитым виском...

Потому-то и плач над страной бесконечен и вечен,
Потому-то и вдовы бредут по Руси без конца.
— Марья, где твой Иван?..
— Где-то саблею острой посечен...
И пониже платок, чтобы не было видно лица...

А в итоге-то что?..
Красный конь поломал себе шею,

Перед этим увидев, как белый растаял во мгле.
Где скакали они, я теперь проскакать не посмею,
Да и кони не скачут по этой иссохшей земле.

Глянешь из-под руки... Впереди только дали пустые,
Лишь канава да ельник, что мертвенным светом залит.
Красный конь... Белый конь...
Каждый был половиной России...
На дороге пустой ни следа от тяжелых копыт.

Утром шишка слетит на траву...
И увидишь спросонок,
Там, где бурые сосны угрюмо бредут стороной,
На неровной полянке копытами бьет жеребенок...
Он не белый, не красный... Он утренний... Он вороной...

✻ ✻ ✻

Вослед за солнцем года умчали,
Плоды с деревьев опали глухо...
Зато примчали мои печали,
Слова шепнуть для поддержки духа.
А на веранде, в немодной шали,
Неспешно вяжет носки старуха.

Жалее: «Осенью не успела.
Хворала... Были еще тревоги.
Душа и тело тогда болело,
А нынче только душа и ноги...»
А на веранде тепло и сухо.
Неспешно вяжет носки старуха.

Неспешно... Не суетливы спицы.
Слегка движенья морщинят шею.
«Свяжу... Им за зиму не сноситься...
Свяжу... И вскорости заболею...
Спина немеет, не слышит ухо...»
Неспешно вяжет носки старуха.

Устали пальца... И в белой саже
Стекло... Снег цедится,
 как сквозь сито.
Старуха вяжет...
 Хоть вправду — даже
Носочки некому и носить-то...
В дому она да петух Петруха...
Неспешно вяжет носки старуха.

* * *

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Тихо жил... Грешил не много вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Все страшился —

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось — Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

А теперь все спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки —
Это нынче Родина моя.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...

Пусть огонь шуганет в облака,
Выше мрака, обмана превыше.
Пусть останется только строка,
Да перо еще строчку припишет.
Если выживут, значит судьба...
Выжить — больше,
 чем смертная кара.
И торчат, как печная труба —
Там... На огнище... После пожара.

Теперь гляжу почти издалека
Я на себя... Опять листву сгребаю.
Она летит... Я сам душой сгораю.
Поджечь — не поднимается рука.

Вся суть моя в той жизни тленной,
Что угасает столько дней,
Где я пред вечностью мгновенной
Стою в ничтожности своей.

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

«МЫ РУССКИЕ С ТОБОЙ, И НАШИ КОРНИ КРЕПКО ДЕРЖАТ ЗЕМЛЮ»

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», им. К. Симонova, им. В. Пикуля, Большой литературной премии, автор 20-ти книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в г. Кронштадте.**

* * *

Обняв твой ствол,
на кочку сяду рядом,
Под ветер пошумим и поскрипим.
Ровесник — дуб,
над нами вьется дым
Сгоревшей жизни,
в роще дремлет стадо.

Пойдет покорно стадо на убой,
Но мы такую участь не приемлем.
И я, и ты — мы русские с тобой,
А наши корни крепко держат землю.

* * *

Где же совесть? Главная утрата —
Нет ее. А где искать — спроси.
Памятники ставят геростратам,
Каинам и хамам на Руси.

Кто тут бесам ровня, кто не ровня?
Мир горит в языческом огне.
Памятники рухнут... Но часовни
С храмами спасут народ в стране.

* * *

Мороз в заливе отутюжил рябь —
Залив похож на каменную площадь.
Листву с деревьев ощипал ноябрь,
Пройдя, как лось,
по выстуженной роще.

Охрипли песни сонных петухов,
В пустых полях длиннее расстоянья.
Снег и мороз очистят от грехов
И душу распахнут для покаянья.

* * *

Жил только для себя
и только всласть
И беспредел творил, ругая власть.
Хотел народ побольше обокрасть...
И обокрал! Опять ругает власть.

* * *

Не глуп... Вменяемый вполне.
И в сторону — ни шагу.
Он — мой двойник! — живет во мне,
Со мной не лезет в драку.

Толкнет нечаянно плечом,
Но в ссоре не опасен.
И не перечит мне ни в чем —
Почти во всем согласен.

Я с ним прошел сумбурный век
Путем неоднозначным.
Двойник — не черный человек,
Он был всегда прозрачным.

* * *

Для одних Господь — директор фирмы,
Для других — чиновник, а для третьих —
Он официант... Повсюду ширмы,
Чтобы проще было жить на свете.

И без покаянья каждый судит
Ближнего неправомерной властью.
Бог един — не понимают люди
Истины... Отсюда нет согласия!

* * *

Водой наполнен до краев овраг.
На небе нет ни одного просвета.
Ноябрьский день. Туманный полумрак.
Мужская осень, а не бабье лето.

Осыпались на землю витражи
С деревьев — черно-белый мир несносен.
В туманном полумраке тлеет жизнь.
Терпи — к тебе пришла мужская осень!

* * *

Из-за угла мешком ударят пыльным —
И ты увязнешь сам с собой в борьбе.
Нет ничего сильнее и субъективней,
Чем страх, который прячется в тебе.

Когда уйдет надежда, словно праздник,
Погаснут просветления огни.
Нет ничего тревожней и опасней,
Чем страх, который трудно объяснить.

Пришла пора закручиванья гаек —
Власть — мачеха, а не родная мать.
Сильней, чем сам себя не испугаешь,
Тебя никто не в силах испугать.

* * *

И деревья трещат, и поземка шуршит,
И сугробы встают на пути.
Этот крепкий мороз — словно русский мужик,
С ним не надо надменно шутить.

Согревайте молитвой родительский кров,
Летом впрок запасайте дрова.
И хотя наш мороз по-мужицки суров,
Память греют цветы и слова.

* * *

Полярная ночь — цыганка —
В сиянии, что в креплешине.
Как сердце в ладони Данко,
Валун на гранитной вершине.

Едины от края до края —
Небесное и земное.
Кроваво валун сияет
На сопке литую луною.

* * *

Солнце. Начало апреля.
Игры подвальных котят.
В город скворцы прилетели —
В парке на ветках сидят.

В почках топорщится зелень,
Чайки освоили пруд.

В город скворцы прилетели —
Скоро сады зацветут.

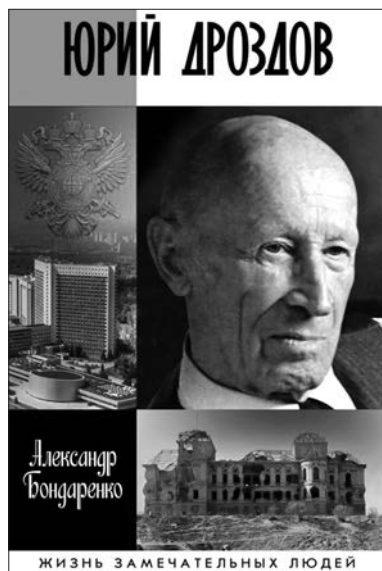
Льются из форточек песни —
Сердцу надежда дана.
Прочь отступают болезни:
Средство для жизни — весна.

ВЫШЛА КНИГА

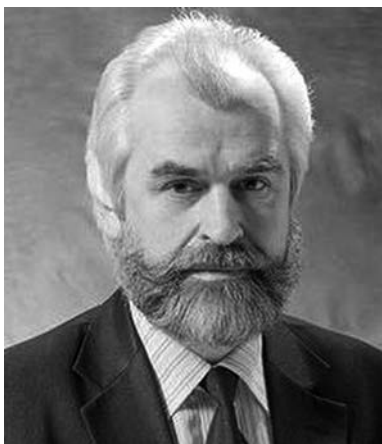
Бондаренко А.

Юрий Дроздов: Начальник нелегальной разведки. Молодая гвардия, 2020. Серия: «Жизнь замечательных людей».

Генерал-майор Юрий Иванович Дроздов (1925 — 2017) вошел в историю прежде всего как руководитель нелегальной разведки — легендарного и таинственного Управления «С» Первого главного управления КГБ СССР. — Пишется в аннотации к книге. — На эту должность он пришел «громко», под автоматно-пулеметные очереди и разрывы гранат, потому как первой операцией, которой он руководил, был штурм президентского дворца в столице Афганистана Кабуле 27 декабря 1979 года. Но почему именно начальник нелегальной разведки возглавил боевую операцию? И почему он сам вычеркнул свою фамилию из списка участников штурма, представленных к званию Героя Советского Союза? Ответы на эти и ряд других вопросов читатель найдет в этой книге. В ней на основе воспоминаний соратников Юрия Ивановича, его самого и некоторых рассекреченных документов подробно рассказывается о интереснейшей жизни разведчика: участии в Великой Отечественной войне, сорокалетней службе в разведке, руководстве Управлением «С», создании легендарного «Вымпела», а затем — независимого аналитического агентства «НАМАКОН».

Пути ПОЗНАНИЯ

Александр УЖАНКОВ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И ПИСАТЕЛЬСКОГО ТРУДА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Сознание и самосознание
древнерусского книжника*

Александр Николаевич Ужанков — российский филолог, литературовед, историк культуры и литературы Древней Руси. Доктор филологических наук, профессор. Проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры. Член Союза журналистов СССР и СП России, член Научного совета по культурному и историческому наследию РАН, член Совета по науке при Министерстве культуры РФ и др. Автор более двухсот работ, двадцати монографий и книг, многих учебных пособий. Результаты его исследований вошли в вузовские и школьные учебники. Работы автора переведены на украинский, сербский, итальянский и английский языки. **Живет в Москве.**

В истории отношения русских писателей к творческому труду можно выделить *три периода*, соответствующих трем типам сознания: теоцентрическому, антропоцентрическому и эгоцентрическому.

1. **Первый период:** XI — конец XV вв. — **синергетический**. На первом его этапе, характеризующемся идеалистическим мышлением (XI в. — первая половина XIV в.), *творчество осмысливается как Божественный акт*. Писатель, точнее — «списатель» — выступает *по послушанию* как посредник в передаче в письменах сакрального смысла, открытого ему по Благодати. *В процессе писания осуществляется синергетическая связь Бога и человека*. Поэтому творение не признается как результат волевого усилия писателя. Потому-то в этот период еще нет *авторского* осмысления текста как собственного творения, потому нет и авторской собственности на текст. Его переписывают и изменяют последующие «редакторы».

На втором этапе (вторая половина XIV в. — 90-е годы XV в.) — проявляется объективно-идеалистическое мышление, сказавшееся в *осознанном присутствии воли человека в акте словесного творения*. Творчество осмысливается как взаимодействие Божественной Благодати и свободной воли человека, то есть та же «синергия», но уже осознанная (желанная) писателем. Другими словами, творчество есть общение с Богом. Писательское творчество осмысливается как словесное **со-творчество** с Богом (Бог есть Слово). Лучшим образом (теоретически) такое осмысление писательского творчества выражено у исихастов, в трудах Григория Паламы.

В XI—XV вв. была высока, даже очень высока, ответственность за высказанное (написанное слово). Но

это была ответственность за *следование* соборному, устоявшемуся мнению, которое автор не нарушает, не искажает. Собственно авторское участие (задание) в том и заключалось, чтобы не исказить, а донести Истину, почерпнутую по Благодати или в Святом Писании и обитающую в коллективном сознании в книжной среде. Автор несет ответственность за не нарушение истины! Смысл — быть как все.

2. Второй период: конец XV в. — 40-е годы XVII в. (эпоха рационализации сознания и антропоцентризма) — *проявление рассудочного начала в писательском творчестве*. Постигание мира мыслится возможным не только через Благодать (умом, духовно), но и с помощью «естественного разума». Зарождается авторское начало, особенно в публицистике XVI в. и исторических повестях «смутного времени». Проявляется собственное мнение, появляется вымысел и «недушеспасительные писания».

В XVI в. автор стал отвечать за *свое* личное слово, им сказанное (Максим Грек, Иван Пересветов, Андрей Курбский, Иоанн Грозный). Сохраняется соотнесенность Святое Писание — сочинение, но уже выражено личное понимание Истины (Святого Писания), личное восприятие событий (царского служения, устройства государства, толкование Промысла и т. д.). Автор осознает, что это *его личное мнение*, за которое он отвечает пред Богом, а потому подписывает сочинение своим именем (от Бога его не утаишь), тем самым признает личную ответственность за сказанное (написанное).

Это еще не осознание своего личного «я», как будет в XVII в. (скажем, у Аввакума), а осознание личной ответственности пред Богом.

Конец XV — начало XVII в. — это антропологическое мировоззрение. Человек оказался в центре внимания, поскольку пребывает в процессе «домостроительства» — обожения личности. Его мысли — это зеркало состояния его души, *лично его души*.

3. Третий период: 40-е годы XVII в. — 30-е годы XVIII в. (секуляризация сознания и формирование эгоцентризма) — *восприятие литературного труда как личного дела писателя*. На этом историческом этапе происходит осознание и выражение авторской позиции, оформление ответственности на литературный труд указанием имени автора.

«Писатель стал частным человеком», независимым от «христианской свободы», «частный человек стал писателем», что раздвинуло жанровые и тематические рамки («были сняты запреты на смех и любовь»)¹.

В этот период средневековый метод разделяется на метод познания и отражения. Формируется «художественный метод» на основе типизации, обобщения, вымысла. Появляется собственно «художественная литература». **Талант** осмысливается как *Божественный дар*.

* * *

Древнерусский православный книжник, человек церковный или мирской, руководствовался в своей жизни Святым Писанием — Библией, и Святым Преданием — трудами святых отцов церкви. Тем более, если это — творческая личность, и тем более, если он жил в монастыре.

Сознание древнерусского книжника XI–XII вв. было религиозно-символическим. Мир и человеческие поступки осмыслились только через приз-

¹ Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 334.

му Святого Писания и его толкований святыми отцами церкви (раз святой, то и его толкования Боговдохновенны!).

«В святоотеческой литературе существует традиция, согласно которой *человеческое творчество и самые творческие способности рассматриваются в связи с проблемой богоподобия* и представляются как особый божественный дар и вместе с тем задание человеку по предвечному изволению Божию (Григорий Нисский, Феодорит Кирский, Василий Селевкийский, Анастасий Синаит, Фотий Константинопольский, Иоанн Дамаскин, Григорий Палама). Этот дар и одновременно долг дается человеку, как свобода воли, помимо его желания или нежелания как печать богоподобия. Человек, утверждал, например, Анастасий Синаит, — творец и демиург по образу Бога, Творца и Демиурга (89-й вопрос «Вопросоответов»). Творящий человек, таким образом, в определенной мере подражает своему Творцу, как образ Первообразу (Фотий Константинопольский)»¹.

Сотворенный по образу и подобию Творца человек изначально «предназначался к *духовному совершенству* (выделено мной. — А. У.) — к благодатному пребыванию в общении с Богом в условиях райской жизни»². Не случайно, что *первое со-творчество* Адама Богу было в поименовании всех животных и предметов (Быт. 1. 19–20). Причем, что важно отметить, «въ начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ начале у Бога: все чрезъ Него начало быть» (Иоанн. 1; 1–2). То есть, Творец-Бог и Слово (Логос) неразрывны в своей сути, тому доказательство: Иисус Христос — воплощенное Слово.

Творец-Бог воплощал слово-идею во всех других своих видимых творениях. Адам, именуя (называя) их, угадывал (точнее, указывал) в нареченном имени эту «идею вещи»³. Он «всматривается во внутреннюю сущность каждого творения, каждого животного, каждой вещи, всматривается и угадывает самое существенное в них. Своим словом, находимым в каком-то непостижимом процессе творчества имени, он прочитывает внутреннюю умопостигаемую криптограмму всякого бытия... Адаму дано было узреть неизреченное строение, носимое в себе каждым животным»⁴.

Это — первое *словесное со-творчество* человека Богу. Оно стало возможным при духовном совершенстве Адама.

«Когда же в гордом вожделении стать, “как боги”, прародители вкусили плод от запретного древа, то тотчас же они (как вышедшие из смиренного послушания Богу) утратили благодатную духовность и стали людьми плотскими. У пребывающего “в благодати Божией” человека, тело есть храм живущего в нем Святого Духа (Деян. 13, 43; ср.: 1 Кор. 6, 19). Но как только человек лишается благодати, так и становится плотским человеком — рабом своего тела; тогда в нем закрываются духовные очи — очи любви, чистоты и святости, а открывается зрение плотское — “похоть очей”

¹ Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. С. 38.

² Священник Михаил. Православный взгляд на творчество. М., 1997. С. 4.

³ См.: Камчатнов А. М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998. С. 76–78.

⁴ Арх. Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 197–198.

(1 Ин. 2, 16)»¹. «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3, 7).

Здесь мы сталкиваемся с *другим видом творчества* — уже материальным — *рукодельным ремеслом* («художеством»), обусловленным «ниспадением личности в плотское состояние». С этого, сшитого из смоковых листьев опоясания, «началось в человечестве искусство» [С. 4].

Потомкам изгнанных из Рая прародителей предстоял длительный путь возвращения к Отцу Небесному через обожение, то есть, восстановление долгим и тяжелым трудом утраченной Божественной благодати через крещение и усвоение христианского (евангельского) учения.

Руководством для праведной жизни стали Новозаветные книги, труды святых отцов церкви и «душеполезное чтение» — творения древнерусских писателей, имеющие учительный характер. Хочу здесь отметить, что практически *через все* древнерусские произведения, вплоть до 40-х годов XVII в., проходит тема *спасения души*.

Мы подошли к *еще одному виду творчества* — искусству жить.

«...Человек, принявший верное направление в искусстве жить, смиренно осуществляет праведную, по-Божьи жизнь, приближающую его к Богу; тогда как гордо и нечестиво живущий, шествует широкой дорогой вседозволенности и направляется (и приближается!) к князю тьмы — диаволу» [С. 15]. *Высшее проявление искусства жить — достижение святости.*

«Печать принятого человеком направления в искусстве жить накладывается» [С. 15] и на его житейские дела, поступки и, конечно же, словесное творчество.

Чем совершеннее (благодатнее) жизнь человека, тем большее смирение в трудах его. А труд его — не славы ради мира сего (личной славы), но — во славу Божию: «И все, что вы делаете, *словом* или *делом*, все делайте во имя Господа Иисуса Христа... И все, что вы делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей, ... ибо вы служите Господу Христу» (Колос. 3, 17, 23) (Выделено мной. — А. У.).

Здесь приведено исходное положение в осознании древнерусскими «писателями» своего труда. Следует напомнить, что практически все известные нам древнерусские авторы XI–XII вв. — монахи, т. е. в искусстве жить избрали «ангельский путь» совершенствования, отказавшись от «славы и богатств мира сего», ради духовного служения Богу. Уместно заметить, что «человек начинает творить лишь со времени приобретения навыка духовного господства над плотью, над материальностью мира, поскольку *непременным условием всякого творчества есть свобода творящего духа над материальным творением*» [С. 27].

Поэтому монашеское духовное делание — есть освобождение духа от всего мирского — есть «процесс становление человека в творца» [С. 27]. И чем больше *свобода духа*, тем сильнее талант, воспринимаемый как Богом данный и употребляемый во славу Божию по словам апостола Павла: «Что делаете, все делайте во славу Божию» (1 Кор. 10, 31).

«Человек ответственен перед Создавшим его за реализацию этого творческого дара, этого предвечного божественного о нем замысла. Страшный

¹ Священник Михаил. Православный взгляд на творчество. С. 4. [Далее при ссылках на это сочинение страницы приводятся в тексте.]

Суд будет судить именно о том, как и насколько человек осуществил в земной жизни свое творческое назначение»¹.

«Полнота же духовной свободы достигается только жизнью в Боге, ... жизнью, к которой стремятся монахи (и святители из монахов). Но поскольку Бог есть Дух, то только облагодатствованный Святым Духом человек обретает необходимую для творчества свободу духа, по сказанному: “где Дух Господень, там свобода” (2 Кор. 3, 17; ср.: Ин. 4, 24; 1 Ин. 4, 8; 1 Кор. 8, 3)» [С. 28].

Характерны в этом плане слова преподобного (обратите внимание: *преподобного*, то есть, уподобившегося своей жизнью Богу!) священноинока Епифания Премудрого: «Сего ради преклоняю колена мои ко Отцю Господа нашего Иисуса Христа, от Него же “всяко дание благо и всяк даръ свершен свъше есть сходя”, и Превечному руце простираю безначальному Сыну Божию и слову, искый Дародавца, призываю Господа нашего Иисуса Христа, от Негоже и “Им же вся быша”, и “вся Тем быша, без Него же не бысть ничтоже, еже бысть”. Тый бо рече: “Без Мене не можете творити ничтоже” (Ин. 18, 5). “Просите и дасться вам”. Прошу же, да ми подасть благодать и “даръ Святаго Духа”» (Деян. 2, 38)².

По сути дела, преподобный Епифаний выразил, используя цитаты Святого Писания, точку зрения *всех* предшествовавших ему древнерусских тружеников слова.

Творчество князя Владимира Мономаха не есть исключение из этого правила, ибо княжеское служение — это мирское служение Богу; а его «Поучение» написано не «славы ради мира сего» (об этом свидетельствует его единственный экземпляр, включенный в летописный свод, составленный в Выдубицком монастыре), а как самооценка своих деяний (поскольку княжеская власть от Бога, то и отвечать ему за свои дела пред Богом), направленная на Страшный Суд: «На Страшном Суде без обвинителей обличаюсь...»³.

По сути дела, в древнерусских произведениях предпринята «попытка представить (воспроизвести и передать) ... непостижимое содержание образа Божия, имеющегося в человеке, а также попытка наметить и указать средства к достижению богоподобия, во всей полноте его божественных совершенств» [С. 21].

Словесное средневековое произведение создается не по хотению автора (многие из них особо подчеркивают это), но по послушанию, т. е. *по смирению* (преподобные Нестор и Епифаний Премудрый), «соизволением и вдохновением Духа Божия» [С. 27], пребывающим в человеке по его молитве и праведной жизни, исполненной любви.

И поскольку, «согласно святоотеческому учению, истинное творчество (или творчество в собственном смысле) есть совместное с Богом действие человеческого духа, богодействие, теургия — продолжение дела Божия»⁴,

¹ Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 208.

² Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 52.

³ Ужанков А. Н. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. 1999. № 4. С. 38–177.

⁴ Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. С. 39.

то монахи-писатели обращаются в самом начале творения с просьбой к Богу о благословении («Господи, Благослови!») и молитвой, как это сделал *преподобный* Нестор: «Владыко Господи, Вседержителю, створивый небо и землю и вся, яже на ней, Ты и ныне сы, Владыко, призри на смирение мое (присутствует указание на отсечение собственной воли. — А. У.) и подай же разумь сердцю моему, да съповедь оканьный азъ всемъ послушающимъ жития и мучения святу страстотерпцю Бориса и Глеба. Но, о Владыко, веси грубость и неразумие сердца моего, но надеюся твоему милосердию и молитвы ради святою мученику Бориса и Глеба»¹.

Нельзя согласиться с утверждением Д. С. Лихачева и его сторонников, что мы имеем дело с «устоявшейся формулой», «литературным этикетом»², т. е. шаблонным, слабо осознанным использованием литературного клише. Если принять подобное мнение, то тогда и церковную службу (литургию) следует также рассматривать как «литературный этикет», отрицая святое таинство Евхаристии.

С молитвенного обращения начинается и свои поучения, и торжественные слова епископ Туровский Кирилл: «Приди ныня Духомъ, священный пророче Захария, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»³. «...Ничто же бо от своего ума с девъ писано, нъ прошю от Бога дара слову на прославление Святыя Троица; глаголемъ бо: Отвързи уста своя и напълню я»⁴.

Благодать Святого Духа может исходить и от Святого Евангелия: «Нъне от своего сердца сия изношю словеса — в души бо грешьне ни дело добро, ни слово пользыноражается, — нъ творим повесть, въ землюще от святого Евангелия, почтенана нам ныня от Иоана Феолога, самовидця Христовых чудес»⁵.

«Мы бо слову несмъ творцы, но пророческихъ и апостольскихъ воз следующе глаголь ... творимъ повесть, в землюще отъ Св. Евангелия»⁶.

Основная добродетель пишущего — смирение, отвержение собственной воли, умаление собственных сил (не *достоинств* — их априори не существует для религиозного сознания!) по совести, ибо: «В лукавую душу не войдет премудрость, и не будет обитать в теле, поработанном греху. Ибо Святой Дух премудрости удалится от лукавства, и уклонится от неразумных умствований... Источник премудрости — слова Бога Всевышнего, и шествие ее — вечные заповеди» (Прем. 1. 4–5; Сир. 1, 5).

Потому-то и простой монах Нестор, и епископ Кирилл Туровский проявляют смирение в трудах своих: «Како дерезну азъ оканьный похвалитиваю, грубый си, неразумный? Елико бо аще изреку, не могу достойно похвалити. Нъ что реку или что възглаголю?»⁷ — вопрошает киево-печерский монах.

¹ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 1.

² Трудно назвать боговдохновенную молитву, то есть, общение с Богом, «устоявшейся формулой», а тем более «литературным этикетом»!

³ ТОДРЛ. М.-Л., 1958. Т. 15. С. 340.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Там же. С. 336.; *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М., 1946. С. 119.

⁷ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 25.

Те же самоуничижение и смирение присутствуют и в сочинениях владыки Кирилла: «Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня Святаго Духа на слажение душеполезных словес; обаче любви деле сущая (а любовь есть Бог! — А. У.)¹ со мною братья мало нечто скажем о поновлении воскресения Христова»².

Поскольку в литературе XI–XIV вв. к Слову относились как к Логосу (Богоданность Слова), воспринимали его умом (духовной сущностью), то и написанное сакральным церковно-славянским языком воспринимали как Истину (Истина есть Бог). Отсюда частое употребление авторами утверждения «въ истинну реку...», «и изъявлю вамъ истинну»³.

По сути, древнерусские авторы следуют высказанной в Псалтыри доктрине: «Вымыслы человеческие ненавижу, закон Твой люблю» (Пс. 118, 113).

Читатель верит автору, автор верит читателю, что тот правильно поймет написанное (для этого нужен такой же путь домостроительства: по Благодати написанное, по Благодати же будет воспринято и понято) и его не осудит: «Нъ молю вашу, братие, любовь; не зазрите ми грубости, ничто же бо от своего ума сде въписано», — замечает Кирилл Туровский⁴.

«Нъ послушайте, братие, съ всякимъ прилежаниемъ и не зазрите грубости моенъ», — просит преподобный Нестор. «Молю же вы и почитающа, да любви ради Божия воспоминаете мя и глаголите: “Боже, молитвами преблаженую страсотерпцю Бориса и Глеба, очисти грехы списавшаго си”»⁵.

Даже переписчик Святого Евангелия смиренно обращается к читателям: «А исправяче чьтете, блазнь бо не хотию написане (то есть, не по *собственной воле*, не по *своему желанию*), нъ дияволею пакостию»⁶. Здесь очень важен подчеркнутый автором аспект смирения: ошибки в переписанный текст вкрались *помимо его воли*, дьявольскими кознями. Его собственная воля, это даже не вызывает сомнения, направлена на спасение души, иначе бы он не взялся за тяжелый и ответственный труд переписывания Евангелия.

Такой же подход к творчеству — по Благодати — присутствует и в памятниках XIII в., например, «Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра»: «О Господе нашемъ Иусе Христе, Сыне Божии. Азь худый и многогрешный, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Александра... Но яко же Приточникъ рече: Въ злохытру душу не внидеть премудрость: на вышнихъ бо краихъ есть, посреди стезь стояще, при вратехъ же сильныхъ приседит. Аще и грубъ есмь, но молитвою святыа Богородица и поспешениемъ святого князя Александра начатокъ положю»⁷.

¹ «Поскольку Бог Творец создал человека по Своему — то есть творческому — образу и подобию, и потому человек обязан быть творцом; поскольку Бог есть Дух и Бог есть Любовь, то и истинная *творческая богоподобная деятельность человека должна быть только в духе и любви* перед лицом смерти, вечности и Бога...». См.: Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 39.

² ТОДРЛ. М.-Л., 1957. Т. 13. С. 415.

³ См.: Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника) XI — середина XV в.). М., 2000. С. 177; С. 78–80, 163.

⁴ ТОДРЛ. Т. 15. С. 344.

⁵ Абрамович Д. М. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 23, 26.

⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 6. Л., 1984. С. 136.

⁷ Бегунов Ю. Н. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». Л., 1965. С. 159–160.

По моим исследованиям, «Повесть о житии Александра Невского» создал митрополит Кирилл¹. Как видим, владыка в предпосланных основному тексту словах полностью отразил представление о писательском творчестве, присущее предыдущим векам. Самое главное — в момент творчества *отсечение собственной воли!*

Итак, *писательское творчество* в XI в. — первой половине XIV в. воспринималось писателями и, что существенно, — читателями как *Божественный акт*: творения создаются по Благодати Святого Духа (при авторском смирении), а человеческая воля проявляется в устроении (творении) жизни по заповедям Божиим. Чем праведнее жизнь, чем больше самоограничений, тем больше *свобода духа*, тем истиннее сочинение.

Не случайно, что подавляющее большинство древнерусских писателей этого периода за свою праведную жизнь удостоены святости: митрополит Иларион Киевский, игумен Феодосий Печерский, епископ Кирилл Туровский, епископ Серапион Владимирский, князь Владимир Мономах и многие другие. А преподобный Нестор канонизирован за свои писательские труды! Писатель — святой, это вообще удивительно! Но, если внимательно разобратся, то получится, что в большей части **древнерусская литература** домосковского периода и, отчасти, Московского, — **является по своей сути святоотеческой**, и ее нельзя изучать, используя приемы, применяемые для литературы Нового времени.

Заметные изменения в сознании писателей и самоосознании своего труда намечаются во второй половине XIV—XV вв.: наблюдается *конъюнкция свободы духа и свободы воли человека*.

Это — период восстановления сакральности церковно-славянского языка, это — осмысление Святой Руси, это — новое осмысление Богоспасительного пути, проложенного последователями исихазма.

Нас интересует та сторона учения Григория Паламы, которая разъясняет взаимодействие Божественной Благодати и *свободной воли* человека, то есть святоотеческой концепции «синергии».

«Сущность Бога непознаваема, но Бог не тождествен Своей сущности, поскольку существует не только в Себе, но и *adextra*. И это существование Бога, обращенное вовне, есть не что иное, как Божественная воля или Божественная энергия. Будучи отличной от сущности, энергия в то же время неотделима от нее, и в каждом ее проявлении присутствует весь Бог, единый и неделимый»².

В антропологическом учении Григория Паламы значительное место занимает проблема творчества в соединении с Богоподобием человека. Оно, прежде всего, выражается в способности творить.

«Дар творчества, по глубокому убеждению Солунского архиепископа, выделяет человека из всего мироздания и предопределяет ему в нем особое место. «Можно было бы, — пишет он, — со многими другими сказать, что и троическое строение нашего сознания показывает, что мы больше, чем ангелы, созданы по образу Божию. И не только потому, что оно троическое, но

¹ См.: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы X—XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 149—180.

² Протоиерей Игорь Экономцев. Исихазм и восточнославянское Возрождение // Богословские труды. Т. 29. М., 1989. С. 63. (Далее страницы указаны в тексте в круглых скобках.)

и потому, что оно превосходит всякий вид знания. В самом деле, мы только одни из всех созданий имеем, кроме ума и рассудка, еще и чувства. То, что естественно соединено с рассудком, открывает разнообразное множество искусств, наук и знаний: земледелие, строительство домов, творчество вещей из ничего, — разумеется, не из совершенного небытия, ибо это уже дело Божие, — но все остальное дано людям...”¹.

«Раскрывая троическое содержание души человека как “души умной, логосной и духовной”, Григорий Палама вновь подчеркивает, что человек больше всех других существ сотворен по образу Святой Троицы, которая есть Ум, Логос и Дух» (С. 65).

Такое толкование подобия человека Святой Троице мы найдем позднее в творчестве Еромолая-Еразма, в частности, в его знаменитой «Повести о Петре и Февронии Муромских».

«Творческое познание всегда богостремительно, оно не может удовлетвориться бесконечностью относительных истин, ему нужен абсолют. Лествица Логосного восхождения ведет к Богу» (С. 65).

Поэтому творчество имеет трансцендентный смысл. Но у человека греховного оно требует значительных сил, прежде всего, духовных.

«Призванный Богом к творчеству, человек не в состоянии самостоятельно, без помощи Божией, совершить творческий подвиг, имеющий космическое значение» (С. 65). И поэтому Господь посылает Благодать свою посредством Святого Духа. «И мы преподаем к Святому духу, Благодати просящи — слово во отвержение уст наших, иже не вредит душа, но веселит. Аще ли даст Святой Дух глаголати, яко хощем, то действо — не мое управление, но твоя молитва», — отмечает безымянный автор в письме из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»².

Человек должен стремиться к получению Благодати, направляя к тому свою волю. В этом проявляется свобода выбора человека, то есть искусство жить, проявляющееся в стремлении к святости, «в добровольном подчинении высшей творческой промыслительной воле свободно осуществить в своем творчестве свое *возможно более полное личное нравственное совершенство и усовершенствовать других*. Так человек способствует не только личному своему обожению, но и обожению всего человечества, всего мира»³.

По Своей милости и любви к человеку Господь дает ему значительно больше, чем тот в состоянии принять. Поэтому, по мнению Григория Паламы, каждый человек есть избранник Божий, «люди различаются лишь разнообразием харизматических даров, талантов, а также способностью и готовностью принять Божественную благодать» (С. 66).

Наиболее подготовлены к ее восприятию те, кто «стремится к изменению по благодати Христовой образа жизни» (С. 67).

Такой путь — от осознания своей человеческой греховности, через очищение, по молитвам чтущих (читающих и почитающих!) житие, к восприя-

¹ Протоиерей Игорь Экономцев. Исихазм и восточнославянское Возрождение // Богословские труды. Т. 29. М., 1989. С. 65.

² Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 89.

³ Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 208–209.

тию Божественной Благодати — приводит в своем предисловии к «Житию Стефана Пермского» преподобный Епифаний: «Но молю вы ся, боголюбци, дадите ми простыню (прощение) и молитвуйте о мне, азъ бо есмь умою грубъ, и словом невжа, худ имея разум и промысль вредоумень... Но надеюся на Бога всемилостивого и всемогущаго, “От Него же вся возможна суть”. Иже даетъ нам милость Свою благодатию, и молюся Ему, прежде прося у Него словаа потребна, аще дает ми “слово надобно въ отвержение устъ моихъ”, якоже древле Исая пророкъ рече: “Господь дасть ми языкъ сказанна ведати, вегда подобает ми рещи слово”. <...> Темъ отверзу уста моя, и наполнятся духом, и слово отригну (произнесу). И глаголю азъ: “Господи, устне мои отверзеши, и уста моя възвестят хвалу твою” <...> И молюся Святей Троице, единосущней, неразделимей, прошу дара: да ми послет благодать Свою в помощь мою, да ми подаст слово твердо, разумно и простнано, да ми въздвигнет умъ мой, отягченный унынием и дебелиством плотным, да ми очистит сердце мое, острупленное многими струпы душевных вредов и телесных страстей, яко да бых възмогъ мало нечто написати и похвалити добляго Стефана, проповедника вере... Да аще Господь подасть!»¹.

«Святоотеческая иконология получила в учении Паламы еще одно мощное подтверждение. Сквозной символизм и типологизм христианского искусства и образа в нем был развит св. Григорием до его мыслимого предела, когда человеческое творчество, служение, обожение, богопознание, преображение, спасение предстали как разные стороны одного и того же процесса со-творчества человека и Бога. Произнесение слова и написание его на хартии стало восприниматься как символическое отображение Боговоплощения: невидимое слово, как и Слово Божие до вочеловечения, становится осязаемым и видимым после его произнесения и написания, как и Слово, воплотившееся в тело человеческое. Так что при каждом произносимом слове, при каждом начертываемом “писалом человеческим” письменном знаке символически отображаются и напоминаются духу человеческому таинства Боговоплощения. Это — апофеоз символического реализма»², то есть господство религиозно-прагматического метода познания-отражения в рамках объективно-идеалистического мышления.

* * *

Конец XV в. — 40-е годы XVII в. — это эпоха рационализации сознания и антропоцентризма, характеризующаяся *проявлением* разумного, т. е. *рассудочного начала* в творчестве писателей. Человек оказался в центре внимания, поскольку пребывает в процессе «домостроительства» — обожения личности. Его мысли — это зеркало состояния его души, *лично его души*. Не случайно, это время господства публицистики, где наиболее зримо проявляется и авторская позиция, и логические приемы (индукция — у Курбского), и рассуждения, и, наконец, вымысел.

Писатель предпочитает отстаивать свою личную точку зрения, нежели истину. Писатель становится советчиком, а не учителем. В произведениях доминирует «естественный разум», темы мирской жизни.

¹ Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 52–54.

² Левшин Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 209.

Эти обстоятельства дали возможность заметить преподобному Нилу Сорскому: «Суть бо писания многа, но не вся Божественна суть»¹. То есть, не все сочинения осмысляются монахами, писателями и читателями уже как Боговдохновенные.

Поэтому писателям приходится и оправдываться, описывая не духовный подвиг святого, а мирские дела князя: «Благоволение убо моего сердца и молитва еже к Богу, и свидетел ми есть о семь Богъ, яко же не лжу»².

Преподобный Иосиф Волоцкий писал в «Просветителе» «о двух способах познания истины: духовном и естественном. Первый — ординарное Откровение, второй является собственно человеческим, хотя и несовершенным, но не бесполезным в богопознании»³.

Андрей Курбский также различает *две части ума* — зрительную (со-зерцательную, помышляющую о Боге) и делательную (управляющую человеком): «Ум человеческий мудрые разделяют на две части. Одну из них называют зрительной (созерцательной), ибо она не имеет отношения к чувствам, но лишь помышляет о Боге, мечтает о бесплотных силах... А другую часть, которая стоит ближе к чувствам и сердечным помыслам, приносимым послами внутренних чувств, называет деятельной; эта часть ума рассуждает и управляет (человеком) и дело производить повелевает». То есть он выделяет «мысленный *ум*» и «естественный *разум*». «Мысленной же жизни и разумной свойственно движение вольное и самовластное по естеству; по этой причине человек самовластен по естеству и волю свою приобретает естественным путем»⁴.

Пишущий по воле своей и «хотению» дает и собственную оценку деяний помазанника Божия — царя (как князь Андрей Курбский), вносит в мирские сочинения «оправданный» (с идеологической точки зрения) вымысел (Иван Пересветов).

Прежде была совершенно иная установка, выраженная в словах старцев преподобному Епифанию Премудрому: «Яко же бо нелепо и не подобает жития нечестивых пытати и писати, сице не подобает жития святых мужъ оставляти, и не писати и мльчанию предати, и в забытие положить»⁵. Но эти изменения в отношении к предмету изображения касаются мирской литературы, пребывающей в стадии становления. В творчестве агиографа сохраняется прежний подход, ибо говорит он о следовании святым путем Христовым, то есть об Истине.

Так, только по принуждению архиепископа Геннадия, то есть, по послушанию, отец Досифей берется за «Житие преподобных Зосимы и Савватия Соловецких», о чем он дважды сообщает: «Ведомо вамъ буди о семь, понужену ми сущу архиепископом новгородскимъ Геннадиемъ, по летехъ же некихъ и азъ понудихъ себе на дело се»⁶. Ниже еще раз говорится об этом.

¹ Цит. по: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. С. 133.

² ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 302.

³ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI–XIX вв. Л., 1989. С. 52.

⁴ Цит. по: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI–XIX вв. С. 54.

⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 286.

⁶ Минеева С. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.) Т. II. Тексты. М., 2001. С. 106.

Интересна и еще одна деталь — о привлечении к написанию жития митрополита Спиридона и оценка его участия архиепископом Геннадием, переданная отцом Досифеем: «Сия же везохъ ко архиепископу Геннадию, онъ же почеть и похвали зело, и начать блажити мя, глаголя: “Како ты, брате, селико имый разума, и отрицаешися святыхъ жития писати? Се воистину добро!” И рекохъ ему: “Прости мя, владыко святыи, не мое се творение!” И поведлахъ вся по ряду, како и от кого сотворена суть. Онъ же рече ми: “Благословенъ ты от Бога, чадо, яко такова благоразумна мужа обрете! Сий человекъ в нынешняя роды беаше столпъ церковный, понеже из млада извыче Священная Писания, и чуденъ бяше старецъ житиемъ...”»¹.

По сути, в его собственном житии и творении митрополита Спиридона нашло, по-прежнему, отражение *синергии* творчества.

Предшествующую традицию «творческого со-служения Творцу» выражает виленский проповедник Стефан Зизаний: «Абысмо не показали свои слова, кажучи в церкви. Если свои мовлю, нашто ж мовлю, а если Божии оповедаю, то от Духа Святаго ознаяую, — примите тую науку»².

* * *

Наконец, мы подошли к *переходному периоду* от средневековой литературы к литературе Нового времени и секуляризации сознания: с 40-х годов XVII в. — по 30-е годы XVIII в. включительно. Это начало формирования эгоцентрического мировоззрения.

Этот период ознаменовался историософским спором «ревнителей старого благочестия» — традиционалистов, во главе с протопопом Аввакумом, и европоцентристов, насаждавших в России культуру барокко. Самым ярким ее представителем был Симеон Полоцкий. Не случайно его называют «первым русским поэтом-профессионалом, первым литератором в современном смысле этого слова», олицетворяющем «собою тот тип писателя, который господствовал в России кануна преобразований и еще удержался в петровскую эпоху»³. То есть является типичным представителем (точнее сказать, воспитателем типичных представителей) переходного периода к Новой русской литературе. Стало быть, достаточно разобрать взгляды этих двух культурных антагонистов на писательский труд, чтобы составить представление по исследуемому вопросу для целого периода⁴.

¹ Минеева С. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.) Т. II. Тексты. М., 2001. С. 109.

² Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 45–46.

³ Панченко А. М. Истоки русской поэзии // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 280.

⁴ На самом деле можно рассмотреть и другие коррелятивные пары: «Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, затем — их учеников и наследников (в прямом и переносном смысле) Сильвестра Медведева и чудовского инок Евфимия. По всем внешним признакам эти люди кажутся ипостасями одного писательского типа, членами одной литературной общины», они «выше всего ценили “духовную тишину” которая позволяла профессионально заниматься литературой». Однако они были представителями двух антагонистических партий: латинствующих (Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев) и грекофилов (Епифаний Славинецкий и инок Евфимий), ведущих в переходный период непримиримую вражду. См.: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 325, 326–338.

Для поборников старины происходившие изменения в Церкви явились свидетельством приближающегося Страшного суда (по некоторым расчетам, сделанным еще при царе Михаиле Федоровиче, его ожидали в 1666 году), поэтому и настроение у них было «близкое к апокалипсическому отчаянию». В своих сочинениях они даже создали «характерный тип» поборника христианства — «мученика, страдальца»¹. К нему относятся и сожженный в Пустозерске протопоп Аввакум, и заморенная голодом в боровской земляной тюрьме боярыня Морозова, и пострадавшая вместе с ней ее младшая сестра княгиня Евдокия Урусова.

В письмах княгини Евдокии, направленных из заточения дочерям, «буквально каждая фраза начинается междометием “ох!”. Была в то время устойчивая стилистическая формула: “Ох, ох! Увы, увь! Горе, горе!” (Она характерна и для сочинений протопопа Аввакума. — А. У.). Это восклицание можно взять эпиграфом и к жизни традиционалистов, и к произведениям, вышедшим из-под их пера. Именно такова их ментальность», — замечает А. М. Панченко.

«Творцы и потребители европеизированной культуры, напротив, ощущали себя *счастливыми обладателями истины* (выделено мной. — А. У.). “Радость” и “веселие” — вот ключевые слова их писаний. Из культуры барокко они брали лишь образцы христианского оптимизма»².

«Отчаяние традиционалистов и самодовольная радость западников соответствует реальному соотношению сил в культуре переходного периода. Победа последних была обеспечена, в частности потому, что их всею мощью поддерживало государство. Но традиционалисты не сдали позиции без борьбы; барочному “знанию” они противопоставили свое “знание”, которое осознавали как непреходящую ценность. Смысл главного спора эпохи и состоял в столкновении различных духовных ценностей. <...> В том, что официальная Россия (прежде всего двор и правящая верхушка) стала перенимать европейское барокко, традиционалисты усматривали прямое вероотступничество. “Выпросил у Бога светлую Россию сатана, — писал Аввакум, — да же очервленитию кровию мученическою”. Это казалось им попранием отеческих заветов, покушением на национальную историю»³.

В сентябре 1667 г. соловецкие монахи писали царю Алексею Михайловичу в челобитной: «Многие иноземцы посмехаютьца нам и говорят, будто мы ...веры по се время не знали, а будет и знали, то ныне заблудили, потому что де ваши книги переменены по новому и с прежними вашими книгами, кои при прежних царех были, нынешние книги ни в чем не сходятца, и нам, государь, противу их ругательства ответу дать нечево, потому что они нас укоряют делом... Не вели, государь, тем новым учителем ...истинную нашу Православную веру ...изменить, чтобы нам ...тою новою верою прародителей твоих государевых и святых не посрамить, а иноземцам и наемником ...впредь дерзновения не подати»⁴.

¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 299.

² Там же. С. 299–300.

³ Там же. С. 301.

⁴ Цит. по: Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 302. Комментируя это место, А. М. Панченко замечает, «что новая европеизированная культура названа здесь “новой верой”» (С. 302). Символически — может

Характерно, что и «адепт барочной культуры» Сильвестр Медведев ссылался на насмешки иностранцев, побуждая царевну Софию открыть в Москве Академию:

*Да не тому нам страннии смеются,
яко без света сущим ругаются¹.*

Но здесь уже чувствуется совершенно противоположная оценка России: ее иностранцы оценивают как пребывающую во тьме «без света» наук, культуры, образования. Собственно, также к своей родине относятся и «новые учителя».

«Если за Русью и признаются некоторые исторические заслуги, вроде побед на бранном поле, крещения языческих племен и освоения необжитых пространств, то ее духовные накопления объявляются как бы не имеющими ценности. Отрицается почти все, что было создано за семь столетий, протекших со времен Владимира Святого. Отрицаются книги и церковная музыка, иконы, фрески и зодчество (вспомним хотя бы о запрете строить шатровые храмы), навыки общения между людьми, одежды, праздники, развлечения. Отрицаются многие традиционные институты — например, юродство, которое в средневековой Руси выполняло важнейшие функции. Анафеме предаются и событийная культура, т. е. весь комплекс артефактов, и культура обиходная, обыденная, т. е. национальная аксиоматика, та сумма идей, в соответствии с которыми живет страна, будучи уверена в их незыблемости и непреходящей ценности. Причем цель этого отрицания — не эволюция, не обновление, без чего, в конце концов, немислима нормальная работа общественного организма. Целью провозглашается забвение, всеобщая замена, так как русская культура в глазах “новых учителей” — это “плохая” культура, строить ее нужно заново, как бы на пустом месте, а для этого “просветить россос” — по стандарту Западной Европы, конечно.

Так в XVII веке родилось русской западничество, родилось европоцентристское пренебрежение к средневековой Руси (которое преодолеть сумели только русские романтики начала XIX века. — А. У.). Так обозначились очертания главного спора этой переломной эпохи — спора об исторической и духовной правоте. Одна настаивала на ничтожестве, другая — на величии, на “правде” старины»².

«Итак, согласно “историософскому ощущению” людей той эпохи, произошло столкновение принципиально различных, не сопрягаемых культур — “мужичьей” культуры Древней Руси и ученой культуры барокко. Понятно, почему традиционалисты обвиняли противников в том, что они заводят на Руси “новую веру”. Строго говоря, мы не вправе пользоваться термином “культура” при реставрации идей традиционалистов. Для них письменность, музыка, пластические искусства обнимались понятием “веры”, все измерялось и оценивалось в отношении к Богу. Поэтому секуляризованную

быть, но на самом деле соловецкие старцы однозначно противопоставляют Православной вере «новую веру» — «никонианство».

¹ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Составление, вступит. статья А. М. Панченко. («БП». Большая серия). Л., 1970. С. 195.

² Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 303–304.

культуру они осуждали как ересь и вероотступничество. Строго говоря, мы должны рассуждать о столкновении “веры” и “культуры”»¹.

* * *

В переходный период можно четко выделить и два типа восприятия писательского труда. По наблюдениям А. М. Панченко, «в среде барочных полигисторов не говорили о “писателях” или “сочинителях”, там говорили чаще о “трудниках слова”. Однако самым употребительным самоназванием было “учитель” (и для противников ... они были “новыми учителями”, а также “философами”, “риторами”, “альманашниками”, людьми “внешней мудрости”)»².

В эпитафии Симеону Полоцкому его ученик и последователь Сильвестр Медведев назвал своего наставника единственным в России учителем («Учитель бозде токмо един таков бывый»), который

*Вечерю, псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый*³.

Назвать Симеона Полоцкого учителем «рода российска» значит вложить в концепт «учитель» новое, созвучное времени перемен, понятие.

«Учительные люди» русского средневековья — это: для прихожан — духовные отцы (чаще всего приходские священники из белого духовенства), для Православной Церкви — архипастыри (архиереи из черного духовенства). Первые окормляли каждого православного в полноте церковной жизни, вторые — всю паству целиком, принимая соборные решения или выступая с поучительными словами.

До нас дошли торжественные слова Кирилла, епископа Туровского, Серапиона, епископа Владимирского, «Правило» митрополита Кирилла и т. д. «Учительная литература» представляет значительный пласт духовного наследия Древней Руси⁴. Пастырское слово было значимым и весомым.

В середине XVII в. публичными проповедниками с амвона (т. е. наставниками, учителями) становятся «ревнители благочестия» — белое духовенство: протопоп Аввакум, протопоп Стефан Вонифатьев (духовник царя Алексея Михайловича и протопоп Благовещенского собора в Кремле) и т. д. Это было открытое духовное водительство своей паствы.

«Поэты-силлабисты, творившие в рамках придворного барокко, стремились внеслив ортодоксальное Православие некоторые новые черты. Традиционное русское “обрядовение” казалось им недостаточным. Они хотели соединить его с западной схоластической наукой, пытались примирить истины веры и доводы разума, используя для этого схоластическую диалектику и

¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 306.

² Там же. С. 313.

³ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. С. 189. (Выделено п/ж курсивом автором.)

⁴ См.: Пономарев. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894. 198 с.

логику. Приступая к строительству новой культуры, силлабисты выступали не только как стихотворцы, но и как проповедники. Они возродили в Москве личную проповедь, угасшую в России давно и замененную в храмах чтением святоотеческих текстов. В известном смысле их поэтическое творчество также было проповедью, составляло как бы религиозно-нравственный кодекс, иногда очень далекий от практических запросов эпохи»¹.

По сути, сторонники европейского барокко выступили соперниками традиционалистов в своих поэтических проповедях, только проблематика у противоборствующих сторон значительно различалась: одни отстаивали «старую веру», другие — новую культуру.

«Соперничество, по мнению А. М. Панченко, — такая же новая культурная идея. Традиционалисты всегда утверждали, что нельзя переделывать старые книги, нельзя соперничать с предками. Это прямо сказано в “Поморских ответах”, этой энциклопедии старой “веры-культуры”. Соперничество было скоро и решительно выиграно поэтами. Так родилась новая русская литература»².

При всей важности этого наблюдения, нельзя согласиться с предшествующим приведенной цитате утверждением ученого: «Итак, *поэт заявил себя соперником архипастыря и духовного отца*». Во-первых, как отметил и сам исследователь, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский не выходили «в общем за рамки ортодоксального Православия» (хотя при этом и «пропагандировали современную схоластическую науку»)³, то есть по части проповеди не выходили за пределы существовавшей прежде церковной традиции. Во-вторых, не следует упускать из виду, что многие из поэтов-силлабиков и «новых учителей» были иеромонахами (т. е. рукоположенными в священники), как те же Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, не говоря уже о митрополитах Дмитрие Ростовском и Стефане Яворском, архиепископе Феофане Прокоповиче. То есть, все они имели право и на духовное учительство и на личную пастырскую проповедь. В-третьих, хочу обратить внимание на то, что появившаяся когорта «русских западников» названа традиционалистами не просто «учителями», а «новыми учителями», с акцентом внимания на прилагательном «новые», тем самым они были противопоставлены *прежним* учителям, с которыми собственно западники и вели полемику. Но не подвергалось само их право учительствовать.

Нельзя, поэтому, согласиться с А. М. Панченко, что «древнерусский писатель имел лишь косвенное отношение к “учительным людям”»⁴. Практически вся древнерусская литература назидательна и создана в монастырях, епископских и митрополичьих кафедрах черным духовенством. Они постоянно выступали в качестве наставников православных христиан, и писали, собственно для их духовного просвещения. Даже князь Владимир Мономах пишет «Поучение» детям, то есть выступает в роли наставника.

Другое дело, и тут А. М. Панченко, несомненно, прав, писательство никогда прежде не расценивалось монашесствующими как душеспасительное

¹ Панченко А. М. Истоки русской поэзии. С. 280.

² Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 317–318.

³ Панченко А. М. Истоки русской поэзии. С. 283.

⁴ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 315.

занятие. «Читая Жития писателей, причисленных к лику святых, замечаем, что по древнерусским понятиям писательство иерархически никак не выделяется. Для автора Жития Иосифа Волоцкого факт, что его герой рано вставал и шел молотить зерно, всегда опережая наряженного для этого дела монаха, — этот факт был не менее важен, чем душеполезное сочинительство Иосифа, чем его знаменитый “Просветитель”. В отношении к вечности все земные занятия одинаковы»¹. К этому примеру добавлю, что и преподобный Нестор (причисленный к лику святых именно за свои творения) даже словом не обмолвился о «словах» и «посланиях» Феодосия Печерского, хотя об участии в «книжном делании» — переплетении рукописных книг — написал.

«Как мыслители Аввакум и Симеон не выходили за пределы церковного сознания. Извлечь “чистую” литературу из их наследия невозможно, она неотделима от богословия... Поэтому и представления о писательском труде у этих авторов заключены в богословскую оболочку. Симеон и Аввакум столкнулись на идее оправдания человека перед Богом.

Для верующего человека эта проблема — основополагающая. Как построить земную жизнь, чтобы унаследовать жизнь вечную? В Новом Завете нет однозначного решения проблемы оправдания. Соборное послание апостола Иакова подчеркивает значение благих дел (Иак. 2: 16–17, 26); напротив, у апостола Павла находим иной взгляд: спасает вера, дела не спасают (Рим. 3:28). Симеон провозглашает примат дел в оправдании человека² (этот новый для русской религиозной мысли подход был более характерен для западноевропейских протестантских мыслителей. — А. У.), Аввакум, наоборот, отдавал первенство вере (в чем оставался приверженцем присутствующих древнерусскому православному сознанию взглядов. — А. У.). Согласно его точке зрения, грех в человеке неизбывен: “Един (Бог. — А. У.) благ по существу, благ непреложно, а человечество извратно. Аще кто и праведно живый — при Бозе лукаво есть. И ангели извратны, нежели человеки”. Смертный обязан осознавать свою греховную природу, праведная жизнь — отречение от нее, т. е. самоотречение»³.

Симеон Полоцкий (как и Дмитрий Ростовский, и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович) был воспитан в стенах Киево-Могилянской академии — центре православного образования, но куда, однако, проникали и католические идеи — чувствовалась близость и влияние Польши не только на силлабическую поэзию. К тому же, Симеон переходил и в католицизм, чтобы продолжить обучение в иезуитском коллегииуме в Вильно. (В западных иезуитских коллегииумах получают образование и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович, а потом будут преподавать и в самой Академии.) Следовательно, он хорошо был осведомлен с основополагающим католическим постулатом, согласно которому человек может оправдаться пред Богом своими делами. Стало быть, трудолюбивый писатель может оправдаться результатами своего труда — сочинениями.

¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 315–316.

² Богословский аспект проблемы оправдания подробно разработан Ю. Ф. Самариным в его магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (См.: Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1880. Т. 5). Прим. А. М. Панченко.

³ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 320.

Переведя это положение в плоскость собственного бытия, Симеону Полоцкому необходимо было «доказать, что литературный труд может быть засчитан в вечной жизни как нравственная заслуга»¹. Поэтому ему пришлось подыскивать соответствующие веские аргументы.

Он начал со Святого Писания, пытаясь убедить читателей, что Библия в некоторых своих частях, например, Псалтыри, может расцениваться как поэтическое произведение. Так появилась у него идея создания «Псалтыри рифмованной».

«В предисловии к ней он выдвигал стиховедческие доводы, утверждая, что “псалмы в начале си на еврейском языке составишася художеством стихотворения”. <...> По аналогии с рассуждениями о метрике псалмов можно смело утверждать, что и “библейские песнопения” Симеон Полоцкий считал изначально стихотворными, — а значит, считал поэтессой Деву Марию. Хотя эта идея и не была самостоятельным изобретением (ее разделяли еще Данте, Боккаччо и Петрарка, причисляя к поэтам самого Христа), в Москве, насколько известно, ее первым высказал Симеон Полоцкий.

Другой его аргумент — сугубо спекулятивного свойства. Он заключается в смешении слова Божия и слова — первоэлемента литературы (словесности), что типично для барочного остроумия, которое совмещало несовместимое². Конкретно Симеон опирался на сферу значения, общую для обоих омонимов (Логос, в частности, выполняет посредническую роль, сообщая людям смысл Божественных предначертаний), теоретически же — на старую риторическую традицию, согласно которой каждое слово имело четыре значения — в зависимости от аспекта, в котором рассматривалось (1. Исторический, или буквальный. 2. Аллегорический — в средневековой традиции христологический. 3. Тропологический, или индивидуально-нравоучительный. 4. Анагогический, или эсхатологический). В результате во многих стихотворениях Симеона основоположником гуманитарной учености выступал сам Христос, как бы благословляя тот тип литературного деятеля, который воплощен в Симеоне Полоцком. Симеон, как и все полигисторы XVII века, ощущал себя счастливым обладателем истины», а «интеллект казался ему непременным условием совершенства»³.

И вот «русские европейцы» во главе с Симеоном Полоцким, «исповедуя католический постулат, согласно которому человек оправдывается перед Богом делами» (в их случае — их собственными литературными сочинениями), взглянули «на свои словесные труды как на “дело”, которое они предъявят на том свете. Димитрий Ростовский завещал положить в гроб вместе с его телом все черновые бумаги. Ясно, зачем он так распорядился: чтобы показать Богу черновики “Миней Четых”, написанных по иноческо-

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 321. А. М. Панченко отметил, что для европейских «барочных полигисторов XVII века, каковым в сущности был и Симеон, такого доказательства не требовалось: они исповедовали идею Платона о божественном происхождении прекрасного. В плоском истолковании она вырождалась в претенциозный тезис, подобный афоризму Скалигера: “поэт — это второй бог”. Но Симеону Полоцкому нужны были доказательства, потому что он творил для русского читателя, который ни о чем таком не слыхивал» (Там же. С. 321).

² Тем самым, взгляды и творчество Симеона Полоцкого вписываются в характеристику “модуса подражания”, данную Л. В. Левшуном. См.: Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. С. 64–68.

³ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 321–322.

му обету. Ясно также, почему Симеон Полоцкий и его последователи были столь продуктивны»¹.

По утверждению Сильвестра Медведева, «Симеон “на всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто”, то есть Симеон Полоцкий каждый день исписывал (по обету! — А. У.) мелким почерком восемь страниц нынешнего тетрадного формата... Плодовитость — следствие определенной творческой установки, стремления к созданию новой словесной культуры.

Для Симеона Московское государство было страной, где “в простоте Богу угождают” не зная и поэтому не ценя “грамматических и риторических хитростей”, правильного школьного образования»².

Приверженец барочной поэзии стремился к распространению в стихах поистине энциклопедических знаний: «истории византийской и римской, включая исторические анекдоты о Цезаре и Юстиниане, Диогене и Аристотеле, Александром Македонским и Сципионе Африканском (в XVII в. они были популярны в прозаических жанрах, в частности из сборника “Фавецций”); природоведения (в данном случае использовалась “Естественная история” Плиния Старшего). Подобно распространенному на Руси сборнику “Физиолог”, “Вертоград многоцветный” обнимает сведения о вымышленных и экзотических животных (птице феникс, плачущем крокодиле и т. д.), драгоценных камнях и проч.; здесь мы найдем изложение космогонических воззрений, экскурсии в область христианской символики, многочисленные реминисценции из античной мифологии»³.

При этом Симеон мог устроить из своих стихов целую экспозицию, поскольку их можно было не только читать, но и рассматривать как рисунок, картину, графику. Его стихи принимали форму звезды, сердца, лучей солнца, креста. «Форма стихотворения — форма внешняя, не поэтическая — для него имела самодовлеющее значение. Симеон коллекционировал формы; “стихотворения под метры” превращалось у него в игру. Он любил *carmina curiosa* (“курьезный стих”, например палиндромон), владел сложнейшими типами акростиха, писал макаронические вирши. Его “Вертоград” и “Рифмологион” — поистине “разноцветные сады”, созерцание которых должно было радовать глаз. Все это — типичные черты того направления в искусстве, которое принято обозначать термином “барокко”»⁴. Я бы добавил, выражаясь словами Мелетия Смотрицкого, — и типичное «стихотворно художество»: рукотворное поэтическое ремесло.

Цель занятий барочных поэтов была «замена ценностей, замена веры культурой, замена обрядового текста поэзией». Характерны в этой связи две пьесы, написанные Симеоном Полоцким для русского театра: «О Навуходоносоре царе...» и «Комидия притчи о блудном сыне». Первая тематически перекликалась с чином Пещного действа, связанного с праздником Рождества, и совершавшегося в русской Церкви и в то же время упраздненного. Вторая — «полемизировала с русской масленицей»⁵.

¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 316.

² Панченко А. М. Истоки русской поэзии. С. 282.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. С. 317.

Для протопопа Аввакума многие положения, отстаиваемые просвещенными «новыми учителями», казались попросту кощунственными, особенно стремление «уподобляться Богу своею мудростию». Размышляя «о внешней мудрости» он замечает: «Алманашники, и звездочецы, и вси зодейшики познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, *уподоблятися Богу своею мудростию* начинающе, якоже <...> Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша... и *тою мудростию уподобляхуся Богу*». «Виждь, гордоусец и алманашник, твой Платон и Пифагор: тако же их, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погиге, гордости их и *уподобления ради к Богу*. Многи же святии смирения ради и долготерпения от Бога прославишася»¹ (Выделено мной. — А. У.).

Гордыня — первейший из грехов — ведет к гибели. «Мерзко Богу горделиваго и доброе дело»², — замечает Аввакум. Смирение ведет ко спасению. По словам апостола Павла: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Посл. 5:5). Все святые по смирению своему прославлены Богом. Аввакум и противопоставляет гордыне смирение: «Пожалуйте, Господа ради, попекитесь о душах своих едиnorodных, койждо как смыслит сделать, ов убо пост и молитву Господеву да приносит, ов же милостиню с любовию от совести чисты, ин воздыхание и слезы, ов же труды, рукоделие и поклонцы по силе, на колену, триста на день, или шестьсот, или яко же может и хочет»³.

Как для протопопа Аввакума, то смиренномудрие является важнейшим качеством для христианина: «Верному человеку подобает молчанием печатлети уста и выше писанных не мудрствовать»⁴. Стало быть и писательство не может вести ко спасению.

Однако сам Аввакум выступает и как наставник (учитель), и как весьма плодovitый писатель. «Он обязан снять это противоречие между теорией и практикой. Поэтому он выдвигает идею писательства “по нужде”, которое позволительно и необходимо в роковые для Церкви времена. Суть церковного нестроения в том, что пастыри, патриарх и архиереи превратились в волков, пожирающих “меньших” христиан. Тогда “престецы” сами берут в руки церковные дела, как показывает и церковная история: “При Евгении, папе римстем, подвижесе род христианский от простого чина, изгнаша еретика папу Евгения... И бысть распря в народе болшими и меншими”. Аввакум, как защитник “престецов” и сам “престец” (“гад есмь и свиния” — это не просто риторическая формула), и становится писателем “по нужде”: “Понеже все действо их скрытно под прелестию сатаниною, на показание прелщенным в вере действуемо, и самим им неведомо то, како простейшему народу явно будет, иже имуще ум воглублен в миро суетствы прелестнаго

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. (РИБ. Т. 39). Стб. 288–289, 290. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 323.

² Там же. Стб. 465. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 323.

³ Там же. Стб. 390–391. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 323.

⁴ Там же. Стб. 341. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 323.

века сего. Того ради мы, за помощью Божиею, объявляем все скрытное их коварство и блудно-то в вере". Аввакумово "вяканье" есть дополнительный признак писательства "по нужде": защитник "меньших" христиан говорит языком униженных простецов»¹.

По сути дела, Аввакум придерживается древнерусской традиции писательства «по принуждению».

В отличие от просвещенного иеромонаха, стремившегося к оригинальности в своем «стихотворном художестве», «Аввакум прямо и с гордостью заявляет о своей литературной несамостоятельности (это — установка, в практике все было иначе. — А. У.): "Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящему по улицам града и по окошкам милостыню просящу... У богатога человека, Царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, ис полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошель, да и вам даю... Ну, еште на здоровье, питайтесь, не мрите з голоду. Я опять побреду збирать по окошкам, еще мне надают". Аввакум признает только смиренное писательство. Литературное умствование, напротив, есть грех и пагуба, "понеже ритор и философ не может быти христианин"»².

Тем не менее, эпоха преобразований и секуляризация мировоззрения повлияли и на его собственное сознание.

«Разрыв между молитвенным подвигом и творчеством привел к тому, что художник уже самого себя стал сознавать автором, творцом им созданного. И с сознанием собственного права начал обозначать свое имя»³.

До этого автор, если он был участником события, чаще всего писал о себе в третьем лице или во множественном — «мы», растворяясь в массе людей, т. е. отстранялся от написанного собою. Теперь же, протопоп Аввакум мог написать даже собственное *житие*, сделав себя основным персонажем повествования. Правда, в случае с протопопом Аввакумом сохранилась традиция послушания: как он сам заметил, собственное «Житие» он написал по настоянию своего духовника и единомышленника старца Епифания.

«Мы можем по праву назвать "Житие" первым русским мемуарно-автобиографическим произведением — в этом протопоп явил себя как истинный новатор. Но он новатор и в том, что написал не просто автобиографию, но авто-житие, в котором сознательно сделал акцент на собственной праведности, святости, настойчиво указывая те чудеса, какие сопровождали его деяния на протяжении долгого жизненного подвижничества. И в этом он обнаруживает себя человеком не старой веры, но нового времени: можем ли мы представить себе любого подвижника, пишущего собственное житие?»⁴.

Секуляризация сознания происходит под воздействием развития образования, и, прежде всего, проникновения в Россию западноевропейской схоластической образованности и культуры барокко.

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 324.

² Там же. С. 324.

³ Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 1. М., 1996. С. 21.

⁴ Там же. С. 38.

Наиболее красноречивое свидетельством происходящих перемен может служить изменение отношения к Слову: в рассматриваемый период развиваются две концепции текста — субстанциональная и релятивистская¹.

Субстанциональную концепцию текста отстаивают в своих челобитных царю Алексею Михайловичу ревнители старого благочестия — протопоп Аввакум, суздальский поп Никита, романово-борисоглебский поп Лазарь. «Текст они принимают как нечто данное, как откровение, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Так, Лазарь приводит ряд цитат из патристической литературы, из Кирилла Александрийского, Василия Великого и Иоанна Дамаскина о том, что “не подобает изменяти ни мало что”. Истинность текста проверяется его повторяющимся восприятием, а не сравнением (как утверждал патриарх Никон) с другим текстом. Никита жалуется, что в исправленных книгах произвольно и напрасно искажается первоначальный текст, а нарушение одной лишь буквы, по представлениям Никиты, нарушает весь текст в целом»².

Именно эту теорию текста и назвала Светла Матхаузерова субстанциональной, «так как слово само по себе здесь равняется обозначаемой субстанции, предмету; слово и Бог составлены из одной материи, и читать такой текст — значит войти в сферу влияния той же материи, так что исчезает разница между субъектом и объектом восприятия»³.

Такое отношение к Слову-материи отражает, как видим, древнерусскую традицию.

Противоположную, критически настроенную к ревнителям старого благочестия точку зрения отстаивал Симеон Полоцкий в «Жезле правления».

«В отличие от субстанционального понимания Симеон Полоцкий дал рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. Он использовал полемику с раскольниками для того, чтобы применить принцип критического отношения к тексту. В отдельных статьях своего трактата он объявляет, что “правда” текста состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний. <...> Симеон Полоцкий считается с критическим субъектом, который стоит между словом и обозначаемым объектом; восприятие текста, по его концепции, является соотношением трех компонентов: слово — объект — субъект»⁴.

Отсюда и разное отношение к переводу как таковому. Для московских ревнителей благочестия перевод — дело высокого христианского служения, не всякий человек может им заниматься, и тем более не по своему желанию. Это напоминает отношение к писательскому труду на предыдущих этапах. Московские книжники ориентируются в своем подходе к переводу на Иоанна Экзарха Болгарского. В «Прологе» — предисловии перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина — Иоанн Экзарх рассказывает о сомнениях в своих силах и страхе впасть в грех: «Сия же помышляя убоаяся».

¹ См.: Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 271–284; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

² Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. С. 273.

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же. С. 274.

Но после многократного понуждения со стороны инок Дукса «переложити учительская сказания» еще больше убоился греха лени и взялся за перевод Дамаскина.

Как уже отмечалось выше, мотив «понуждения» был характерен для древнерусских агиографов. Теперь видим — и для переводчиков Святого Писания и святоотеческого Предания. Исая был «понужден» митрополитом Феодосием на перевод Дионисия Ареопагита, Нил Курлятев призывал Максима Грека перевести Псалтырь. А вот Симеон Полоцкий сам решил взяться за перевод Псалтыри: при написании стихотворения «Псалом» для «Вертограда многоцветного» ему «впаде во ум псалмы покаянные преложити стихотворне»¹.

В том же «Прологе» Иоанна Экзарха изложены и его мысли по поводу «смыслового» или «абсолютного перевода», сторонниками которого были и московские книжные люди. Идея его заключается в том, что при переводе необходимо, прежде всего, передать смысл оригинала, а не стремиться к дословной точности в переводе слов, поскольку «разума ради прелагаем книги сия, а не точию глагол ради». Слова же в греческом и славянском языках не равнозначны («иже бо глагол во одном языке красен, то в другом не красен»), порой не совпадает род, не однозначны выражения и т. д.

«Итак, основой теории перевода является мысль, что перевод, одинаково точный в отношении и выражения, и содержания, невозможен, значит — надо ориентироваться на “разум”, т. е. значение. Выражение ставится ниже содержания (это “глас нагий”, “письмо неразумное”, “слог тщетный” и “глагол неведомый”), ниже смысла, поэтому в первую очередь нужно заботиться о “внутреннем разуме”. <...> Как кажется, — замечает далее С. Матхаузерова, — многие из возражений Никиты, Лазаря, Аввакума, Савватия против правленных книг надо понимать в свете изложенной выше теории перевода. Расколоучители сетуют, что в новопереведенных книгах искажен “разум”, т. е. значение, во имя какого-то грамматического правила или “глагола неведомого”, что, по их мнению, подлежит осуждению»².

Симеон Полоцкий не отказывается от идеи передачи «разума», т. е. *смысла* переводимого, но он выступает сторонником и точного перевода «речения», т. е. грамматического *выражения*: «Преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесоже оставляя»³. Эту же идею он выразил и в стихах:

*Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзе подлежащей зриши, —
Не слов измену тощю разсуждая,
но в тех разума единство любзя»⁴.*

«Симеон Полоцкий уравнивает “речение” и “разум”, заботясь — в духе Цицероновской традиции — о правильном переводе и мысли, и выра-

¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.-Л., 1953. С. 212.

² Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. С. 276, 277.

³ Цит. по: Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. С. 277.

⁴ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 215.

жения; но “речение” он переводит не дословно, а старается найти его эквивалент. Для этого необходимо знать грамматику, риторику, и диалектику. Переведенный текст должен иметь такие качества, как “сладость пения”, “сладкое и согласное пение”, “лагодение и сладкопение”, которыми читатель может “веселиться духовно”. Концепция Симеона Полоцкого дает переводчику большую свободу: переводчик может нарушать первоначальный текст, ему разрешено “во исполнение разума или стихов” добавлять слова или исключать их, если они “не вместишася в стихи мерою”. Симеон Полоцкий отстаивает теорию перевода-компенсации, т. е. убавления и добавления при учете равноправия “разума” и “речения”¹.

У Симеона Полоцкого изменяется и само отношение к переводческому труду, который, хотя и является богоугодным занятием, но обретает ценность уже сам по себе. «Перевод — это “оправдание делом”, это труд, которым человек оправдывает свое существование и старается усовершенствовать мир так, чтобы он был подобен образу Творца. Симеон Полоцкий подчеркивает, что источник его литературной работы — не только “Божие наставление и пособие”, но и его собственное “трудоположение”»².

А это — уже новый подход к писательскому ремеслу, присущий Новому времени.

В дальнейшем, в последней трети XVII в., можно рассмотреть и другие коррелятивные пары: «Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, затем — их учеников и наследников (в прямом и переносном смысле) Сильвестра Медведева и чудовского инок Евфимия. По всем внешним признакам эти люди кажутся ипостасями одного писательского типа, членами одной литературной общины», они «выше всего ценили “духовную тишину” которая позволяла профессионально заниматься литературой». Однако они были представителями двух антагонистических партий: латинствующих (Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев) и грекофилов (Епифаний Славинецкий и инок Евфимий), ведущих в переходный период непримиримую вражду»³.

Спорить древнерусские писатели начали еще в XVI и XVII вв., споры превратились в научные прения. В этих диспутах противоборствующие стороны использовали различные подходы в системе доказательств.

Латинисты охотно применяли приемы формальной логики, в частности, утверждение доказываемого положения посредством силлогизмов. Грекофилы свои доводы основывали на вере и выступали противниками силлогизмов. Это видно из слов иеромонаха Епифания Славинецкого, сказанных в ученом диспуте с Симеоном Полоцким «о многих неудобь понимаемых вещах», проходившем в патриаршей Крестовой палате: «Силлогизмом же, паче же латинским, аще и доволен есмь в тех, не последую, ниже верую; бегати бо силлогизмов, по святому Василию, повелеваема, яко огня, зане силлогизмы по святому Григорию Богослову, — и веры развращение, и тайны истощение»⁴.

¹ Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. С. 277–278.

² Там же. С. 275.

³ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 325, 326–338.

⁴ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 71. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 328.

В известном рассуждении «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии и стихотворному художеству, и оттуду познавати Божественная Писания, или не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум Святых Писаний познавати?», приписываемом иноку Евфимию, ученик, как и учитель, также сторонится силлогизмов, используемых «лукавыми иезуитами»: «Егда услышат латинское учение в Москве наченшися, врази истины... лукавии иезуиты подвидут и неудобопознаваемая своя силлогисмы, или аргументы душетлительныя начнут злохитростно всевати, тогда что будет?.. Любопренич, потом (пощади Боже) отступления от истины, яже страдает или уже и пострада Малая Россия»¹.

У грекофилов доминировал катехизический способ убеждения, а в роли авторитета выступали Святое Писание и святоотеческие труды, откуда и черпались доказательства.

«В отношении к методу доказательства и должно видеть специфические черты в противоположаемых писательских типах, — пишет А. М. Панченко. — Если с этой точки зрения рассмотреть наиболее видных литераторов 70–80-х годов, получится следующая картина. На левом крыле окажется Андрей Белобоцкий, люллианец и панлогист. В его представлении истина — одна. Любое положение веры, как догматическое, так и этическое, может быть доказано с помощью доводов разума. Среднюю позицию займут Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев. Они пользуются диалектикой и логикой, но некоторые истины религии принимают без исследования. У Симеона Полоцкого каждое стихотворение — силлогизм, однако роль посылки может выполнять буквально заимствованная из Писания цитата, “фема”. Справа находятся грекофилы — Епифаний Славинецкий и Евфимий, которые стремятся к чисто количественному накоплению знания, не посягая на дух и букву традиции. Это — типичные православные ортодоксы»².

Общественная позиция двух антагонистических групп всецело зависела от политической конъюнктуры. С падением царевны Софьи была рассеяна и партия латинствующих, а ее вождь — Сильвестр Медведев — казнен (Симеон Полоцкий к тому времени уже умер). Зримую победу одержали грекофилы (Евфимий и братья Лихуды). Под их бдением и развивалась официальная культура последнего десятилетия XVII века. Однако длилось это не долго. Уже на рубеже столетий латинствующие восстановили свои прежние позиции в Москве. Поддержка появилась в лице нового государя Петра I, точнее, в его преобразовательной деятельности, направленной на европеизацию России. В его время прекращается «действие о Страшном суде» на Красной площади, он отменяет «выезд на осляти», совершаемый в Вербное воскресенье, даже намеревался построить на Красной площади «театральную храмину», чтобы десакрализировать ее образ храма под открытым небом, как в Горнем Иерусалиме. Вообще нанести удар царственной Москве, из которой патриарх Никон стремился сделать духовную столицу — Новый Иерусалим. В противовес ей он и построит светскую столицу — европейский Санкт-Петербург³.

Наконец, он круто меняет и сам церковный уклад.

¹ Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 329.

² Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 329.

³ Лебедев Лев. Москва патриаршая. М., 1995. С. 285–332.

Царь-реформатор не стал избирать нового патриарха (патриарх Адриан умер в 1700 г.), а поставил во главе Русской Православной Церкви воспитанников Киево-Могилянской академии: местоблюстителем патриаршего престола, а затем и главой Синода — митрополита Стефана Яворского, а его заместителем по Синоду — архиепископа Феофана Прокоповича. «Русские западники» опять оказались при верховной власти. Однако нельзя сказать о близости взглядов этих двух церковных иерархов в богословии и литературе. По мнению Ю. Ф. Самарина, Феофану Прокоповичу была более близка протестантская точка зрения на проблему оправдания пред Богом за свою земную жизнь, выражавшаяся в уповании на веру и приоритете Святого Писания над Преданием. Они не стали единомышленниками и в церковной политике. Реформаторские идеи Петра I (во многом имеющие протестантскую основу) в большей степени разделял Феофан Прокопович и часто выступал их апологетом.

Петр I не любил и даже побаивался монахов, особенно пишущую братию, а потому и запретил держать по кельям бумагу и чернила с перьями.

В указе императора от 31 января 1724 г. о монашестве и монастырях, составленном с участием Феофана Прокоповича, есть примечательный пассаж, по сути, о введении ежедневной цензуры над пишущими монахами: «По архимандрите быть собственному таковых монахов надсмотрщику и директору, человеку ученому, который бы и переводы и трактаты осматривал, исправлял и свидетельствовал, таже и кто что в библиотеке читает и записует, ведал бы, и всех оных чтений, переводов и сочинений имел бы у себя реестр»¹. Существенна и ремарка самого Петра к тексту указа: «Вытолковать, что *всякому* исполнение звания *есть* спасение, а не одно монашество»² (Выделено мной. — А. У.). Эта идея отразилась и в «Духовном регламенте» (творении Феофана), и в речи самого архиепископа, произнесенной 30 августа 1718 г., в день перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург.

Нашла она отражение и в конкретных делах Петра I. С учреждением Синода он «превращает духовенство в сословие государственных чиновников, оставив за Церковью роль блюстительницы народной нравственности и охранительного начала»³.

Так когда-то отстаиваемый Симеоном Полоцким и его последователями постулат (католический в своей основе) о возможном спасении в вечной жизни литературными трудами трансформируется в первой четверти XVIII в. стараниями Петра I и его сторонников в идею *оправдания делами* на службе Отечеству. И ее апологетом становится еще недавний защитник оправдания верой — Феофан Прокопович.

Несмотря на кажущееся сближение взглядов Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, они были антагонистами. В частности, в важнейшем для Петра I вопросе об отношении духовенства к власти. Стефан Яворский отстаивал мнение о «христианской свободе», основанное на словах апостола Павла: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков»

¹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 717. Цит. по: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 332.

² Там же. С. 332.

³ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 331.

(1 Кор. 7: 23). При этом митрополит даже выступает против Петра, открыто намекая на государевы грехи (монаршие и человеческие), в публичной проповеди «О хранении заповедей Господних» (1712 г.), за что и получил трехлетний запрет на публичные наставления своей паствы.

Полемизируя с ним в «Слове о власти и чести царской», Феофан Прокопович заявляет, что непокорные властям «назидают мнение свое... на свободе христианстей. Слышаще бо, яко свободу приобрете нам Христос... помыслили, будто мы и от властей послушания свободны есмы»¹. В этих полемических словах видится другая новозаветная основа. В «Послании к римлянам» апостол Павел говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (13. 1–2).

«Христианская свобода», по мнению А. М. Панченко, вовсе не означала свободы творчества. Система запретов и в традиционной православной письменности, и в восточнославянском провинциальном барокко была очень жесткой и многообразной. Впрочем, эти запреты основывались на идеальных моментах.

Итак, монах или белец становится чиновником; писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо «по указу». Петр делал такие заказы или лицам, или учреждениям, Славяно-греко-латинской академии, например. Это самый распространенный писательский тип петровского времени. Илья Копиевский и Иван Кременецкий, вообще типографские справщики во главе с самим Федором Поликарповым — это в сущности литературные поденщики, такие же как барон Гюйссен, много прославлявший Петра перед Европой.

Казалось, что возобладали тот писательский тип, который хорошо знала Москва XVII в. и который был воплощен в переводчиках Посольского приказа вроде Николая Спафария (Петр, между прочим, делал заказы и посольским переводчикам)...

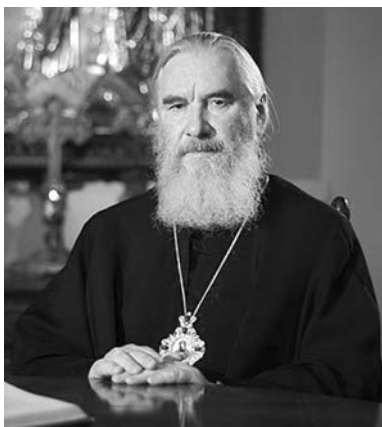
Однако литературе позволялось выполнять не только практические функции, которые Петр считал важнейшими. Она должна была также развлекать; для развлечения каждый мог писать невозбранно — в качестве частного человека, вне и помимо служебных обязанностей. Писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем. В этом, — как кажется А. М. Панченко, — и заключается смысл того переворота в литературном быте, который случился при Петре. Это была своего рода реформа, и реформа с далеко идущими последствиями².

Визуально же она закрепляется заменой церковнославянского шрифта на гражданский (не случайно его основой стал латинский шрифт!), на котором по Петровскому указу предписывалось впредь печатать светские сочинения. Так был собственно и сделан решительный шаг к созданию в России художественной литературы.

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 333.

² Там же. С. 333–334.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

**Митрополит Калужский
и Боровский
КЛИМЕНТ (Капáлин)**

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капáлин) — доктор исторических наук, профессор Калужского государственного университета, председатель Издательского совета Московского патриархата. В 2003–2009 гг. управляющий делами Московской патриархии и постоянный член Священного синода. Председатель комиссии Межсоборного присутствия РПЦ по вопросам организации церковной социальной деятельности и благотворительности. Автор многих книг и статей, имеет награды, в том числе государственные и РПЦ.

«С ВОЗРАСТОМ ЧИТАТЬ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ИНТЕРЕСНЕЕ...»

Что делает Александра Сергеевича Пушкина — поэта, прозаика, драматурга — совершенно особенным, неповторимым, выделяющимся и на фоне других по-настоящему гениальных авторов? Не только бесспорные художественные достоинства. Лучшее из написанного Пушкиным не теряет важности, актуальности для человека любого возраста. Его невозможно «перерасти» или «учить «до дна» — так, чтобы нечего уже было для себя открыть, найти при следующих прочтениях. Лучшее из созданного Пушкиным невозможно и отрицать, от него нельзя «отказаться», сказать, что все это не так, что тебе — читателю — это уже не подходит или никогда не подходило.

Подчеркну: речь идет о самых сильных произведениях Пушкина, в числе которых «Борис Годунов», «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», «Капитанская дочка» и др. У любого автора есть «пробы пера», не самые сильные в эстетическом и этическом отношении тексты. Абсолютно у любого.

Когда мы говорим о поэте или писателе гениальном, о классике, то речь идет о вершинах его творчества, о самом лучшем из созданного им — о том, благодаря чему он и стал классиком.

Но вот какое наблюдение: есть бесспорные классики, по-настоящему сильные писатели, поэты, которые с возрастом становятся менее интересны. Читатель сначала взрослеет, потом становится зрелым человеком и со временем понимает, что то, что нравилось, волновало лет десять или двадцать назад, сейчас уже неинтересно, перечитывать это не хочется. И дело не в том, что какое-то литера-

турное произведения кажется теперь хуже или слабее. Читатель уже в другом возрасте, с другим жизненным опытом — и произведение перестало волновать, оно уже пережито, обдумано, в какой-то мере «пройдено».

Бывает и по-другому. Читатель может «разлюбить» какого-то автора, может пропасть интерес к его произведениям. И даже, не то, чтобы не разлюбить, а от читательской любви, увлечения прийти почти к противоположному отношению к написанному автором. Признать его силу как прозаика, поэта или драматурга, но «не признавать» большую часть им написанного. Внутри себя или в разговорах с другими читателями говорить убежденное твердое «нет» большей части написанного, полагать, что «это не так», что предложенное, написанное, даже порой выстраданное писателем, все-таки на самом деле неверно, ошибочно.

Так может быть с творческим наследием практически любого автора, в том числе гениального. Но есть писатель, поэт, драматург, с наследием которого это не происходит. К таким писателям в первую очередь относится Александр Сергеевич Пушкин. Лучшие его произведения не устаревают. Его невозможно перерастить. Невозможно отрицать.

Все мы помним, что земная жизнь поэта оборвалась, когда ему было всего тридцать семь лет. Это ведь немного. Но у него множество читателей, которые значительно старше его не только на момент написания какого-то им того или иного произведения, но и старше его в финале всей его земной и творческой жизни.

И никто из читателей не сможет сказать, что он «перерос» какое-то из гениальных произведений Пушкина, что оно ему «уже неинтересно». Сколько бы лет ни было читателю — интересно, не перерос, не стал слишком взрослым или зрелым для того, чтобы читать с интересом. Даже наоборот — с возрастом читать становится все интереснее. С каждым прочтением замечаешь что-то новое, дорастаешь до чего-то, чего не видел, не понимал раньше.

«Капитанская дочка» нисколько не устарела и не устареет. Ни для кого этого не произойдет. Она о том, что было и будет важно всегда. И если юным читателям придется иногда заглянуть в справочные материалы, чтобы узнать точное значение какого-нибудь слова или события, то самое главное в «Капитанской дочке» было и будет понятно людям и без подсказок. Требуется множество прочтений, чтобы «Капитанская дочка» раскрылась перед читателем во всей полноте. В любом возрасте нужно возвращаться к ней.

Не устареет «Моцарт и Сальери». И никто никогда не сможет перерастить эту маленькую трагедию. Читатель насладится точными, емкими, с богатейшим смыслом, строками Пушкина. А при следующем прочтении сделает следующие «открытие»: вот еще то, что я до этого «пробежал мимо», не замечал. И так раз за разом.

Невозможно отрицать сказанное о «Капитанской дочке», в «Моцарте и Сальери», в «Борисе Годунове», в целом ряде стихотворений.

Пушкин был верующий человек, и его стихотворения «Пророк», «Молитва» показывают глубину и осмысленность его веры. Она, несмотря на его турбулентность в молодости, была основой взглядов, заложенных еще в детстве. Искать историческую правду, не соглашаться с некоторыми историческими трактовками — можно. Отрицать же моральную, нравственную сторону кажется немыслимым.

Как верно сказал о себе сам поэт, *чувства добрые я лирой пробуждал...* И эти чувства, пробужденные в читателе уникальным талантом, который Господь дал поэту, оказываются глубокими и прочными.

Сегодня нам важно понять Пушкина и учить молодежь любить красивый русский язык, любить читать как наших классиков, так и современных писателей. Речь человека говорит о его внутреннем мире, и, в то же время, те слова, которые употребляет человек, формируют его внутренний образ. Плохое слово зарождает в человеке сродные чувства, а доброе слово оказывает положительное влияние на внутреннего человека. Церковь в поддержку юношеского интереса к чтению и к русской литературе проводит конкурс имени Ивана Шмелева «Лето Господне». В нем принимают участие дети из разных регионов нашей страны зарубежья, присылают замечательные литературные произведения, надеюсь, в будущем, кто-то из них станет продолжателем творчества Александра Сергеевича Пушкина. Россия всегда славилась своими талантами.

ОБРАЗЫ СВЯТЫХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

От Средневековья до наших дней

Образы русских святых для литературы Русского средневековья — и есть сама плоть литературы, часть ее глубинного ядра.

Размышляя над подвигами веры древнейших святых, русские летописцы рассказывали о мученике-варяге и его сыне, о святых Ольге и Владимире, Борисе и Глебе. На страницах «Повести временных лет» нашел свое место целый сборник историй о киево-печерских иноках, стяжавших святость.

Позднее русская литература украсилась житием преп. Сергия Радонежского, имеющим столь значительные художественные достоинства, что жители Московского царства им зачитывались. Более того, оно стало первым памятником агиографической литературы, опубликованным в печатном виде. А житийная повесть о святых благоверных Петре и Февронии Муромских стяжала необыкновенную популярность и стала своего рода средневековым бестселлером.

В эпоху Российской империи ситуация изменилась. Литература разделилась на светскую и духовную. И творцы лучших образцов светской литературы — это писатели и поэты, создавшие славу Золотого, а затем Серебряного века русской литературы. Популярность и распространенность в народе стала приобретать именно эта литература, особенно ей была увлечена интеллигенция. На духовную литературу тогда смотрели свысока, считая ее для простолюдинов и монахов.

Конечно, русская классика знала исключения из этого печального правила. Так, она украсилась блистательной поэмой Алексея Константиновича Толстого, посвященной преподобному Иоанну Дамаскину. Федор Михайлович Достоевский с большой бережностью и почтением затрагивал тему святости в своих произведениях, он глубоко изучил Священное Писание, и в его произведениях показано действие добра и зла в мире. Даже Марина Ивановна Цветаева, человек очень сложного и, в общем, внецерковного мировидения, все же воспела в своих стихах православные святыни Москвы.

Памятны ее замечательные слова о часовне Иверской иконы Пречистой Богородицы на Красной площади:

*А вон за тою дверцей,
Куда народ валит —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!*

На протяжении советского времени тема святости, как и в целом, церковная тема, в художественной литературе была, что называется, неактуальна. Власть, идеологически чуждая христианству, не желала ее ни видеть, ни развивать, а потому святость, Церковь, Христова вера оказались на периферии литературного процесса и даже запрещены.

Ситуация вновь изменилась в конце 80-х — начале 90-х, на сей раз к лучшему.

Наверное, это прозвучит парадоксально, но в наши дни тема святости в светской литературе звучит громче и масштабнее, чем в дореволюционную эпоху. Сейчас появилось значительное количество художественных произведений, которые более христианские, чем век и полтора века назад. При всех перекосах и сомнительных явлениях, которые в ней сейчас присутствуют, все-таки корни веры в ней окрепли, и много писателей, поэтов, публицистов открыто позиционируют себя как православные люди, и тема святости присутствует на страницах их произведений.

Последние три десятилетия обогатили русскую литературу множеством полновесных, художественно состоятельных образов святых.

Так, например, лауреат Патриаршей литературной премии Александр Юрьевич Сегень нарисовал утонченно-изысканные портреты преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в романе «Державный». Алексей Иванов обратился к судьбам святого Филиппа, митрополита Московского, а затем рассказал о святых Сибири: святителях Иоанне и Филофее Тобольских. К теме святости обращались в своих произведениях известные писатели Владимир Крупин, Валерий Ганичев, Константин Ковалев-Случевский, Дмитрий Володихин, Наталья Иртенина. О святом воине Феодоре Ушакове и преподобном Серафиме Саровском писала Ольга Игоревна Елисеева. Большой список книг, посвященных православным святым, вышел в серии «Жизнь замечательных людей». И здесь хотел бы отметить замечательную книгу Вячеслава Бондаренко об отце Иоанне (Крестьянкине) и книгу «Святые старцы» — в серии ЖЗЛ.

Примеры можно было бы множить и множить.

Но имеет смысл отметить не только достижения, но и проблемы. Так, например, нередко случается, что писатель, берущийся за такое духовно ответственное дело, как создание романа, повести или рассказа о святом, добавляет слишком много «своего» в текст, дописывает то, чего не было, вольно трактует поступки и мысли святого, неправильно дает комментарии к традициям. В этом вопросе необходима разумная строгость. Уместны кон-

сультации литератора с представителями духовенства, которые могли бы избавить от ошибок и перекосов.

И Издательский совет готов подобные консультации предоставлять.

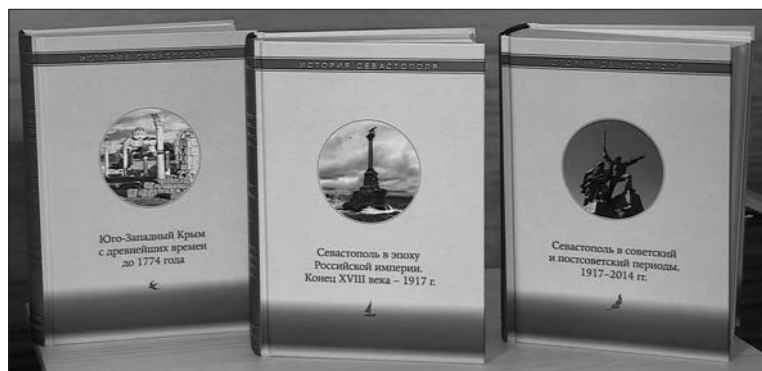
Наконец, пока очень слабо представлены в современной художественной литературе образы святых миссионеров и еще того слабее — образы мучеников и исповедников Церкви Русской в XX столетии. На протяжении двух лет Издательский совет Русской Православной Церкви проводит конкурс «Новая библиотека». В рамках конкурса имеется номинация на тему о святых мучениках советского времени. Но это лишь предварительная работа, и было бы очень хорошо, если бы писательское сообщество включилось в полной мере в этот тяжелый, но благодатный труд. Современному человеку, особенно молодым читателям, нужны произведения, посвященные жизни святых.

ВЫШАА КНИГА

История Севастополя: в 3 томах. — М: Историческая литература, 2021. Т. 1—3. 2000.

Завершилась работа отечественных историков над первым фундаментальным научным исследованием по истории Севастополя. Три объемных тома, подготовленных на базе обширного объема архивных материалов, охватывающих большой временной период — от раннего палеолита, когда человек впервые заселил территорию, входящую сегодня в границы города, до возвращения полуострова в состав России. Особый приоритет сделан на истории основания и развития города, становлении Севастополя в качестве военно-морской крепости и базы Черноморского флота, значении двух его оборон — в ходе Крымской и Великой Отечественной войн. Особое значение выхода издания отметил Президент Российской Федерации Владимир Путин. В его приветственном слове к читателям монографии отмечается, что фундаментальное академическое издание «История Севастополя» стало итогом большого, неустанного, скрупулезного труда талантливого авторского коллектива. Приветствие читателям также адресовали председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин и губернатор города Севастополь Михаил Развожаев.

Книга издана к семилетию возвращения Крыма в состав России, она будет интересна не только историкам-профессионалам, это подарок жителям города-героя, которые поколениями писали доблестное прошлое, а сегодня формируют светлое настоящее и будущее Севастополя.

Владимир КРУПИН

«ОБРАЗ ЖИЗНИ И СПАСЕНИЕ ДУШИ»*

*200 лет со дня рождения
Ф. М. Достоевского*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* Публикуется с небольшими сокращениями.

Вот интересно, за что большевики начали издавать его собрание сочинений Достоевского почти одновременно с Толстым? Почему Толстому, понятно, и музеи ему сделали и в Москве, и в Ясной Поляне: благодарили за помощь в свержении монархии, в нападках на Православие, а Достоевский почему почтён? Видимо, за то, что предсказал неизбежность революции. Бесы читали «Бесов» и были в восторге. Революцию предвещали и великие святители Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, и митрополит Филарет, и, особенно, святой праведный Иоанн Кронштадтский. И вот — революция свершилась. Религиозные мыслители были отвергнуты, книги их изгнаны в спецхран, а Достоевского печатали. Потом и о нем было умолчание, а с 60-х вновь возвращение. Но здесь сработало то, что известность его за пределами России непрерывно возрастала. С его помощью постигали душу России, суть русского характера.

Немецкий ученый, русист Рихард Лаут, прочел Достоевского вначале на немецком языке. Проникся им, но чего-то не хватало. Тогда он изучил русский язык и прочел писателя на его родном языке. И справедливо заключил, что даже этого мало. И принял Православие. Вот где главная суть чтения Достоевского: спасение только в Боге.

Русские либералы, по Достоевскому, «не знают историю нашей земли, ни ее народа, и от того, в них ничего не понимающих, неспособны их любить. Они свою ненависть к России принимают за самый благодетельный либерализм... чуть ли не за истинную любовь к Отечеству... Но теперь уже стали откровеннее и даже слов «любовь к Отечеству» стали стыдиться. Даже понятие изгнали и устранили как вредное и

*Ф. М. Достоевский. Гравюра на дереве
А. Я. Даугеля с рисунка
Н. Соколова. 1869 г.*

ничтожное». Писатель с либералами особо не церемонился и в другом месте так охарактеризовал их: «Русский либерал только и ищет, кому бы сапоги вылизать». И еще о них, очень подходит и к сегодняшним: «В этих “мировых страдальцах” так много лакейства духовного».

Троцкисты перетолковали речь писателя о всемирности русских в свою пользу. «Это он о мировой революции говорит». И стали считать Россию за растопку. Им усиленно помогали труженики пера. Цитаты: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем. Мировой пожар в крови. Господи, благослови!» Еще цитата: «Товарищ Ленин, работа адава будет сделана и делается уже». И еще: «Он землю покинул, пошел воевать, чтоб

землю в Гренаде крестьянам отдать». Авторы цитат, уверен, узнаваемы. (Блок, Маяковский, Светлов). Где та Гренада и где Россия? Пленных немцев кормили лучше, чем сами питались. Пришли в Берлин, и после всего зверства, испытанного от фашистов, имели бы полное право всю Германию с лица земли стереть. Нет, своим солдатам урезали рацион, а кормили детей и жителей Берлина. Где еще есть такой народ? Всем всегда помогали, кроме себя. Да еще и считаем себя хуже всех. Разве это не самое настоящее православное смирение?

И все терпим и терпим. Уже и Гитлера не мы победили, американцы. Уже и Россия — агрессор, Америка — миротворец. Конечно, всё оттуда, от считания России отсталой. Для Ленина образцом для подражания была Парижская коммуна. Шарлотта Корде, Робеспьер, Пьер — для него герои.

Образ России в западном понимании рисовали свои же. Страна дикая, лапотная, топор, икона, пьянство... да и доселе так. В Берлине, еще лет 30 назад ученые дамы всерьез спрашивали меня: «У вас такая опера, такой прекрасный балет, но как вы добираетесь до театра, у вас же, мы читали, совсем нет дорог». — «На медведях ездим, — отвечал я, — а у Большого театра кольца такие специальные вделаны, к ним медведей привязываем».

Теме «Европа и мы» все почти классики наши уделяли внимание. Обычно иронически, как, например, Фонвизин в «Недоросле». Митрофанушка сообщает матери: «Матушка, в Париже даже извозчики говорят по-французски». У Чехова помещик ловит рыбу, у него зацепился крючок, надо лезть в воду, отцеплять. А рядом сидит живущая в его доме англичанка, воспитательница его детей. Не знает ни слова по-русски. Как сказать ей, чтобы отвернулась. Ничего не понимает. Тогда помещик решительно раздевается при ней и только тогда она с презрением отворачивает-

ся. Он: «Сколько времени живет, а ни слова по-русски. У нас приказчик поехал, за три месяца стал говорить как француз». У Гоголя Собакевич в застолье порицает рационы иностранцев. Не будем цитировать, ибо даже жену Собакевича это весьма смутило. Достоевский, вспоминая летние впечатления, говорит о французских женщинах, что они очень берегут себя до замужества, но выходят замуж только для того, чтобы немедленно начать изменять мужу. Сын Карамзина Андрей присутствовал на какой-то церемонии в Ватикане. Рассказывает о диких мундирах солдат охраны. Пошел летний небольшой дождь, «а так как гвардейцы у папы сахарные, то они разошлись». Мой отец как раз начинал жизнь в Уржумском районе. Там были польские ссыльные. Жили с прислугой, завели театр. Учили девушек остригать волосы «под мальчика». Говорили, что поэтому можно стоять в церкви с непокрытой головой. Развращали молодежь разговорами о свержении царя. Сбили с пути истинного Сережу Кострикова, будущего большевика Сергея Мироновича Кирова.

Наши чиновники от образования настолько угробили лучшую в мире школу, настолько внедрились в понимание, что школа дает не образование, а продукт для дальнейшего его использования, что уже третье поколение можно назвать ЕГЭ-недоумками. Редкие учителя сопротивляются этому, еще пытаюсь говорить о любви, сострадании. Но им все тяжелей. Сошлюсь на разговор со знакомой учительницей: «Знаете, как трудно говорить о Раскольникове: “Подумаешь, — говорят старшеклассники, — нашел из-за чего страдать. Замочил старушонку, да и пошел с парнями в кафешку”».

Именно на четвертый день после преступления пришел Раскольников к Соне Мармеладовой. «Ведь надо же, чтоб человеку было куда пойти». И привело его сердце точно по адресу, за спасением. Просит ее прочесть из Евангелия о Лазаре Четверодневном. Тут символ. Для Раскольникова Соня тоже, как и он, убийца. Пойдя на панель, она убила саму себя. Но именно вера Православная спасает ее. Родион прямо-таки подталкивает ее к самоубийству: «Разумнее в воду головой и со всем этим покончить». Она и сама не раз думала так же. Но: «А с ними-то что будет?» — спрашивает она. Это она о сиротках и о больной Катерине Ивановне. Они только на

Советская афиша к фильму «Белые ночи» по роману Ф. М. Достоевского. Режиссер Иван Пырьев. 1959 г.

Советская афиша к фильму «Братья Карамазовы» по роману Ф. М. Достоевского. Режиссер Иван Пырьев. 1968 г.

ней и держатся. И когда читает Евангелие, начавши негромко, то голос ее крепнет, становится сильным, «даже зазвенел».

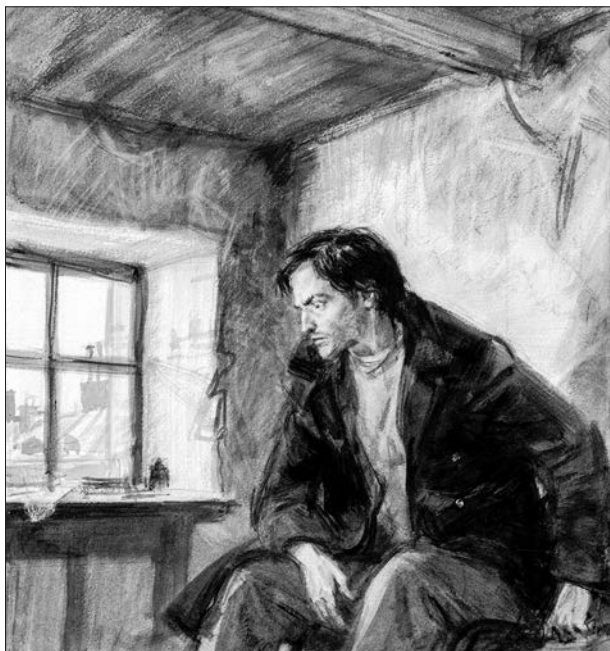
И доходит до его сознания, что «тварь дрожащая» — это он сам. И не ему ее учить, ему ее слушаться: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке. Страдание принять и искупить себя им, вот что надо». Совершенно не случайно сказано: на перекресток. Это значит: на Крест, на страдания, на покаяние.

Говоря о самоубийстве, нельзя не вспомнить два случая суицида, которые очень взволновали Федора Михайловича, это: самоубийство Елизаветы, дочери Герцена, нигилистки, передовой эмансипированной суфражистки и самоубийство молоденькой швеи, которая выбросилась из окна, прижав к груди икону. Конечно, сразу вспоминается «Кроткая» и евангельское: «Блаженны кротции, яко тии наследят землю». И это нам для размышления: кто из них будет оправдан.

И еще о том, что нам, русским, наверное, еще долго нести Крест непонимания нас миром. По Достоевскому в нас есть «готовность ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами арийского рода». Но пока что эти племена «арийского рода» мечтают о нашем устранении из этого мира, не понимая, что без нас они тут же погибнут. По Достоевскому, миссия России взять на себя груз всех человеческих страданий. «Ибо, что такое сила русской духовности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности».

И русские есть всякие, не без этого. Есть и такие, которые обвиняют в наших бедах не себя, а кого угодно: правительство, чиновников, евреев, но есть же Евангельское: «Царство Божие внутри вас есть». Можно и в миру

спасти, и в монастыре погибнуть. Раздражает тебя телевизор пропагандой разврата, пошлости, зубоскальства? А ты его не смотри. Ты, знающий русский язык, ты таким богатством владеешь, что же ты им не пользуешься? Под ногами золотые россыпи русского Слова: былины, легенды, предания, пословицы, поговорки, песни, былины, сказания... Здесь и образ жизни, и спасение души. Величие литературы устного периода сменяет период литературы письменной: Тредиаковский, Сумароков, Державин, Крылов, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Достоевский, Некрасов, Гончаров, Александр

Д. А. Шмаринов. Родион Раскольников.
Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание». 1955 г.

Островский, Шмелев, русская философия. Читал? Перечитай. От такого чтения окрепнешь душою и духом. Зачем бежать за новинками, которые настырно навязывают те же либералы. Зачем в сотый раз читать как обливают грязью Россию советскую? Не она ли победила фашизм? Не торопитесь читать новое. Дайте писателю умереть и подождите лет тридцать. Что от него останется? Именно современные писатели боятся классики. Если убрать классику, то и они что-то будут значить.

Нельзя, как говорит Писание, «уклоняться умом в лукавствие мира сего». Мир сей поклоняется двум русским авторитетам: Достоевскому и Толстому. Один идет ко Христу и нас приводит, другой отталкивает от церкви, но тоже имеет сторонников.

Россия сейчас почти единственная страна, где сохраняется присутствие Божие на Земле. Это от того, что, как выразился К. Леонтьев, главное в русском человеке: он не разделяет Царства земного и Царства Небесного.

После Голгофы человечество разделилось на тех, кто за Христа, и тех, кто против. Между ними пропасть. Преодолеть ее отпавшие могут только покаянием и приходом ко Христу. Но этого не знает или не хочет знать Европа. Но как не понять, что, кто бы ты ни был, какого бы бога не исповедовал, судить будет Христос. Богов много, Иисус Христос один.

А осознать себя «тварью», как Божиим творением, очень полезно. Тем более, созданной «по образу и подобию». И задуматься: а есть Он во мне, этот образ?

Конечно, сбудутся слова Достоевского о всечеловечности, но лишь тогда, когда человечество поймет, что путь спасения единственен: он русский.

То есть православный.

Татьяна КОЛАЧ

РУССКОЕ СЛОВО — КРЕПЬ РОССИИ

*К 75-летию со дня рождения
Бориса Бурмистрова*

**Татьяна Владимировна Ко-
лач** — член Союза писателей
России, поэт, публицист, автор
5 поэтических книг, автор анто-
логий «Русская сибирская поэ-
зия — 20 век» и др. В 1976 г.
окончила медицинское училище.
Работала на «Скорой помощи»
40 лет. Награждена медалью
«За достойное воспитание де-
тей». Книги: «Прислушайтесь к
тишине» 2005 г., «Как жить на
свете не любя» 2008 г. совместно
с Б. Бурмистровым, «Молчанью
вторя...» 2009 г., «Сентябрьские
дожди» 2012 г., «Вслед уходя-
щему» 2017 г. Имеет многочис-
ленные публикации в журнале
«Огни Кузбасса» и других си-
бирских журналах (публици-
стика, рецензии и пр.). Лауреат
региональных премий. **Живет в
г. Кемерово.**

Такое название одному из сво-
их проектов дал поэт Борис Бур-
мистров. Этот проект соединил в
себе два понятия — добычи тепла
и света — шахтерский труд и труд
писателей. Как уголь согревает лю-
дей, дает тепло и свет, так и сло-
весная руда, переплавляясь в на-
стоящее русское слово, согревает и
светит людям. Этот проект многие
годы объединял шахтеров и поэтов
Кузбасса на многочисленных твор-
ческих встречах.

Поэзия Бориса Бурмистрова —
поэзия русского слова и русской
души. Души, которая открыта миро-
восприятию: «В этой жизни, корот-
кой и вечной, // Каждый миг, как
столетье, весом...», и которая, по-
знавая мир, чувствует, когда «и не
сказать обидно, // и трудно промол-
чать», потому что знает, как «до боли
и до крови // бьют иногда слова», и
которую иногда охватывает отчаяние
и усталость, но которая принимает
тяжесть земного пути поэта:

*Так уж видно суждено поэтам —
Не уйти от проклятой сумы.
Что-то есть*

*мистическое в этом —
Погибают лучшие умы.*

И остается светлой, любящей:
«и в этом мире будет вечно длиться
// Любви моей связующая нить».
И она, эта душа, твердо знает:

*Надо выстрадать право —
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.
Чтобы снова и снова
Вдаль летела дорога,
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога.*

В этих строках Бориса Бур-
мистрова — понимание поэзии и

внутренний мир поэта. И по сути, это состояние поэтического творения, которое присуще Поэтам — с большой буквы.

С юных лет — романтик, искатель приключений, старатель колымских приисков:

*...У костра мы сидим согнувшись,
Крепкий чай, обжигаясь, пьем.
Отогреем озябшие души
И отсюда надолго уйдем.
Лишь осенний неласковый шорох
На прощанье, да шепот тайги.
На туманных, на утренних шторах
Мы автографы ставим свои...*

А это не только песни у костра, но, прежде всего, тяжелая, изнурительная, мужская работа, где в суровых условиях выковывался характер, где «Приходилось мне землю долбить, // Обнажать коренные породы...», где «...смерть в лицо // глядела пристально и зло» и где «у крутого обрыва, // Колька-взрывник сам себя подорвет, // нас прикрывая от взрыва». «Святое и грешное место», где пишутся не восторженно-юношеские стихи, а стихи зрелого мужа:

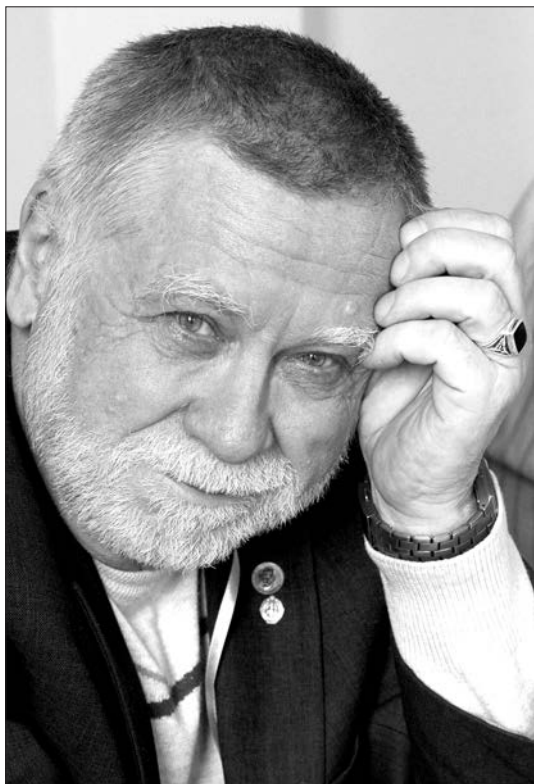
*Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых
И далекий, былинный
Голос предков моих.*

Это стихи двадцатилетнего Бориса Бурмистрова. И в них уже проглядывается будущее поэта — его судьба, его понимание непрерывной связи времен и поколений. Потом он напишет:

*Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены...*

Долгие годы он будет идти по земле честно, открыто, постигая истину настоящего русского слова. Все чаще и больше его будут тревожить православные русские корни.

А пока... Первый послевоенный год. Кемерово, Кировский район, дощатые бараки. Здесь, в семье фронтовика Бурмистрова Василия Петровича и Надежды Макаровны появляется второй ребенок, сын Борис. Мама позже говорила, что хотели девочку (которая, конечно, будет, но третья), и потому, наверное, это желание сказалось на характере Бориса. В душе его навсегда поселились чувства сострадания и милосердия, нежность и любовь к ближним. Дети барачников, они тогда уже чувствовали несправедливость, но не роптали, а учились жить. «У них отцы в завмагах, // А наши в шоферах». Уже в детские годы друзья искали в нем защиту, и он, в меру своих сил, старался защитить более слабых. Хотя сам по росту был

Борис Васильевич Бурмистров

Школа, техникум — он рано повзрослел. С восемнадцати лет живет самостоятельной жизнью, работает в г. Прокопьевске, на заводе — механиком.

А потом поманил Север. Думал на сезон, другой, а получилось на шесть лет.

*Мне по ночам опять не спится,
Лежу, уставясь в потолок.
А за стеной шумит «Зарница»
И «Ягельный» шумит приток.
Ребята спят, в бараке тихо.
Лишь шум воды да звон тайги,
А в голове неразбериха —
Опять рождаются стихи.*

У поэта много стихов известных широкому кругу читателей, но я беру малоизвестные, ранние, чтобы показать, что в них уже была глубина познания, философское осмысление жизни... и осознание своего дальнейшего пути — нелегкого и тернистого пути поэта. «Пусть этот стих не совершенство, // пусть не печатался нигде, // он просто вырвался из сердца // и адресован был тебе». Эти строки все из того же поэтического письма на «материк».

в школе крайним в шеренге. Он как-то признавался, что в детстве стрелял из рогатки только по банкам и не убил ни одной птицы. Будучи уже на Севере — пошел однажды на охоту с друзьями. Но услышав, как плачет подстреленный заяц, вернувшись, разбил ружье и больше никогда не брал в руки оружие. Кто-то из мужского рода может заметить, что это слабость, но он утверждает — это сила, не дающая права распоряжаться жизнью даже маленького существа.

Вот как он вспоминает о детстве: «Как все поменялось за последние годы. Многие стали хаять свое прошлое. Мое детство — простое, понятное, согретое любовью моих родителей, не дает мне право говорить о прошлом плохо. Да, были трудности, да были грозковые времена и... все-таки оно прекрасно — время моей России...»

А пока он бульдозерист на колымских приисках, о чем позже напишет: «Не писал я про Север пока, // Не сказать, что иные заботы, // Просто долго дрожала рука // От тяжелой, колымской работы».

А потом, по возвращении с Севера, несколько лет, отданных строительству молодого города Березовского, быстрый рост по службе: от механика до заместителя директора завода.

...И одновременно поэт — все больше и больше постигающий эту науку — любить, сострадать и жалеть.

*Мы разучились нежить
И от любви дрожать,
И потому все реже
Волнуется душа.
Мы разучились плакать,
А надо бы уметь
Среди житейских тягот —
Страдать, любить, жалеть.*

Однажды проснувшись в нем, это чувство любви и сострадания к близким и дальним, живущим здесь, на Земле, в одно время с ним, будет постоянно будоражить, истончать чувства «любовью к ближним истончусь, // душа любовью станет».

В 1984 г. Борис Бурмистров круто меняет свою жизнь, «потому что душа так велела». Он переходит на работу в Союз писателей Кузбасса директором бюро пропаганды художественной литературы и полностью посвящает себя литературному труду.

В 1989 г. выходит первая книга стихов «Не разлюби».

В 1991 г. — вторая, «Душа».

С первых же книг Б. Бурмистров обращает на себя внимание известных поэтов Кузбасса. В предисловии первой книге Валентин Махалов пишет: «Борис Бурмистров, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, прошел суровую школу жизни. Каждая строка его биографии, каждое сказанное им поэтическое слово подкреплено у него делом, своей незаемной и далеко не простой человеческой судьбой».

Стихи его непосредственны и естественны, как сама жизнь. И еще в них есть особая доверительность, открытость чувства, порою по-мальчишески неуклюжая, но при этом незаемная, до конца искренняя.

...несет к своему читателю душу честную, слово непридуманное, необманное».

Вторая книга, «Душа», не остается незамеченной. Виктор Баянов пишет: «Книга... весома и по прочтении оставляет ощущение уверенности, прочности, молодой зрелости таланта, когда уже четко обозначились творческие возможности автора... Написана книга за сравнительно короткий срок, как бы на одном душевном подъеме, и главным, что характерно для ее внутренней наполненности и что хочется отметить с особым удовлетворением, является именно душевность, так редко сегодня выказываемая в нашей современной, чрезмерно политизированной поэзии».

...Новые веяния, ветер перемен свободно врываются в раскрывшиеся окна его дома и находят чуткий отклик в его душе, прежде всего в душе, и может быть, более всего — в душе».

И что примечательно, в этой книге — на задней стороне обложки, автором написаны такие строки:

*...Осень. Листья горят вполнекала,
Чьи-то тени мелькают в окне.
Исповедался, легче не стало —
Боль души, как и прежде, во мне.*

И становится понятно, что Б. Бурмистров только начал говорить. Это только начало его творческого горения.

В этом же, 1991 г. он принят в члены СП СССР. Зрелый возраст: «Пришла пора. Мы собираем камни, // Чтоб родники от скверны оградить». А в 1992 г. — третья книга, «Поклонись земле русской».

Девяностые годы очень сложные и неоднозначные для всей страны. В одночасье рухнул Советский Союз. И вслед за ним стало рушиться всё — стремительно, неотвратно. Как будто сатана испытывал нас на прочность. Беззакония, предательства, убийства, расстрел собственного народа... И наш многострадальный народ, который не успевал уворачиваться от этого молота.

*Снова изменились времена —
Всё меняют: судьбы, имена,
Всё меняют, Бога не боясь, —
Рвут в утробе родовую связь.*

К сожалению, и в писательских организациях происходили расколы. Были и те, кто поддерживал кровавую бойню и испытывал при этом упоительное наслаждение.

Именно в этом, тяжелейшем 1993 г. Бориса Бурмистрова избрали Председателем правления СП Кузбасса..

Найти в себе силы и взять на себя ответственность за сохранение писательского сообщества, сохранив при этом патриотическую направленность в хаосе тех лет — было не каждому по плечу.

Ему это удалось. И вот уже почти 30 лет он возглавляет СПК.

Девяностые — до сих пор незажившая рана и непроходящая боль в сердце.

*В доме рама оконная выбита,
Белый свет с темнотой обнялись.
Перемешана, смешана, выпита
Поколения целого жизнь.*

Быть председателем — это огромный, многогранный труд. Общественная и просветительская деятельность, поездки, встречи, выступления, семинары, проекты и их реализация, работа с молодежью, решение бытовых вопросов — помощь писателям в устройстве их в санатории, больницы, получении квартир, решения в спорных вопросах. Каждый день огромный список дел... и стихи. Книги продолжают выходить.

1995 г. — «Песочные часы» и «Лирика».

1999 г. — «Живу и радуюсь, и плачу».

В этой книге предисловие пишет сам автор: «Размышляя о дне сегодняшнем, я с тревогой смотрю в будущее. На рубеже тысячелетий нами потеряно главное — чувство сопричастности с великим прошлым России, с тем соборным временем, когда дух высокий парил над Русью. Когда было счастьем умереть за землю русскую и за “други своя”. Обидно, что ничему мы не учимся. Сколько мудрости накоплено нашими предками, но мы снова и снова, будто слепые котят, тычемся в углы и стены, когда рядом дверь...

...Прошли, пролетели годы. Много бед и горя обрушилось за это время на мой народ, свалилось на меня. Многих друзей нет сегодня рядом. Болит душа. Какими словами рассказать о потере близких, какими слезами оплакать любимых? Оттого и печальны многие стихи мои. Но в них нет безнадежности, в них вера в бессмертие душ наших.

Душа и слово понятия неразделимые. Душа наполняет слово глубинным, истинным смыслом бытия. А когда больна душа, мы лечим ее словами добра, любви, сострадания. Оттого русская поэзия исповедальна...

...Откуда-то свыше пришло к нам понятие Духовного пространства Родины; оно живет, существует. И даже в те времена, когда не было на Земле письма, это пространство хранило мечты народа, хранило историю, копило духовные силы, которые и сегодня помогают нам выстоять в это мрачное для России время. Оно живет и сегодня. Чтобы дети наши могли окунаться, как в утреннюю речку, в это духовное богатство, черпать из него, омывая, очищать себя и души свои от скверны всякой и приумножать, и расширять это Духовное пространство для своих детей.

С этими мыслями и живу... Живу и надеюсь, что тяжкие, смутные дни на Руси пройдут. Ведь во все времена “и плакалось, и пелось...” Хотелось бы только одного — чтобы пелось больше».

Это было время, когда слово «русский» было ругательным и уничижительным. Мы, находясь в своей стране, не могли вслух сказать, что мы русские. А если говорили, нас осыпали насмешками. Даже с высоких трибун. Достаточно вспомнить Евтушенко, Окуджаву, забытых уже: Черниченко, Корякина...

У Б. Бурмистрова есть стихотворение, посвященное тому периоду:

*В миру безмолвного творенья
Вам, громогласным, не понять,
Что исихастское моленье
Нам до поры велит молчать.
<...>
И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша — русская звезда...*

Но и в те времена Бурмистров не прогнулся, не изменил себе, не изменил России: «Русский мир, как космос, навсегда».

В стихах тех лет много боли, горечи, пронзительности, виноватости за происходящее в стране:

*...есть в том моя вина,
Что не сказал в твою защиту слова,
Что промолчал, когда вели в полон
Твоих детей, оторванных от древа.
Ни Ангара, ни Енисей, ни Дон
Из берегов не выплеснули гнева.*

Его голос слышали далеко за пределами области. Его борьба за чистоту русского языка была беспощадной. Стихи и публикации на эту тему печатали как местные, так и центральные газеты и журналы.

*Загляделся в прозрачный ручей
И о жизни задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.
Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напиться...*

Это стихотворение стало классикой. Известность и популярность Бориса Бурмистрова выросла. И как поэта, и как руководителя.

В 2001 г. выходит его книга «Зимнее солнцестояние».

«Вся книга — как солоновато-солнечная капля-судьба, в которой прозрачно и нераздельно смешались кровь, пот и слезы русского человека.

...Стихи Б. Бурмистрова имеют свои корни в русской поэзии.

...Одна из вершин духовной русской поэзии — стихи о Боге. Подобная полнота творческого самовыражения присутствует и торжествует в стихах Бориса Бурмистрова... обретающем свое призвание в русском народе и причастность свою к Богу». Это пишет в предисловии к книге поэт Александр Ибрагимов.

Благодаря многолетнему участию в общественной жизни, активной гражданской позиции и собственному авторитету Б. Бурмистров находит понимание у писателей и у руководства области. До 2003 г. в Кузбассе было два отделения СП России (отрывка девяностых годов). Создание Дома Литераторов Кузбасса, которого так долго добивался Б. Бурмистров, состоялось в 2003 г. и объединило писателей в одну организацию. Помощь в этом оказал полномочный представитель Президента по Кемеровской области, член СПР В. Н. Казаков и начальник департамента культуры В. И. Бедин. Но этого бы не случилось без доброго участия губернатора А. Г. Тулеева.

Б. Бурмистров возглавил объединенный СП и Дом Литераторов Кузбасса, создал команду единомышленников и в дальнейшем, при поддержке губернатора, многие крупные проекты и идеи были воплощены Союзом писателей в жизнь.

В 2005 г. выходит книга «Собор стихов» — посвященная двухтысячелетию христианства на Земле. В предисловии Бурмистров пишет: «Настоящая поэзия соединяется с молитвой, а вернее, переходит в молитву... Слово русское в настоящем, в изначальном своем представлении божественно-прекрасно. В нем изначально заложена молитва. Молитвенность, исповедаль-

ность — вот составляющая русской поэзии. Русская поэзия — это поэзия души, это истончение души».

В 2007 г. вышла «Хрестоматия» — предназначенная для внеклассного чтения в 5–11 классах общеобразовательных учреждений Кемеровской области, а также для студентов колледжей, гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

В 2008 г. — «Русская сибирская поэзия, Антология XX век».

Такое собрание лучших произведений сибирских писателей вышло впервые.

Презентация книги прошла в Кемерово, в Москве и других городах.

И несмотря на столь плотный график Бурмистрова-руководителя, Бурмистров-поэт продолжает писать стихи, повышая свое мастерство.

В 2005 г. в Москве вышла его книга «Теплое дыхание зимы».

Эта книга отмечена несколькими отзывами. Леонид Ханбеков в предисловии пишет: «В сборнике его негромкое, самоироничное слово, как долго сдерживаемое дыхание, обрело глубинную силу и бесспорную, очевидную мощь.

...Негромкий, несуетный, но корневой и неотъемлемый патриотизм Бориса Бурмистрова — подлинность и основательность земных дел, незамутненность мысли в стихах при полном торжестве образности, метафоричности, глубины и естественности переживания. Язык его поэзии — живой, подвижный, озорной и проникновенный. Он то усталый, хрипловатый от сибирских вьюг и метелей, то солнечный, жизнерадостный, а может обернуться набатным, когда к сердцу подступает боль отчаяния...»

Поэт Анатолий Григорьев, в альманахе «Московский Парнас» отзывался так: «Читать СтихоТворения в этом сборнике можно множество раз — всякий раз открывая для себя нечто новое, тебе близкое, родное и родственное. И как бы с каждым разом приоткрывая все новые и новые дверцы: и в таинства души поэта, и в таинства — ведомые и доступные только тебе... Душе твоей... Твоим воспоминаниям. И твоим ассоциациям. И именно это потаенное, душевное — как в песне... И как в песне завораживающее всякого, попавшего в мир песенно-животворящего, — сближает стихи Бурмистрова и с классической русской лирикой, и с русской народной песней».

Тогда же, в 2005 г., выходит сборник лирических стихотворений «Скажи люблю...», в 2006 — «Чтобы женщина рядом была», а в 2007 — «Как жить на свете не любя...». Об этой книге в статье Валерия Плющева, члена СПР: «Делать стихи в полную силу, радоваться, ненавидеть, любить во всю мощь — именно таков в творчестве поэт. Поэтому такое большое количество его стихов — любовная лирика. Поэт пошел на поэтический эксперимент: вместе с коллегой по профессии Татьяной Колач создается книжка лирических откровений под заголовком “Как жить на свете не любя” с подзаголовком “Романтическая пьеса для двоих”.

...книга-переключка получилась замечательная: есть вступление — начало любви, широкий выход на простор счастливого и вдохновенного упоения любовью, и заключение — о тайнии этого великого чувства и сожалении-плача одновременно с благодарностью за такой божественный подарок.

...можно представить, каким чарующим мог бы стать реальный спектакль на сцене с бурлящими высоким чувством стихами двух поэтов».

В 2009 — очередная книга «О чем не сказано еще».

А в 2011 г. — в Петербурге книга «Сквозь сумерки времен», за которую поэт получил Большую Литературную Премии России.

Выдающийся русский поэт, Лауреат Государственных премий Станислав Куняев в предисловии пишет:

«Когда я прочитал его рукопись, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих русских пословиц: “жизнь прожить — не поле перейти”.

Эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошел бы, если бы не нащупал кровные связи с вечными обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим родных людей.

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским повелением: “в поте лица своего будешь добывать хлеб свой...”

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес,
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту,
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.*

Самым сильным, чтобы “в поте лица своего” одолевать поле жизни — нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды.

Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики, без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

*Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.*

Как это знакомо нам, русским людям, из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии, понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении “Нищета”, написанном рукой, до сих пор дрожащей “от тяжелой колымской работы”.

*Пойдем, подружка-нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?*

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи — вены, артерии, сухожилия:

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое, и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

*Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.*

“Бог есть любовь”, — писал Лев Николаевич Толстой. И любовь, как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемого временнаго внутреннего мира. Любовь к жизни, любовь к родине, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к поэзии.

У Бориса Бурмистрова — эта связь поэта с прошлым, настоящим и будущим родной земли, это его родова с корнями, ветвями и листьями, это бесконечная любовь ко всему сущему».

И уже в 2012 г. книга новых стихов «Русской напето судьбой».
В 2016 — «Исихастское моление».

Помимо этого, множество публикаций в местных, региональных и центральных газетах и журналах.

«...Борис Васильевич относится к плеяде выдающихся русских поэтов. Его стихи совершенны в той степени, в какой может быть совершенно изложение сложнейших законов бытия поэтическим языком, раскрытие исконных русских смыслов через образы и метафоры. Стихи Бориса Бурмистрова не только интересно читать, но их хочется учить наизусть и цитировать во многих жизненных ситуациях. Мы рады, что на страницах “Родной Ладоги” стихи замечательного русского поэта публикуются с первых номеров издания и вызывают интерес читателей» (Журнал «Родная Ладога», Санкт-Петербург).

Еще в начале творческого пути он понимает значение русского слова для русской души.

*Как больно рождается Слово,
Минуя безмолвья запрет.
Как больно... но снова и снова
Словам появляться на свет.
<...>
Под сенью небесного крова,
В предутренней, летней тиши
Рождается новое слово
Загадочной русской души.*

Б. Бурмистров использует мощь, богатство и образность русского языка в полную силу. Стихи его напевны, мелодичны. Наверное, поэтому на его стихи много песен, музыку к которым сочиняет как сам поэт, так и профессиональные музыканты. На встречах, в кругу друзей он часто поет свои песни под гитару.

«Душевность поэта особенно зримо видна при его общении со слушателями. Вот ведь, вроде читает без всяких выкрутасов, спокойно и разме-

ренно, но слова ложатся, словно выточенные сверкающим топором мастера — бревна в сруб, без зазора, и поклонники поэзии затихают, замирают, слушая стихи в “живом” бурмистровском исполнении, чтобы после их окончания взорваться аплодисментами» (В. Плющев).

И еще в его стихах чувствуется огромная внутренняя ответственность за слово, которое он несет людям.

*Слова придумывал такие,
Каких еще не видел свет,
И утихали все стихи,
И умолкал безумный бред.*

Про сказанное и написанное:

*...Слово доброе добрым вернется,
Злое — злым отлетит от стены.
И ударит больнее больного,
И тогда вдруг поймем, что творим.
Бумерангом становится слово,
Возвращаясь к истокам своим.*

Сорвавшееся с губ:

*...А я боюсь пророчества в словах.
Я испытал всю мощь и силу слова.
В ненастный день и неудобный час,
Сорвавшись с губ, не возвратится снова —
То слово, что убийственно для нас...*

Чем больше пишешь о Борисе Бурмистрове, глубже вникаешь в строки его стихов, тем яснее становится необъятность внутреннего мира поэта.

Тема любви к женщине... Ее просто невозможно раскрыть чужими, не авторскими словами. Его стихи о любви нужно читать. Их можно перечитывать много раз, и каждый раз находишь что-то новое. Он открыт в своих стихах, понятен и близок, трепетен и нежен:

*Гром грохочет за рекой, вдали,
Серый дождь завис в оконной раме —
Пахнут ветром волосы твои,
Буйными осенними ветрами.
<...>
Гром стихает где-то за рекой,
И светлеет небо над холмами.
Глажу твои волосы рукой
И ловлю дыхание губами.*

Лиричен:

*Перешагну через трещину
И... в полынью.*

*Как я любил эту женщину,
Как я люблю...*

Пронзителен:

*Время не терпит нигде пустоты,
Даже в пустой квартире.
Чем-то заполнить мне надо ее,
Чтоб после долгих странствий,
Слышать, как дышит имя твоё
В этом глухом пространстве.*

Или такое, вроде бы, несовместимое. О нелюбови с любовью:

*...Нелюбовь — это тоже любовь
С отрицательным знаком.
Нелюбовь не заставишь любить,
И она не слабеет с годами.
Нелюбовь — это черная нить,
Что натянута между словами...
<...>
Нелюбовь в этом мире живет,
Неподвластная чувствам горячим,
Своего нелюбимого ждет,
От любви в темных улочках прячет.*

В 2018 г. вышла новая книга поэта «Мой род — небесный и земной», которая тоже не осталась без внимания. Известный поэт, Лауреат Государственной премии РСФСР, Валентин Сорокин пишет:

«В стихах Бориса Бурмистрова — сама жизнь, вдохновенная и радостная, мудрая и спокойная. Все ее тропинки и все ее дороги — перед нами. Поэтому творчество поэта, как хорошо известная тебе же твоя судьба, не удивляет, а сочувствует вместе с тобой в текущем быту и времени.

Успех и опора поэта — его биография. Без серьезной биографии и остроты человеческого опыта слово поэта не проникнет в мир и заботы людей; не станет для них близким и неопровержимым. И я с восторгом прочитал биографию, в начале — рабочую, потом — руководяще-трудовую. А далее — уже творческую.

Поэты, рожденные перед Отечественной войной и чуть позже, строгие и решительные: Анатолий Передреев и Борис Примеров, Николай Рубцов и Вячеслав Богданов, Юрий Кузнецов и Виктор Каратаев — ничем их не упрекнешь. Слово их вдохновенно, посвящено, как сама их жизнь, родному краю, родному народу. Они выполнили свой долг перед Россией. За ними ныне идут, через те же заботы и обязанности, житейские и творческие, Владимир Бояринов и Борис Бурмистров, Анатолий Парпара и Иван Голубничий; да, могу я назвать и еще имена талантливых поэтов, слава Богу, действующих сегодня на просторах наших.

Борис Бурмистров — талантливый поэт. Достойный руководитель писательской организации. Кемерово и Бурмистров неотделимы друг от друга».

Судьба поэта схожа с судьбой страны. В последние десятилетия не так уж много было радостных событий. Все больше беды, горести, потери.

*Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили.
Сел в эту лодку отец наш — Василий,
Дочка Светлана, сынок Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее — летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане.
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».*

Да, перевозчик сказал: «До свиданья». Не прощай... И сколько этих свиданий с перевозчиком было впереди? Сам Борис Васильевич однажды чудом уцелел, не уплыл на тот берег. Судьба хранит поэта, но путь его, ох, как нелегок. «...оттого мои губы покусаны // и морщины на лбу, словно пропасти».

Но больше всего болит душа за Русь, Россию-матушку, за свой «несчастливый народ». «Непокорное слово “Свобода” // отливают всегда из свинца». И понимая, что «покаянное время грядет», вопрошает: «Как легко мы ломаем устои // наших предков, чего же мы стоим»? Он не уходит от ответственности за происходящее вокруг, но оглядываясь, с болью описывает происходящее: «Им столетья не стали уроком — // нелюбовь правит миром и страх» и «целая держава с бесправьем заодно...», когда «слово тонет в смуте», когда «истерзанные русские равнины // могилы предков пылью занесло», и когда «Родины горчайший дым // плывет над нами сиротливо» и «Свет небесный сквозь серый туман // на пустые поля оседает».

«Грустно. Но это с натуры // Родины милой моей».

И как заклинание звучит: «Дай-то Бог, чтобы в нашей крови // не пропали великие гены».

И так хочется «отдохнуть бы от мутных речей», но вдруг оказывается, что «все обман // поэт в России никому не нужен»... И уже «не подняться — тяжкий крест // ломает душу, давит тело» и оттого так «много выпито вина // и боли лютой», и «то в бездну падаю очами, // то взгляд бросаю в синеву», и, конечно, «потом опохмелюсь // настоящим горьких слов», «и выйду за порог. // Там за порогом Русь, // там за порогом Бог».

За порогом в пространстве, где Русь и Бог, сразу возникает вопрос, который переходит в ответ:

*Кто остановит этот блуд и бред,
Кто за других взойдет на путь кандаальный —
Поэт в России, если он поэт,
Он боль и кровь земли многострадальной.*

И приходит осознание — «я искал в этом мире бездушном // заплутавшую душу свою» и понял «о чем молчат слова, // готовые родиться».

И сразу «Божий свет затеплился в душе, // и открылось сердце для молитвы».

«Все пройдет, но останутся вечно // наши думы на этой земле», и начинаешь понимать, что «все бесценно, что было со мной», что «пуговиной связаны века, // нить времен вовек не оборвется» и «душа неотделима // от сегодняшнего дня»... И еще... «По Господней воле // я поэт и муж».

И все мощнее звучит голос поэта. С какой горечью говорит он о приспособленцах, не только прячущихся за спиной, но и предающих, целящихся в самое дорогое и сокровенное. Но все их попытки обречены.

*Во времена тотального вранья —
Где ты «мой друг» и где сегодня я.
С какого края и в каком ряду —
Ты за спиной у всех. Я на виду.
Я попадаю снова под прицел.
А ты опять тихонечко присел
И выжидаешь — снова пронесет —
И так всю жизнь — «везет тебе, везет».
Во времена тотального вранья —
Все стрелы зла направлены в меня.
Все потому, что за моей спиной —
Мой древний род: небесный и земной.*

И эта огромная ответственность перед своим родом, как путеводная звезда, вела его правым, праведным путем через всю жизнь. Он всегда крепко стоял на этом пути «русским духом сердце наполняя» и «заплатил за все сполна // любовью, кровью и словами».

И стался при этом открытым, добрым, щедрым, независимым с неиссякающей любовью к окружающим, верным сыном России.

*Надо верить, что смерти нет.
Путь прошел и назад оглянулся —
Слава Богу, я видел Свет,
Слава Богу, я в Свет окунулся.*

И как глубинно его определение поэзии: «...Поэзия — начало Мироздания, // законов всех начальная строка, // Мгновений неосознанных века...». Вдумайтесь в эти строки!..

Как писал поэт Михаил Анохин: «Самое трудное, это остановиться и прервать цитирование стихов Бориса Бурмистрова. Потому что о любом его стихотворении можно написать не одну, а множество статей, раскрывающих бесконечные смыслы подлинно поэтической речи...».

Кто бы мог подумать, что Борису Васильевичу в этом, 2021 году исполняется 75 лет! Физическая его форма и мальчишеский задор заставляют сомневаться в этом...

Мы желаем ему вдохновения, здоровья, творческих удач и долгого служения России, русскому языку, русской литературе!

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ПОВЕСТЬ — БЫЛЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК...

*О повести Игоря
Изборцева (Смолякина*)
«Чудеса болотные»*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5-ти книг поэзии, книги критики «Резонанс жизни», книг по искусству. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП России. Живет в Санкт-Петербурге.

Новую повесть известного псковского прозаика Игоря Изборцева «Чудеса болотные», имеющую сказочное название, с долей сомнения можно отнести к заявленному автором жанру повести. Нарушение жанровой классификации есть допустимая реальность современной литературы, и сама повесть обладает очевидной актуальностью, хотя время действия — 70-е годы прошлого века. Сегодня их называют «золотыми», и многие читатели, как и сам автор, помнят эти безмятежные, но не без тягот годы, выпавшие на их детство и юность. По замыслу писателя — это произведение для детей, которые, конечно же, такой давней истории не знают, еще и поэтому примут его как сказку о далеком волшебном времени и мире, где не было зловещих компьютерных игр, но жили добрые волшебники и случались настоящие, сбывающиеся на всю жизнь чудеса. Время событий в повести важно, и многое определяет. Но, кажется, и для взрослых постарался автор, помня заповедь Спасителя — будьте «как дети» (Мф. 18: 3), «ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10: 14)? Как говорит священник Иоанн Федотов, «Вера для детей естественна, она является опытной частью их жизни. Наоборот, им несвойственны сомнения, колебания, лукавые мудрования и самооправдания. Их вера безотчетная и при этом искренняя... Дети верят в слова взрослых, для них эти слова то же, что

* *Смолякин Игорь Александрович* (лит. псевдоним — Игорь Изборцев) — известный русский прозаик, автор семнадцати книг прозы и публицистики, председатель Псковского отделения Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России, организатор нескольких литературных фестивалей и конкурсов. Живет в г. Пскове.

и дела их... Вера детей во взрослых, вера последних в детей ведут к глубокой, искренней и естественной вере в Бога»¹. Именно в качестве «будьте как дети» взрослому человеку становятся более понятны закономерности бытия и особенности мира собственных детей. Но что бы ни было задумано автором, можно отметить, что отражение нереального события в «реальности идеального» является особенностью этого чудесного по содержанию, образного по слогу, доброго по идее произведения.

Сложно представить, что в век науки, во времена тотальной цифровизации и всеобщей идентификации есть потребность в чудесах, в метафизике. Но она очевидна и, вероятно, объяснима потерей достоверного критерия оценки человеческого существования и человеческих дел. Раньше такой абсолютный критерий был, но прежняя его формулировка — «приближение к Богу или удаление от Него» — сегодня у большинства наших современников вызовет непонимание или улыбку. Начало повести тоже вызывает улыбку и недоверие к реальности происходящего, что постепенно рассеивается, и все необычные коллизии воспринимаются как возможные. Писатель заставляет проникнуться доверием к героям его повести, полюбить их и понять происходящее через сопереживание.

Сюжет несложен: восьмилетний мальчик Мишаня, проживающий с измученной скудной жизнью и тяжелой работой матерью в бедном рабочем городском районе на Псковщине, конечно, как и любой его ровесник, мечтает о приключениях, которые, как, например, кино, мороженое, паровозы, в его простой жизни можно назвать чудесами. Именно это слово вынесено в название повести, хотя возвышенная семантическая тональность этого глубокого понятия резко снижена плоскостным определением «болотные». Получается своеобразный смысловой крест. Но это, действительно, «повесть» об обитателях «Болота», как в первой строке поясняет автор, *«Восточную часть Завокзалья сыздавна называли Болотом. Долгое время эта территория от Паровозного проезда до Морозовской ветки, подпертая с юга переулком Машиниста, была пуста. Да и как обживешься на мхах да камышах?»* Но русский человек не только обживется, но доверяет и жизнь свою, и сердце родной земле, какая б убогая и зыбкая она ни была. Таков и главный герой повести — мальчик Мишаня — Михаил Коробов. Даже при встрече в тупичке Бригадного переулка с волшебником Макаром Ивановичем Афанасьевым-Никитиным мальчик с достоинством старожилы, наследника своей земли, в которой покоится его отец, бывший фронтовик, не суетится, не жадничает, не просит у волшебника ни дальних странствий, ни перемены родины, ни легкой жизни. Его простые просьбы достойны и благи для совершенствования его характера: книги, расширяющие исторические горизонты, рассказы, совершение добрых дел, даже скворечник, чудесным образом выросший на грядке — все искренне радуется и обогащает неизбалованного мальчишку. Во все эти чудеса Мишаня верит, воспринимает их как реальность, как закономерный дар. И они, действительно, легко даются именно ему, облеченному непонятной еще маленькому человеку миссией — сбережения русскости или по-научному — русской ментальности, или философски — сотворения личности.

¹ Будьте как дети. <https://pravoslavie.ru/110476.html> (дата обращения 18.06.19).

А в повести об этом рассказывается так:

«Макар Иванович, склонив голову к плечу, внимательно посмотрел на Мишаню.

— Нет, так не годится! — сказал он тоном директора школы. — Никакой стрельбы по галкам! Ты вот по гусю своему стал бы стрелять? (Мишаня отрицательно помотал головой). То-то. А по галке что ж? Чем же она хуже твоего гуся? Мы лучше вот что сделаем. Тут на грядке еще есть место, посадим в нее твою рогатку и посмотрим, что наавтра вырастет? Идет?

Мишаня округлил глаза, сделал губы трубочкой и пожал плечами. На призывный жест Макара Ивановича он отдал ему рогатку и смотрел, как тот откапывает ямку и укладывает в нее его личное оружие. Потом обильно поливает из лейки».

Наавтра на этом месте выросло кривое дерево саксаул, конечно, по-хорошему волшебное, а через несколько дней произошло дальнейшее его преобразование.

«— Сейчас посмотрим, — Макар Иванович склонился над корифеем джунгарских степей и туранских пустынь. — Так, все понятно, здесь вырос птичий домик, сиречь скворечник, мал он, правда, еще. Ты, Мишаня, его сорви и прикопай где-нибудь в укромном уголке вашего огорода. Пускай пустит корни. Глядишь, через недельку-другую он и поднимется в нужный рост. А там, повесите его с дедом Пахомом на кривую яблоню, вот будет радость для пернатых! Но пойдем же собирать урожай с чудо-дерева. Сколько раз это делал, а всегда волнуюсь...»

Радость — одна из основных мелодий повести. Радостны взаимоотношения волшебника и мальчика, узнающего от своего нового друга о всеохватном, проникающем в нынешний день мире минувшего, о прошлом страны и всей земли. Через чудесные образы и волшебные превращения взрослый друг показывает мальчику нравственные основы бытия, дает представление о законах поведения в человеческом обществе, воспитывает в нем интерес к истории. И это необходимо, так как глубина русской исторической памяти прервана множественными нашими убийственными революциями, сегодня до неузнаваемости искажены многие нравственные понятия, инвертированы знаки оценок поступков. Поэтому автор использует прием перевода исконных русских заветов и исторических законов на доступный ребенку язык чудес, прибегая для этого к изменению композиции и стиля художественного текста. В одном пространстве произведения талантом писателя свободно сосуществуют символ и аллегория, назидательные эпиграфы к каждой главе и волшебные образы, выдумка и быль, повесть и сказка.

Ассоциативно упоминание фильма 60-х годов, который мечтает посмотреть Мишаня: это фильм-сказка «Три золотых волоска Деда Всеведа», созданный чешскими авторами во времена единства и благоденствия всех стран соцлагеря, дававшего уверенность в завтрашнем дне и неизбежной победе добра над злом. Фильм рассказывает о том, как прекрасный юноша Плавачек побеждает злого короля с помощью добрых дел, любви и трех золотых волосков волшебника Деда Всеведа. Автор повести с помощью тоже сказочных символов выстраивает алгоритм оценки реальных человеческих поступков, определяет количество и качество в них добра — не заданного, а искреннего, которое делается по необходимости души. Именно такой не-

рассудочный, сердечный, «от избытка любви» принцип является признаком русского самосознания, из которого русский человек был на время изгнан и в которое ему необходимо вернуться именно сейчас, когда под влиянием сторонних негативных воздействий незаметно происходит дерусификация нашего народа.

«На протяжении всей истории развития русского самосознания в качестве основного сохраняется убеждение в том, что *идея вечна и представляет особую ценность, из нее нельзя исходить, в нее следует входить*. На этом утверждении основан русский “реализм”, который и стал *русской формой философствования вообще*»¹ (выд. авт. цитаты. — В. Е.). Этим выводом ученых можно оправдать и объяснить смешение жанров произведения Игоря Изборцева, вводящего сбитого с нравственных позиций современного читателя в реально существующий мир добра, поэтому писатель называет свое произведение повестью. Добро — не сказка, оно реально и действенно, но убедить современного читателя в его объективности и всепобедимости сегодня можно только сказочными образами. Однако у сказки свои особенности, свои правила, как говорил В. Г. Белинский, сказочник «...не только не гонялся за правдоподобием и естественностью, но еще как будто поставлял себе за непременную обязанность умышленно нарушать и искажать их до бессмыслицы». В произведении Игоря Изборцева на первый взгляд правдоподобия гораздо меньше, чем невозможных искажений действительности, как, например, урожай с чудо-дерева, на котором вырастают (материализуются) потерянные людьми или необходимые им вещи. С точки зрения здравого смысла все это абсолютно не понятно, так же абсурдны на первый взгляд и пояснения волшебника, собирающего эти «плоды» в большую коробку.

«Соберем в нее все, что уродилось, — пояснил он и, не откладывая, начал тут же аккуратно снимать с чудо-дерева “плоды”».

— С этим ясно, — Макар Иванович вслух комментировал ход уборочной страды. — А это что? Чудны дела Твои, Господи, думал уж никогда не найдется. Так, это в депо, это в милицию. А это куда? Ясно! Возьми! — Макар Иванович протянул мальчику спичечный коробок. — Здесь засушенный коллекционный жук-олень, который твой школьный дружок потерял в Летнем саду, когда гулял там с бабушкой. Передай Сереге с пламенным приветом!

— А Серега говорил, что его рогача забрали в зоологический музей, как ценный экспонат, — с недоумением пожал плечами Мишаня.

— Это, наверное, другого рогача забрали, а этот был утерян, аккурат у качелей-лодочек. Так, идем дальше, утюг отправим тете Клаве, это ей за то, что она плюнула на сапог фашистскому обер-фельдфебелю Герману Шланге. А трубка и табак — деду Пахому, отличился старик при ликвидации левозэровского мятежа в Москве в восемнадцатом году. Лично Ульянов-Ленин руководил! — Макар Иванович потряс перед мишаниным носом указательным пальцем. — Лично! А тебе, товарищ Мишаня, октябрятское поручение. Этот кошелек отнесешь в паровозное депо, отдашь бригадиру ремонтников Поликарпу Ефимовичу».

¹ Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М.: Наука. 2017. С. 23–24.

Не понятен процесс появления этого «урожая», но реальные добрые «плоды» чудо-деревя, имеющие не только вещественный облик, но и личностное, человеческое содержание, определяющееся мерой душевного добра возделывателей этой нивы. Но если есть добро, значит, есть и зло. Писатель не сопоставляет добро со злом, не показывает их борьбу, но, как принято в русской традиции, исследует количество добродетели в жизни, подтверждает известный философский тезис, что зло укрепляется и разрастается при понижении степеней блага. По мысли древнегреческого философа Платона, зло вовсе не реально существующее явление, а простое отсутствие добра. Это отсутствие добра у взрослых свидетелей дружбы Мишани с волшебником оказалось для нее роковым.

Макар Иванович невероятным способом решил исполнить просьбу своего маленького друга, мечтающего иметь паровозик. От широты великорусской души он не захотел делать копию, но умалил до величины детской игрушки настоящий, стоящий в депо паровоз с номером ОР-237-85. Так что даже академик Кулаковский, приглашенный в качестве консультанта для идентификации необычного макета, отверг категорию «игрушки»:

«— Игрушка? — переспросил Куликовский. — А вы знаете, что внутри этой игрушки висела курточка машиниста, а в ее кармане лежал паспорт, выданный на фамилию гражданина Кузякина, а также деньги? И все это, уменьшенное в тридцать тысяч раз? А хотите, расскажу про иголку, которая была заколота в воротник? Про катушку ниток? Про анальгин и бутылочку йода в аптечке? Видели бы вы эти игрушки! Я имею в виду — в электронный микроскоп. А вы говорите! Да тут фундаментальная наука в тартарары летит! Вся таблица Менделеева! Вы представляете структуру материи артефакта? Из каких атомов он состоит? Да это вообще нечто не из нашей Вселенной, не имеющее отношение к нашему миру!»

Многолюдное расследование было назначено по факту хищения паровоза и сопутствующих невероятных происшествий. Никто не мог понять, как «маневровый паровоз сегодня пропал. И что самое интересное, куда уехать он не мог, все пути движения были перекрыты подвижным составом. Но уехал!» Взрослые, не верившие своим рациональным умом в то, что любовь может воскресить Спящую Красавицу, что может явиться в гости к Дону Жуану Каменной гость, не поверили и тому, как мог умалиться до размеров детской ладошки большой реальный паровоз, оставаясь настоящим. Не пытаясь осознать явление, не проникнув в суть происходящего, не допустив, что чудо может быть явлено через вещь, не осознавая, что человек, как говорил Н. Бердяев, необъясним только из природного мира, они дружно попытались исправить «ошибку», ввели жизнь в привычную норму и разрушили добрую сказку. Волшебник вынужден был покинуть «Болото», его обитатели остались без благодатного, хоть и кривого чудо-деревя, но в душу Михаила заронились зерна добра, имеющего не сказочную, но реальную, божественную природу.

О том, кто такой был Макар Иванович, — можно догадываться. Как говорит автор повести: *«Я оставляю этот вопрос открытым, пусть читатель соображает сам. Быть может, ангел небесный встречается с ангелом земным? И первый, пораженный непосредственностью и чистотой второго, идет несколько дальше того, что ему дозволено? Если бы*

то, что происходило между ними, не разомкнулось на внешний мир, мир взрослых, то ничего бы собственно и не произошло, оставаясь их маленькой тайной. Пропавший паровоз, к примеру, тихо вернулся бы на свое место». Но такого благополучного финала быть не могло, дружба не осталась тайной, и само «размыкание» необходимо было автору не только для «правды жизни», но и для того, чтобы детально показать мир обитателей «Болота», ярко проявившийся в соприкосновении с невиданным, с небываемым. В многослойной повести много полноценно действующих и просто названных лиц, это и таинственный дед Пахом, оказавшийся национальным героем, и хитроватые «болотные» пьяницы, и отважные стражи порядка, и воспитанные на военной героике мальчишки, и гусь Мартин, и щенок Булька, и многие другие зверюшки и птицы. В общем, писатель изобразил с той или иной долей прорисовки большой живой мир маленькой окраины. Как известно, мир есть совокупность, цельность, и в бедном рабочем городском районе явление волшебства стало своеобразной центростремительной силой, заставившей людей задуматься над реальностью невиданного, сплотиться в поиске смысла случившегося, поднять глаза к небу, посмотреть «на облака, которые как вражеские танки черными тенями наползали на Завокзалье». Но более всех своей детской верой утвердился в существовании чуда Мишаня Коробов, не остается сомнений, что со временем Михаил еще более укрепит в вере, что смело пронесет свою добрую сказку-быль по жизни. Ведь на разумное предупреждение участкового Брагина спрятаться от начинающейся грозы, он, не сомневаясь, отвечает:

«— Сам прячься! Солдаты не прячутся!»

Вдали тревожно загудел паровоз. В этот же миг небесная сфера треснула и, ослепив мгновенной вспышкой огня, громыхнула из всех калибров, так что все вокруг зашаталось и затряслось». Но Мишаня, представляя себя воином, защитником своей земли и своих земляков, не обращая внимания на падающий с неба дождь, на воображаемом коне поскакал в огород...

Так просто в повести-сказке Игоря Изборцева выявляются сложные логики загадочной русской ментальности, раскрывающиеся в правде духовной реальности и в чудесных сказочных смыслах, помогающих русским людям выдержать испытания и «социальным строем», и вражеским нашествием. Игорь Изборцев восстанавливает посредством своей сказочной повести воспитательную функцию литературы, возвращает из забвения традиционные культурные навыки, формирующие русский склад ума, что сегодня, конечно, необходимо детям, но, в большей степени, взрослым.

Игорь ИЗБОРЦЕВ ВСЕЛЕНСКАЯ ДУША

Рассказы

К 60-летию со дня рождения

Игорь Изборцев (Игорь Александрович Смолькин) — родился в 1961 г. в г. Пскове, окончил Ленинградский Политехнический институт, работал в строительстве. С конца 80-х начал журналистскую деятельность. Председатель Приходского совета храма Воскресения Христова в Орлецах. Член СП России. С 2005 г. — председатель правления Псковского регионального отделения СП России, секретарь правления СП России, член Всемирного Русского Народного Собора, член Высшего творч. совета Союза писателей Союзного Государства России и Белоруссии. Автор многих книг прозы. Действительный член Академии Российской словесности, Петровской академии наук и искусств. **Живет в г. Пскове.**

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

С голодных послевоенных до беспутиных девяностых годов на берегу реки Псковы, неподалеку от Гельдтовой бани, жил сапожник Иван Алоян. Иваном он был по матери, а по отцу — армянином. Да и вообще, во всем остальном он тоже был по отцу. «Отец мой, — говаривал, бывало, Иван Алоян, — а звали его родителя никак иначе, как Гамлет, — когда пришли в наш город фрицы, первым взял в руки винтовку и ушел в партизаны...» Если речь заходила о достижении народного хозяйства, то Иван Алоян говорил примерно так: «Отец мой, Гамлет, в бытность свою хлебобобом, за смену выполнял четыре нормы, и сам Никита Сергеевич вручал ему за это куст элитной кукурузы». Если разговор касался оперы или балета, то отец Гамлет становился ведущим тенором или примой балеруном. Был он также строителем Покровской башни и основателем Труворова городища. А также большим другом Пушкина и Кутузова.

И никто, чье знакомство с Иваном Алояном продлилось более двух-трех дней, не называли бы его треплом или брехуном. Потому что был у Ивана один пунктик — он не признавал прошедшего времени и считал, что все люди — а значит и Шекспир, и Василий Теркин, и отец его Гамлет — живут сегодня и сейчас. И нет никаких каменных, бронзовых и золотых веков, а есть эра коммунистического строительства, которая продлится до полной и окончательной победы Коммунизма. Кое-кто не понимал этой его самобытности и говорил о нем плохо, писал даже пасквильные вирши. Вот, например, такие:

*Жил под горкой, возле бани,
Где стоит могучий дуб,
В старом доме дядя Ваня,
Был Иван дремуче глуп.*

*Почему таким он стался?
Ну никто не знал в округе.
С крыши ль в детстве оборвался?
Иль чего-то испугался?
В общем — нет в мозгах подпруги.*

*Может в этом сробил сыну
Папа с грязным пьяным рылом?
Наследил — и шасть в могилу,
А сыночек стал дебилом?*

*В общем, где тут разобраться?
Психиатру В. Петрову
Оставалось только сдаться —
Лечит он теперь здоровых...*

Но таковых настигал скорый народный гнев и безжалостно карал. Например, автора вышеуказанного стишка Алояновы защитники-радетели настигли в парилке Гельдтовой бани и прямо как есть, голого, прогнали через весь колхозный рынок до самых реставрационных мастерских. Видал бы это основатель оных бань Карл Иванович Гельдт, то-то от души посмеялся бы, потому как, хотя и немец, а изрядный, говорят, был весельчак...

Но пунктик пунктиком, а сапоги Алоян точал изумительные. Что ни пара, то яичко. Среди его заказчиков, как утверждают знатоки, были начальники райотделов милиции, директора крупных совхозов и даже один секретарь горкома партии.

Как уже отмечалось, вся история города, в представлении Алояна, была связана с его отцом Гамлетом. Так же, как и его, города, настоящее, и грядущее. Отец его, Гамлет, должен был в будущем отремонтировать и запустить фонтан в городском парке, построить новый мост через реку Великую и утвердить победу коммунизма. Про те светлые времена Иван Гамлетович рассказывал с особенным энтузиазмом...

А в перестройку Алоян не верил. Нет ее — и всё! И плевался в сторону каждого, кто утверждал обратное. «Вот придет мой отец...», — пугал он и показывал перестройщикам кулак.

Да, а отца его никто никогда не видел. Старики говорили, что тот бросил семью и умотал в Ереван, когда Ваня еще под стол пешком ходить толком не научился. Однако самому Алояну про это никто не рассказывал. Так и жил он в тени своего отца Гамлета. До середины девяностых... Но видно и до его блаженной головушки достучались наконец своими остренькими молоточками прорабы перестройки. Стал он тогда что-то кумекать про реальности сегодняшнего дня и от того совсем заплохел.

Последний раз его видели раним утором у стен городского рынка. Он что-то рисовал на старом досчатом заборе. Разобрать его рисунки не пред-

ставлялось возможным, потому как они по большей части представляли собой бесформенные пятна, похожие на тени чего-то безвозвратно ушедшего. На всякий случай стирать с забора до времени их не стали. А Иван Алоян после этого бесследно исчез.

Вскоре в районе рынка появился какой-то бродячий армянин. Он-то и пояснил, что фамилия «Алоян», в переводе с армянского, означает «Вселенская душа». После этого у базарного забора стали собираться горожане и обсуждать Ванины художественные экзерсисы. Многие усматривали в них некую вселенскую глубину и предлагали обратиться в Нобелевский комитет, правда, зачем, не умели объяснить, ведь соответствующей номинации Альфред Нобель в своем завещании не предусмотрел. Звучали и более трезвые голоса, утверждающие, что, дескать, Иван Алоян пытался в последний раз изобразить своего незабвенного отца Гамлета. Скорее всего, так и было на самом деле. Рисунки эти до конца девяностых никто не стирал, покуда ни демонтировали сам упомянутый забор...

Так, можно сказать, что до конца второго тысячелетия наш город существовал в тени отца Гамлета. Пока бравый двадцать первый век не оставил в прошлом и коммунистическую будущность, и оную тень, и саму историю нашего древнего города.

ПРОВЕРКА НА БДИТЕЛЬНОСТЬ

30 октября. Мыслящее человечество праздновало именины герцога Люксембурга Вильгельма III, правителя Европы XV века. А у нас гремел разводными ключами и гайками день инженера-механика. Хотя при чем тут инженерика и механика? Ведь в России в этот же день отмечали рождение (не механика) маршала Советского Союза Николая Огаркова и прославившегося в научных кругах (не инженера) Баба Хоми Джехангира? Как тут разобраться простому человеку? В общем, без Блока никак не обойтись. А у него, известное дело:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.*

Не люблю спорить с Блоком, но иногда этого не избежать... Во-первых, ночь еще не успела наступить, потому как в шесть тридцать вечера какая ночь? Во-вторых, не улица это вовсе была, а железнодорожный вокзал. И аптеку с привокзальной площади едва возможно было бы разглядеть. А в остальном, все ровно, как у поэта: и «фонарь», и «бессмысленный и тусклый свет», и «живи еще хоть четверть века — все будет так». По крайней мере, за последнее двадцатипятилетие я никаких значительных перемен в зоне ж/д вокзала не углядел, хотя регулярно осуществляю перемещение по железной дороге. 30 октября в 18—30 я прибыл на вокзал с той же целью: переместиться в Москву для участия в XXII Всемирном русском народном соборе. Известное дело, в одной руке у меня был чемодан, а в другой — полиэтиленовый пакет с легким ужином. Впрочем, два банана и яблоко — какой это ужин? Так, легкий перекус. Правда, признаюсь, к

перекусу пришлось добавить приобретенную в местной торговой палатке бутылку с питьевой водой — что называется, для нужд пищеварения. Со всем этим необременительным скарбом я вышел на площадку перед перроном и, разгрузив правую руку, поставил чемодан на асфальт, а пакет с перекусом из левой — на газон.

Так и стоял, рассматривая грядущих пассажиров и группу полицейских с напряженными от возложенной на них ответственности лицами. Пассажиры перемещались хаотично, без всяких графиков и утвержденных планов, и полицейские провожали каждого тяжелыми взглядами, прозревая возможных нарушителей. И действительно, как тут не заподозрить? Я вот тоже про мужика в надвинутой на глаза кепке подумал: ну ведь явный алиментщик? А та вертлявая девица, ну точно, не позднее как вчера, взяла кредит и бежит в столицу, чтобы бесследно раствориться в каменных джунглях Москва-Сити. И куда только смотрит полиция? Впрочем, куда она смотрит, мне вскоре предстояло убедиться на личном опыте...

Объявили посадку. Люди понеслись каждый к своему вагону. И я, возмущаясь бессмысленностью таковых действий, — ведь у каждого в билете указано зафиксированное за ним место, — тоже понесся. Не очень, конечно, быстро, но в свою меру. Где-то на полдороге я обнаружил, что левая рука у меня пустая. Еще пару секунд я вспоминал, что в ней должно находиться. Вспомнил. И побежал назад за оставленным на газоне легким перекусом. И что же вы думаете? Кто-то прибрал его себе? Съел? Выбросил в урну? Не тут-то было! Над моим вечерним перекусом склонил головы весь в полном составе полицейский наряд. Один докладывал по рации:

— Первый, первый, я третий. Обнаружен бесхозный пакет с неизвестным содержимым. Прошу выслать спецгруппу со служебной собакой. Выставляем оцепление. Предлагаем объявить эвакуацию граждан...

— Не надо эвакуации! — попросил я мягко, но твердо. — Пакет не бесхозный. И содержимое его известно — дорожный провиант русского писателя.

Полицейский, прекратив докладывать, сделал сердитое лицо педагога Антона Семеновича Макаренко:

— Как вам не стыдно, гражданин? — включил он строгий голос. — Вы создаете прецеденты! Вас необходимо сопроводить и досмотреть...

— Благодарю вас, — не дал я ему договорить, — на днях увижусь с Президентом, обязательно сообщу ему об ответственном и бдительном выполнении своих обязанностей полицейскими псковского линейного отдела полиции. Не исключаю повышения по службе, благодарностей и медалей...

— Огурцов, сопроводи гражданина до вагона, — приказал старший по званию полицейский, — окажи всякое содействие.

— Товарищ капитан, — скис мой недавний визави.

— Разговорчики! — рявкнул старший наряда.

От помощи я вежливо отказался и уже без всяких проволочек и приключений добрался до нужного вагона. Устраиваясь на своем месте, я несколько раз помянул добрым словом привокзальных полицейских. Пассажиры на мои слова недовольно сморщили лица, а один гражданин попытался незаметно плюнуть под стол. Но ему дали по губам и тут же завели беседу о том, что 30 октября 1653 года в России вышел указ об отмене смертной казни для воров и разбойников...

Я же, отвернувшись к окну, расставлял все по своим местам, пользуясь словами из поэтического наследия прошлых лет:

*Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь...*

Читал я тихо, но при желании меня можно было услышать. Псков, тем временем, удалялся, а Москва становилась все ближе...

* * *

31 октября. Раннее утро. Ленинградский вокзал. Москва встретила мелким дождем, дохнула холодом, затолкала в метро и запустила в сторону Киевского вокзала... Венечку Ерофеева она постоянно благословляла Курским вокзалом, а меня Киевским. (Не знаю, правда, чем они отличаются? И отличаются ли вообще?) Так уж повелось, что последние годы с постоянным усердием еду на Киевский, беру билет до платформы «Переделкино». Всегда есть вероятность сесть не на ту электричку и проехать мимо нужной остановки, но пока Бог миловал.

Поездка вышла весьма прозаичной, не нашлось в вагоне ни тупого-тупого в ватнике, ни умного-умного в коверкотовом пальто, и «кубанской» тоже не было. Так что, долго ли, коротко ли, а добрался до ворот в Дом творчества. Запечатлелся у шлагбаума и мемориальной таблички, свидетельствующей, что время можно остановить. «Литературный фонд СССР». Читаю и вспоминаю себя в те благословенные времена: молодого, красивого и умного. Теперь я только умный, но за левым плечом у меня — история Великого Царства...

В новом корпусе на четвертом этаже, в номере «140», нет туалетной бумаги и, похоже, не предвидится... Графина и стульев тоже нет, но есть диваны и холодильник. Так что, жить можно... Живу. Как-то незаметно для себя перемещаюсь в Москву на Комсомольский проспект. А там идет заседание. Выступают знакомые лица, Игорь Шумейко, например, Валя Ефимовская. На сердце тепло и совсем не хочется спать...

Опять перемещаюсь во времени и пространстве и оказываюсь в гостях у бесконечно дорого мне человека Владимира Андреевича Кострова. Встретиться с ним — всегда радость. Евангельское «аще не будете яко дети не внидите в Царствие Небесное» — это о нем. Он чист и светел, как дитя — только большое и безмерно талантливое. Добрый, непосредственный, без двойного дна и задней мысли. Его ангел-хранитель — супруга Галина Степановна, хлопочет, накрывая на стол, а Владимир Андреевич, выполняя просьбу, читает стихи. И так все по-домашнему мило и хорошо. Никуда не хочется уходить. Владимир Андреевич обещает собраться с силами, мобилизоваться и приехать в следующем году в Михайловское на Пушкинский праздник поэзии. «Дай Бог, чтобы так и произошло», — молюсь про себя...

Через полчаса оказываюсь в выстуженном номере «140» с холодными батареями и без туалетной бумаги. Хорошо, смекалка не подвела: все нужное захватил с собой из дома. Да и что эти мелкие неурядицы? Завтра в Кремль...

Вот Венечке Ерофееву не свезло, как сам он признавался: «Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелья, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало — и ни разу не видел Кремля...» А я, в отличие от Венечки, назавтра без особых блужданий в разгар утра достиг ворот Кремля. Более того, вошел внутрь и оказался в сердце моей страны, где вся прогрессивная общественность праздновала 25-летие Всемирного русского народного собора.

Конечно же, встретил Президента, и он сказал мне, что «созданный под эгидой Русской православной церкви, ваш форум уже на протяжении четверти века, 25 лет, играет значимую роль в общественной жизни России, всего русского мира, активно содействует решению социальных, просветительских и гуманитарных проблем, сохранению межнационального и межрелигиозного согласия, воспитанию молодежи на основе ценностей патриотизма и гражданственности...»

Что еще говорил Президент, я не запомнил. Но уходил окрыленный и обнадеженный, что все в моем Отечестве будет хорошо! И сейчас, и потом! И всегда! Потому что, если Бог с нами, то кто против нас?

P.S. «И бумага туалетная будет в каждом номере?», — недоверчиво спросите вы. «Будет! — твердо отвечу я. — Не сомневайтесь!»

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ!

У моего соседа Макса Карандашикова резко в гору пошел бизнес. И у его супруги Анжелы бизнес также расцвел, что твой кактус... тьфу, да нет, как бабушкина сирень! И у его отца-старика тоже все на мази — починает пенсионерам обувь, отбоя от клиентов нет, да и пенсия у него — будь здоров! А мамаша их, старушка, в лотерею выиграла — то ли десять миллионов, то ли пятьдесят... В общем, такая история у них приключилась: некуда стало дома деньги складывать. Все шкафы, шкафчики и тумбочки заполнили, старинный бабушкин сундук доверху набит, матрасы заполнены, ванной теперь пользоваться не могут — занята! Даже в старом вросшим в чулан тулупе времен то ли Степана Разина, то ли Емельки Пугачева, карманы до отказа набили... А что дальше делать, не знают. Катастрофа! Спросите, в банк почему не идут? А вы бы пошли? То-то! Туда простым людям дорожки заказаны! Пойдешь — или коня потеряешь, или — пардон! — без штанов останешься. Нет уж, увольте! Думали они — думали и пришли ко мне. Причем всей семьей! Папаша-старик в парадных галифе и начищенных до блеска яловых сапогах; мамаша-старушка в высоком кáпоре эпохи бидермейера, Макс — выше пояса в смокинге, ниже — в любимых полосатых шортах, Анжела, как обычно, в модном банном халате с розовыми бегемотиками. Мамаша с порога бухнулась мне в ноги и заблажила, что твоя Фрося Бурлакова:

— Не губи, родимый! Приюти наш капитал! Век будем Бога молить!

Я сначала не понял, какой, мол, кричу, капитал? А Максик с Анжелой под шумок мне в прихожую мешки из-под картошки, под завязку набитые, затаскивают.

— Что, — кричу я, — урожай с дачи привезли? Хотите у меня на балконе сложить? Так у меня там тещино пианино стоит, да топка от паровоза.

Племянник-двоечник хотел ее в музей Железной дороги отнести, да увлекся филателией и забросил экспонат...

— Это урожай, но не с дачи, — говорит Максик, а сам палец указательный к губам жмет, мол, тише, услышит кто не надо!

А у меня от соседей секретов нет, я себе специально и дверь на вход стеклянную поставил, чтобы жильцы в подъезде не подумали, не прячу ли чего... Поэтому я еще громче прокричал:

— Нет у меня места для вашего картофеля! Свой девать некуда! Хоть пианину с балкона вниз бросай!

— Это не картофель! — измененным голосом простуженного Максима Галкина заговорил Макс и тут, перейдя на шепот, опять приложил палец к губам: — это не картофель, это мани-мани...

— Что? — не понял я.

— Грины, — нетерпеливо воскликнул Максик, — карбованцы...

— Гроши, хрусты! — капризным голоском проворковала Анжела.

— Бобосы! — притопнул яловым сапогом папаша.

— Лавз! — пропела басом старуха-мамаша.

— А, — догадался я, — тити-мити.

— Они самые, — дружно закивала разновозрастными головами максима родня.

— Ты чего не подумай, — перешел на деловой тон Макс, — мы не на халяву просим, десять мешков схорони, а одиннадцатый тебе — так сказать, процент.

— Процент, говоришь? — задумчиво спросил я, прикидывая на вес и на объем мешок с тити-мити. — Согласен!

— По рукам! — пробасила старуха и взялась колотить по моим ладоням своими твердыми, словно лошадиные копыта, пальцами...

Их мешки я припрятал: иные в шкафы, иные в диваны. А свой я раскупорил и пошел, что называется, в разнос... Купил себе новый термос, заказал новые очки — в общем, ни в чем себе не отказывал. Дурное дело — нехитрое! Через неделю денег осталось полмешка! Я уж загрустил-задумался, что, мол, дальше-то буду делать, когда мешок и вовсе опустеет? Но тут у Максика в семье начались катаклизмы. Кто-то кому-то что-то не то сказал, кто-то не то понял и наладил кому-то под глаз... В общем, первая убежала из дома Анжела: как была в банном халате, так стрелой и улетела, только тех бегемотиков и видели... Потом, сильно хромая, скрипя яловыми сапогами, ушел папаша. Этот не пустой, со своим сапожным саквояжем, в котором утаилось шило крупшовской стали и дранка... Мамаша держалась дольше, еще с неделю я слышал, как за их дверью кто-то голосом Фроси Бурлаковой выводил:

*Эх! Вдоль по Питерской,
По Тверской-Ямской,
Да ох, ой!*

Из-за этого «ох, ой!» спать в подъезде никто не мог. Но когда на седьмой день из их квартиры донеслось совсем уж душераздирающе:

*Ох! Ох! Ох! Ох!
Ну поцелуй! Ну поцелуй!
Кума-душечка! —*

приехали врачи в белых халатах и увели не прекращающую петь мамашу куда-то вниз в неизвестность... А утром я едва успел разлепить глаза, как услышал шум захлопнувшейся двери и громкий стук шагов вниз по лестнице. Выглянув в окно, я увидел Макса, он с закинутым за спину рюкзачком быстро удалялся прочь с нашего двора куда-то в новую жизнь... А ведь верно говорят, подумал я тогда, не в деньгах счастье!

Больше никогда я ни Макса, ни его родных не видел!

А что же стало с их мешками, спросите вы? Ну уж... странный вопрос — дурное дело не хитрое! Постельное белье дома поменял, купил в запас лимонов, опять же мешок картошки. Вот подумываю поменять жене брильянты...

И еще, я теперь всем при первой возможности напоминаю, что нет в деньгах счастья. А вы как думаете?

ВСЕ МОЖЕТ КЕРОСИН!

Как-то осенью, кажется 23 сентября, Игнатий Барашкин стоял в очереди за керосином... Кто-то обязательно спросит, где в нынешние времена можно встретить такую очередь? Ведь если поинтересоваться у современного блогера, «что такое керосин?», ответит разве что какой-нибудь самый продвинутый Друг, да и то ошибется, сказав, что это триметилдифторпарааминтетрахлорфенилсульфат натрия (век бы ему этим натрием мозоли натирать...) Напротив, Игнатий Барашкин точно знал, что такое керосин и мог в любом городке и поселке найти очередь, выстроившуюся за этим очень нужным и важным продуктом. Как? Точно неизвестно, но, возможно, что и по запаху...

Вообще-то, Барашкин был ярким приверженцем идеи, что если в темной комнате нет черной кошки, то надо ее туда посадить. Быть может, это правило он мог применять и к очереди за керосином? Думается, история на это даст еще ответ...

Так вот, 23 сентября он встал в конец небольшой очереди, состоящей из нескольких старушек и одного старика с алюминиевыми бидончиками. Старичок был в чеховском пенсне и фуражке капитана Ахава (копии, конечно). Из верхнего кармана выдавшего виды флотского бушлата выглядывало черное обожженное жерло пенковой трубки. Он ненавидящим взглядом смотрел на прикрученную к стене табличку с надписью: «Курение строго запрещено! За нарушение — месяц исправительных работ на песчаном карьере!» и что-то злое шептал. Если бы стоящая впереди него низенькая, похожая на пестрый теремок, старушка не была бы столь погружена в чтение затертой до дыр книжки «Моби Дик», то непременно услышала бы, как старик, через слово вспоминая какую-то «карамбу» и «сундук с мертвецом», ругает новый мир со всеми его табличками и грозит до основания его разрушить... А Игнатий Барашкин, как раз в этот момент ничего не читавший, ибо имел обыкновение делать это дома за утренним стаканом чая, хорошо слышал старика и дивился ему. Одновременно он пытался вспомнить, что последнее приглянулось ему в «Новом мире»? Кажется, это был роман прозаика Василия Дворцова «Терра Обдория»? Или «Маскавская Мекка» Волоса? Вообще-то, вздорный журнал, решил он. Не зря старик его ненавидит! Тем временем морской капитан в отставке (давайте называть вещи

своими именами!), чем-то крайне раздосадованный, швырнул собственный бидончик наземь и грубо растоптал его окаменевшими от морских бризов башмаками. После чего гигантскими скачками помчался на другую сторону улицы, где на стене белой краской, с одной всего лишь орфографической ошибкой, было написано: «Место для куреня»...

Игнатий Барашкин проводил его недолгим взглядом и тут же про него забыл, вспомнив занимательную историю про Ксению С., как она учила на память и никак не могла запомнить несколько важных иностранных слов: грантодатель, грантодержатель и грантополучатель... И зачем он это вспомнил? Теперь Барашкин подивился сам себе. И дивился бы дальше, если бы не подошла его очередь покупать керосин. Однако, тут удача от него отвернулась.

— Граждане, закрыто на обед! — услышал он обидные до слез слова. — Приходите завтра после обеда!

Барашкин, заглянув в окошко для выдачи товара, увидел большое лицо продавца, похожее на смятую во сне перовую подушку в грязной синеватой наволочке.

— Позвольте, — попробовал он возмутиться, — как же это «до завтра»? Это же моветон!

— Сам ты лжебидон! Я тебе твой бидон, знаешь, куда засуну? — гаркнул Подушка и замахнулся на Игнатия огромным мозолистым кулаком, поросшим редкими рыжими волосками.

Барашкин отпрянул. Он не был сторонником грубой физической силы, предпочитая переговоры и дипломатию. Неслучайно над его письменным столом уже много лет красовалась вырезка из The New York Times со словами бывшего госсекретаря США легендарного Генри Киссинджера: «Дипломатия есть искусство обуздывать силу».

— На вашем месте я бы не стал столь категорично... — Барашкин попытался издали сделать хитрый дипломатический ход...

Однако его дипломатия против грубой силы Подушки оказалась бесильной. Тот выскочил из керосинной будки и двинул-таки поросшим рыжей шерсткой кулаком Игнатию куда-то в область сопатки...

Очнулся он не скоро, увидев себя бредущим по запущенной аллейке городского парка. Здесь на заветных скамеечках обычно любили хорониться от посторонних взглядов влюбленные. Ага, как раз одна такая парочка сидела на лавочке под раскидистым вязом. Барашкин подошел ближе и с некоторой долей удивления опознал отдельных граждан из очереди за керосином, а именно — старика в фуражке Ахава и похожую на теремок старушку. Они держались за руки. Капитан, задумчиво улыбаясь, покуривал свою пенковую трубку, а пестрая бабулька щебетала про созревшие вишни в саду покойного деда Вани...

«Ну вот, еще одна ячейка общества родилась!» — с удовлетворением подумал Барашкин. И все благодаря керосину!

Нет, не зря он все-таки сегодня в очереди стоял!

Ирэна СЕРГЕЕВА

«НАДЕЮСЬ НА ВАС, ДОРОГИЕ МОИ, РОДНЫЕ, УШЕДШИЕ В НЕБО...»

К 85-летию со дня рождения

Ирэна Андреевна Сергеева — поэт, переводчик, литературовед, прозаик. Член СП СССР—России с 1976 г. Работала в библиотеке, литконсультантом журнала «Звезда». Лауреат многих лит. премий, действительный член Петровской и Международной славянской Академий. Награждена гос. наградой — медалью А. С. Пушкина. Автор более 20-ти книг стихов, нескольких книг прозы. Редактор-составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы», многих коллективных сборников поэзии и антологий. Председатель секции поэзии, член Правления СПб отделения СП России. Живет в Санкт-Петербурге.

СВЕРСТНИКУ

Мы с тобою войну не забудем.
Говорят, что мы — «дети войны»...
Мы с тобой — довоенные люди,
духом нашей Победы сильны.

Нас *вскормили* военные были,
и голодные годы — не в счет.
Правда, кровь мы свою не пролили,
но война в наших венах течет.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Читаю Пушкина
и в день его рождения
я думаю:
— Поэты! Мы должны
народною тропой объединенья
идти во имя Пушкинской Страны
Поэзии и той Руси Великой,
которую он духом прозревал
той многомиллионной, многоликой,
той, для которой Пушкин — идеал.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КОНЯЕВА

Без боли говорить о Коле
никто из нас теперь не смог,
Ушел от нас по Божьей воле
по лучшей, верю, из дорог.
И в жизни шел дорогой лучшей,
таланта не жалел и сил.
Труд ежедневный, а не случай,
его к успеху возносил.
И голос Коли, и манеры,
и абрис милого лица,
и страсть к родной стране без меры...
Всё с нами будет до конца.

* * *

Надеюсь на вас, дорогие мои,
родные, ушедшие в небо,
на вас, кто в ученьях проводит бои,
на вас, воспитатели хлеба!
Надеюсь на предков
выносливый ген...
Надежд нескончаемых много...
На стойкость намоленных
храмовых стен...
А значит, надеюсь на Бога.

В РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

Могила матери просторна,
найдется место для меня.
Небесной красотой маня,
там лик сияет благотворно.

Сесть у креста субботним днем...
Стоять мне стало трудновато...
Помянем матерей, ребята, —
молитвой лучше, чем вином.

К РАДУНИЦЕ

Толкут-толкут... Толкуют об одном,
все о чужом...
Я — в мыслях о родном!
Однажды мысли перешли в дела —
поклонный крест для предков возвела...
Родных — один троюродный мой брат,
а прочие — на кладбищах лежат,
и души их давно на небесах...
Вот праздник со слезами на глазах.

* * *

Лепота материнского гена —
новгородских, московских, тверских
предков древних — пришла постепенно,
вдруг то песню рождая, то стих.
Ген отцовской, орловской природы,
дух свободы — меня осенял...
Ну, откуда берутся уроды
с геном хамов, торговцев, менял?..

НАШИМ

В битвах Ленинградской, Сталинградской,
Курской и во множестве других
доводилось вам с врагами драться,
смело перебарывая их...
Сколько вас за наше счастье билось!
Сколько тысяч русских полегло!
Сколько миллионов не родилось!
Кто же нынче переборет зло?

* * *

Наградите врачей, медсестер, санитарок —
и живых, и уже не живых!
Факел жизни врача, беззаветен и ярок,
может быстро сгореть — в краткий вспых.

Тот, кто рано ушел, иль, Углову подобный,
долго жил, пользу людям принес,
ищет средства защиты из сферы загробной...
Нет защиты! Обидно до слез...
Защитите врачей...

МЫ

Мы привыкали есть не сытно,
сбирая крошки со стола...
Мы голодали, друг мой ситный,
но водочка всегда была.

Порою нам не до молитвы...
Мечты исчерпаны до дна...
Порою розны мы, не слитны,
но Родина у нас одна.

* * *

На русской музыке воспитана,
ищу мелодию и ритм.
И никогда во мне не спит она,
вовне стихами говорит.

Меня всему учила матушка,
пример мне подавал отец.
И я до самого до краюшка —
хранитель жизни и певец.

ВЫШЛА КНИГА

«Нам сдавать Ленинград нельзя!»: Блокада Ленинграда в воспоминаниях выживших. Автор-составитель С. Прозоров. Издание продолжает серию «Наша Победа». Изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви.

В этой книге историю блокады рассказывают главным образом ее непосредственные участники — люди, которые вели дневники или оставили воспоминания: кто-то — для себя и своих детей, кто-то — для широкого круга читателей. Каждый из них прошел через все трудности жизни в осажденном городе: бомбежки, артиллерийские обстрелы, голод, холод... И каждый из них, глядя в лицо смерти, трудился во имя Победы. Сотни тысяч ленинградцев и защитников города не дожили до снятия блокады. Многие погребены в безвестных могилах. Но все они живы и знаемы у Господа, Который не есть Бог мертвых, но живых. И дело живущих на земле — помнить и молиться о них.

**Надежда
МИРОШНИЧЕНКО**

«МОЯ ЛЮБОВЬ, СВЯТАЯ РУСЬ!»

Надежда Александровна Мирошниченко — поэт, публицист, Засл. работник культуры РФ, Засл. работник культуры Респ. Коми, награждена Медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, Лауреат Большой литературной премии России, автор многих книг стихов. На пленуме СП России была названа среди десяти выдающихся русских поэтов конца XX века. Член СП и Союза журналистов России. Работала лит. консульт., корреспондентом, доцент гуманитарного факультета Ухтинского гос. техн. университета. **Живет в г. Сыктывкаре, Республика Коми.**

МОЯ ЛЮБОВЬ, СВЯТАЯ РУСЬ!

Ни от чего не отрекусь.
Все было правильно.
Моя любовь, Святая Русь!
Моя Окраина!
Мой Центр Земли.
Мой Центр Небес.
Моя Вселенная,
(Где справа — ангел,
Слева — бес)
Благословенная!
Поползновение врагов.
Друзей предательство.
Но где на Ненависть — Любовь
Как обязательство.
С тех пор на радость и беду,
В подкорке значится:
Русалки плавают в пруду.
А леший прячется.
Такой уж выбрал Бог народ
По Высшей малости.
Но тот народ весь мир спасет
В любви и жалости.
Мой Центр Земли.
Мой Центр Небес.
Моя Вселенная,
(Где справа — ангел,
Слева — бес)
Благословенная!
Ни от чего не отрекусь:
Все было правильно.
Моя любовь, Святая Русь!
А где Украина?!

РУССКОЕ ЗЕРНО

С солнышком обручено
Русского слова зерно.
Словно с душой заодно
Мне это слово дано.
Я его в руки беру.
Я им люблюсь сквозь мрак.
Мне говорят: не к добру.
Видишь, набычился враг.
Ти-ш-ш-е о нас говори...
Мой православный народ,
Кем же ты стал изнутри?
Ирод стоит у ворот.
Реки текут вперехлест.
Люди живут вопреки.

Небо устало от звезд.
Бабы ушли в мужики.
Светлая-светлая Русь
Встала на самом краю.
Что ж я тогда не боюсь,
Русскую песню пою?
Кем же ты стал изнутри,
Мой православный народ?!
Солнышком Слово протри

И собирайся в поход.
И возвращайся к себе.
Слишком дорога длинна.
Отдано столько косьбе.
Что не осталось зерна.
Солнышком Слово протри
И собирайся в поход.
В Слово себя собери,
Мой православный народ.

ДА, МЫ ДРУГИЕ

Да, мы другие, в этом и секрет.
Мы жить хотим свободнее и выше.
Святейший Патриарх, и в Вас я вижу
Моей России несказанный свет.
Да, Русский мир на Русском языке
Явился людям в Почестях и Славе.
И нас никто уничтожать не вправе:
Ни те, кто здесь. Ни те, кто вдалеке.
Но заповедь Христова не для них,
Что *можно* мир построить на любви.
В веках вы русской домогались крови.
Но ненависть губила вас самих.
Да, мы другие. Русский мой народ,
Ты научился скромно жить и просто.
Тебе и звезды по сердцу, и версты.
И черный хлеб и выправка — на взлет.
Мы нашим деньгам проглядели счет.
Но обескровив, нас не победили.
Мы остаемся в той же Вере, в той же Силе.
И жаль того, кто это не поймет.
Даю тебе дорогу, Русский стих:
Настало время собираться вместе.
Вернуть себе и пажити, и веси.
И восвояси попросить чужих.

* * *

Когда пойду смотреть на голубей,
Дородных, сытых на аллеях парка,
Я буду думать о любви своей,
С которой мне то холодно, то жарко.
О чем же думать на аллеях парка,
Средь голубей?! Конечно же, о ней.
Была ли ты когда-нибудь сыта,
Моя любовь, своим несовершенством?
Все говорят о муке и блаженстве.
А я скажу о милости Твоей.
В любом размере — ямб или хорей —
С тобой я ни на миг не расставалась.

Меня вела то искренность, то жалость,
То грош цена тому, что не слагалось.
То бархатные грудки снегирей.
И лишь одно давало мне понять,
Что если я гармонии достану
И только если плакать перестану
По небесам, Тебя мне — потерять.
И вот теперь, встречая голубей,
Тех божьих птиц, купающихся в луже,
Я говорю: могло же быть и хуже
Мое прозрение в сумраке аллей.
Все говорят о муке и блаженстве.
А я скажу о милости Твоей.
Моя Любовь, мое несовершенство.
О чем же петь? Конечно же о Ней.

ПРИТЧА О РУССКОМ НАРОДЕ

Разметелили, расплели,
На задворки перевели
Богатырской Державы суть.
Мол, притерпят как-нибудь.
Стали сами себе враги.
Спаси, Господи, помоги!
Где Ослабя и Ярослав?!
Нам не нужен чужой Устав!
Опустив нас до плинтуса,
Нам подкинули Вируса.
А для мора повального
Пригласили Навального.
Нам ни разу не помогли
Их премьеры и короли,

Все посланцы чужих земель.
Что ж ты, Родина, ждешь теперь
Издалёка, каких щедрот?
Иль закончился тот народ,
Что я Русским зову в душе.
Он забыл о себе уже?!
То-то просятся нам в отцы
Проходимцы и подлецы.
Вновь под дудочку Крысолов
Взялся вывести под покров
Темной ночи и темных сил
Тебя с Родины. Где ж ты был,
Когда Ирод свой начал ход,
Что ж ты спал, Русский мой народ?!

РУССКИЙ РОМАНС

Памяти Тамаза Чхенкели

А в этот вечер, заглядевшись в выси,
Где не было ни облачка сейчас,
Я почему-то вспомнила Тбилиси.
И почему-то вспомнила про нас.
Ты говорил и нежно, и прощально,
Что жизнь прошла. И встреча ни к чему.
— Какой смешной, — подумала печально.
И ни на миг не верила ему.
Он был другим, ваш город вдохновенный.
В нем и Москва сквозила, и Париж.
Он и старинным был, и современным.
И солнце коlobком катилось с крыш.
Цвела весна. И сердце торопилось
Любить и жить, не глядя на года.

И в этот вечер я в тебя влюбилась.
Но над Курой зажглась одна звезда.
Ты говорил, что больше не полюбишь,
А сам любил светло и глубоко.
А мимо шли встревоженные люди.
И та звезда была невысоко.
У памяти свои повадки лисьи,
Своя юдоль на каждый в жизни час.
Но почему я вспомнила Тбилиси?
И почему уже в который раз?

ЛАНДЫШ

Опять попался ландыш на пути.	Я быть такой хрустальной не могу,
Ну дай ты мне, пожалуйста, пройти.	А то б давно разбилась на бегу
Ты столько лет мне путаешь дорогу.	От пошлости, что пострашнее ада.
Такой хрустальной нету чистоты.	Но вдруг из темноты сияет свет,
Так где ее, скажи, набрался ты,	Которого почти на свете нет.
И снова мне выходишь на подмогу.	И понимаю я, что жизни стоит
Меня ведет по жизни этот знак.	Цветок, что так зеркально одинок,
Я сразу понимаю, что не так,	А все же притулился средь дорог
Как только ландыш появился рядом.	И понуждает нашу жизнь собою.

* * *

Продираясь сквозь корни кувшинок и лилий,
Выплываешь на свет, где ромашки и птицы.
Ну и что, если снова тебя разлюбили.
Не Офелия ты, не спеши утопиться.
В Беатриче — тебе тоже не получилось.
Ну и что? Ты не знаешь, как Музы несчастны.
Ты не знаешь, чем платят за Божию милость
Записные поэты в мгновение прекрасном.
Выходи на дорогу до синего луга.
Наглядись на цикорий, ромашки — для женщин.
Все равно ты была им любима, подруга,
Может, жизнь, может, миг, может, чуточку меньше.
Не имеет значения срок или возраст.
Не имеет значения ночь или утро,
А имеют значение синие звезды
Васильков или клевер, сплошь из перламутра.
А имеет значение зренье и слово,
Что у сердца в заглавнике где-то таилось,
Где открылась вам тайна луча неземного,
Что прямая дорога на Божию милость.

ПОЭЗИЯ

Роман КРУГЛОВ

«МЫ СОТВОРЯЕМ КРАСОТУ, ЕЕ ИЗ ЖИЗНИ ВЫНИМАЯ»

Роман Геннадьевич Круглов — поэт, критик, редактор. Секретарь СП России, председатель Санкт-Петербургского отделения Совета молодых литераторов. Кандидат искусствоведения (специальность — теория и история искусства). Лауреат литературных премий «Молодой Петербург», «Золотой Витязь», «Созидающий мир» и др. Автор 5-ти поэтических книг; в сборниках и периодической печати Санкт-Петербурга, других городов России и зарубежья публикуется с 2000 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать ее себе —
Самодовольство мешанины.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты, — все слезет, как загар,
Излечится, как воспаление.

И ты пройдешь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

А было хорошо... И все же
Жизнь — будто где-то вдалеке,
Как проигрыш в наивном сонге
На пустяковом языке,
А я — заслушался... И солнце
Сквозь волосы, и на реке
Слегка рябит, и светлый Павловск
Дрожит в живом черновике.

Песок бежит, как жизнь,
сквозь пальцы.
Осталось стеклышко в руке.

* * *

Все кажется, что наконец
Заглянешь под фату мгновенья,
А жизнь идет, как под венец,
И ты дрожишь от нетерпенья

Не видно таинств. Видно храм,
Толпой заполненную паперть...
Всё то, что предлагают нам
Воображение и память —

Косноязычный перевод
(И эта малость, точно милость!)
Того что было и того,
Что так и не довоплотилось.

* * *

Живая отцвела сирень,
Ну а букет не умирает.
Как самовар, который день
Кипит, к нему напиться чаю

Стремятся все шмели вокруг,
Капустницы белье стирают.
В нем сетку натянул паук,
А мухи в волейбол играют.

Уже июнь горит вовсю,
А он дымит на грани мая.
Мы сотворяем красоту,
Ее из жизни вынимая.

* * *

Бейся лбом в небеса, трепыхайся, гори
Свету белому усиком черным грози,

А закончатся силы — ты лапкой скребись
И тарашь свои жадные бусинки в высь...

Эти крылья, что не донесли к небесам,
Станут огненной книжечкою между рам.

* * *

Стих редактирует поэт —
Строка подсказывает суть,
Сквозь ложное выводит к свету,
До свету не дает уснуть.

Вот так из женщины обычной
Ребенок порождает мать.
Угрюмый вид стены кирпичной
Просторы учит понимать.

Как без стены — пройти сквозь стену?
Стена нужна... Настанет срок,
Придет пора стенам на смену
Пройти сквозь смерть, как между строк.

* * *

Чтоб не в отчаянье лихом,
Без любования грехом,
Без жалости к себе —

Подверженный законам тлена,
Я не могу ходить сквозь стены,
Могу лишь биться головой,

Как я раскаяться смогу?
(Я и сейчас, возможно, лгу
В словесной ворожке.)

От боли огрызаясь всеу...
Я на стене окно рисую,
Однажды я уйду в него.

* * *

Проселок, обнесенный тополями.
Привычно сквернословит воронье.
Навстречу речка жалкая виляет.
Улиткой проползает самолет

Над жухлыми весенними полями...
Что горе отсыревшее твое?
Всё это о защите умоляет
И мужество внезапное дает.

Виктор ПОТАНИН

МИМО БЕЛЫХ-БЕЛЫХ БЕРЕГОВ

*Из новой повести «На
семи холмах»**

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, Литературный институт им. М. Горького; работал в областной газете Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в г. Кургане.**

* Продолжение. Начало в № 4. 2020.

Внимательный человек в моих записках обнаружит, что к каждой главе я поставил заголовок. Правда, я долго размышлял — нужно ли это делать? Может быть, без этих названий тексту было бы легче, свободней, да и сам он стал бы стройней, энергичней. Но победила моя учительская привычка, ведь любое школьное сочинений всегда начинается с заголовка. И этот заголовок, как верстовой столб, за которым идут все дороги. Их бывает так много — выбирай любую. Вот сегодня они отправляют меня в далекое детство. Только добавляю, — это будет мое детство и моя родная Сосновка. А уточняю потому, что писать о себе намного труднее, чем о своих друзьях или близких. Ведь все время кажется, что ты уходишь в какие-то дебри или прячешь лицо. А самое главное — нет уверенности, что твоя исповедь кого-то согреет, вызовет отклик. К тому же однажды я уже был наказан. А случилось вот что: лет десять назад я написал детский рассказ и отправил его в районную газету. Ничего не поделаешь — иногда грешу сочинительством. Так вот: рассказ мой «районка» напечатала, и я ждал откликов, писем. Но ничего не дождался — глухое молчание. А ведь рассказ был о приключениях мальчишки в первую послевоенную весну, и тем мальчишкой был я — Сенечка Стародумов. Кстати, у того рассказа было хорошее, на мой взгляд, название: «Мимо белых, белых берегов...» И вот сейчас я вспомнил о том мальчишке и о той счастливой и тревожной весне первого послевоенного года. Я даже оставляю сейчас все тот же заголовок, правда в самом тексте будет много изменений. А как же иначе. Ведь тот мальчишка уже стал стари-

ком и скоро ему собираться в последнее плавание. Кстати, в моем рассказе тоже появится море и настоящий катер, но давайте не будем торопить события, а лучше наберемся терпения, сделаем паузу. К тому же наша Сосновка жила далеко от моря, потому моря никто не видел, не наблюдал. Оно стояло где-то у дальних гор, почти на краю свете. Но разве не ждешь чуда, разве не веришь в счастливые мгновения судьбы — ведь тогда бы жизнь стала мученьем. А деревня в ту весну пахла ветрами, люди обрадовались ранней траве и солнцу, рано утром выходили в ограды и смотрели подолгу в небо. Там вспыхивал розовый луч, и на землю падали свет и тепло. На завалины садились старики и дети, оглядывались озаренно, высоко задирали хвосты собаки, хватая бабочек за мохнатые крылья, а по ночам в деревне стали петь песни. Недавно прошла война, и многие песни забыли. Теперь вспоминали, выговаривая каждое слово. Пели просторно, без гармошки и принуждения, лица у женщин были серьезны.

И кто-то на весну обиделся. Вдруг скрылось солнце, пришли тучи, и в начале мая налетели на деревню шальные ветры. Вода в реке поднялась высоко, заговорила, под черным яром кружились воронки, а старики сокрушались: «Ошалел Тобол. Поди, к беде...» А накануне ночью прошла сквозь небо кривая звезда. Над бором рассыпалась. Вспыхнули на миг сосны и подняли в ложбине лошадь. Она вскочила, разорвала путы и метнулась в степь. Старый конюх Матвей поклялся: «Ждите беду, ребята», — он был такой старый, что всех звал ребятами. Люди виделись ему малыми, глупыми, и ему верили, считая отцом.

Прошла неделя, беды не случилось. Матвей всем грозил пальцем, в глазах светилось ожиданье. И приплыл катер, как ветром принесло, — не ждали. Его прислали из города на случай большой воды перевозить людей. Начинался сев, пашни-то за рекой. Но люди ночевали и жили в поле, и катер скоро заскучал и собрался обратно. Идти — недалеко: с высоких крыш городские дымки видно. Но уйти так просто он не мог. К нему в деревне привыкли, и расставанье стало б всего страшней. Особенно это больно для нас, ребятишек.

Нам едва исполнилось по десять лет, и катеру, видно, столько же: на его сухих постаревших боках еле значилось — «Чайка». Катер заводили длинной железной ручкой. Делал это моторист дядя Степан, маленький мужик, молчаливый и черный. Мы не знали, — добрый ли дядя Степан или злой: на нас он смотрел редко, не разговаривал, — зачем сильному человеку видеть, что происходит у него в ногах?

Он заводил мотор по утрам. Вначале начинался короткий треск, потом мотор гудел, и этот звук пугал уснувших на берегу гусей. Дядя Степа закуривал и подолгу смотрел вдаль, глаза сощурены, и не узнать, что там лежит, разгорается, что придумывают они на случай беды или радости. И нам хотелось заговорить с ним, постоять рядом на корме, но он нас не звал. «Чайка» медленно плыла на тот берег, потом — обратно. Издали она еще лучше, стремительней, чем вблизи. Катер походил на корабль, река — на море, Степан — на черного пирата, изнывающего от тоски. Ему было скучно жить, видно, его глаза узнали весь мир и теперь только вспоминали, но в прошлом не видели утешения. На середине реки он вставал во весь свой рост, поднимал голову и начинал петь. Это была песня без слов — какой-то тягучий и бесконечный звук, в котором была тоска. Отчего-то Степан стра-

дал. И за это страданье, за синюю тельняшку под пиджаком, за темные нездешние глаза мы особенно любили его, но этого он не знал. Нас было на берегу человек шесть, не хотелось в школу, в длинный удушливый класс. Хотелось смотреть на «Чайку», на быструю весеннюю воду, и не отрывать от Степана глаз.

И вот все кончилось, отпелось. В тот вечер он рано причалил к берегу, еще солнце не спустилось за сосны на другом берегу, заглушил мотор и сказал:

— Завтра поутрянке обратно... — Видно, говорил он сам с собой, но мы перестали дышать.

— Как обратно?

— Как да как, назад-то как... — Он увел мимо печальные глаза, положил рукоятку под бачок на корме и пошел спать в сельсовет. Мы двинулись следом. Он ступал осторожно, как по убегающей палубе, и что-то насвистывал очень зло и разбойно. На штанах желтела заплатка, кирзовые сапоги в иле, правая нога делала шаг чуть короче левой, и тело наклонялось вперед. Завернул в магазин, наткнулся на очередь. Молчала очередь, как будто что-то ждала. У продавщицы горела лампа-мигалка, в углах ходил сумрак, лица у всех похожи, без глаз. А Степан полез прямо к весам:

— Дорогу фронтовику!

— Баской больно! — крикнула передняя бабенка, и очередь вздрогнула, зашевелилась, и лампа стала дымить. Но он плечом развернулся, сжал губы, и народ расступился. Бабенка внезапно раскрыла руки, глаза блистали:

— Лезь, лезь, обниму! — Степан совсем озлился и заворочал глазами.

— У нас с Маруськой обоих положили, а ты на ногах. Уважай!.. — тихо сказала продавщица. И Степан придавлено согнулся к прилавку. Но тут закричала опять передняя бабенка:

— Катер засвоил! Какой купец! — А рядом уже другие крики:

— Шшоки наел! На наших-то харчах...

— Да он же прямо нахал. — И слова сыпались, как горох из ведра. И Степан отшатнулся от прилавка и словно бы онемел. А потом вдруг что-то понял и стал пробиваться к выходу. Но дорогу загородила та, которую звали Маруськой. Губы у ней дрожали, а слова как колючки:

— На кого надулся? Чего возомнил! Ишь ты, какой чистяк! — Она еще что-то буркнула, а потом топнула ногой и опять закричала:

— Ой, бабы! А че я придумала! — Она замолчала и вдруг захохотала, как пьяная:

— А давайте его у нас поженим? Аха! Аха! Пустим на развод петуха! Морячки пойдут — одно загляденье... — И она толкнула его в бок, а потом все как сговорились и стали щипать его, тискать и прижимать к прилавку. И вдруг кто-то крикнул:

— Качай морако-ов! — и его подхватили, кинули, — он взлетел к потолку, опустился, опять взлетел, растопырив руки, все хохотали, галдели, и в дикой радости утонули крики, — он отбивался, из горла выскакивали слова и сразу терялись. Огонь в лампе запрыгал. Только продавщица стояла тихо, в смятенье, что-то вспомнив из длинной жизни. Ресницы ее при огне шевелились, обнажая блестящие глаза с прямыми зрачками. Все нарастало веселье, точно гуляли свадьбу и люди обезумели от вина, разбоя души и

солнца, идущего от невесты, и вот кровь сорвалась, не уняться, — и Степан взлетал, падал на руки.

И тут слетел страшный визг:

— Ба-а-а-бы! Нога-то... И толпа опешила, качнулась назад, — и Степан рухнул на пол. А нога осталась в руках бойкой Маруськи. По ее лицу еще бежало веселье, глаза сияли, но кругом стихли, — и руки разжались. Протез выпал, в нем что-то треснуло, как разбилось яйцо, и Степан, опираясь о стену, запрыгал к нему, сильно взмахивая плечами. Потом долго пристегивал ногу, она не слушалась, громко стучала, да и мешало дыхание. Оно разносилось по всему магазину, надсадное, с мокрым хрипом, так дышат люди, придавленные в лесу тяжелой сосной.

А люди не расходились. Только открыли широко двери, и сразу зашел свежий хороший воздух. И Степану стало полегче, он даже поднялся. Все замерли: что-то будет. Но все обошлось, — Степан осторожно шагнул вперед и слегка зашатался, но устоял, только чутко раздулись ноздри и сжались губы. Он, видно, слушал свою боль, упрашивая ее отойти, отпустить хоть на время. Было видно — Степан что-то задумал. И в этот миг он шагнул за порог. За ним потянулись другие. Последней была продавщица. Лицо у ней стало каким-то растерянным, виноватым. Она точно что-то потеряла и сейчас корила себя за эту потерю. Да и сдали, конечно, нервы.

И сейчас кто-то из моих читателей скажет — ну как же ты все это увидел, запомнил, дорогой Стародумов? Ведь ты был тогда мальчишкой? А я на это отвечаю: детская память — самая отличная память. Да и помогают мои земляки, — они ведь все помнят и ничего не забывают. А мой удел — записать... Что я сейчас и делаю, и потому продолжаю.

А остановился я на том, что Степан уже вышел из магазина и свернул в переулок. И шел он быстро, совсем не качался, и правая нога не отставала, может, он не отпускал ее совсем от себя и чувствовал теперь как живую.

— Эх, люди... — вздохнула продавщица. И вдруг из толпы вынырнул дед Матвей.

Он давно уж не ходил шагом, только мелкой рысью, ноги семеняли, как у заведенной игрушки. Может, он спешил побывать в разных местах деревни, чтоб наглядеться навсегда на людей, запомнить их лица и уйти спокойно в другой мир и отдохнуть там, в воспоминаньях; может, он опять стал быстрым ребенком, ведь ноги совсем высохли, полегчали и несли легко пустое тело. И когда дул ветер в спину, его несло еще быстрее, и он натывался на углы, на жерди, на идущих рядом людей — глаза видели серую пелену вместо света...

А день между тем угасал. Но в улице было еще светло, с деревьев стекала влага, и стволы дымились. На повороте Степан оглянулся, и тогда бросилась к нему та веселая Маруська. Длинный подол стянул колени, она упала. Встала медленно и стыдливо. Женщины онемели. Дед Матвей, узнав ее, крикнул вслед весело;

— Догоню, Маруська! Голяки-то видно...

Она была уже возле Степана. Тот сразу остановился. Маруська опустила голову и что-то говорила. Степан слушал, кивал головой нервно, пугливо. Она задела его плечо, он отдернулся и опустил голову. Потом пошли рядом. Издали были маленькие, как школьники, плечи сцепились. Но Степан

все равно обогнал ее, она ухватила его локоть. Направились к сельсовету. У магазина сразу зашумели, дед Матвей улыбался и кланчил:

— Ребята, покурить нету? — и, не дождавшись, вынул из кармана толстую папироску и прикурил.

Стало смеркаться. С продавщицей сделалось плохо, ее повели под руки, сзади трусил дед Матвей с серьезным лицом. На пути ему встал жеребенок. Он ждал его, видно, давно и теперь танцевал и задира морду. Матвей рассердился и погрозил ему: «Вот оженим тебя, тогда попрыгай». Жеребенок пошел сзади, за родным запахом, тыкаясь в спину мордой. Я шел рядом с жеребенком и видел большие светлые глаза его, по которым стекали ресницы. Глаза менялись и мигали уже сонно и грустно. Ему, видно, было жаль Матвея, как мне жаль дядю Степана и катер, который уплывет безвозвратно, исчезнет в сознание. Я был жеребенка выше, сильнее, но он меня не боялся, не прятал глаз, не выгибал шею. И вдруг Матвея стало оттягивать назад — в лицо нам кинулся сильный внезапный ветер. Он подул из-за реки, с севера, где собиралась мгла. И в этот миг позади нас — чьи-то крики. Это билась в чьих-то руках продавщица и звала погибшего мужа.

В тот вечер и начался неожиданно снег. К ночи разошелся сильнее. Я стоял у окна, смотрел, как падают хлопья, черные в свете ночи. Если уйдет завтра катер, навсегда уйдет с ним синее чудо, тельняшка, нездешние глаза Степана, и уж никогда больше не повторится это, смолкнет, и верилось в несчастье, потому что ночь стояла, и снег падал хлопьями — и все было печально: и катер, и Степан, и казалось, что все это враз оборвется. По комнате мать ходила с таким же темным, печальным лицом. Она точно чувствовала какое-то горе, несчастье и потому страдала. И мне хотелось ее успокоить, утешить, но все слова куда-то спрятались от меня, убежали, и я молчал, не подходил к ней, а она тяжело вздыхала.

И так прошло минут десять-пятнадцать. А потом я что-то задумал. И вначале я даже испугался своих мыслей. Но они преследовали меня, не отступали, — и я сдался. И сказал себе: будь что будет, ведь я решил стащить ту железную ручку от катера. Ведь без нее не завести Степану мотор, — и катеру не сдвинуться с места.

Но раз решил — отступать нельзя. И я выбежал на крыльцо и там чуть не упал. У меня перехватило дыхание и остановилось сердце. Но это длилось недолго, а потом волнение прошло, и я огляделся. Деревня спала, и снег уже перестал. Я поднял глаза, а там на небе стояла луна. Она была какая-то незнакомая и чужая, и немножко покатаая на один бок. Она точно следила за мной и готовила наказание. «Ну и пусть! Пусть!.. А я все равно не боюсь!..» — Это храбрилась моя душа и гнала все вперед и вперед. И вот я уже у катера. А рукоятка лежала на каких-то тряпках прямо на палубе. Я схватил ее и спрыгнул на берег. И сразу сделалось страшно, и мне казалось, что в спину уже кто-то дышит, и это даже не человек, а какой-то черт или волк, и сейчас он меня схватит и повалит на снег. И этот страх заставил меня бежать. И я без конца подгонял себя — «давай быстрее, быстрее!..» И вот сейчас, когда я пишу об этом и вспоминаю, мне опять стало страшно, и все опять поднялось в глазах. Ведь я бежал тогда один, а словно бы бежало нас двое, — что-то раздвоилось во мне, билось у горла. И когда я был уже у крыльца — совсем не стало дыханья, рукоятка громко застучала по ступенькам так громко, что слышала вся деревня. Но заснул я

счастливый уже под утро, когда окна открылись, белые, наверно от снега. Разбудили меня быстрые голоса и шорох. Когда глаза открылись, опять стало больно в горле. Над головой поднялся дядя Степан, а рядом мать, в длинной шали. Он придвинулся еще ближе, плотнее, я вскрикнул, но он положил на лоб руку. Я услышал сухие горячие пальцы и горький запах бензина и снега.

— По следам нашел, по снежку-то и привели...

Я сжался в комок от страха, от обиды на себя, но пальцы его все время гладили мой лоб.

— Ты на память возьми ее... ну, рукоятку-то. У меня другая есть. Да ты не сердись! Я ж так, попрощаться. Я ж против тебя — ничего... Ну вот, расквалило... Еще этого не хватало.

Почему-то мать плакала, щеки закрыла шалью. Я тоже тер глаза, в горле было жарко.

Потом пошли к берегу. Уже начинало светать, улицы стояли пустые, в домах затопляли печи, и дым был утренний — синий. Степан мне в глаза не смотрел, и я ему — тоже. С катера снег стаял, на воде он стоял прочно, не сдвинешь. По берегу ходила женщина, очень маленькая у большой воды, среди снега.

— Ты здесь, Маруся!

— Провожу тебя, Степа... Можно?

— Как не можно...

На голове у нее новый платок, сама спокойная, совсем молодая. Утро рождалось теплое, с туманом — весна вернулась. Туман задевал волосы, мешал смотреть Марусе. Она гладила по лицу ладонью, как умывалась, волосы вышли из-под платка и навивались на пальцы. Глаза Степана следили за ней, светились тайной. Она ловила их, не отпускала. Подошла к катеру, на миг остановилась, подняла голову, и лоб нервно сжался, но Степан крикнул весело, шутливо:

— Включай мотор, Маруся!

— Ой ты!..

Она засмеялась и прыгнула через борт. Нагнулась к воде и нашла там свое лицо и долго смотрела, наверное, думала о Степане. Потом опять спрыгнула на берег и встала возле меня.

— Ну, прощай, мужичок, — сказал Степан, — поди свидимся — не умрем...

Я схватил его за руку, потом за пиджак, за плечи. Не по-мужски это; стало стыдно, да и Маруся стояла рядом.

— А с тобой не прощаюсь, — он взглянул на Марусю долгим радостным взглядом, и та покраснела.

Катер отошел от берега, вырулил на середину, и тогда возник на берегу Матвей и поднял для прощанья руку. Как только узнал он! Придет беда или радость — от него не скроешь. Придет к людям и возле них трется. Его рука поднялась неподвижно, и казалось, что Матвей не прощается, а встречает. Туман вставал выше, и несло теплом и сгорающим снегом. Маруся сняла платок и взмахнула им над головой, — будто трепыхнулась белая птица. Рука Матвея медленно опускалась, и он покатился от берега, прямой и веселый, видно представил, что их все равно встретит в какой-то неясной дали. Маруся все еще махала платком, а я вглядывался в Степана.

— Прощай, мужичок! Пиши, Маруся... Пиши-и! — кричал, и голос его все слабел в тумане, все слабел. Только стучал мотор, видно, радовался катер воле, простору, новой дороге, видно, отдохнул он у нас от прошлой тяжелой жизни, и хотелось ему плыть быстрее-быстрее мимо белых берегов.

Поднялось солнце, меньше стало тумана, сильнее засияли берега. Я боялся, что сейчас растает снег и стихнет мотор.

Видно, нет ничего печальней расставаний на рассвете, невозможности куда-то убежать, уехать к большим кораблям, к синему морю.

Потом я видел и большие корабли и настоящее море. Видел их в солнце и в ветре, в ясный день и в туманный. Плыли они то далеко, то близко, но мне не жаль было с ними расставаться, потому что им тоже не хотелось иметь со мной никакого дела. Их гнали в путь свои заботы, быстрое могучее течение, они не могли увидеть моего лица, услышать моего крика — они шли по большой дороге. Только дома, у могилы Матвея, на родном Тоболе, как увижу старый узенький катерок, так почудятся там глаза Степана, Маруси. И я иду за ними следом, мне машут руками, смеются. Уже и катера нет, а я все равно иду, пока не устану.

Вот и конец этой истории. И мне грустно и хочется на что-то отвлечься. И я открываю томик Николая Рубцова. Открываю наугад — что-то выпадет — то и примет душа. Так я порой гадаю. И мне выпадает:

*С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской...*

О, Господи, как это странно, точно в волшебном сне. Ведь поэт сказал так, как будто видел мою Марусю. Она ведь тоже тогда осталась на берегу «с улыбкой на лице и со слезами...» Но что эти слезы печали — все равно катер уже был далеко-далеко — там, где берега сливаются с облаками. Да, катера уже нет, но все равно осталась надежда. И тогда Маруся «сняла платок и взмахнула им над головой, будто трепыхнулась «белая птица». И сейчас признаюсь — моя «белая птица» — это, конечно, надежда. Да, моя большая надежда, — продолжить эти истории. И я верю, что так и будет. К тому же моя ладонь перелистывает новую страницу и пишет заголовок. И он будет — «А гуси летели, летели...».

Александр ОРЛОВ

КРАВОТЫНСКИЙ ПЛЕС

Александр Владимирович Орлов — родился в 1975 г. в Москве. Поэт, прозаик, историк, имеет несколько высших образований, в т. ч. Литературный институт им. А. М. Горького. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор 5-ти стихотворных книг, сборника малой прозы, нескольких исторических произведений. Лауреат многих Всероссийских литературных конкурсов, Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2017 и 2019), обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017). Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). **Живет в Москве.**

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы.

(Мф. 4:18)

Я подплыл к берегу, затащил байдарку. Внезапно из тростниковой гущи возник приземистый старик в длинном кожаном фартуке и кожаных сапогах.

— Бог в помощь. Зачем пожаловал?

— Добрый день. Передохнуть захотелось, напекло, и ветер встречный утомил, вот залив ваш внимание и привлек, — отвечал я.

Прошло семь дней моего пребывания на Селигере, и я успел заметить этого одинокого рыболова. Ранним утром он подплывал к торгующим женщинам и выгружал рыбный запас. Изобилие свежей, сушеной, соленой и копченой рыбы всегда удивляло.

— Ветра испугался? Понятно все с тобой, лодочник, — неохотно протянул старик.

— Вы извините меня, пожалуйста, если я вас потревожил, — оправдывался я.

— Это хорошо, что от сердца вещаешь, — подметил хмурый старик. — Правду в тесный приток не упрячешь, она обширной воды требует. Ну, пойдем, непрошенный гость, время обедать.

На берегу лежали две перевернутые лодки, рядом четыре весла и мотор. Жилище обхватывали развешанные самодельные снасти. Никакой ограды, только деревянный домик и маленькая часовня на берегу — вот и все владение. Напротив лачуги две лавки, два пня и сосновый стол, на нем горячая уха в котле, вареная картошка в чугушке, соленья в деревянной посуде, черный хлеб, жареный судак и пара копче-

ных угрей. Перед обедом старик помолился, а когда мы перешли к земляничному отвару, я отважился спросить:

— А вы всю жизнь здесь живете?

— А ты, видимо, решил, что я бездомок? — неожиданно рассмеялся старик.

Он продолжил:

— После войны я в доме этом обосновался, его еще в начале тридцатых братья Ионовы выстроили, я мало что изменил, обновил дом пару раз в шестидесятые и в конце восьмидесятых. Братья Ионовы жилище добротное оставили. До войны в окрестности старший из братьев Ионовых считался человеком добрым, хотя и запальчивым. Горячность эту он не раз подтверждал в спорах, на охоте, промысле и в деревенских междоусобицах. Как-то раз, в запале вступившись за блаженного плотника, у которого слыл в подмастерьях, Семен оторвал в драке ухо одному из обидчиков. Заступник был крепкого склада, смуглый, зачастую первенствовал среди односельчан, вставал с первым петушиным криком, был отзывчив, а за голенищем носил кожаный нож, приобретенный у осташковских сапожников (почти такой же нож старик продемонстрировал и мне). За все время войны я встретил Семена только один раз. В сорок первом в госпитале, в Осташкове. Помню гнетущий дух от разложившихся тел, санитар с киплой бородачкой, он вынес перебинтованного Ионova-старшего из госпиталя. Контуженный, израненный Семен с окаменелым от боли лицом подозвал меня, надорвал край окровавленной гимнастерки, извлек из потаенного кармана осиновый крест и черный пояс, протянул мне, на распутившейся ленте было написано: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него».

Спустя годы я узнал, что после исцеления Ионов-старший воевал под Сталинградом и Будапештом, был тяжело ранен, попал в плен. Потом концлагерь, побег и снова концлагерь. Весной сорок пятого Ионов-старший был изуверски замучен «Больцанским Чудовищем». Убийцу его, зверя лютого, несколько лет назад сыскали в Америке, будь она неладна. Я вот бесененка этого имя записал...

— А младший? — спросил я.

— Куда ты все спешишь? Все вы такие, спешка она не от Бога, даром ли в народе приговаривают: «поспешись, нагрешись», вот ты умный, из Москвы, а знаешь, что поговорка эта от преподобного Амвросия Оптинского в народ пришла? Не знаешь, — проворчал старик.

— Об Андрее Ионове мало что знаю, он вообще кроткий был. Хотя и первым во многом оказывался. Как-то к осени ближе мы по грибы отправились, я не заметил, как наступил на гадюку, точнее, на выводок змеиный, вот мамаша ихняя меня и куснула. Да еще как! Думал, Богу душу отдам! Меня и воротило, и нога отекала, и голова раскалывалась, и сотрясало, да вот Андрей подросел, надрезал рану и долго выдавливал кровь и причитывал: «На руках возмутя, да не когда преткнешь о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыву и, яко позна имя Мое».

— После того как в кампанию 1812 года осташи обули всю русскую армию, слава о городе и ремесленниках прошла по всей России и облетела Европу. Андрей некоторое время обучался кожевному ремеслу у ерше-

едов, но по рыбацкой части; сапоги, фартуки, варежки шить учился. Он первым услышал призыв по радио, первым явился в военкомат, первым добровольцем отправился на фронт. Андрей служил на флоте. Оборонял Севастополь, а во время Эльтигенской операции, когда эвакуировали десант, обустроил отправку раненых. Сорок морпехов спас! Был ранен при освобождении Херсона, а в сорок пятом в Болгарии пропал без вести. Более ничего, — горько выдохнул старик.

— А семьи, дети у Ионовых были?

Старик разгладил бороду и ответил:

— Старший-то был женат. У озера Стерж стоял одинокий дом на обросшем кургане, где в древности городище располагалось, там любовь свою Семен и нашел. Так на месте впадения Волги в озеро Стерж у каменного креста они и повстречались.

— А Андрей был женат?

— В летописи своей преподобный Нестор писал об Оковском непроглядном захолустье, в котором затерялись полчища Батыея, вот за ним, на соединении Селижаровки и Волги, есть селенье Оковцы, там и проживала невеста Андрея. Дальше только дело не зашло. Война разлучила. В нашей стороне война, как одичалая блудница, до сих пор живет, пришла с Батыем и память о себе оставила из частокола с человеческими головами, отсюда и название Кровавый тын, прижилась и прячется в окопах, рвах, блиндажах, дотах, могилах братских.

— Так что получается, от братьев Ионовых после войны ничего не осталось? Ни фотографий? Ни писем? Ничего?

— Вона самая большая память, что от братьев осталась. Любуйся! — старик указал рукой на деревянную постройку черного цвета.

Он встал и пошел к постройке, я последовал за ним.

— Вот посмотри, какая божница, и создана из ели, без единого гвоздя, без единой скобы, — важно проговорил старик.

— А как же скрепляли бревна между собой?

— Ионовы свежий еловый выруб выдерживали до двух лет, потом тесали, строгали, коловоротом сверлили и прошивали тоненьким и длиннющим березовым корешком. Так и лодки встарь делали. Потом освящали. И ни гниль, ни течь, ни огонь такому деревянному сооружению нипочем! — Старик бодро рассказывал о постройке, потом открыл часовню и пригласил меня внутрь. Зайдя, я ощутил необъяснимую твердость под ногами, в храме был каменный пол, я наклонился, чтобы убедиться, а старик, понимая мое недоумение, проговорил:

— В месте этом великий языческий камень лежал, может, сто лет, а может, и тысячи, вот на нем Семен святилище и воздвиг с Божьей помощью. Сотворенному на камне водяное нашествие нипочем. Так было, так есть и так будет.

Солнечные лучи осветили резной иконостас, старик перекрестился и продолжил:

— Здесь все как положено: лики Пресвятой Девы Марии, все, что благодать нашему брату рыбарю несут: Селигерская, Озерянская, Оковецко-Ржевская и апостольское рыбацкое братство: Андрей и Петр, а за ними Иоанн, Иаков, Филипп, Фома, а вот и святитель Никола — как без него! — вот и Иоанн Кронштадтский.

Краснощекое солнце погружалось в летне-зеленое раздолье. Моросило. Проворный ветер затихал. У храма старик посмотрел на меня внимательно и посоветовал:

— Самое время сейчас — ветер стихает и еще светло, пойдешь на Нилу пустынь — будь аккуратен. Как увидишь размашистый пролив, что разделяет Кличен и Городомлю, знай, гиблое место. Эти Чертовы ворота многих в бесовскую бучу сопровождали.

Мы подошли к байдарке, с ухмылкой старик посмотрел на связку окуней и сказал: «Негусто окунек, негусто, но по рыбарю и улов. Сам-то я какую только рыбину ни вылавливал, почитай, всю: и тщедушный снеток, и нахрапистая щука, и разбойный судак, и жадный терпуг, и пугливая плотва, и бойкий окунь, и скромняга лещ, и мудреный налим, и капризный ерш, и ехидный угорь — все в мой намет попадались!»

Я отплыл. Старик стоял на берегу болотного залива, а набегающие волны приносили напутствие созерцателя: «Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долгою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...»

ВЫШЛА КНИГА

Окопная исповедь Виктора Плешакова

Книга прозы и стихотворений Виктора Плешакова «Исповедь комбатанта» (Луганск: Пресс-экспресс, 2020) увидела свет уже после смерти автора. К сожалению, при жизни Виктор отдавал свои силы служению Отечеству на ратном поле и на литературу почти ничего не оставалось. То, что писалось в минуты передышки от войны, оставалось долгое время неизданным, порою даже в черновом виде. Когда-нибудь выходили очерки и рассказы Виктора Плешакова в сборниках Союза писателей ЛНР, правда, опубликованное позволяло рассмотреть в нем большой и самобытный писательский талант. Но война отнимала время у защитника Донбасса... Внезапная смерть вырвала его. Стараниями вдовы писателя и воина было собрано многое из написанного Виктором Плешаковым, отредактировано, и вот — предстало перед нами в книге «Исповедь комбатанта». Слово «исповедь» в названии книги — не фигура речи. Книга автобиографична. Открывая ее, как бы выпускаешь в себя зной и стужу окопов войны в Донбассе. «Исповедь комбатанта» — это книга не о войне, нет, это книга о жизни, о спасении жизни от войны. И за это спасение жизни — жизни детей, женщин, стариков — приходится платить, в том числе и собственной жизнью. Ради этого и идут на войну добровольцем, прекрасно понимая, какую цену возможно придется заплатить. Книга Виктора Плешакова ценна своей правдивостью, правдивостью не беспристрастного и стороннего наблюдателя, а деятельного участника событий, понимающего важность спасения человеческих жизней. По таким книгам, правдивым и выстраданным, и нужно изучать войну в Донбассе.

Андрей Чернов, Луганск

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 20.09.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 21081621.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.